

Дэвис Эрик

**Техногнозис: миф, магия и мистицизм в
информационную эпоху**

Всем моим родным

Благодарности

Было бы невозможно реконструировать всю сеть умов и сердец, которые помогли появиться этой книге, но несколько узлов можно отметить совершенно определенно. Я в долгу перед несколькими учителями и редакторами, помогавшими мне на протяжении моей писательской карьеры воплощать те идеи, которые вдохновили «Техногнозис» и пульсировали у меня в мозгу почти десять лет, — в соответствующие тексты: это руководители моей дипломной работы в Йеле Ричард Гальперн и Дэвид Родовик; редакторы из прежнего Village Voice Джеф Саламон, Скотт Малкольмсон, Лиза Кеннеди и Джо Леви; редакторы Gnosis Джей Кинни и Ричард Смоли и главный киберкритик Марк Дери, который попросил меня написать эссе, ставшее затравочным кристаллом для этой книги. И совершенно бесценными были бесчисленные калейдоскопические разговоры о философии, науке и духе, которые я вел на протяжении многих лет со своими замечательными друзьями Джулианом Диббелем, Дж. П. Гарпинье и Маркусом Буном, которые заставили меня найти свой собственный путь в технокультуру и тыкали мне в лицо мою же писанину.

Мой друг Дэн Леви убедил меня превратить наконец поток мыслей в книгу, а потом еще и убеждал всех и каждого покупать ее. Отношения с далекими громоздкими корпорациями могли быть более сложными: спасибо редакторам из Harmony, Эндрю Стюарту, который подхватил книгу и спас ее своим вниманием и удачными замечаниями, и Питеру Гуццарди, который великодушно довел «Техногнозис» до конца. Книга, которую вы держите в руках, могла бы получиться более вялой и с большим количеством ошибок, если бы не внимание, карандаши и ручки читателей рукописи, которыми были Маргарет Вертгейм, мой папа Расе Дэвис, Рэйчел Кениг, Дэвид Уланси, Джефф Горветзян и моя мать Сандра Заркадес, которая использовала свои острые как бритва способности в редактировании черновиков этой книги.

Веф Линсон помог мне держать курс сквозь ежедневную суету своим вдохновением и заботой, пока Midtown Niki Starving Writers Fund позволял мне сосредоточиваться на книге. Спасибо и всему широкому кругу товарищей и друзей в Сети, кто находил время сбрасывать идеи, поддерживал меня и подкармливал модными темами: Роберт Ламборн Уилсон, Марк Песе, Скотт Дарэм, Спи-рос Антонопулос, Молли Макгарри, Мануэль Де Ланда, Эрмано Вьянна-мл., Джордан Груббер, Теренс Маккена, Чарльз Кэмерон, Том Лейн, Джеймс О'Мера, Пол Миллер, Кэйт Рэмси, Конрад Беккер, Крейг Болдуин, Сэм Уэбстер, Марк Штальман и Грампа Джейк слали мне непересыхающим потоком сочные газетные вырезки из пустынного сердца страны. В частности, Пит Шульц, Диана Маккарти и команда сетевых модников подключили меня к сообществу технологических критиков, чьи оживленные дискуссии помогли мне устоять на космологических ногах.

Каждый знает, что ни один человек в одиночку не может написать книгу, но каждый, то есть и я, должен нести ответственность за, возможно, неизбежные упущения и ошибки. Это не значит, что работа над «Техногнозисом» не заставляла меня иногда почувствовать себя одиночкой, выброшенным на сибирский простор, или пленником, старающимся выбраться из ледяной пещеры, используя только зубную щетку и шариковую ручку. Я благодарен всем богам за мою любовь, Дженнифер Дамперт, которая не только отскабливала мои останки со дна кастрюли, возвращая меня к жизни, но чьи мудрость, терпение и острые замечания помогли мне сплести этот труд в полотно.

Все, что остается, — это возможность коммуникации.

Скращенные провода

Эта книга написана в тени миллениума, этой произвольной, но неоспоримой черты, которую коллективное воображение Запада провело в песках времени. Она также написана в убеждении, что вряд ли кому-то понадобится подключаться к легендарной «деке» гибсоновских «ковбоев» или превращать себя в киборга, для того чтобы как следует почувствовать всю глубину зияющей бездны возможности и угроз, ширящейся в самом сердце нашего, в высшей степени технологизированного общества. Даже несмотря на то что многие из нас проводят свои дни в ставшем теперь всеобщим калифорнийском стиле — в серфинге по информационным потокам, — мы едва ли можем игнорировать более глубокие, более могущественные, более зловещие океанские валы, которые накатывают на тихое побережье нашей жизни.

Вы знаете, о чем это я. Социальные структуры во всем мире подверглись переплавке и мутируют. Впереди нас ждут МакДеревня, мозг планеты Гей и полный хаос. Да Здравствует Их Величество Наука-и-Техника! Этот король покорила наконец весь мир, хотя его платье к настоящему моменту стало куда более прозрачным. В некогда благородном костюме Прогресса появились прорехи, через которые можно наблюдать гораздо более приземленные амбиции его хозяина. По всему земному шару безжалостный постперестроечный капитализм срывает ветхие рубища с национального государства, в то время как планета подает сигналы и демонстрирует симптомы крайнего раздражения. Границы рассасываются, и мы дрейфуем в сторону нечеловеческих буферных зон между синтетической и органической жизнью, между настоящим и виртуальным окружением, между локальными сообществами и глобальными потоками товаров, информации, трудовых ресурсов и капитала. Под влиянием таблеток, модифицирующих личность, машин, модифицирующих тела, синтетических удовольствий и объединенных в Сеть разумы, делающих ощущение «я» текучим и искусственным, границы нашей идентичности быстро меняются. Горизонт превращается в громадный вопросительный знак, и, подобно старинным картографам, мы высматриваем уже готовых пожрать нас монстров и порожденные разумом утопии на границах наших примитивных карт.

Насколько бы светскими ни являлись эти ультрасовременные условия, скорость и изменчивость нашего времени порождают сверхъестественные интуиции, которые должны рассматриваться, по крайней мере отчасти, через призму религиозного опыта и фантастических архетипов. В Соединенных Штатах, в высокотехнологичном сердце которых я сейчас пишу эти слова, этот дух во многом возвращается, если он вообще когда-либо покидал эту легкомысленную, объятую золотой лихорадкой землю, где большинство людей верят в Господа и его грядущее Царство, но гораздо больше людей, чем вы можете предположить, верят в НЛО. Сегодня бог стал одним из любимых персонажей для обложки Time, а черный мусульманин и нумеролог могут возглавить самый грандиозный марш на столицу страны со времен йиппи, которые пытались силой мысли поднять Пентагон в воздух. Духовные учителя, работающие в русле принципа «помоги себе сам», и консультанты корпораций пропагандируют терапию в стиле нью-эйдж, а различные течения буддизма, научного и кинематографического, пропитывают интеллигенцию, а половина гостей на шоу у Опри озабочены ангелами и иголками. Рост интереса к альтернативной медицине привел к вливанию неевропейских и прочих духовных практик во врачебный мейнстрим. Пока глубинные экологи спекулируют на природном мистицизме, давно прижившемся в американской душе, это смешение становится еще более очевидным в нашей нахрапистой массовой культуре. Научно-фантастические фильмы, цифровое окружение и городские «племена» переводят старые архетипы и образы в наглядный формат комикса. От «Секретных материалов» до оккультных компьютерных игр, от «Зены — королевы воинов» до игровых карт «Magic: The Gathering» — всюду языческое и паранормальное захватило сумеречные зоны масс-культы.

Эти приметы не просто свидетельствуют о том, что медиакультура эксплуатирует грубую силу иррационального. Они отражают тот факт, что люди, населяющие все

участки социоэкономического спектра, намеренно используют некоторые из самых древних навигационных инструментов, известных человечеству: священный ритуал и метафизическую спекуляцию, духовные практики и натуральную магию. Некоторым поверхностным потребителям духовного эти средства представляются чем-то вроде заранее упакованных ответов на главные вопросы жизни, но других этот поиск привел к конструированию осмысленных картин мира, мировоззрений, которые действительно развивают силу воли и способность смело смотреть в лицо всем странностям наших дней.

Итак, вот мы: живущие в гипертехнологической и циничной культуре постмодерна, привлеченные, будто рой мотыльков, на пламя костров архаичного сознания. И это тот самый парадокс, с которым я приступил к написанию этой книги. Я хотел проследить тайную историю мистических импульсов, которые продолжают питать увлеченность западного мира технологиями, и особенно технологиями коммуникации.

Тема может показаться, на первый взгляд, довольно темной, ибо здравый смысл говорит нам, что мистицизм имеет с технологией общего не более, чем крик дикого лебедя в сумраке с бренчанием турнирных роботов. Историки и социологи говорят нам, что все мистическое наследие Запада, состоящее из оккультных мечтаний, духовных трансформаций и апокалиптических видений, разбивается о скалистые научные берега современной эпохи. Если верить этим ученым, технология помогла расколдовать мир, заставив отступить древний символизм, чтобы открыть дорогу решительным светским проектам экономического развития, скептического научного поиска и материального роста. Но старые призраки и метафизические порывы не исчезли до конца. Во многих случаях они просто скрылись, ушли в подполье и там прогрызли себе путь к культурным, психологическим и мифологическим мотивациям, которые лежат в основе современного мира. Как мы не раз увидим на протяжении этой книги, мистические импульсы иногда подталкивали развитие самих технологий, которые вроде бы должны были помочь от них избавиться в первую очередь. И обнаружению этих техномистических импульсов, иногда сублимированных, иногда осознанных, а иногда притаившихся в научно-фантастическом хламе или видеоиграх, посвящена эта книга.

На протяжении почти всего столетия доминирующим образом технологии была индустрия: извлечение и разработка природных ресурсов, механизация труда посредством сборочных конвейеров и бюрократические командно-контрольные системы, эти огромные и безличные институты покровительства. Льюис Мамфорд называл этот индустриальный образ технологии «мифом машины», мифом, который настаивает на авторитете научно-технической элиты и на непреходящей ценности эффективности, контроля, ничем не сдерживаемого технического развития и экономической экспансии. Как отмечали многие историки и социологи, этот светский образ был сформирован христианскими мифами: библейским призывом к покорению природы, протестантской трудовой этикой и особенно миллениалистской перспективой Нового Иерусалима, земного рая, который, согласно книге Откровения, должен увенчать ход истории. Несмотря на целый век Хиросим, Бхопалов и Чернобылей, этот миф инженерной утопии все еще крутит мельницу технологического прогресса с его извечными обещаниями свободы, процветания, освобождения от болезней и нужды.

Сегодня новый, не столь механизированный миф сошел с конвейера индустриальной мегамашины: миф об информации, электрическом мозге и бесконечных базах данных, компьютерном прогнозировании и гипертекстовых библиотеках, реалистичных медиаснах и всепланетной экранной культуре, связанной воедино глобальной телекоммуникационной сетью. Конечно же, этот миф восседает на вершине того же самого механического бегемота, который выкарабкался из сырых болот Европы и завоевал земной шар, но по большей части эта книга сосредоточится только на информационных технологиях, рассматривая их в более призрачном свете, ибо из всех технологий именно технологии информации и коммуникации в наибольшей степени определяют истоки цель всех мистических поисков — человеческое «я».

С того самого момента, как человек начал делать зарубки на колдовской кости, для того чтобы отмечать лунные циклы, процесс кодирования мысли и опыта в различных подручных средствах стал неотвратимо влиять на изменение природы «я». Информационная технология изменяет наше восприятие, связывает различные картины мира между собой и конструирует примечательные и зачастую хитроумные формы контроля над культурными нарративами, которые определяют наше чувство мира. Всякий раз, когда мы изобретаем принципиально новое устройство коммуникации: «говорящие барабаны», свитки папируса, печатные книги, детекторный приемник, компьютеры, пейджеры, — мы частично реконструируем «я» и его мир, создаем новые возможности (и новые ловушки) для мысли, восприятия и социального опыта.

По самой своей природе технологии информации и коммуникации «медиа» — в широком смысле этого слова — являются технокультурными «гибридами». С одной стороны, это изготовленные предметы, материальные механизмы, которые придумываются, строятся и используются с определенной целью, но медиатеchnологии наполнены чем-то таким, что не имеет никакого отношения к принципам техники. Более, чем какое-либо другое изобретение, информационные технологии преодолевают предметный статус просто потому, что они позволяют кодировать и передавать такие бестелесные реальности, как разум и смысл. В некотором смысле эта гибридность отражает вековой давности соперничество между формой и содержанием: материальная и техническая структура медиа налагает на процесс коммуникации формальные ограничения, а непосредственность коммуникации продолжает бросать вызов формальным ограничениям, поскольку акт коммуникации происходит между сознаниями в «конверте» информационных потоков, передающих смыслы, образы и информацию. Создавая новый интерфейс между «я», Другим и внешним миром, медиа-технологии становятся частью «я», Другого и внешнего мира. Они являются как бы строительными блоками, а в некоторых смыслах и фундаментом для того, что мы сегодня все чаще называем «социальным конструированием реальности».

Исторически великие социальные конструкции принадлежат области религиозного воображения: анимистический мир природной магии, ритуализированные социальные нарративы и мифологии, этические начала «религий Книги», всевозрастающие и во все большей степени рационализирующиеся современные институты исповедания веры, которые сопровождают их. Эти разнообразные парадигмы повсюду в окружающем нас мире оставляют свои следы и пометки в виде объектов архитектуры, языка, изобразительного искусства, костюма, социальных ритуалов, а часто и во всем том, что попадает на их пути. По причинам, которые не могут быть сведены к желанию власти и согласованности, религиозное воображение включает в себя неистребимое и по большому счету отчаянное желание сделать ментальный мир общим для всех человеческих существ в процессе коммуникации. От иероглифов до печатной книги, от радио до компьютерных сетей — дух обнаруживает себя всякий раз в новом вместилище, и всякий раз, когда открывается новый способ коммуникации, он также оказывается составной частью сообщения. Когда великий бог Севера Один жертвует свой глаз ради обретения рун, или когда Павел из Тарса пишет в своих Посланиях, что Слово Божие записано в наших сердцах, или когда медиумы нью-эйдж «открывают канал для духовной информации», постоянно сдвигающиеся границы между медиа и «я» вновь переопределяются на языке техномистики.

Этот процесс продолжается, хотя сегодня зачастую приходится докапываться до архетипов и метафизики информационного века, лежащих под его кричащей, ярко размазанной и коммерциализированной поверхностью. Виртуальная топография нашего близкого миллениуму мира кишит ангелами и пришельцами, цифровыми аватарами и мистическим планетарным сознанием, утопическими стремлениями, гностической научной фантастикой, темными предчувствиями апокалипсиса и демонической одержимостью. Эти образы испускают расходящиеся и пересекающиеся волны медиашума, ажиотажа и экономической лихорадки, и некоторые из них уже исчезают в водовороте информационной культуры, во все большей степени подверженной рыночному влиянию. И хотя техномистическая

тематика тесно переплетена с меняющимися социополитическими условиями нашей быстро становящейся глобальной цивилизации, ее духовные корни уходят в глубину веков. Взывая здесь к этой старине и помещая ее в дискурс и контексты современной технокультуры, я надеюсь пролить свет на некоторые наиболее опасные и влиятельные образы, которые питают технологию. Я преследую более фундаментальную цель, надеясь, что моя секретная история сможет снабдить читателя воображаемыми картами и мистическими путевыми журналами, которые пригодятся ему в метавселенной, которая сегодня поглощает столь многих из нас на оплетенной Всемирной паутиной Земле.

Вы можете подумать, что держите в руках книгу, написанную в соответствии с принятыми требованиями, солидный и знакомый кусок инфотека, разбитый на главы, снабженный сносками и последовательной аргументацией относительно мистических корней технокультуры. Но это всего лишь умелая маскировка. Попав однажды в ваш ментстрим, «Техногнозис» превращается в резонирующий гипертекст, ссылки которого соединяют машины и сны, информацию и дух, пыльные залежи истории и перегонные кубы души. Автор ничего не утверждает. Вместо этого он довольно произвольно перескакивает через дисциплинарные границы, проведенные внутри мира мысли, вовлекая читателя в наполненную флуктуациями сетевую игру оппозиций и скрытых ответвлений. Книга затрагивает множество взаимосвязей: между мифом и наукой, трансцендентной интуицией и технологическим контролем, виртуальными мирами воображения и реальным миром, который мы не можем покинуть. Это сонник технологического бессознательного. Пожалуй, наиболее важная оппозиция, которая скрывается за психологической динамикой техномистицизма, — это те инь и ян, которые я назову духом и душой. Под душой я обычно буду понимать творческое воображение, этот аспект нашего психического, который отвечает за восприятие мира и живое силовое поле образности. Душа живет в заколдованном мире, она говорит на языке снов и фантазмов, которые не следует смешивать с обычной фантазией. Дух — это нечто совершенно иное, внеличностная, внетелесная искра, которой приличествует ясность, суть и сияние абсолюта. Психолог Джеймс Хиллман использует образ горных пиков и долин, для того чтобы описать эти два очень разных модуса «я». Он отмечает, что горная вершина — это достоверный образ «духовного» поиска, место, где религиозный искатель преодолевает силу тяготения, для того чтобы получить пиковое переживание или алмазную скрижаль, стоящие целой жизни. Но душа отвергает такие возвышенные и инобытийные цели, она остается в завораживающей долине печалей и желаний, в изобильном политеистическом мире предметов и существ, образов и историй, которые рождаются этими предметами и существами.

Дух и душа прокладывают свои пути через эту книгу, подобно двум спиральям ДНК. С одной стороны, мы увидим, что технологии могут служить подпоркой для работы по заклинанию духов или анимистических интуиции. С другой стороны, они могут служить стартовыми площадками для полета в трансцендентное, развоплощенных полетов гнозиса. Различие «стилей» духа и души можно увидеть даже в двух различных методах передачи информации, аналоговом и цифровом. Аналоговые устройства представляют сигналы в виде непрерывных меняющихся потоков реальной энергии, в то время как цифровые устройства кодируют информацию в последовательность дискретных символов. Подумайте о различии между виниловой пластинкой и музыкальным компакт-диском. Пластинки испещрены непрерывными физическими дорожками, которые имитируют и репрезентируют звуковые волны, вибрирующие в воздухе. В то же время компакт-диски «нарезают» эти волны на отдельные биты, или сэмпляют. Эти цифровые единицы данных представлены в виде крошечных канавок, которые считываются и выстраиваются в ряд в вашем стереопроигрывателе. Аналоговый мир соответствует мелодии души, теплой, волнообразной, полной потертостей и царапин материальной истории. Цифровой мир воплощает холодную матрицу духа: мерцающую, абстрактную, представляющую собой скорее код, чем телесную реальность. Аналоговая душа задействует аналогии между вещами; цифровой дух делит мир на прах и информацию.

В первой главе я прослежу происхождение этих двух течений технологического мистицизма, начиная с древней мифической фигуры Гермеса Трисмегиста, технолога-мага, который покровительствует танцу между магией и изобретением, медиа и разумом. Доведя эту традицию до современного мира, я перейду к рассмотрению того, как открытие электричества оживило анимистические идеи и оккультные эксперименты, даже несмотря на то, что оно же заложило основу для информационного века. Затем я перенесу свое внимание на эпохальное рождение кибернетики и электронного компьютера, осветив этот момент трансцендентальным светом античной гностической традиции. Затем я покажу, как духовная контркультура 60-х породила надежды на освобождение и обретение магических сил, возлагаемые на медиа и технологии. Это психоделический способ настройки сознания, который непосредственным образом связан с современной киберкультурой. В итоге я обращусь к нашему «датапокалиптическому» моменту и покажу, как НЛО, планетарное сознание, новый мировой порядок и техноутопии, которые парят над горизонтом третьего тысячелетия, подсознательно питают образы и импульсы, глубоко укорененные в духовной образности.

Принимая во внимание иллюзии и бедствия, этих щедрых спонсоров мистического мышления, можно задать законный вопрос: не будет ли лучше попросту завершить критическую и эмпирическую задачу, поставленную Фрейдом, Ницше и вашим верным слугой, который является всего лишь очередным научным редуccionистом. Простой ответ состоит в том, что мы на это неспособны. Человеческие общества не могут больше заглушать призыв к духовному поиску, точно так же как они не смогли подавить силу Эроса. Мы одержимы жаждой смысла и связности, которая подавлялась веками скептической философии, кондового материализма и во все большей степени нигилистической культуры, и эта жажда вызывает к жизни целый пестрый карнавал новых религиозных движений: льстивых гуру нью-эйджа и пятидесятников, буддистов-экзистенциалистов и теологов освобождения, психоделических язычников-рейверов и угрюмых глубинных экологов. Даже почтение к космосу, рожденное научной фантастикой и снимками телескопа «Хаббл», вызывает к тому, чтобы наше «я» стало еще глубже, еще ярче, еще могущественней.

Несмотря на то что я, конечно же, надеюсь, что «Техногнозис» сможет помочь сделать эти все еще зачаточные искания более мудрыми, я еще больше заинтересован в понимании того, как техномистические идеи и практики работают. Поэтому я даже закрою глаза на их разнообразные и весьма значительные «ошибки». Трезвые голоса будут появляться на протяжении моей книги подобно хору скептиков, но моей первейшей целью остаются образы духовности и то, как они мутируют перед лицом меняющихся технологий. Знаменитое замечание Уильяма Гибсона относительно новых технологий — о том, что улица находит собственное применение вещам, — относится и к тому, что многие искатели называют «путем». Как мы увидим по ходу книги, духовное воображение использует информационную технологию для собственных целей. В этом смысле технологии коммуникации всегда, по крайней мере в потенции, сакральные технологии просто потому, что идеи и опыты сакрального всегда были содержанием человеческой коммуникации.

Приспосабливая и пересматривая коммуникационные технологии, духовное воображение человека часто заимствует символы и ритуалы у используемого технического средства коммуникации: иероглифического письма, печатной книги, онлайн-баз данных. Пересматривая технологии под этим углом, можно добавить новые смыслы и возможности во вселенную машин. Сама двусмысленность термина «информация», которая и сделала его таким вездесущим и раздражающим словом-паразитом, позволила старым интуициям всплыть в светской среде. Сегодня столько всего связано с информацией — слово, концепция и собственно то, что это слово означает, — что термин сияет энергией, притягивая к себе мифологию, метафизику, приемы тайной магии. Поскольку информация вышла за пределы редуccionистского понимания, означавшего некогда всего лишь меру смысла, группы и индивиды также обнаруживают в нем для себя пространство сопротивления господствующему технологическому нарративу войны

и коммерции, нужному им для того, чтобы соединить свои раздробленные постмодернистские жизни в порожденные цифрой сообщества, объединить силы воображения и подключиться к космической линии связи.

Разумеется, как доказывают многочисленные визионеры «новой парадигмы», пишущие в журнал Wired, очень легко потерять верный путь в лабиринте надежд и новостей, которые определяют облик информационного века. Внеземной антрополог, взглянув на земную культуру, мог бы обнаружить, что компьютер стал идолом, довольно требовательным, почти таким же жадным до жертвы, как сам дух денег. Поскольку империя глобального капитализма тоже возлагает будущее планеты на технологию, мы готовы не доверять всем мифам, которые уменьшают громадную цену выбранного нами пути. В представлении многих пророков, вопиющих сегодня в пустыне, духовные потери, которые мы понесли, торопясь измерить, использовать и потребить мир, уже непоправимы. Отдавшись ненасытному и нигилистическому роботу науки, технологии и массовой культуры, мы отрезали себя от богатств собственной души и в высшей степени живительных сетей, таких как семья, община и родной край.

Я симпатизирую этим попыткам расколдовать технологию и разоблачить банальные фантазии и пагубный обман, который питает сегодняшнюю цифровую экономику. По сути, «Техногнозис» служит еще одним весомым аргументом в этом споре. Но, как доказывают судные дни, которые мерещатся неолуддитам и в сияющих картинах Завтра техноутопистов, технология воплощает образ души или, скорее, набор образов: искупительный, демонический, магический, трансцендентный, гипнотический, животворящий. Мы должны обрести контроль над этими образами перед тем, как мы сможем творчески и сознательно ответить на вопрос, который ставит технология, ибо этот вопрос всегда был окутан фантазмами.

Ясно лишь одно: мы не можем позволить себе думать о технологии в тех манихейских терминах, которые так часто появляются в дебатах о новых изобретениях. Технология — это не дьявол и не ангел. Но это и не просто «инструмент», нейтральное расширение некой ограниченной, твердой как скала человеческой природы. Технология — это трикстер, и так было с тех самых времен, как первый культурный герой научил человеческое племя, как наматывать шерсть на катушку, задолго до того, как человек принялся опутывать иллюзиями свои глаза. Трикстер показывает, как разум может завести нас в непредсказуемый хаотичный мир. Он проводит нас через открытые двери инновации и заключает нас в темницу непредвиденных последствий. И именно исполнившись этого духа трикстерства, озорного, загадочного и путаного, я приступаю к укладке всех этих историй и рефлексий по поводу технологии в одну вавилонскую башню.

Прообразы технологии

Люди были киборгами с самого начала. Нам выпало жить в обществе, изобретающем инструменты, определяющие форму и этого общества, и живущих в нем индивидов. Тысячелетиями люди, не слишком отличающиеся от нас самих, создавали и использовали могущественные, поражающие воображение технологии, включая информационные, и эти инструменты и техники со временем вплетались в полотно общественной жизни. Несмотря на то что технология стала господствовать в обществе и определять его лишь при жизни нескольких последних поколений, основное утверждение верно для всего пути, который проделал homo faber в своих кочевках: культура — это технокультура.

Технологии — это зримое воплощение нашей способности открывать и использовать законы природы посредством работы разума. Но почему мы избрали этот путь? К каким методам мы прибегаем и чем это может закончиться? Хотя мы и можем считать технологию инструментом, зависящим исключительно от прагматических и утилитарных соображений, в действительности мотивы, стоящие за технологическим прогрессом, редко бывают столь прямолинейными. Логические суждения, рожденные рациональной способностью нашего разума, должны проложить путь сквозь буйное, хмельное кабаре психики. Технологии проходят сквозь ткацкий станок культуры с ее мифами, мечтами, жестокостями и вожделениями. Вряд ли можно сказать, что колоссальная ма-шинерия войны или индустрия развлечений вытекают из разумной необходимости, какой бы совершенной ни была их реализация. Напротив, их чертежи расчерчены прямо по пламенеющему сердцу человека.

Взаимозависимость культуры и технологии означает, что технологии старого мира, даже представленные самыми логическими, искусно изготовленными объектами, тем не менее должны делить космическую сцену с богами, чудесами и анимистическими силами. По мнению французского антрополога Брюно Латур, древние люди и примитивные племена сплетали абсолютно все — животных, инструменты, медицину, сексуальность, родовые отношения, растения, песни, погоду — в одну невероятную сеть, объединяющую сознание и материю. В этой сети, которую Латур называет антропологической матрицей, не существовало даже строгого разделения на природу и культуру. Эта матрица состояла из «гибридов» — «говорящих вещей», которые принадлежали одновременно природе и культуре, реальному и воображаемому, субъекту и объекту. Возьмем, к примеру, инуита, который охотится на канадского оленя и убивает его. На одном из уровней представления зверь — это жирный, вкусный объект, используемый инуитом и его племенем совершенно рационально для удовлетворения обычных человеческих потребностей. Но олень не только дает инуиту пищу и отличные нитки: одновременно он выступает как священный дух, сверхъестественный актер космологической драмы, ритуально воспроизводимой в молитвах, каждодневных ощущениях и обрядах инуитской жизни. Олень, оружие, а также сон, наведший утром охотника на след оленя, — все это «гибриды», все это — части коллективной песни, которая не может быть поделена на мифологию и конкретную реальность.

Большинство из нас не мыслит таким образом сегодня, потому что мы в основном осовременились, а современное состояние отчасти означает присутствие огромного концептуального барьера между природой и культурой. Латур в своей книге «Мы никогда не были современными» окрестил этот барьер «Великим Разделением» и отнес начало его возникновения к веку Просвещения, когда механистические воззрения Декарта овладели натурфилософией, когда были заложены краеугольные камни в фундамент современных социальных институтов. По одну сторону Великого Разделения находится природа, безгласный и целиком объективный мир «там», тайные механизмы которого вскрываются бесстрастными учеными мужами, использующими технический инструментарий для усиления своего восприятия. Человеческая культура лежит по другую сторону преграды, «здесь», в самоосознающем себя мире историй, субъектов и борьбы за власть, которая развивается независимо от мифических ограничений, накладываемых природой. Великое Разделение, таким образом, разочаровывает мир и возводит

человека на трон в качестве единственной действующей силы космоса. С позиций парадигмы Великого Разделения технология — это просто инструмент, пассивное расширение человека. Она не обладает автономией; она не изменяет природный мир, а просто воздействует на него.

До сих пор все это звучало достаточно банально. Отличие Латура от большинства мыслителей заключается лишь в его провокационном утверждении о том, что современный западный мир никогда не покидал антропологическую матрицу. Вместо этого он использовал концептуальную уловку Великого Разделения, чтобы отвергнуть вездесущую реальность гибридов, этих «субъект-объектов», которые перешагивают через барьеры между культурой и природой, деятелем и материалом. Это отрицание освободило Запад от неизбежно консервативной сущности традиционных обществ, где создание новых гибридов — новой медицины или оружия — всегда сдерживалось тем фактом, что новые эффекты разобьют матрицу реальности. Отринув гибриды, Европа Нового времени парадоксальным образом довела их производство до ошеломляющих масштабов: новые технологии, новые научные и культурные перспективы, новые социополитические и экономические реалии. Запад драматически перестроил «мир», не осознавая системных последствий своей творческой активности, которые сказались на «независимой» фабрике общества — даже если не принимать во внимание то, что случилось с нечеловеческим миром камней и зверей, снабжавших эту фабрику материалами.

Сегодня, когда человеческие общества связаны более тесно, чем когда-либо прежде, Латур утверждает, что мы больше не можем поддерживать иллюзию Великого Разделения. Каждый новый гибрид, появляющийся на сцене — дети из пробирки, прозак, расшифрованный человеческий геном, космические станции, глобальное потепление, — продвигает нас дальше в нечеловеческую область, в зазор между природой и культурой, сумеречную зону, где наука, язык и коллективное воображение интерферируют и проникают друг в друга. Мы начинаем замечать, что все связано со всем, и это понимание пробуждает к жизни доисторический образ мысли. Латур использует пример экологических страхов современного человека и сравнивает их с историями о Маленьком Цыплёнке. Сегодня «мы так же, как и он, боимся, что небо падает на нас. Мы тоже связываем движение пальца, нажимающего на клапан аэрозоля, с табу на небеса». Мы возвращаемся, конечно претерпев глубокие и необратимые изменения, но в ту же антропологическую матрицу. «И не только бедуины и бушмены племени канг, слушая транзисторы, ведут традиционный образ жизни, пользуются и пластиковыми ведрами, и сосудами из шкур животных. Какую страну нельзя назвать „страной контрастов“? Мы все достигли точки смешения времен. Мы снова стали до-современными».

Если Латур прав, а я полагаю, что так оно и есть, тогда нам есть что рассказать о том, как современные технологии стали смешиваться с иными временами, иными пространствами, иными парадигмами. Хотя большая часть этой книги посвящена мистическим течениям, прокладывающим себе путь сквозь информационные технологии научной эры, в первой главе я обращаюсь к их более древним источникам. Исследуя тропы, которые прокладывало техническое воображение жителей греко-римского мира, мы откроем некоторые из тех образов, мифов и мистических тем, которые заполняют архетипический слой современной технологизированной души.

Древняя Греция первой зажгла факел трагикомического романа Запада с наукой, ибо греки первыми стали разделять забавную веру в то, что мы можем действительно знать вещи в полном философском смысле этого слова. Но даже до того, как родился аполлонический дух греческого рационализма, который привел к конструированию чего угодно — от астрономических компьютеров до пневматических автоматов, — древние поэмы Гомера уже сочились языческим материализмом, который позже одержал победу в технологии. Хотя поэмы Гомера были продуктом архаичного, устного общества, в них не отражено глубокое погружение в сверхчеловеческий мир погоды, деревьев и зверей, которое

характерно для большинства преданий туземных народов. В таком, более «экологичном», мировоззрении мистическое восприятие людей погружено в созерцание природы. Мир рассматривается сквозь призму анимизма, магического мышления, для которого окружающий мир предстает жилищем незримых сил.

И хотя следы животного происхождения богов встречаются повсюду в эпосе Гомера, духи леса отступают, а на передний план выходят, помимо могущественных человеческих личностей и их деяний, чары изделий рук человеческих. Сэмюэль Флормэн пишет в «Экзистенциальном удовольствии от инженерной деятельности»: «Мы исходим из гомеровского мира, нас опьяняют ощущения металлов, дерева и работы фабрик, мы впадаем в эйфорию от ощущения, которое нам дают вещи, кем-то разработанные, изготовленные, использованные. Мы обожаем их, мы наслаждаемся ими». Древние рапсоды, коллективные творцы гомеровского эпоса, зашли столь далеко, что вообразили рукотворные объекты, которые способны использовать демиургические свойства наложенных чар. В знаменитом отрывке из «Илиады» хромой бог кузнечного мастерства Гефест выковывает грандиозный щит Ахилла (древний пример того, как военно-промышленный комплекс подстегивает технический прогресс). При помощи миловидных андроидов, «рукотворных дев, кованных из золота, выглядящих как живые девушки», бог выковывает бронзовый диск, который он магическим образом украшает картинами всего, что есть на небесах и на земле. Сложные сцены битв, жатвы и празднества пересказываются, словно металлургический мультфильм, являя первый пример виртуального искусства в западной литературе, наиболее древний пример того, что на студии Диснея сегодня зовется «имажинерией». Но Гефест едва передвигается на своих иссохших конечностях. Его облик предвосхищает великое озарение, посетившее Платона и Маршалла Маклюэна: технологии расширяют наши творческие силы за счет ампутирования наших естественных способностей.

Другой греческий миф доказывает нам, что этот фундаментальный дисбаланс в порядке вещей составляет сущность как человека, так и технологии. Когда боги дали Эпиметею задание сотворить живое существо, этот титан, чье имя означает «недосмотр», — портит работу. Он пускает весь доверенный ему запас здоровых ДНК на животных, так что, когда он добирается до человека, человек у него выходит мягкотелым, хныкающим детенышем, лишенным отваги, природной хитрости и меховой шубы. В отчаянии Эпиметей кидается к своему брату, Прометею, имя которого звучит более позитивно: «предусмотрительный». Предусмотрительный Прометей наделяет людей прямохождением, делает их высокими и далеко смотрящими, как боги. Затем титан поднимается на небо, крадет огонь у солнца и дарит его нашим все еще довольно беспомощным предкам. «Слабые и недолго живущие», как гласит один античный стих, «люди получили пламя огня и чрез то научились множеству искусств». Зевсу не нравится эта передача власти, произведенная без его разрешения, и он приковывает Прометея к скале за это преступление, где тот остается, пока Геракл не освобождает его. Но титанический огонь разума продолжает теплиться в технокультурном воображении Запада по сей день. Вольнодумцы со времен Просвещения избрали прометеев огонь в качестве антиавторитарного символа самоопределения человека, в то время как неолуддиты демонизируют его в качестве губительной и разрушительной силы, способной опустошить Землю.

Хотя языки прометеева огня будут вырываться из этой книги, пока мы сфокусируем внимание не на технологии силы, а на технологии коммуникации, а также на мифах и мистериях, которые окружают их. В Аттике обыкновенно душеводителем в таких мистериях являлся Гермес, посланник и посредник между богами и людьми, душами и смыслами, чепухой и делами. Из всех божеств, населяющих греческий ум, Гермес — тот, кто в нашем мире беспорядочно переплетенных проводов будет чувствовать себя как дома. Обладая полным набором плутовских черт — скоростью, хитростью и умением совершать выгодные сделки, — он сгодился бы на роль талисмана удачи в нашем информационном веке. В отличие от большинства архетипических фигур, таящихся среди жестоких и эротичных зарослей под поверхностью нашего повседневного сознания, Гермес

олицетворяет еще и социальную часть психики: язык и коммуникацию. Он летает, «летучий, как мысль», как образ бодрствующего сознания, с его беспрестанно возникающими планами и импульсами, пробегающими по синапсам, с его болтовней и речевой перегрузкой. Гермес демонстрирует, что индивидуальное сознание не остров, а узел в тугом электрическом сплетении слов, образов, звуков и сигналов. Гермес повелевает вневременным миром информационного обмена, в котором вы и я участвуете в данный момент: я — поскольку набираю эти символы — и вы — поскольку впитываете напечатанные фигурки посредством ваших глазных яблок прямоком в собственный мозг.

Гермес не только мальчик на побегушках. Гермес владеет множеством профессий. Он артист, глашатай, изобретатель, купец, маг и вор. Римляне прозвали его Меркурием, это имя потом стало обозначать самую маленькую и быстрее всех вращающуюся вокруг Солнца планету, а также текучий элемент, полюбившийся алхимикам. Те из нас, кому попадался на глаза логотип службы доставки цветов, узнает в нем изображение Гермеса — молодого женоподобного юношу в деревенской шляпе, указывающей на его скромное происхождение, и паре крылатых сандалий, намекающих на его любовь к скорости. Все, что нам нужно, чтобы завершить образ, — это припомнить знаменитый кадуцей Гермеса, магический жезл, обвитый двумя змеями, подобно двойной спирали ДНК, подходящий аксессуар для бога, который заставляет циркулировать потоки информации.

Уже у Гомера Гермес — разносторонний характер. Персонаж, который в «Илиаде» играл роль посыльного и вора, в «Одиссее» становится проводником душ и шаманом-целителем, излечивающим Одиссея от колдовского зелья Кирки. Но все же настоящую славу Гермес приобрел благодаря ошибочно приписываемому Гомеру «Гимну Гермесу», написанному около VI в. до н. э. Поэма начинается с того, что у нимфы Майи, возлюбленной Зевса, рождается слишком шумный ребенок. Постоянно выпрыгивая из своей колыбели, младенец Гермес однажды проламывает дыру во внешний мир и приземляется прямоком на черепаху. Он убивает животное, забирает панцирь и изобретает лиру, становясь «первым, кто начал делать песни». Гермес здесь похож на основателя старт-апа, занимающего нишу рынка, которую сам же и создал. Оттачивая свое песенное мастерство на нехитрых куплетах, он придумывает новый бизнес-план: угнать скот у своего соперника, золотого бога Аполлона.

Греки не строили иллюзий по этому поводу: Гермес, конечно, вор (во время одного праздника на острове Самос люди благодарили бога за оставшиеся безнаказанными ограбления), но бандитизм Гермеса не следует смешивать с грубым насилием. Плут по определению действует посредством хитрости и проницательности. Он не головорез — скорее, хакер, шпион, манипулятор. Когда Гермес приступает к выполнению своего плана, то для того, чтобы выкрасть у Аполлона скот, он надевает специальные башмаки, которые не оставляют следов, и заставляет животных двигаться задом наперед, чтобы обмануть хозяев. Когда Аполлон настигает его, Гермес обводит того вокруг пальца: клянется, произнося слова, которые значат совсем не то, чем кажутся. Он говорит богу правды: «У меня нет никаких сведений для тебя, но даже если бы они были, мне не будет никакой награды за то, что я предоставлю их тебе». В итоге они оба отправляются на Олимп, чтобы разрешить конфликт. Гермес дает Аполлону лиру, которая так понравилась прославленному лучнику, что он оставил Гермесу стадо и наградил молодого полубога полной мерой божественной силы и авторитета.

Конфликт между аристократическим Аполлоном и молодым начинающим богом поучителен. Аполлон считается богом науки в ее идеальной форме: чистой и упорядоченной, воплощающей солнечный мир чистоты и света. Гермес настаивает на том, что в этом прекрасном строении всегда есть трещины и выщербины. Разуму приходится продолжать свой путь по шаткому мосту, когда он входит в мир запутанный и непредсказуемый, далекий от равновесия. Превосходный символ для этого пространства, изобилующего возможностями, инновациями, которые постоянно использует Гермес, — это перекресток, образ, подходящий и для нашего

современного мира, с его информационными сетями и почти бесконечными возможностями выбора.

В древние времена греки отмечали перекрестки дорог, границы селений и дверные проемы гермой, столбом с прямоугольным сечением, увенчанным головой Гермеса (а также снабженным здоровенным фаллосом). У основания этих столбов голодные путешественники иногда находили подношения, оставленные для бога, — подношения, которые им полагалось красть не для того, чтобы встать на пути у бога, а для того, чтобы отблагодарить его за счастливый дар. Некоторые гермы впоследствии заменили деревянные столбы, которые использовались как примитивные доски для объявлений. Возможно, английское слово *trivia* («чепуха», букв. «три дороги») происходит от зачастую бессмысленного содержания этих объявлений.

Перекрестки — это чрезвычайно «заряженные» места. Здесь осуществляется выбор, наслаиваются друг на друга факты и страхи, чужак впервые показывает свое лицо: странные люди, иностранные языки, экзотические, чарующие товары и информация. Перекрестки образуют то, что антрополог Виктор Тернер называет «лими-нальными зонами»: двусмысленными, но могущественными зонами трансформации и угрозы, которая исходит от краев карты той или иной культуры. Здесь «я» оказывается по ту сторону своего собственного горизонта. «Через посредство Гермеса, — пишет мифограф Карл Кереньи, — каждый дом становится исходным и конечным пунктом пути, который исходит издалека и теряется вдали». Как отмечает Норман О. Браун в своем исследовании «Гермес-вор», пограничные свойства перекрестков связаны, помимо прочего, с более мирской сферой, а именно — торговлей и товарооборотом. В архаический период обмен товарами часто происходил как раз на перекрестках и границах поселений. Эти сделки были исполнены двусмысленности, ведь они размывали различия между даром, бартером, магией и воровством. Когда получили свое развитие коммерческие сети древнегреческих городов-государств, эта пограничная экономическая зона в конечном итоге из диких окраин стала организованным рынком в самом сердце новых центров урбанизации. То, что прежде было снаружи, вывернулось наизнанку и оказалось внутри. Гермес получил титул *agoraios*, «тот, кто на агоре», он стал святым покровителем купцов, посредников и работников сферы услуг, а эпитет «ловкий» в применении к новому облику божества стал означать «благоприятный для прибыли».

Конечно, Гермес просто должен одобрить Интернет, меркуриальную сеть обмена сообщениями на расстоянии, которая функционирует по принципу рынка идей и товаров. Достижимая посредством современного дверного порога — домашнего компьютера, — Сеть простирается за ним как технологическая пограничная зона, которая с головой погружает «я» в хитросплетение возможностей. В самом деле, мифическая притягательность Сети имеет много общих качеств, связанных с юным трикстером: скорость, выгода, инновационная взаимная коммуникация, переворачивание устоявшихся порядков. Разумеется, информационная супермагистраль тоже «мифична» в более современном и критичном смысле слова: это стратегическая дезинформация, мираж, социальная ложь. Утопическая риторика Интернета проходит через набор будоражающих тем: здесь и скрытые махинации новых корпоративных медиа, и потенциально атомизирующее воздействие экрана терминала на социальную и психологическую жизнь, и сбивающая с толку проблема доступа, в то время как коммуникационные технологии все больше начинают отражать ширящуюся глобальную пропасть между богатыми и бедными. Но Гермес готовит нас к этим опасностям, потому что торговец сообщениями всегда жульничает: он лжет и крадет, и его волшебная палочка закрывает глаза человека навсегда, погружая нас в глубокий сон забвения.

Гермес воплощает миф информационного века не просто потому, что он господин всякой коммуникации, но потому, что он также покровитель *techné*. Это греческое слово означает искусство или умение. Браун отмечает, что в языке Гомера для обозначения «ловкости» используется то же слово, что и для «технического

навыка», вроде навыка, который демонстрирует Гефест, когда он выковывает магический щит Ахилла. Гермес, следовательно, олицетворяет собой технологию, теперь уже не в образе полезной прислужницы, но в качестве трикстера. Ибо, несмотря на повседневную пользу, приносимую технологией, ее основание утопает в зыбкой почве, давая нам в одно и то же время больше и меньше, чем на первый взгляд обещают ее силы. Браун настаивает на том, что трикстерство Гермеса — это не просто рациональный навык, а выражение магической силы. Божественная магия неоднозначна, так как мы не можем четко отделить с умом проведенный ход от ловкой манипуляции над невидимым природным фактом. Имея в виду эту герметическую двойственность, мы можем сказать, что и технология — это магическое заклинание и трюк, приспособление, которое формирует реальность, исследуя скрытые законы природы и человеческого восприятия.

Божественный инженер

Гермес-посланник помогает нам проследить могущественную архетипическую связь между магией, трюком и технологией. Но бог не превращается в классического прометеевского техномага, когда он обращает свои стопы на юг, через винноцветное море, к Египту. Здесь за несколько столетий до рождения Иисуса религиозное воображение эллинистического мира соединило Гермеса с египетским богом письма Тотом, сотворив одного из великих утренних идолов эзотерической традиции: Гермеса Трисмегиста. Абсолютно вымышленная фигура, «Трижды Величайший» Гермес тем не менее считался исторической личностью в эпоху Просвещения. Эта ошибка, как мы увидим, имела значительные последствия. Ибо Гермес Трисмегист не просто воплощает технологический энтузиазм древнего мира. Он также предстает перед нами как один из путеводных огней западной мистической традиции — традиции, психоспиритуальными импульсами и алхимическими образами которой наполнена эта книга, как ими были наполнены сны Запада.

Для того чтобы верно оценить Трисмегиста, этого золотого богочеловека, нам нужно мельком взглянуть на Египет античного периода. В особенности мы должны обратить наш исторический взор к великому космо-полису Александрии, основанному Александром Македонским в устье Нила. Все особенности Александрии, отличающие ее от прочих городов античного мира, — умудренные искусства и науки, невероятное этническое и религиозное разнообразие и языковое богатство, — резонируют с нашей современной городской культурой. Это сестра всех городов всех последующих эпох. Под относительно просвещенным деспотизмом Птолемеев, македонской династии, которая стала править Египтом начиная с IV века до н. э., Александрия стала научной и технологической столицей эллинистического мира. Птолемей II осуществлял надзор за сооружением огромного фаросского маяка, восстановлением древнего Суэцкого канала и учреждением университета, чья знаменитая библиотека впервые в истории претендовала на то, чтобы вобрать в себя и систематизировать все человеческое знание. Благодаря царским агентам по всему известному миру, рывшимся в поисках свитков на всевозможные темы, библиотека в итоге составила полмиллиона томов. Если верить Галену, один из Птолемеев был таким маньяком информации, что просто конфисковывал все книги, которые находил на кораблях, бросивших якорь в гавани, сохранял те, которые были нужны библиотеке, и компенсировал утрату несчастным хозяевам книг, отдавая им взамен копии на дешевом папирусе. Он даже брал книги взаймы у Афин — произведения Софокла, Еврипида и Эсхила — и предпочитал скорее лишиться залога, чем возвращать оригиналы.

Может быть, Афины были столицей поэтов и философов, но во времена своего расцвета Александрия была домом изобретателей. Ктесибий построил поющие статуи, насосы и первый в мире клавишный инструмент, а Филон из Византии конструировал военные машины и автоматические «волшебные театры». А в I веке от рождения Иисуса, когда библиотека уже пришла в упадок, а римские власти едва сдерживали религиозные и политические беспорядки в городе, на его сцену вышел Ге-рон. Известный как *mechanikos*, Человек Машины, Герон изобрел первый в мире паровой двигатель, разработал несколько сложных устройств для наблюдения и придумал такие удобные штуки, как, например, масляная лампа, сама подрезающая фитиль. Рассуждая с технической точки зрения, умные изобретения Герона были особенно примечательны тем, что воплощали в себе разновидность саморегулирующихся управляющих систем, которые заложили краеугольный камень в фундамент здания кибернетики. Как и туалетные бачки сегодня, его «Неистощимый Кубок» регулировал уровень жидкости в самом себе при помощи поплавкового механизма. Но что действительно волновало душу Герона, так это причудливые новинки: пневматические гаджеты, автоматы и волшебные театры. Один из них самостоятельно выезжал к публике, давал миниатюрное трехмерное представление, а затем сам уезжал обратно. Другой представлял мистерию Диониса с аполлонической точностью: взметалось пламя, гремел гром, а миниатюрные вакханки как сумасшедшие неслись в хороводе

вокруг бога вина на диске, вращаемом при помощи системы блоков.

Не было никакого особенного кощунства в том, что Герон автоматизировал популярные в его время ритуалы. Веками статуи в египетских храмах снабжались кивающими головами и длинными трубками, создающими иллюзию говорящих богов. Герон попросту продвинул религиозную технологию на шаг дальше, разработав «божественные знаки» для храмов: поющих птиц, невидимые трубы и зеркала, создававшие призраков. Он изобрел автоматический дверной замок, срабатывавший, когда жрец храма зажигал огонь. Некоторые гаджеты просто экономили время жреца, например торговый автомат, отпускающий воду ритуального очищения, описанный в «Автоматах» Герона под потрясающим титулом «Священный Сосуд, Дарующий Воду, Только Когда в Него Опущены Деньги». Но подавляющая часть его гаджетов больше удивляли, чем помогали, — магические машины, которые парадоксально подрывали культурный авторитет самого рационального ноу-хау, первоначально бывшее стимулом к их разработке. В своей книге «Инженеры древности» Л. Спрэг де Камп заходит так далеко, что возлагает на Герона часть вины за «волну интереса к сверхъестественному, которая в конечном итоге погубила римскую науку».

Тем не менее римская наука должна винить сама себя за сверхъестественное буйство астрологии, восточных культов и странных машин, которые обслуживали медленный упадок Империи. Как отмечает историк технологии Роберт Брамбо, поскольку римляне «уже создали объективную, безличную, механизированную социальную среду... легко ожидать, что они постарались применить свою изобретательность для развлечения, удивления и избавления от этой среды». И, прибавим к этому, для той разновидности популярного религиозного опыта, который помогал продуцировать Человек Машины. Герон был не только таким циничным волшебником из Изумрудного города, поддерживающим жрецов-декадентов. Он создавал популярные зрелища, направленные на катализацию чувства экстаза и чуда, классические аналоги рейвов или парков аттракционов своего времени.

Принимая всерьез комментарий Брамбо, можно сказать, что мы тоже живем в эпоху, когда безличная механизированная среда и поднимающаяся волна технологий экс-газа помогают подорвать авторитет разума и снова разжечь страсть к сверхъестественному и апокалиптические страхи. Имея в виду эти современные параллели, великий исследователь классической эпохи Э. Р. Доддс назвал последние века Римской империи «эпохой тревоги», ибо, по его мнению, систематизированная и механическая эффективность империи не могла больше сдерживать хаос, прорастающий изнутри душ своих членов и снаружи городских стен.

Когда авторитет греческого рационализма был полностью выработан, людей стали беспокоить вечные экзистенциальные вопросы: какова цель жизни, ценность тела, участь планеты, будущее цивилизации? Традиционные ответы казались закостенелыми, силы старых пророков и римской государственной религии иссякали перед лицом новых (или обновленных) религиозных сил, просачивающихся с окраин империи — астрологии, восточных культов, христианства, апокалиптических пророчеств. Александрия была эпицентром этого отчаянно роскошного периода религиозного изобретательства. Во времена Герона религиозный климат в городе мог поспорить с экуменическими сплавами, эклектическими гибридами и хилиастическими поп-культурами нашего времени. Эллинистический неоплатонизм смешивался с египетской магией, христианство вербовало своих первых приверженцев, а языческие философы обменивались откровениями с еврейскими мистиками. Гностические слухи разносились повсюду, и даже кучка буддистских монахов бросила несколько дхарм в общий котел.

Но именно мистические культы таких богов, как Иси-да и Митра, побили все рекорды посещаемости своими обещаниями эзотерической информации и экстатического откровения. У этих культов было много такого, что заставило современных западных искателей истины обратиться к Востоку: экзотика, обещание духовного опыта вместо догмы и возможность религиозного обновления

во времена культурного распада. Эта тяга к духовному опыту объединялась с почти родным эклектицизмом: гностик-еретик Карпократ, говорят, поклонялся изображениям Гомера, Пифагора, Платона, Аристотеля, Христа и св. Павла, а император Александр Север имел на своем личном алтаре статуи Авраама, Орфея, Христа и Аполлония Тианского. Доддс описывает тревоги этого духовного шведского стола так, что под этим подписались бы многие современные искатели истины: «Слишком много культов, слишком много философий, смыслов жизни: ты можешь выбрать из кучи одно религиозное страховое свидетельство или другое, но все равно не будешь чувствовать себя в безопасности».

Внутри теплой религиозной обстановки Александрии боги постоянно перемешивались и перековывались. Терракотовые фигурки того времени изображают египетских божеств в греческих тогах, да и сам могущественный покровитель Александрии — Серапис — был гибридом с момента основания города, сочетанием египетского бога-быка Аписа, Озириса, Зевса, Плутона и бога медицины Асклепия. Именно дух эклектики и рекомбинации в религии привел к слиянию греческого Гермеса и египетского бога Тота, ибисоголового «ипомнематографа», то есть божественного секретаря, который отвечал за две наиболее могущественные технологии Египта: магию и иероглифическое письмо. Из этого сочетания и появился Гермес Трисмегист.

В отличие как от Тота, так и от Гермеса, Трисмегист считался не «обычным» богом, а человеческим существом, человеком великой мудрости, который жил во времена Золотого века человеческой истории. Помимо обладания священным знанием, Трисмегист выступал как культурный герой, разновидность египетского Прометея. Гекатей из Абдер считал его изобретателем письма, музыки и игр, в то время как Артапан настаивал на том, что Трисмегист обучил египтян изготовлению водяных насосов и боевых машин, а также тому, как поднимать камни при помощи кранов. В «Пикатриксе», средневековой арабской рукописи, которая содержала массу оккультного сумбура, мы обнаруживаем великолепное описание Трисмегиста, которое задевает в нас настолько знакомые струны, что мы процитируем его здесь:

Гермес был первым, кто расположил изображения по их значениям, и из них он узнал, как удержать Нил от влияния Луны. Этот человек также построил храм, посвященный Солнцу, и он узнал, как укрыть себя от всех так, чтобы никто не смог увидеть его, хотя он был среди людей. Именно он также на востоке Египта воздвиг Город двенадцати миль в поперечнике, в котором он построил замок, имевший четверо врат — по одним в каждой из четырех своих частей. В восточных вратах он поместил фигуру Орла; в западных — Быка; в южных вратах — Льва, и в северных вратах он поставил фигуру Пса. В эти статуи он пригласил обитать духов, которые разговаривали голосами, и никто не мог войти в ворота Города без их разрешения... По периметру Города он поместил выгравированные изображения и расположил их таким образом, что благодаря им горожане сделались добродетельными и были избавлены от всякой слабости и вреда.

Столь многое, свойственное XX веку, предвосхищено в этом описании. Для современного технократического государства нет символа более воодушевляющего, чем регуляция и эксплуатация рек. Здесь Трисмегист достигает своей цели, но не при помощи грубой машинной силы, а посредством символической технологии: магических изображений, которые управляют невидимыми течениями космических сил. Но технологии Трисмегиста имеют отношение не только к магии, а еще и к утопии. Сама разумность, с которой они сделаны и размещены, вселяет доброту в жителей города, одновременно защищая их от темных человеческих страстей.

Картина инженерной утопии будет вновь и вновь являться нам в различных вариантах на протяжении всей этой книги, потому что технический прогресс на Западе часто стимулировался и использовался утопическим воображением. Языческие утопии, вроде описанной в «Пикатриксе», вдохновляли европейских рационалистов, начиная с эпохи Возрождения, на создание своих рациональных утопий, которые имели решающее влияние на возникновение современного мира.

Но самым важным мифическим наброском для будущей работы техноутопистов оставался Новый Иерусалим, алмазный сверхгород, который спускается с апокалиптических небес в финале новозаветной книги Откровения. Являясь футуристическим образом рая на земле, Новый Иерусалим напрямую повлиял на светское ответвление христианского миллениаризма: миф о прогрессе, который утверждает, что посредством служения делу разума, науки и технологии мы можем усовершенствовать себя и наше общество.

«Пикатрикс» напоминает нам, что утопическое мышление было технологическим с самого начала. Магическое царство Трисмегиста — это прекрасно проработанное кибернетическое окружение, наделенные обратной связью механизмы которого автоматически усиливают человеческую добродетель, подавляя человеческие пороки. В такой роли город превосходит современную бухгалтерию контроля, которую социальные философы Франкфуртской школы называли «инструментальным разумом», бухгалтерию доминирования, которая организует общества в соответствии с техническими манипуляциями. В своем худшем варианте эта логика социальной инженерии приводит к тоталитарному государству с его железной логикой индоктринации, секретности и контроля. Трисмегист, которого мы встречаем в «Пикатриксе», предстает в образе магического Большого Брата: укрывшись в своей всевидящей наблюдательной башне, Гермес управляет воротами, ведущими в свой город, командуя изображениями, которые господствуют над городским ландшафтом как истуканы соцреализма или говорящие автоматы Диснейленда. Конечно, намерения Трисмегиста не более грязны, чем у Герона, помогающего египетским жрецам техно-гизировать сверхъестественное. Большинство из нас хотели бы жить в более мирном, добродетельном и дивном мире. Но, как мы увидим далее, магическая идея, согласно которой инженерия создаст такой мир, — это зловещая и коварная мечта, хотя это слишком могущественная мечта, чтобы так просто от нее избавиться.

Записывая в сознание

Хотя Гермес Трисмегист был прославлен за свое инженерное мастерство, техномагия этого мудреца распространялась и на более бесплотные области — человеческое сознание. В платоновском диалоге «Федр», например, Сократ рассказывает короткую, но захватывающую историю о Тоте, египетском боге магии и изобретательства, том самом, который в александрийском сознании мутировал в Трисмегиста. Однажды, рассказывает Сократ, Тот пришел к царю Тамузу с предложением нового *techné*: письма. Подарив эту технологию царю, Тот надеялся распространить ее чудесную силу на весь египетский народ. Он обещал Тамузу, что его новое изобретение не только улучшит память, но и разовьет мудрость. Тамуз подробно рассмотрел предложение, взвесил все «за» и «против» этого апгрейда коммуникационных способностей. В результате царь отверг подарок, сказав, что его людям будет лучше без новинки. И между строк повествования совершенно ясно видно, что Сократ и Платон с ним соглашались.

Перед тем как мы рассмотрим причины царского отказа, нужно заявить так громко, как это только возможно: письмо — это машина. На протяжении эонов человеческие существа изобретали разнообразнейшие системы визуального кодирования языка и мысли, и эти пиктограммы, идеограммы и алфавиты записывались и воспроизводились с использованием широкого спектра вторичных приспособлений — чернил, папируса, пергамента, переплетенных кодексов, деревянных дощечек, механических печатных прессов, рекламных щитов, фотокопирующих машин и экранов электронных компьютеров. Материальная история письма — это настоящая технологическая сага.

Хотя письмо стало наиболее общим местом всех информационных технологий, оно во многих смыслах остается магическим действием. Попав под пытливый взгляд обученного человека, фигурки, нацарапанные на поверхности объектов, непроизвольно переправляются прямо в мозг, принося в него звуки, смыслы и данные. В действительности очень сложно специально смотреть на страницу с текстом на знакомом языке и при этом не начать автоматически читать его. Экофилософ Дэвид Эб-рам отмечает, что точно так же, как старейшина племени зуни фокусирует свой взгляд на кактусе и слышит, как сочное растение начинает говорить с ней, так и мы слышим голоса, льющиеся из наших алфавитов. «Это форма анимизма, которую мы принимаем как должное, но это тем не менее анимизм — такой же таинственный, как общение с говорящим камнем». Мы забываем об этой тайне по той же причине, по которой мы забываем, что письмо — это технология: мы так тщательно впитали эту машину в серое вещество своего мозга, что стало чрезвычайно тяжело определить, где кончается письмо и начинается собственно сознание. Уолтер Онг замечает в своей книге «Устная и письменная традиции»: «Письмо больше, чем какое-либо другое изобретение, преобразовало человеческое сознание».

Царь Тамуз решил, что его подданным будет лучше без этого преобразования. Предвосхитив замечание Маршалла Маклюэна о том, что новые технологии отбирают у нас ровно столько же, сколько дают, Тамуз понимал, что письмо в конечном итоге разрушит память, сделав ее зависимой от внешних средств. Если сравнивать воспоминания современного человека с великими бардами былого, едва ли мы оспорим его. Более важным является то, что Тамуз боялся, что письмо размоет устный контекст обучения, позволив знанию просочиться из замкнутой системы «учитель — ученик» и попасть в руки неподготовленного. Потребители книг будут подражать мудрецам, распространяя поверхностную подделку вместо сути.

Нет ни графа иронии в том, что Платон молчаливо поддерживает Тамуза, и вы можете найти «Федра» в философской секции вашего местного книжного магазина. Множество ученых продемонстрировали, что сама философия Платона — эта архитектура, в некотором смысле до сих пор содержащаяся в чертеже западных систем мысли и вдохновлявшая авторов большей части мистических традиций, с которыми мы встретимся по ходу этой книги, — была продуктом

сознания, глубоко перестроенного под влиянием технологии письма. Разум Платона был отмечен печатью алфавита, буквы которого — самые могущественные зарубки на древе технологии.

Алфавит возник не на пустом месте. Ко времени его изобретения, приблизительно в XV веке до н. э., люди уже тысячелетиями пользовались различными формами письма. И если мы примем во внимание семиотическую идею о том, что человеческая мысль рождается среди знаков, начертанных в пространстве, можно сказать, что письмо возникло в тот самый момент, когда мы уже с полным основанием могли бы говорить о сознании наших маленьких волосатых предшественников как о человеческом. Но даже в соответствии с этим сценарием первые люди не были первыми, кто высекал знаки на челе природы. Сама природа предоставила нам примеры первого текста: полет птичьей стаи, скелет, отпечаток лапы зверя уже наделены и оживлены смыслом. С развитием воображения мы начали воспроизводить то, что увидели, рисовать отдельные предметы и узоры на стенах пещер и скалах. Эти изображения были виртуальными следами мира, который повсюду поглощал нас, и в конечном счете эти следы развились в пиктографическое письмо, картинки, предшествовавшие иероглифам.

Не все из ранних служебных символов человечества были чувственным визуальным отражением окружающего мира. Натуралистические изображения, созданные палеолитическими людьми, часто чередовались с совершенно абстрактными образами. Примерно 20 000 лет назад, когда люди впервые начали изготавливать пузатые фигурки богинь, в Южной Европе стали появляться странные палочки. Сделанные из кости или рога, эти палочки были снабжены канавками и похожими на точки углублениями. Хотя эти нарезки никогда не считались письмом, они, по-видимому, представляют собой дискретную цифровую систему кодирования данных. В конце концов кто-то откопал палочку, подтверждающую это предположение: шестьдесят отметок на кости функционировали как лунный календарь, охватывающий период семи с половиной месяцев. Хотя палочки были сделаны в эпоху, когда наше сознание вроде бы было заперто в анимистической матрице зачарованной природы, они демонстрируют растущую способность к абстрагированию, символической деятельности и разделению природных токов. Эти лунные палочки, возможно, наша первая информационная технология.

Первое настоящее письмо было напичкано данными. Около 6000 лет назад в храмовых записях Месопотамии появились первые простые пиктограммы. Эти знаки были похожи на вещи, с которыми приходилось иметь дело жрецам, то есть на обыкновенную собственность храма: коров и корзины с зерном. В III тысячелетии до н. э. шумеры ввели в обиход глиняные таблички и тростниковое стило, в результате чего им пришлось обходиться без кривых линий и письмо стало более абстрактным. В то же время параллельно развивающиеся системы письма, такие как египетские иероглифы, сохраняли визуальную привязку к чувственному миру и были полны изображениями животных, растений и текущей воды. Отчасти по этим причинам египетское письмо сохранило значительную часть анимистической магии, свойственной архаичному восприятию. Подобно многим древним людям, египтяне верили, что имя несет в себе сущность вещи, но они также верили, что эта сверхъестественная сила живет в самих надписях — так что *spelling* (прочтение слова) по сути равен *spell* (заклинанию). В одном древнем тексте речь идет о том, что верховный жрец Сетне-Хамваса растворил один из оккультных текстов Тота в пиве, а затем выпил его, чтобы принять в себя мудрость бога.

Хотя раннее письмо было достаточно могущественным для того, чтобы кодировать тщательно проработанные мифы, ему не хватало информационной емкости, чтобы запечатлеть звуки человеческого голоса — эти знаки были немymi, подобно дорожным знакам или иконам. Но в Месопотамии и Египте пиктографическое письмо постепенно стало смешиваться с фонетическими знаками: знаками, которые денотировали звуки разговорного языка, а не просто слова, идеи или предметы. Машина письма начала симулировать человеческую речь. В итоге в XV веке до н. э., за несколько веков до того, как Моисей вывел свой народ из Египта,

этот самый народ, семиты, жившие тогда в южном Синае, совершили один из поистине революционных прорывов в истории медиа, который вывел обороты машины письма на новый уровень, подаривший ей могущество и контроль, — уровень фонетической фиксации и визуальной абстракции. Они изобрели алфавит. При помощи ограниченного набора букв алфавит дал возможность схватывать ускользающий поток устной речи (хотя он и позволял первоначально фиксировать только согласные буквы). Алфавит был в высшей степени практичным кодом. Кроме того, что его было легко выучить, он позволял использовать один и тот же набор букв для того, чтобы записывать слова различных языков. Финикийские торговцы, бороздившие Восточное Средиземноморье, сразу поняли удобство алфавита и разнесли эти говорящие закорючки по всему древнему миру, будто вирус. В VIII веке до н. э. финикийские корабли занесли алфавит в Грецию.

Инфекция прогрессировала медленно, и до эпохи Платона алфавит не проникал в элиту общества. Философ, родившийся в 428 году, принадлежал первому поколению мальчиков, которых систематически обучали чтению. Он был просто обречен на то, чтобы создать одно из самых популярных метафизических учений своего времени — учение, которое необратимо повлияло на рационализм, религию и мистицизм западного мира: теорию форм. Платон утверждал, что иной мир существует за границами потока времени и грубой материи, которую мы воспринимаем своими органами чувств. Этот иной мир — чистое и безвременное царство совершенных идей, а вещи чувственного мира, воспринимаемые нами, — всего лишь поблекшие ксерокопии этих идеальных форм. В своей знаменитой аллегории Платон писал, что мы подобны людям, прикованным в пещере спиной к свету. Мы не можем видеть предметы, тени от которых падают на стену перед нами. Вместо этого нам приходится иметь дело с их мерцающими бесплотными отражениями. Цель философа — отвернуться от этих соблазнительных симулякров и жить и думать в согласии с этим умоизобразительным царством форм, царством подлинного знания, которое открывает себя через работу разума.

В «Предисловии» к Платону ученый Эрик Хэвлок утверждает, что царство форм, возможно, само открылось Платону через посредство алфавита. Хэвлок указывает, что этимологическая основа слова идея, которая также дала нам слово видео, имела значение «вид». Хэвлок считает, что Платон рассматривал свои формы как аналог видимых форм, не просто совершенных фигур геометрии, но видимых форм алфавита. Подобно буквам, платоновские идеи были неподвижны, изолированы и освобождены от теплоты или других вторичных качеств. Они лежали за порогом мира, который можно пощупать. Как отмечает Дэвид Эбрам, «буквы и написанные слова, которые они представляли, не подчинялись росту и распаду, пертурбациям и циклическим изменениям, свойственным прочим видимым вещам; они будто парили в странном, лишенном времени измерении». Эбрам также отмечает, что греческий алфавит был первой машиной письма, позволявшей записывать гласные. Этот факт завершил технологическую колонизацию говорящего мира. Абстрактная форма победила запечатленный смысл. Анимизм оракулов, проявившись раз в иероглифах, умер, и греки стали связывать истину с тем, что было вечным, бесплотным и записанным.

Информационная технология может, таким образом, формировать матрицу переворота, совершенного в Греции. Обладая сознанием, частично переформатированным алфавитной грамотностью, греческие философы-рационалисты, следовавшие за Платоном, были способны отделить свои мысли от текучей поверхности материального мира. Природа стала безличным и объективным царством, которое можно препарировать и анализировать для извлечения рациональных и всеобщих законов, основанных на причинно-следственном объяснении. Демокрит, современник Платона, был первым, кто утверждал, что кажущееся целостным полотно космоса соткано из отдельных атомов. Вряд ли является чистым совпадением и то, что Демокрит сравнивал эти атомные структуры со способом составления написанных слов из букв алфавита.

Власть и знание, которые освободил основанный на грамоте рационализм, были необычайными. Они проложили, пусть и опосредованно, путь европейскому

триумфу науки и техники. Однако, подобно всем могущественным технологиям, полезный инструмент Тота трансформировал своего пользователя. Ибо, будучи однажды даже отчасти интериоризованной, машина письма стала служить как самым абстрактным, так и наиболее интимным из всех зеркал. Держа это в уме (в буквальном смысле), человеческое «я» может отражать само себя, оттачивая скальпель интроспекции и противопоставляя себя внешнему миру. Маршалл Маклюэн утверждал: «Алфавит разорвал заколдованный круг и разрушил ремонирующую магии родоплеменного мира, превратив цельного человека в агломерат специализированных и психически ущербных индивидуумов, единиц, функционирующих в мире линейного времени и евклидова пространства».

Это чувство рационального разделения и отчужденной рефлексии стало доминировать в восприятии и определять опыт существования в качестве индивидуальной человеческой единицы лишь с началом современной эпохи. Маклюэн и другие исследователи полагали, что развитию этого опыта способствовал печатный пресс. В случае с Платоном книжная интроспекция могла пробудить нечто куда более мистическое: его революционную веру в то, что бестелесный дух присутствует внутри «я» и что эта бессмертная искра разума независима от говорящего, дышащего тела. Эту психологию легко понять. Если буквы и записанные слова возносят истины над скоротечным плотским миром и даже сохраняют слова мертвых, то читатель может рассчитывать на то, что его собственный разум принадлежит похожему вневременному царству трансцендентальных сущностей.

Платон не был первым среди греков, кто верил, что бессмертный дух способен покидать нашу смертную плоть. До него и орфики, и пифагорейцы настаивали на том, что люди носят в себе бессмертную, бесконечно реинкарнирующую душу. Это представление они, вероятно, позаимствовали из древней шаманской традиции, которая просочилась в греческий мир из Скифии и Фракии. Обе мистические секты оказали влияние на Платона, но если орфики и пифагорейцы описывали душу туманным языком мифов и символов, то Платон дал этой идее метафизическое и космологическое обоснование, тем самым включив в свой обширный рационалистический проект. В сущности, то обстоятельство, что Платон одновременно принимал как рациональный способ мышления, так и мистицизм, только подчеркивает мысль, проходящую через всю эту книгу: работа разума не может быть так просто отделена от более тонких сфер.

Платон называет эту разумную душу *psyche*. Она формируется на фоне величественных декораций метафизической карты космоса. Для Платона планета Земля — лишь пыльный фундамент многослойной космологической многоэтажки. В пентхаусе обитают чистые и совершенные формы и именно там рождаются разумные души. Когда мы спускаемся в лифте, чтобы воплотиться, эта бессмертная сущность облекается в инертный мешок жидкостей и костей, который мы волочим по поверхности планеты. Для Платона, как и для мистиков-неоплатоников, которые шли за ним, цель философа заключалась в том, чтобы преодолеть тяготение тела для того, чтобы запустить то, что Иоанн Коулиано называет «платоновским космическим челноком». В этом визионерском полете разумная искра поднимается в небеса, где она постигает собственную божественность в мире форм — трансцендентальный вариант старого шаманского погружения в чрево земли.

Метафизическая космология Платона оказала громадное влияние на душу Запада, вдохновляя земные души на трансмутацию в состояние невидимого духа. Ко времени Иисуса, через несколько столетий после смерти философа, трансцендентальный порыв, который Платон смог выразить в философских терминах, уже проявился в суровом и все более презирующим мир духовном темпераменте. Обуреваемые тоской по небесному дому, многие искатели пришли к гностическому варианту бегства от мира, аскетическому укрощению тела или к иномир-ным путешествиям в сфере апокалиптических видений. Самым крайним примером природный мир казался клеткой, хотя Платон и большинство неоплатоников принимали землю как «видимое божество», отражавшее гармонию высших сфер. Однако религиозное «я» поздней античности, по крайней мере во

многих своих манифестациях, вставало перед пропастью между вневременными небесами трансцендентного божества и полной демонов грязной лркей, в которой наши тела спариваются, болят и умирают.

Разумеется, один лишь алфавит не мог быть целиком повинен в этом бинарном ощущении трансцендентального разрыва между земным и божественным. Но, как отмечает филолог Дэвид Поруш, «всякий раз, когда в культуре успешно совершается революция в области кибернетических технологий, значительно расширяющая их пропускную способность, рождаются новые боги». Письменное слово, представляя собой артефакт мира человеческой мысли, а не просто некое тело, вовлеченное в природный круговорот, поднялось на одну ступеньку над природным миром и таким образом встало поперек языческих троп, по которым ходят те, кто живет в окружении анимистических сил и представлений об этом мире (примечательно, что восточные мистические культы уделяли крайне мало внимания текстам). Поруш утверждает, что изобретение фонетического алфавита «почти наверняка впервые сделало идею об абстрактном Боге монотеизма доступной мышлению».

Поруш говорит здесь не о Платоне, а о евреях, чье доверие абстрактному пространству еврейского алфавита созвучно религиозной инновации иудаизма, заключающейся в признании одного-единственного Бога, чей закон, хранимый в рассказах и юридических текстах Торы, вызвал у еврейского племени ощущение духовной чуждости по отношению к своим соседям. Именно поэтому Бог спускает исписанные инструкциями скрижали с вершины священной горы и в то же время оскрывает воздвижение золотых идолов, поражавших воображение людей, оставшихся внизу. Хотя еврейская религиозная жизнь ограничивалась храмовыми жертвоприношениями и жреческой кастой еще более тысячи лет после этого, священные писания все же стали основой божественного авторитета. Более того, Тора была и остается фетишем, объектом культового поклонения. До сих пор ортодоксальные евреи привязывают tefillin — коробочки с небольшими клочками пергамента с письменами — к своим лбам и рукам во время утренней молитвы.

Вслед за разрушением Второго храма в 70 году н. э., когда жертвоприношения прекратились, а евреи бежали из Палестины, еврейские тексты стали основным полем религиозной активности. В известном смысле Тора заменила Храм, став для еврейского народа зданием из текста, виртуальной родиной. Тогда то, что христиане называют

«Ветхим Заветом», было полностью канонизировано и раввины начали записывать устную Тору, которая переходила из уст в уста в течение столетий и дополняла письменную Тору. Изучение Торы само стало сакральным актом, а экзегетика Талмуда привела к появлению необъятной гипертекстовой литературы, которая позволяла людям регулировать (и обсуждать) каждую сторону своей жизни. (Современные печатные издания Талмуда предвосхитили рождение гипертекстовых технологий, представляя собой тексты со сложной системой перекрестных ссылок, пометок, комментариев, комментариев на комментарии и связей-переходов.) С одной стороны, евреи всегда подчеркивали абсолютный авторитет Священного Писания. Например, во II веке Рабби Ишма-эль повелел переписчикам «быть бдительными в своем занятии, ибо ваша работа — это труд небес. Убавив или прибавив хотя бы одну букву, ты уничтожишь всю вселенную». В то же время бесконечные лабиринты талмудических комментариев, танцующих свой диалектический танец между метафорой и буквальным указанием, демонстрировали, что технология слова имманентна меняющемуся социальному миру и никогда не сможет запечатлеть постоянно ускользающий божественный дух. Хотя имя Бога может быть записано, оно непроизносимо (в буквальном смысле) и потому в конечном счете остается непознаваемым.

Работа по интерпретации Торы была божьим даром для евреев, так как этот вид активности был достаточно конкретным для того, чтобы привязать еврея к интерпретирующему сообществу и достаточно беспочвенным, чтобы сопровождать его везде, где бы он ни скитался. «Тора» не только была названием корпуса еврейской традиции, но и служила священным символом, одним из тех, что

оказали глубокое влияние на западный мистицизм. В соответствии с «Сефер Йецира», авторитетным мистическим текстом III–VI веков, двадцать две буквы еврейского алфавита вместе с десятью Сефирот, или числовыми сферами, составляют своего рода космическую ДНК. Как гласит текст, «[Бог] начертал их, вырубил их, счел их, взвесил их, поменял их местами и чрез них произвел все, что сотворено, и все, чему быть сотворенным». Линия алфавита в мистической мысли, усиленная метафизикой неоплатоников, расцвела впоследствии под именем Каббалы. В XIII веке такие каббалисты, как Авраам Абула-фия, пользовались буквами в качестве предметов для экстатической медитации, переставляя их в своем воображении для того, чтобы испытать восторг от созерцания алфавита, в то время как другие отработывали различные техники декодирования, основанные на подстановке и перестановке букв с целью выжать эзотерические смыслы из написанной Торы.

Признавая мистическое разнообразие текста, одновременно делая упор на глубоко человеческой деятельности по комментированию и интерпретации, евреи смогли избежать мироотрицающего, апокалиптического трансцендентализма, который часто был свойствен другой великой религией книги, возникшей на развалинах древнего мира, — христианству. Появившись в религиозном карнавале поздней Римской империи, христианство резко контрастировало с языческими мистериальными культами, отдавая почетное место тексту. Хотя ранние христиане подчеркивали устную передачу тайны, или *kezugma*, «благую весть» искупления через Христа, они все же происходили от еврейского корня и с беспрецедентной страстью принимали машину письма. Еще до того, как евангельские истории о Иисусе получили известность, письма апостолов и лидеров ранней церкви имели широкое хождение по зарождающемуся христианскому миру, помогая распространять благовест, связывая между собой далекие и подвергаемые гонениям общины. Миссия Павла во многом определялась его влиятельной и широко распространенной перепиской, чей бесспорный авторитет, в свою очередь, отчасти основывался на блестящем выборочном цитировании еврейских текстов. С распространением христианской религии верующие стали производить на свет астрономическое число трактатов, посланий, комментариев, проповедей, описаний мученичеств и синодических писем, и эти писания потреблялись со страстью и серьезностью, не имевшей аналогов в языческом мире. Гарри Гэмбл в своем труде «Книги и читатели ранней церкви» пишет: «Для христиан тексты были не развлечением или ненужной роскошью, а инструментами, представляющими существенную важность для жизни христианина».

Эти инструменты подчас неожиданно принимают технологическую форму. В эпоху роста христианской церкви огромное большинство еврейских и языческих текстов продолжали фиксировать на папирусных свитках. Но по причинам, которые обсуждаются до сих пор, христиане предпочли кодексы — предметы, в основном похожие на то, что вы держите сейчас в руках. В то время большинство язычников считали кодексы эфемерными книгами для записей, предназначенными для частного и утилитарного использования, а не для литературы. Большинство ученых сходятся на том, что христиане приветствовали новое устройство для хранения данных именно по тем же практическим причинам. Кодексы были экономичными, их было легко переносить с собой из города в город, они всегда были под рукой — удобное свойство, когда вы цитируете Писание для того, чтобы доказать свою точку зрения в проверенной временем манере толкователей Библии.

В отличие от свитков Торы, кодексы никогда не почитались в качестве культового предмета, не почитался и язык, на котором они были написаны, — разговорный греческий, бывший в древнем мире *lingua franca*, рассматривался в качестве единственного языка Бога. Христиане были куда более заинтересованы в тексте как в проводнике для логоса, божьего слова и трансцендентального плана. В то же время формат кодекса порождал чисто христианское чувство религиозного авторитета. Гэмбл утверждает, что в результате сведения всей переписки Павла в один том (а христиане начали делать это почти с самого начала) письма, предназначенные отдельным церквям, обрели «широковещательное» качество писания. Когда объем священных текстов вырос, формат кодекса окончательно

победил, ибо он служил великолепным образчиком религиозного авторитета. Когда в IV веке появился итоговый вариант Библии, переплетенная книга позволила ортодоксальным компиляторам создать «официальное издание», которое могло нанести удар по всему разнообразию спорных, странных или еретических текстов, особенно по тем, которые ставили под вопрос верховный авторитет только что созданной Римской церкви.

Хотя христианство поощряло неграмотность паствы, эта религия может быть определена архетипом Книги: единственной, универсальной, обладающей решительным началом и взрывной концовкой. Начиная мультимедийными украшениями, сопровождавшими средневековые рукописи, заканчивая рыночным успехом молитвенника и «буквального слова», оглашаемого современными проповедниками, — медиум книги создал христианский религиозный характер, разжигая в читателе желание повелевать и жажду трансцендентного. В отличие от книг евреев, с их бесконечным хитросплетением комментариев и дебатов, технология христианского слова была куда больше связана с непосредственной, прямой передачей информации, с коммуникацией в самом идеализированном и абсолютном смысле этого слова.

Верования, основанные на письменном откровении, приверженцев которого мусульмане называют «людьми книги», настаивают на глубоком различии между духом и буквой. Но реальное действие может заключаться в обратной связи между этими довольно таинственными сферами. Чтение вдохновляет, открывает нам глубины смысла и интерпретации, которые раскрывают «я», даже несмотря на то что эта свобода в конечном счете ограничена рамками текста, читателя и самого повествования. Вопреки убеждениям фундаменталистов, работа с текстом — это сложный открытый процесс, потому что машинария текста никогда не сможет заключить в себе и проконтролировать все собственные смыслы. Не случайно имя Гермеса звучит в слове герменевтика — названии науки и методологии интерпретации текста, в которой гораздо больше от искусства, чем от науки как таковой. Когда историк религии Мирча Элиаде выражал свое недовольство по поводу того, что «мы обречены узнавать о жизни духа и пробуждаться к ней через посредство книг», он не сознавал того, что этот живой дух во многом является духом самих книг. Чтение не может содержать в себе религиозный опыт, но оно определенно может катализировать процесс его получения, и однажды благодаря ему не кто другой, как сам святой Августин, обнаружил, что он наконец обрел Господа.

Знаменитое обращение Августина запечатлено в его «Исповеди», которую часто называют первой настоящей автобиографией. Читая эту книгу, можно ощутить внутреннюю борьбу и тревожную саморефлексию, которой нет в античных текстах. Похоже, что медленная алхимия книжного «я» в итоге дала результат. До своего обращения Августин, по его собственным словам, был страстным приверженцем манихейства, крайне дуалистического варианта гностической религии, которая противопоставляла мир света миру материи. Разочарованный посредственностью манихейских учителей, Августин открыл для себя неоплатонизм, умозрительная духовидческая религия которого дала ему мистическое видение «неизменного света» Бога. Томясь по платоновскому преодолению тяготения, Августин тем не менее пришел к выводу, что плоть не может быть преодолена без милости христианского Бога. К сожалению, его гордыня и рано пробудившаяся похоть не давали ему принять ярмо аскетизма Иисуса, и этот конфликт подверг молодого человека глубоким экзистенциальным страданиям.

Однажды, когда его «внутреннее я» почувствовало себя подобно «дому, враждующему с самим собой», Августин упал в саду рядом со своим домом и заработал то, что мы сегодня называем нервным расстройством. Зарыдав, он услышал в отдалении детский голос, поющий один и тот же бессмысленный куплет: «Tolle, lege, tolle, lege» («Возьми и прочти, возьми и прочти»). Восприняв этот куплет как послание Бога, Августин вошел в дом и, прибегнув к популярной в древнем мире разновидности гадания, открыл на случайном месте Послания Павла, и его взгляд произвольно выхватил: «...положись на Господа Иисуса Христа,

и не потакай плоти в ее желаниях» (Рим. 13:14). Августин получил избавление. Он родился заново, душа его освободилась от порывов природы благодаря бесплотному посланию книги. Каракули шумерских бюрократов выросли в мистический механизм Слова

Божьего, достаточно могущественного для того, чтобы задевать крупницы внутренней сущности — и доказать, что смиренный инфотехник может со временем подвергнуть сокровенное «я» перезагрузке.

Герметика гуманистов

Хотя детальная история отношений между машиной письма и духом Запада лежит за рамками этой книги, мы не можем покинуть древний мир, не открыв еще один текст: «Corpus Hermeticum». Эзотерическая мозаика алхимических, астрологических и мистических текстов, подвергавшихся компиляции во II–IV веке н. э., «Hermetica» считалась единственной работой, написанной нашим старым знакомым Гермесом Трисмегистом. Несмотря на отчетливо различимый христианский аромат, исходящий от ее страниц, «Hermetica» остается языческим текстом, утопающим в характерном для поздней античности популярном платонизме и отмеченным надмирным религиозным темпераментом. Книга рисует человеческие существа обладающими звездной природой, но скрытыми облаком телесной материи. Разнообразные тексты, составляющие ее, сходятся на том, что посредством некой алхимии души, одновременно философской и мистической, подающий надежды последователь гер-метизма может трансмутировать глину своей низшей природы в золотой свет гнозиса, мистическую вспышку люминисцентного знания, которое пробуждает божественный ум в сердце «я». Наряду с этим трансцендентальным мистицизмом в «Hermetica» можно найти и приемы механистического египетского колдовства. Как объясняет Гарт Фоуден в «Египетском Гермесе», архетипический египетский волшебник был чем-то вроде божественного технолога: его сила «считалась беспредельной, почти равной той, которой обладали боги, ибо он был обучен формулам, при помощи которых божественные силы, наполняющие Вселенную, можно сковать или освободить». «Hermetica», таким образом, представляет собой духовную инструкцию по эксплуатации миров — и далеких и близких.

Современный мир обязан этой мистической смеси гностической психологии и оккультной механики куда больше, чем можно ожидать. Книга снова заняла свое место в творческом воображении Запада в период расцвета итальянского ренессансного гуманизма, в первый действительно современный момент истории. Корпус над арабскими переводами старых греческих и латинских текстов, филологи шумного, предприимчивого города-государства Флоренции — стартовой площадки новой интеллектуальной эры — заново познакомили Европу с греко-римской цивилизацией. Гермес Трисмегист все еще сохранял репутацию, сравнимую с имевшейся у Моисея. Так что, когда флорентийский промышленник и транснациональный банкир Козимо Медичи наконец заполучил арабскую копию «Hermetica», он приказал Марсилио Фичино прекратить работу над переводами Платона и начать работать над старым волшебником.

Интеллектуалы Ренессанса впитывали «Hermetica» как метафизическую амброзию, собранную на заре времен. Когда Пико делла Мирандола сделал свое знаменитое заявление: «О, что за чудо — человек!» — в своей потрясающей основы гуманистической «Речи о достоинстве человека», он провозгласил революционный взгляд на человека как хозяина собственной судьбы. Но одновременно Пико цитировал слово в слово «Hermetica», перерабатывая алхимическую мечту о самообожествлении для мира более динамичного, родившегося из статического космоса Средних веков. Человек должен быть магом, наделенным свыше кодами доступа к космосу и сознанию, совершенствующим себя на своем пути. В «Речи» Пико цитирует Верховного Деятеля: «Мы создали тебя существом ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, так, чтобы ты мог как свободный и гордый ваятель себя самого отлить себя в той форме, которую ты предпочтешь». В этом утверждении — корни современного мира: Гуманность садится в кабину пилота, заправляется топливом разума, воли и воображения и устремляется в полет, не сдерживаемый более религиозным авторитетом или путами природы. Мы мутанты, делающие сами себя, «свободные и гордые» ваятели самих себя и, неизбежно, также и большого мира вокруг нас.

Космология «Hermetica» оказалась необратимо привлекательной для людей, подобных Пико и Фичино, развив инструментальное отношение к Вселенной, полной энергии и силы. «Hermetica» изображает космос как живую душу, магнетическую сеть сообщений, которые связывают землю, тело, звезды и далекие

божественные сферы. К этой *anima mundi* может получить доступ при помощи символических ритуалов церемониальной магии даже такой набожный христианский неоплатоник, как Фичино. Используя мультимедийный набор инструментов, включающий талисманы, камни, жесты и запахи, маги вроде Фичино могут вызывать и перенаправлять резонирующие массивы фантазмов и сил. Для того чтобы получить вибрации любви, к примеру, волшебник должен ждать, пока Венера не придет в наиболее подходящее положение среди созвездий, в каковой момент он должен ритуально расположить предметы и элементы, связанные с функциями Венеры: медь и розу, лампу, чресла и талисманы с изображением богини.

Современные психологи, такие как Джеймс Хиллман и Томас Мур, считали магию Фичино моделью архетипической психологии, которую они называли «работой души». Эти мыслители верили, что губительное падение нравов современной жизни может быть преодолено возвращением к заколдованному, но динамическому космосу ренессансного герметизма. Но смесь гуманистической веры в свои силы с космическими манипуляциями оккультизма эпохи Ренессанса предвещала ту жажду познания и то инструментальное отношение к миру, которое после множества поворотов и изменений стало доминировать в науке и технике современной цивилизации. Как считала Френсис Йейтс, один из великих историков герметической традиции, «ренессансная концепция» анимистической вселенной, управляемой магией, подготовила приход концепции механистической вселенной, управляемой математикой». Как отмечает Йейтс, фигура ренессансного мага открыла новый *modus operandi* человеческой воли: «Стало достойным человека и важным оперировать, производить действие; работа имела также религиозный аспект, и не противоречила воле Бога идея о том, что человек — это великое чудо — должен упражнять свои силы». В конце концов, эти силы были направлены не на мистическую цель самообожествления, а на сотворение посредством технологии тысячелетнего царства, которое венчает христианский миф.

Из всех герметических искусств алхимия в наибольшей степени предвосхищает современную науку и ее страсть к материальным преобразованиям. Это не должно нас слишком удивлять, ибо огненные иероглифические действия алхимии заимствовали свои приемы из металлургии, одной из самых могущественных и загадочных технологий древнего мира. В своем огромном исследовании «Кузница и тигель» Элиаде утверждает, что металлурги были колдунами, хакерами своей эпохи, инженерами-анимистами, которые похищали материалы, перевариваемые в пещеристом чреве Матери Природы, и ускоряли их органическую эволюцию в кузнице. Их работа была окутана табу. Это была работа против природы — *opus contra natura*, как будут говорить алхимики впоследствии. Из этого металлургического действия и родилась главная цель алхимиков: трансмутация низших металлов, таких как свинец, в золото — задача по созданию ценности из бесполезной руды, которая привела алхимиков-профанов к подделке монеты.

История и символика алхимии полна парадоксов и темных моментов, и мы не должны удивляться тому, что покровителем этой работы был Меркурий, бог, чей металл-тезка соединяет текучесть жидкого серебра и глубокую двойственность самого искусства. Подобно ускользающей фигуре Гермеса, алхимия уделяет много внимания полярностям, динамике, эротике и огненному взаимодействию — или *coniunctio* — противоположных элементов и состояний бытия. Эта движущая вперед двойственность отражена в вопросе, с которым сталкиваются все исследователи алхимии, начинающие углубляться в историю этого искусства: что же эти парни в действительности делали? Была ли Великая Работа физической или духовной, сексуальной или воображаемой, грязной или умозрачительной? Язык и образный ряд алхимии вызывают в воображении мрачную лабораторию с бурлящими перегонными кубами, горелками и гниющим навозом, и кажется совершенно очевидным, что многие алхимики занимались практическими исследованиями в области химии, исследуя золото и другие металлы. В то же время работы Карла Юнга и других ясно продемонстрировали, что алхимия была еще и языком архетипического символизма, который производил всю грязную работу в виртуальных лабораториях души.

Для мистиков алхимии психическое было заключено не в камне. Его низшие, или базовые, качества могут быть очищены посредством психологических и, возможно, физиологических техник, которые ведут свое происхождение из металлургической традиции. В Китае, где металл считался пятым элементом, наряду с землей, огнем, водой и деревом, эта традиция «внутренней алхимии» совершенно определенно концентрировалась на создании эликсира бессмертия. В исламском мире и в Европе алхимики искали знаменитый философский камень — противоречивый меркуриальный символ, означавший одновременно настоящий камень, тинктуру с необыкновенными свойствами и финальную цель трансмутации собственной природы (включая тело) в бессмертный дух. В среде алхимиков-христиан *lapis philosophorum* стал ассоциироваться не только с Христом-искупителем, но и со спасением всего мира — краеугольным камнем будущего Нового Иерусалима.

Магический анимизм алхимии и прочих герметических искусств был далек от вредных для мозгов предрассудков. Он помог утвердить практики и парадигму современной науки. Герметический взгляд на мир, сформированный людьми вроде Парацельса, странствующего целителя и алхимика начала XVI столетия, отвергавшего аристотелианскую медицинскую традицию, к которой все еще прибегала церковь, в пользу исследования самого тела. Исследования Парацельса, которые, как считается сегодня, стали зачатками современной фармакологии, сочетались с глубоко магическим мировоззрением, омываемым духовными силами и миллениаристскими мечтами о человеческом совершенстве. Следующий век произвел грандиозный скачок в области, которая потом была названа «натурфилософией», но многие из ее находок, от астрономии до химии, впервые кристаллизовались в оккультном тигле. Исаак Ньютон играл ключевую роль в утверждении механистического взгляда на космос, низвергнувшего неоплатонизм, доминировавший в физике до XII столетия, и продолжившего влиять на окончательную ориентацию науки в сторону природного мира. Но хотя Ньютон открыто участвовал в работе только что созданного в Британии Королевского общества, которое избрало разум единственным арбитром в натуральной философии, он в частном порядке отдавался магическим чудесам герметической науки и проводил ночи напролет, зачитываясь алхимическими трактатами.

К концу XVII века динамика исторического процесса, высвобожденная наукой, могла развиваться лишь в условиях окончательного исключения души из картины мира. Искусство алхимии, в высшей степени западный гибрид материальных экспериментов и психической интроспекции, разделилось на экзотерическую и эзотерическую ветви, на химию и оккультизм. Великое Разделение Латура свершилось: уходящая в небо концептуальная стена отделила отныне слепой и немой мир природы от постоянно меняющегося мира культуры и его слишком человеческих смыслов. И, хотя технологические проекты эмпирической науки и алхимические проекты мистического гнозиса явно отличаются друг от друга, как яблоки и орангутанги, в известном смысле они происходят из одного и того же архетипа герметического мага. Иоан Коулиано пишет:

Историки ошибались, приходя к выводу о том, что магия исчезла с пришествием «количественной науки». Последняя просто подменила собой известную часть магии, расширив ее мечты и цели средствами технологии. Электричество, быстрый транспорт, радио и телевидение, авиация и компьютер всего лишь исполнили обещания, впервые сформулированные магией, став результатом сверхъестественного творения волшебников: производить свет, мгновенно передвигаться из одной точки в другую, общаться с удаленными областями пространства, летать по воздуху и иметь непогрешимую память.

Коулиано напоминает нам, что, хотя технология ускорила бег всадника светского гуманизма и привела к развитию механистической идеологии, она также подсознательно пробудила и облекла плотью наши представления и желания, впервые появившиеся в алхимических мензурках герметического мистицизма. Могушественная аура, которую продвинутые технологии излучают сегодня, проявляется не только из-за их новизны или мистифицирующей сложности. Она, кроме того, является следствием буквального воплощения виртуальных проектов,

которого желали волшебники и алхимики старого времени. Магия — это подсознательное технологии, ее собственное иррациональное заклинание. Наш современный технологический мир — это не природа, а вторичная природа, сверхприрода, и чем интенсивнее мы исследуем границы сознания и материи, тем больше плоды нашего разочарованного производства сталкиваются с риторикой сверхъестественного.

Алхимический огонь

Из всех энергий, пронизывающих космос, электричество наилучшим образом воплощает дух современности. Естествоиспытатели начали первые эксперименты с электричеством в эпоху Просвещения, и за два столетия Запад приручил его таинственную мощь. Технологии коммуникации и управления сегодня полностью зависят от электрической сети, а наш разум легко (быть может, даже излишне легко) принимает плоды завоевания, которое произвели электроны над тьмой, тишиной и звездным небом. Электрический ток питает современность: это просвещение, доступное профану.

Но, несмотря на всю практическую пользу, приносимую электричеством, само оно весьма причудливо. Большую часть динамических явлений искусственной природы, с которыми мы постоянно сталкиваемся, — будь то бумажные самолетики, ДТП или ускоряющиеся в полете теннисные мячи — можно объяснить, прибегнув к помощи классической физики, а принципы классической физики не слишком поражают воображение современного человека. Но электричество — это совершенно другое дело, даже если оставить в стороне всякие противоречащие интуиции шалости, имеющие место в невидимом мире электромагнитных полей и частот, которые даже в это самое мгновение облучают ваше тело сигналами светодиффузоров, популярными песнями и прочими бесплотными сообщениями.

Давайте возьмем всего лишь ближайший к вам работающий бытовой прибор, который, вероятнее всего, включен в громадную децентрализованную электрическую сеть. Ток в этом энергетическом Интернете меняет свою полярность шестьдесят раз в секунду (пятьдесят, если вы читаете эту книгу в Европе). Это довольно быстро, но куда более замечательной является достойная Супермена скорость, с которой ток течет по проводам. Ни много ни мало — скорость света. Теперь вы можете и призадуматься над тем, что же такое в действительности этот «ток», если он может позволить себе мчаться с такой быстротой. Ваш вузовский преподаватель наверняка рассказывал вам, что этот поток состоит из маленьких заряженных частиц энергии, называемых электронами, которые на самом деле движутся относительно медленно, потому что хаотически снуют туда-сюда сквозь атомы меди, из которых состоит провод. Но точно так же, как молекулы воды могут двигаться относительно медленно в быстро движущихся океанских волнах, эти электроны сообщают энергию, и именно эта энергия — составляющая силы тока и напряжения — движется со скоростью света.

Каким бы странным это ни казалось, любой прибор, получающий энергию из электрической сети, скажем тостер, генерирует электромагнитное поле (комбинацию из электрического и магнитного полей). Это поле вызывает слабый ток в любом соседнем проводнике, включая и ваше тело, даже если с его источником нет непосредственного физического контакта. Само поле, как нам говорят, состоит из «силовых линий», которые не имеют ничего общего с меридианами в иглоукалывании или расстановкой камней Стоунхенджа, но тем не менее представляют собой нечто странное. Говоря технически, силовые линии, исходящие от вашего тостера, влияют на звездные туманности и проникают в отдаленнейшие уголки великой вселенной Господа. И чтобы вы не подумали, что это дистанционное управление звездами — нечто из разряда призрачного дальнего действия, которое не терпит наука, специалист по квантовой физике спокойно объяснит вам, что электромагнитные поля ничуть не более реальны, чем свет, и что они просто передают свою силу посредством таких частиц, как бозоны и пр., которые то появляются, то исчезают, ведя «виртуальное существование».

Вы можете принимать все эти утверждения как нечто само собой разумеющееся, но подобные курьезы не могут удержать космологическое воображение некоторых людей в своих рамках. Возможно, наша участь, участь современных людей — сводить возвышенное к банальному, но тот факт, что мы используем электромагнетизм для разогрева тостов и трансляции чемпионатов по гольфу, не должен закрывать от нас всю глубину этих процессов. Подобно приливам, или северному сиянию, или солнечному лучу, который распадается, образуя цвета

радуги, эти захватывающие силы ведут к рассуждениям космических масштабов, интеллектуальному любопытству или к появлению утилитарных планов по их использованию. Наполняя своими вибрациями зазор между биологическим и физическим, между материей и невидимым эфиром, электричество разместилось в пограничной зоне, в которой высшие духи материализуются из чистого воздуха.

«Знаем ли мы на самом деле, что такое электричество?» — спрашивает лама Анагарика Говинда, немецкий ученый, одним из первых среди людей Запада обратившийся в тибетский буддизм: «Зная законы, в соответствии с которыми оно ведет себя, и научившись их использовать, мы до сих пор не знаем ничего о происхождении и действительной природе этой силы, которая в конечном итоге может быть самым источником жизни, света и сознания, божественной силы и перводвига-телом всего существующего». Может быть, так оно и есть, а может быть, и нет. Важно, что сверхъестественная игра электричества вообще приводит нас к подобной постановке вопроса: не так важно, как это работает или какими словами нам описывать это, но что это такое — вот что имеет первоочередное значение. Это та разновидность натурфилософии, которая пытается разом заглотить весь пирожок пространства-времени, сознания и тела. Ведь электричество не просто забрасывает наше воображение в метафизические эмпирии. Оно также прочнее утверждает нас на Земле. Говинда сравнивает его странные свойства с анимистическими мифами традиционных обществ, мифами, «которые всего лишь выражали то, что чувствовали поэты всех времен: природа — это не мертвый механизм, она одушевлена, наполнена той же жизненной силой, которая обретает голос в наших помыслах и эмоциях».

Как мы увидим далее, связь электричества и анимизма имеет древние корни в воображении Запада. Дав виталистскую интерпретацию электрического тока, просто привязав его к «жизненной силе» тела и природы, Говинда описал всего лишь один-единственный архетип из всего набора, который я, игнорируя технические различия между разновидностями электрической силы, буду называть «электромагнетическим воображаемым». Начиная с XVII столетия электромагнетическое воображаемое проникало в религию, медицину и технологию и за прошедшее с тех пор время породило, вероятно, больше метафизических спекуляций, еретических манифестов и причудливых изобретений, чем любая другая сила природы. Большая часть этой главы посвящена электромагнетическому воображаемому в XVIII-XIX веках, когда электричество вызвало прилив безрассудного энтузиазма, вроде того, какой сегодня вызывают цифровые устройства. На самом деле трансформация электрического тока в средство для передачи информации, которая произошла в середине XIX века, представляет собой наиболее важное преобразование: энергии — в информацию.

С самого начала я призываю вас устоять перед искушением свести электромагнетическое воображаемое к псевдонаучной болтовне или манипулятивной лжи шарлатанов. Даже самые сумасшедшие теории о материальной реальности исходят из нашей потребности соединить, хотя бы и временно, мир, который мы ощущаем, с миром, который мы знаем. Более того, мы делаем это историческое разграничение между «реальной» наукой и дикарскими спекуляциями только глядя в зеркало заднего вида и, вдобавок, выборочно. Несмотря на весь скептический ригоризм, наука и ее сияющие истины никогда не могут быть полностью отделены от культурной и мифологической мишуры, которая свойственна всем человеческим обществам. Великое Разделение, описанное Латуром, породило тайные тропы и трещины в космологии. Ученые также попадают в тень смутных мечтаний и ставят свои открытия в один ряд с художественными интуициями и метафизическими образами. Французский историк науки Мишель Сер пишет об этом: «Единственным мифом была бы идея науки, избавленной от всех мифов».

Слово «электричество» появилось в английском языке в 1650 году в переводе трактата о целительных свойствах магнитов, написанного Яном Баптистом ван Гель-монтом, фламандским врачом и розенкрейцером, который работал на границе

между натуральной магией и современной химией. Хотя Гельмонт отверг веками господствующие доктрины о четырех элементах, он остался преданным алхимии, или «пиротехнии», огненным трудам Парацельса. В качестве бестелесной силы, возжигаемой из материи, живость электричества для многих представителей гельмонтского типа ученого символизировала духовные энергии, наполняющие физическую вселенную, эликсир Мировой Души, искру Творения. Многие из первых книг об электричестве описывали эту силу в алхимических терминах, называя ее «эфирным огнем», «огнем квинтэссенции» или «дезидератумом», долгожданной универсальной панацеей. Сейчас, когда электроника, электротехника, радиоволны и микроволны составляют основу информационного века, паттерны электромагнитного воображаемого незаметно осели в бессознательном технологическом. Как утверждает историк Деннис Стиллингс, «наука о материи не может до конца очистить себя от психологического осадка, который сопутствует теоретизированию в области электричества. Такие символы, внесенные в современную науку электричеством, отзываются эхом алхимии, ибо преследуют схожие цели». Электричество, в частности, внесло как минимум три аспекта алхимического воображаемого в современный мир: восхищение витальностью тел, желание одухотворить материальные формы и миллениаристский порыв трансмутировать планетарные энергии в одобренную свыше реализацию человеческих мечтаний.

Электрическое тело

Для естествоиспытателей и изобретателей XVIII столетия эксперименты с электричеством были занятием, по своей навязчивости схожим с наиболее тяжелыми случаями хакерства. Одним из таких электроманьяков был молодой Бенджамин Франклин, который сделал себе имя на том, что собирал электростатические машины и писал ученые записки о мистической силе. Франклин был первым, кто смог понять, что электрический «ток» поляризован относительно «позитивного» и «негативного» (так он сам их и назвал) состояний. Франклин, кроме того, увидел, что, когда противоположно заряженные тела соприкасаются друг с другом, заряд нейтрализуется, что как раз и произошло, когда юноша пускал своего знаменитого воздушного змея на табачном поле в Мэриленде в 1752 году. Держась за промокший повод змея, Франклин вдруг почувствовал «крайне чувствительный электрический разряд», который ударил сквозь его скелет и ушел в землю. Франклин не только доказал, что молния — это разновидность электричества, он также пришел к практической идее молниеотвода, испытал на себе первое устройство этого рода или даже, скорее, на мгновение сам побывав им.

Трюк со змеем, вдохновив Франклина на изобретение, спасающее жизни, нашел свое отражение и на архетипическом уровне. Молния была символом гнева богов с незапамятных времен, а Франклин заставил это копьё правосудия вонзиться в землю. То обстоятельство, что именно будущий автор американской Конституции покорил и демистифицировал сверхъестественные небесные стрелы, лишь подчеркивает прометеевскую сущность этого акта. Молниеотвод Франклина стал другой декларацией независимости — независимости от бессмысленной смерти, от гневного небесного бога, от заколдованной земли. Как гласит эпиграмма на французском языке, украшающая бюст Франклина: «Он вырвал сверкание молний из рук небес и скипетр из рук тиранов».

Но Франклин был не первым электрофриком и ловцом молний. Моравский монах по имени Прокоп Дивич на самом деле изобрел молниеотвод за несколько лет до Франклина, хотя приспособление Дивича на скованном традициями континенте было известно гораздо меньше. Отсутствие монаха в анналах популярной истории наук также символично, так как напрямую связано с разницей в представлениях об электричестве. Если Франклин стоял на очевидном фундаменте светских представлений и завоевание электричества виделось ему шагом к покорению природы, то Дивич открывал своими теософскими спекуляциями эзотерическое измерение воображаемого электричества как своего рода «бальзама природы», раскаленного символа духовной силы.

В своей книге «Электрическое богословие» немецкий ученый Эрнст Бенц рассказывает, как труды Дивича были восприняты Фридрихом Кристофом Этингером, протестантским настоятелем из Вюртемберга, основателем глубоко теософичного направления в немецком пиетизме. Этингер (как и остальные «электрические богословы» из его кружка) был своего рода Фритьофом Капрой для его времени — мыслителем-мистиком, который пытался объединить свои научные представления с мистическими взглядами на Вселенную. В то время как английские деисты вроде Джона Толанда и Томаса Вулстона ухватились за магнитные и электрические силы для того, чтобы разоблачить Христовы чудеса (хлеба и рыбы? что может быть проще — бацц!), команда естествоиспытателей Этингера шла в другом направлении. Они электрифицировали теологию, по ходу дела пересматривая образы человека и земли.

Начали они, как вы можете догадаться, с начала начал. Книга Бытия гласит, что в первый день творения Бог включил в космосе свет и увидел, что это хорошо. Но Этингер заметил, что в точном соответствии с текстом Господь отложил создание солнца, луны и звезд на следующие два дня. Так что же это был за первый «свет» и куда он подевался, когда солнце впервые встало над Эдемом? Этингер верил, что этот первый свет на самом деле был «электрическим огнем», который пронизывал и питал первозданный хаос, придавая ему форму и наполняя его энергией. После

того как солнце и луна вышли на сцену, этот эфирный свет сокрылся в вещах мира, вырываясь только в особых случаях, например при ударе молнии или в результате манипуляций с электростатическими машинами, производимых любопытными монахами.

Воображение Этингера не просто включало электричество в христианскую космологию, но и открывало дорогу достаточно радикальному анимистическому взгляду на природу. С его точки зрения, мир — это не мертвая глыба или бездушная глина, жизнь в которой теплится лишь по воле надмирного Бога. И физические формы происходят не только от божественных кулинарных формочек, которые Господь употребил в первую неделю творения. Нет, чудесные искры, собранные ловцами молний Дивича, снабдили Этингера доказательством существования *ánima mundi*, живой Мировой Души. Материя с самого начала была наделена духом, жизнью и разумом, и она постоянно стремится произвести новые формы и новые сочетания. Это глубоко эволюционное представление предвосхищает «Духовность творения», о которой рассуждает современный «зеленый христианин» Мэтью Фокс, еще один христианин теософского направления, который ставит на место вертикального иерархического контроля, осуществляемого Творцом, всеобъемлющее цветение природы, свойственное ей от начала времен.

В эпоху, когда философы и ученые разделяли человека на сознание и тело, разум и механизм, Этингер с друзьями настаивали на неоплатоническом видении человеческой природы как триады тела, души и духа. Этингер соглашался со своими друзьями-теологами, что, когда Бог мял глину, создавая Адама, он вдохнул разумный дух в его тело. Но для Этингера эта глина уже была оживлена электрическим огнем, «бальзамом природы», благодаря которому тело заживляло раны и непрерывно обновляло себя.

Кроме своих разумных душ, мы также несем в себе природную, или животную, душу, электрическое тело, ответственное за чувствительность и физиологическую функциональность, за порядок и движение, рост и выздоровление. Эта душа роднит нас с животными, как провозглашал сумасбродный поэт Кристофер Смарт в «*Jubilate Agno*» — оде 1760 года, посвященной своему коту Джеффри:

Ибо, погладив его, я высек искру электрическую. Ибо свет Божий пролился на меня от него, равно и огонь и ярость, Ибо пламя электрическое — духовная субстанция, которую Бог посылает с небес, дабы скрепить тела равно зверя и человека.

Этингер, таким образом, использовал новый объект научного исследования — электричество, для того чтобы «подчеркнуть укорененность духовной жизни человека в органических структурах и психохимических процессах его телесной жизни». Подобно другим натурфилософам и мистикам своего времени, Этингер перекрасил древний образ животной души в электрические цвета.

Представление о том, что тела обладают независимой жизненной силой, известно науке под именем витализма — доктрины, которая представляет еретическую оппозицию доминирующему механистическому взгляду на органические тела как сочные биологические автоматы, лишенные всяческого намека на магическую искру. Когда Луиджи Гальвани в 1790 году цеплял к лягушачьим лапкам различные металлы и электростатические машины, он верил, что движение токов, которое он обнаружил, свидетельствует в пользу такой *elan vital*. Граф Алессандро Вольта вскоре доказал, что, хотя ткани животных действительно проводят электрический разряд, Гальвани для правильного объяснения не хватило знания принципа батареи. Это была еще одна победа в длинной череде побед механицистов над лагерем виталистов. Но этот триумф не удержал племянника Гальвани от кровавых попыток вдохнуть жизнь в обезглавленные тела преступников при помощи батарей Вольта — попыток, которые вдохновили Мэри Шелли на создание готического научно-фантастического романа «Франкенштейн». Эта архетипическая сказка об электро-прометействе, которая возводит мост между наукой и творением, хоть и ложь, но она бросает тень намека на лаборатории даже сегодня, ведь эмбрион Долли, взрослой овцы, клонированной в 1997 году

шотландскими исследователями, подтолкнули к жизни несколькими каплями электрического флюида.

«Франкенштейн» был романом-предупреждением, составной частью романтической реакции на высокомерие Просвещения. Но образы, электромагнитическое воображаемое стали позитивным полюсом и для романтического воображения. Философ-идеалист Шеллинг, глубинный эколог своей эпохи, увидел в электричестве знак Мировой Души, а маэстро мировой литературы Гёте заговорил об электрической жизни, которая производит динамическое объединение вещей через действие симпатических сил притяжения и отталкивания. Электричество, помимо прочего, стало образом и самого романтического духа. «Я — электричен по природе, — писал Людвиг ван Бетховен. — Музыка — это та электрическая почва, на которой дух живет, думает и изобретает».

С тех пор как электричество овладело воображением романтиков, алхимически настроенные натурфилософы вроде Дж. В. Риттера стали настаивать также на магнитном полюсе Мировой Души. Хотя связь электричества и магнетизма будет установлена точно лишь спустя несколько десятилетий, полярная точка зрения Риттера имеет символический смысл. Магнетизм — это гипнотический инь для электрического яна, не солнечный удар, но темное притяжение луны, чья притягательная магия тысячелетиями была связана с силами анимизма. Чтобы оградить себя от болезней, насылаемых демонами, шумеры делали исцеляющие печати на магнитных амулетах, посвященных Мардуку — Тому-Кто-Действует-Издалека. Парацельс использовал магниты для того, чтобы уравнивать жизненные энергии тела, а Отингер был убежден, что заряженные бруски железа способны усилить электрический огонь в теле.

Между тем, вне всякого сомнения, верховным волшебником магнетического целительства стал Франц Антон Месмер, известный сегодня то как король шарлатанов, то как человек, который нечаянно породил психоанализ. Месмер родился в 1732 году. Получил докторскую степень в Венском университете, написав диссертацию о влиянии планет на подлунный мир. Для того чтобы объяснить, каким образом астрологические силы производят действие на расстоянии, Месмер постулировал существование едва уловимого флюида (который он так и назвал — fluidum), невидимого посредника, который связывает эманации луны с океанскими приливами, а кроме того, позволяет Венере и Юпитеру влиять на человеческую судьбу. Теория флюидов была направлена против концепции эфира Ньютона, представления о невидимом потоке, который пропитывает космос и служит статичным посредником как для гравитационного и магнитного взаимодействия, так и для восприятия и нервных реакций. Ньютону эфир был нужен для того, чтобы, во-первых, объяснить, как удаленные друг от друга тела Солнечной системы сообщаются друг с другом, и в то же время соблюсти принцип «природа не терпит пустоты». Но, как показывают работы Месмера, теория эфира была перевалочным пунктом на полпути к всевозможным анимистическим интуициям и призрачным силам, которые отказывались принимать шестерни и рычаги механической космологии. Это и неудивительно, если принять во внимание алхимическую изнанку самого Ньютона. Ньютон и сам представлял эфир наделенным жизненным духом, и даже его язык, все это его гравитационное «притяжение», выдавало следы присутствия Эроса, духовного клея, который, как верили неоплатоники, скрепляет воедино космос.

Когда Месмеру потребовалось как-то назвать свойство тела, подсоединенного к флюиду, он колебался между магнетизмом и электричеством, но остановился на «животном магнетизме», термине, который он позаимствовал у иезуита-эзотерика Афанасия Кирхера. Месмер писал, что «все тела подобны магниту, способному сообщать этот магнетический принцип; что этот флюид проникает всюду и может быть запасен и собран, подобно электрическому флюиду; [и] что он [действует] на расстоянии». Месмер никогда не отождествлял напрямую животный магнетизм с минеральным магнетизмом, но «окультиный» эффект последнего позволял ему оставить пространство для воззрений и практик, которые оживляли старые мечты

о симпатической магии. Хотя дикарская наука Месмера позволяла этим мечтам ворваться в современный мир на гребнях магнитных волн, конечной целью человека в его учении было восстановление баланса и «совершенной гармонии» поляризованных энергий тела. Его представление о процессе выздоровления было в целом неотлично от традиционной китайской медицины, которая также базируется на том, что в тело влит жизненный дух и что болезни начинаются от закупорок, возникающих в этой динамически сбалансированной сети поляризованных энергетических токов.

Месмер был не так уж далек и от того, чтобы баловаться с настоящими магнитами. В начале своих терапевтических опытов Месмер «заряжал» бруски железа, делая над ними пассы руками, а затем держал этот металл в непосредственной близости от тел пациентов. Со временем Месмер отказался от мнения, что магниты сами по себе способны содержать целебный заряд. И тогда он начал магнетизировать все бытовые предметы: даже хлеб, китайский фарфор, дерево и собак. Одни пациенты носили магнетизированную одежду и читали магнетизированные книги, в то время как другие получали свое исцеление от приспособления, называемого *baquet*. Обыкновенного ведра, наполненного водой, железными стружками и осколками стекла, рукоять которого позволяла большому числу пациентов одновременно магнетизировать себя. В конце концов Месмер понял, что он сам является магнитом и может вводить пациентов в транс, попросту уставившись в их глаза или заставляя их смотреть на свои пальцы. Хотя сегодня слово «месмерический» ассоциируется у нас с введением в транс, схожий с окаменением, волшебные пальцы Месмера, несомненно, катализировали буйные истерические припадки, которые имели куда больше общего с шоковой терапией, нежели с безмятежными кивками головой, характерными для состояния гипнотической регрессии.

Месмер не пытался исчерпывающим образом объяснить происхождение энергий, которые он пропускал через себя, или рассмотреть этот вопрос с использованием научной терминологии своих дней. Он рассматривал животный магнетизм как шестое чувство, которое, как и все прочие чувства, не может быть описано — только испытано. И хотя его привлекали волшебные колпаки и колдовские жезлы, по характеру мышления он оставался фигурой Просвещения. Он настаивал на том, что его силы не имеют никакого отношения к мистике и что животный магнетизм — реальная сила этого мира. И все же венский медицинский истеблишмент не был впечатлен всей этой магнетической кутерьмой, и обожание, которое публика прямо-таки изливала на харизматического кудесника, только ухудшило ситуацию. «Добрый доктор» был с позором изгнан из Вены и бежал в предреволюционный Париж, где он очень быстро стал любимцем города, полного новых идей и революционных энергий. Сотни пациентов, чьи недуги не излечивались пиявками, находили, что техники Месмера им серьезно помогают. Но, несмотря на впечатляющие достижения, комиссия, назначенная французским правительством и состоявшая из врачей и ученых, среди которых, между прочим, был Бенджамин Франклин, объявила Месмера шарлатаном. Для того чтобы объяснить причины его успеха, парижская комиссия прибегла к аргументу, который все скептически настроенные крестоносцы научного редукционизма продолжают использовать и по сей день, — к «воображению». Месмер и сам признавал, что между ним и пациентом возникал некий «раппорт» и что органические болезни в строгом смысле слова не всегда поддаются лечению. Но в то время, когда Месмер твердо веровал в могущественные целебные энергии «умного» человеческого тела, такая сомнительная сила — эротическая, меркуриальная, почти революционная — была слишком хаотичной, чтобы уложиться во все более рационалистический каркас медицинского мышления, которое стремилось к изменениям в соответствии с требованиями современной науки.

По счастью, студенты Месмера не были подвержены этим сомнениям, и, продолжая эксперименты с магнетизмом, они подготовили строительную площадку для психотерапии. Маркиз де Пуисегюр, в частности, делал особый акцент на значении «воли» магнетизера в этих процедурах. Ему открылась огромная сила того, что психологи называют суггестией и переносом. Работая с крестьянами вдали от парижской суеты, Пуисегюр «водил» своих пациентов через

сомнамбулическое состояние, которое теперь ассоциируется у нас с «месмерическим». Единожды как следует погруженные в это состояние, неграмотные чернорабочие становились совсем другими, автономными личностями, которые могли лечить сами себя и спонтанно демонстрировали несомненные подвиги ясновидения и телепатии. Как писал историк Роберт Фуллер: «Пюисегюр неожиданно стал Колумбом странного нового мира — человеческого бессознательного».

Несколько десятилетий спустя британский врач Джеймс Брэйд изобретет термин гипнотизм для того, чтобы описать магнетические процедуры, а исследования под гипнозом в конце концов приведут к разработке молодым Зигмундом Фрейдом первоначальной теории бессознательного. Хотя к этому моменту от первоначальных методик Месмера уже почти ничего не осталось, Фрейд действительно походил на старого магнетизера в своих попытках исцелять нервные заболевания своих пациентов, исследуя измененные состояния сознания в «научной» манере и при этом эксплуатируя почти магический «раппорт» между пациентом и врачом. Фрейд также использовал метафоры, связанные с электричеством для своих описаний психики. Но несмотря на то, что психоанализ, вне всякого сомнения, облагородил месмеровские модели сознания, ему пришлось заплатить крутую цену за разрушение образа медиума, который соединяет свой разум с животворной плацентой космоса. Отрезанная от трансперсонального взаимодействия, осуществляемого посредством месмеровского флюидума, психическая жизнь была заключена под кости черепа, стала одинокой флуктуацией, случайным заеданием внутри термодинамической машины.

Когда месмеризм утратил популярность в XIX веке в Европе, он стал модной причудой в США. Тысячи людей доверяли себя целительным рукам бродячих месмеристов, надеясь излечиться от ревматизма, менструальных болей, мигреней и меланхолии. Очень по-американски было превратить месмеризм в нечто вроде интермедии, и многие магнетизеры построили свою карьеру на щекочущих нервы трюках, вроде тех, которые гипнотизеры представляют сегодня на подмостках ночных клубов. В то же время более серьезные месмеристы проникали в мириады измерений человеческого сознания и пользовались квазиэлектромагнетическим языком на всем протяжении этого пути. Поднимаясь сквозь неоплатоническую иерархию измененных состояний, месмеризированные субъекты сообщали о «звоне» или «вибрациях», проходящих через тело. Некоторые испытывали воздействие «волн энергии» и видели свет. В самом глубоком трансе их захватывало нечто вроде космического сознания, и сознание субъекта достигало тождества с самими силами животного магнетизма. Случались ясновидения, телепатия и другие парапсихологические чудеса — феномен, который месмерист Стэнли Граймс приписывал etherium, «материальной субстанции, занимающей пространство, связующей планеты и землю, служащей проводником для света, тепла, электричества, гравитации и ментальных эманации от одного тела к другому и от одного сознания к другому». Заметьте, что наряду с физическими силами этириум Граймса также передавал «ментальные эманации», то есть информацию.

Пока месмеристы открывали этириум нижних этажей сознания своих пациентов, нормальный лабораторный электромагнетизм также начинал радикально менять очертания научной картины мира. В 1830-х годах великий британский ученый-экспериментатор Майкл Фарадей сделал феноменальное открытие: изменения тока в катушке вызывают колебания энергии в соседней катушке. Это поразительное действие на расстоянии, которое было названо электромагнитной индукцией, и есть та движущая сила, которая стоит сегодня за работой электрогенераторов, но, кроме того, является силой, которая вдохновила отдельных мыслителей на псевдонаучные объяснения оккультных феноменов. В свою очередь Фарадей называл довольно загадочную силу, связывающую две спирали, «электрической волной». Отмечая странные фигуры, образуемые железными опилками вокруг концов магнита, Фарадей предположил также, что электромагнитные «поля» состоят из «линий силы», вибрирующих узоров, расчерчивающих пространство.

Первоначально Фарадей полагал, что эти образы полей и силовых линий — всего лишь удобные фикции, но постепенно он принял их в качестве основного описания реальности. Это был немалый шаг для того, кто провозгласил себя «натурфилософом» и, будучи глубоко религиозным человеком, прочно верил в сокровенное единство природы и Творца. Электромагнитная индукция давала ему наглядный пример такого единства, и эти колеблющиеся волны в конце концов привели Фарадея к отрицанию господствующей материалистической догмы об атомах космоса как сгустках вещества. Фарадей скромно предложил новое видение космоса: плотная реальность оказывалась, в сущности, бескрайним морем вибраций и невещественных сил.

В 1860-х годах Джеймс Клерк Максвелл перевел эксперименты Фарадея на язык математики, соединив оптические, магнитные и электрические явления в четыре величественных уравнения, которые охватили всю электромагнитную реальность. Сделав это, Максвелл предсказал существование электромагнитного спектра, колебания которого мы используем сегодня для чего угодно, — от трансляции сингла «Spice Girls» до разогревания мясного стейка или анализа химического состава альфы Центавра. Максвелл показал, что свет — последняя символическая манифестация божества — сам по себе всего лишь определенный набор частот, которые стимулируют две фоточувствительные сферы в человеческом черепе. Некоторые дополнительные решения его уравнений также предполагали существование параллельного космоса, зеркальной вселенной, где электромагнитные волны движутся против течения времени.

Открытия Фарадея и Максвелла революционизировали научную парадигму. Эйнштейн назвал их работы «величайшим изменением в аксиоматическом фундаменте физики — в нашей концепции строения реальности». Электромагнитная вселенная — шаг к окончательной деконструкции атомистического материализма: распад эфира, возникновение эйнштейновского пространства-времени и, наконец, появление квантовой механики с ее невероятными странностями. В терминах научного воображения открытие Фарадеем явления электромагнитной индукции стало тинктурой, которая катализировала окончательную трансмутацию материи в дух, точно рассчитанной алхимической реакцией, в которой обнаружилось, что физическая вселенная — колоссальная вибрирующая мантра могущественного ничто.

Такой мощный космологический сдвиг не мог не повлиять на воображение эзотериков. К концу XIX века, когда наука об электромагнетизме начала проникать в массовое сознание, месмеризм уже приказал долго жить. Но на его месте возникла куда более влиятельная оккультная наука. Она замесила электромагнетизм на густом наваре эзотерической традиции. В 1875 году полковник Генри Стил Олкотт и мадам Елена Петровна Блаватская — пухлая, низенькая, курящая сигары мошенница из России — основали Теософское общество. Это движение сочетало в себе сенсационную привлекательность популярной магии с опьяняющим мистическим мышлением. Бесконечные книги Блаватской — грубые коллажи из франкмасонства, герметизма, выхолощенной «восточной» метафизики и ее собственных научно-фантастических басен о тибетских мастерах телепатии и гибели Атлантиды. Однако, по мнению историка Джоселин Годвин, группа Блаватской представляла также и ценности Просвещения, которые не имели ничего общего с буддистским отвержением славы и очень много общего — с духом свободомыслия и прогресса. Теософы недолго любили конфессиональное христианство, приветствовали освободительные социальные движения и призывали к новой глобальной политике «вселенского братства». Они были гностиками модернизма.

Как таковые, теософы одновременно и смешивали и противопоставляли свой мистицизм и новые эволюционные и электромагнитные научные картины мира. Будучи монистами, теософы ставили перед собой двойную задачу: вписать так называемый «грубый» мир материи в бестелесную вселенную духа и вплести вышние царства в эволюционирующее по четким законам описание космоса. Сознание и материя, таким образом, становились одной и той же космической

субстанцией, находящейся на разных ступенях эволюции. Автор недавней статьи об индуизме-теософах в *Hinduism Today* использовал в отношении низших ступеней этой эволюции термин «пониженные», «как понижающий трансформатор уменьшает напряжение мощного электрического тока». Отдавая дань веданте и герметическому неоплатонизму, теософы в корне отвергали материализм. Они ставили сознание выше материи и принимали ту точку зрения, согласно которой наши «мыслительные энергии» обладают достаточной силой, чтобы самостоятельно творить реальность. Но они обновили это древнее воззрение, переложив его на язык эфирных волн, вибраций, космических колебаний и силовых полей. Теософский космос был одним огромным звуком, самые «низкие и грубые вибрации» которого составляли материальный мир, а более «тонкие вибрации» — «высшие планы». Все они одновременно и незаметно для глаза проникали друг в друга здесь и сейчас, совсем как спектральные волны Максвелла.

Попытка теософов приписать духовные качества Вселенной, колонизированной физиками, сопровождалась первым великим духовным поворотом Запада к Востоку. Вибрирующий космос бестелесных сил и лучащихся волн оставлял мало места для Бога — умелого часовщика. Он гораздо лучше сочетался с безличными концепциями абсолюта — концепциями, которые теософы вырвали из буддизма и высших течений индуизма. Традиция, положенная теософами, использовавшими электромагнитическую веданту для того, чтобы построить мост между сознанием и материей, нашла свое продолжение в физике нью-эйджа и популярном индуизме, просочившись в наши дни. Язык, который однажды использовал Уильям Ирвин Томпсон для того, чтобы описать мировоззрение йоги, имел более глубокие исторические корни, чем он, вероятно, мог предполагать: «Сознание подобно FM-радио: пока вы настроены на одну станцию, вся информация, которую вы получаете, состоит из сведений об одной-единственной реальности; но если бы... вы были способны переключить свое сознание на другую станцию, тогда вы открыли бы для себя вселенные за пределами материи, на космических просторах духа».

Аналогия Томпсона уместна, поскольку, наряду с электрификацией оккультной вселенной, теософия сбросила покрывало и с представления об интерактивном теле, которое может активно исследовать вибрирующие планы. Переосмысляя мистические «оболочки» индуистской анатомии, теософы уподобили тело матрешке. Сразу за низшей ступенью, занимаемой нашей плотью, следует эфирное тело, в своих основных чертах подобное витальной душе, о которой мы уже говорили в этой главе. Затем, вибрируя на несколько более высоких частотах, чем эфирное тело, следует пресловутое астральное тело, которое при соблюдении соответствующих условий может временно покидать бrenную оболочку для того, чтобы путешествовать по астральному плану, сновидческо-му совокупному царству бесплотных и гиперреальных «мыслеформ» — теософской версии виртуальной реальности.

Теософия, таким образом, представляет собой гностическое уклонение от принципа тела, дематериализующую тенденцию, которая, как мы увидим в следующей главе, связана с появлением новых технологий, объективирующих «я». В своей поэме «Электрическое тело пою» Уолт Уитмен дает высказаться противоположной тенденции электромагнитического воображения. Для Уитмена электрическая жизнь означает эротическую жизнь, и его любовь к телам, его страстное желание «зарядить их до отказа зарядом души» ведут его к приятию роскошнейшей из ересей, в которой тело и есть душа. В отличие от месмеристов, которые указывали на технологию фотографии как на доказательство того, что физический мир на самом деле составлен из ментальных световых вибраций, Уитмен выбирал жизнотворный дух электромагнетизма с его вспышками разрядов, динамикой полярностей и нутряным притяжением, похожий скорее на язык Эроса, чем на мантру трансцендентности. И кроме того, оригинальные магнетические техники Месмера не имели ничего общего с духовным планом и представляли собой попытку привести конвульсивную жизнь страсти в порядок для излечения вполне реальных тел.

Для многих исследователей магнетизма и «альтернативных» целителей XIX века электрические силы давали в буквальном смысле ключ к управлению жизненной энергией тела. К концу столетия электричество в массовом сознании стало прочно связываться с цели-тельностью — особенно в массовом сознании Америки, которое более массовое, чем в прочих местах. Электричество стало считаться активным агентом в лекарственной терапии, в мыле, чаях и лосьонах, а множество электрических и магнитных устройств было употреблено на излечение разнообразных недугов, когда-либо существовавших под солнцем. Конгрессмены США даже «напитывались» электричеством в специальной подвальной комнате Капитолия. Но к 1909 году, встревоженное самодеятельными формами лечения, вызванными к жизни этой электроманией, правительство обнародовало доклад Флекснера, направленный на модернизацию и стандартизацию медицинского образования и врачебной помощи в стране. Предав порицанию популярную и действенную практику гомеопатии и учредив надменное правление аллопатической медицины, представленной бастионом Американской медицинской ассоциации, доклад также провозгласил, что электрические потенциалы и магнитные энергии не играют никакой жизненной роли в физиологии и биомедицине. Животная душа, которая так долго держалась на гребне волны электромагнитического воображаемого, была подавлена основным направлением американской медицины.

Доклад Флекснера был, кроме того, попыткой установить контроль над использованием новых технологий тела. К началу XX века диагностические машины заменили чувствительный «инструментарий» ощущения и восприятия самого врача, а невидимые до той поры больные части тела стало возможным осмотреть при помощи микроскопов и рентгеновских лучей. Использование медицинских технологий для сбора информации было признано приемлемым, а вот точка зрения, согласно которой технологии могут сами находить, проводить или усиливать жизненные энергии, была предана анафеме. Доклад не только ставил вне закона целый набор причудливых электрических и электромагнитных приспособлений, но и гарантировал, что даже практикующие врачи, ведущие исследования в области биоэнергетики и возможностей «энергетических» технологий лечения, найдут у себя в руках билет в одну сторону — в лагерь изгоев и шарлатанов. Единственным исключением из этого правила, как ни странно, были исследования в области целительных сил радиации, одного из смертоносных увлечений XX века.

Биоэнергетику выставили своего рода сиреной, но у этой сирены оказался могучий голос. Ее песня звучала в большинстве приспособлений для альтернативного лечения в XX столетии. В то время как фотографы, работающие с эффектом Кирлиана, приподнимали завесу над «тайной жизнью растений», еретические доктора сколачивали на скорую руку запрещенные машины с их собственной тайной жизнью. В 1940-х годах доктор Альберт Эбрамс, профессор патологии Стэнфордского университета разработал теорию радионики, согласно которой каждый орган, ткань или болезнетворный агент имеют свою уникальную частоту вибрации, или резонанса. Эта идея пришла к Эбрамсу отчасти во время наблюдений за тем, как великий тенор Энрико Карузо раскалывает стаканы своим голосом. Эбрамс применил эту теорию к созданию медицинской технологии: черных ящиков, которые состояли из набора циферблатов, вращавших крошечные стержневые магниты. Каждый из таких магнитов был закреплен напротив небольшой емкости, содержащей «след» или фрагмент ткани пациента. Врач должен был настраивать циферблаты до тех пор, пока не добивался позитивного «чтения» со «следов». Доведенное до голливудских стандартов с внешней стороны преисполненными энтузиазма последователями Эбрамса, это простое приспособление, если верить слухам, не только диагностировало заболевание, но и могло «транслировать» целительные вибрации от врача к пациенту. Как вы уже догадались, черные ящики Эбрамса были официально осуждены как магические фетиши, а Управление по контролю за продуктами питания и лекарствами упекло за решетку хиропрактика Руфь Дроун из Лос-Анджелеса — фанатичную сторонницу радионики, которая заявляла, что может получать фотографии больных органов и тканей из ничтожной капли крови пациента. В свою очередь

Эбрамс настаивал на том, что талант к радионике заключен не в приборе, а в самом человеке и что, таким образом, его черный ящик функционирует подобно лозе или маятнику XX века, которые лозоходец использует для того, чтобы, руководствуясь интуицией, находить воду, исцелять заболевания и считывать невидимую геомагнитную информацию о ландшафте.

Китайские специалисты по акупунктуре также рассматривали тело как ландшафт, по которому текут потоки энергии, или ши. Хотя меридиональные линии, которые проводят ши, частично совпадают с электромагнитной картой нервной системы, вся эта китайская грамота в целом ускользает от концептуальных построений западной медицины, пытающейся объяснить эффективность восточной практики. Ши вибрирует в звенящем зазоре между плотью и душой и напоминает электромагнитическое представление об энергетическом теле. В 1950-х годах терапевт доктор Рейнхардт Фоль обнаружил, что врачи могут находить и картографировать акупунктурные точки при помощи электрических устройств. Сегодня компьютеризированные модели его биоэнергетических машин распространены в Европе и многие специалисты по акупунктуре пропускают через свои иглы слабые электрические токи.

Возможно, самым известным примером современной виталистской технологии является оргонная камера доктора Вильгельма Райха. Райх верил в то, что оргазмы могут сделать жизнь лучше, и его потрясшее старые основы исследование о мышечных причинах беспокойств и неврозов заложило новые основы для множества современных школ телесно-ориентированной терапии. Райх, кроме того, верил, что пульсирующие голубоватые частицы, которые он наблюдал в высококачественные оптические микроскопы в 1940-х годах, — это бионы, элементарные частицы нового вида энергии, жизненной силы, которую Райх назвал «оргоном». Райх полагал, что пульсирующие волны оргонной энергии пронизывают Вселенную и что они могут быть пойманы в камеру, которую он построил из чередующихся слоев органического и неорганического материала. Оргон, пойманный в такую камеру, может исцелять рак и создавать слабый электрический ток. Но хотя некоторые люди и по сей день молятся на приспособление Райха, в Управлении по контролю за продуктами питания и лекарствами этими оргонными аккумуляторами были впечатлены не более чем теорией оргазма их изобретателя. В 1950-х годах федералы арестовали и уничтожили оборудование Райха, сожгли его книги и бросили доктора в тюрьму за неуважение к суду. Он умер там через пять лет сломленным человеком, убежденным в том, что Христос был посланцем космического оргона и что НЛО крадут жизненную энергию Земли.

Хотя большинство западных врачей продолжают отвергать идею биоэнергии, многие из них начали признавать действенность альтернативных методов терапии, таких как акупунктура, дыхательные практики, визуализация и пострайховские телесно-ориентированные практики. Эти практики в значительной степени связаны с архетипом живого и сообщающегося биополя — поля психической энергии, которое может быть извлечено и направлено в нужное русло по воле пациента и врача. Технокультурный парадокс состоит в том, что на Западе это древнее представление о витальной душе уцелело во время владычества редукционистской медицины частично в выражениях и даже технологиях, связанных с электричеством, которое поэтому сохранило известный еретический заряд и сохраняет его по сей день. Хотя немногие врачи, практикующие альтернативную медицину, действительно используют сегодня электричество, электрические токи и магнитные поля обеспечили плодотворные и весьма расплывчатые аналогии для энергетических, психологических, духовных и эротических измерений жизни, с которыми сегодняшние целители все больше считаются в разрабатываемых ими методах.

Но сегодня, как кажется, природа может все отыграть назад. Сегодня тело обычного человека купается в какофонии слабых магнитных полей, генерируемых устройствами на батарейках, микроволновыми передатчиками, системами безопасности в аэропортах и почти повсеместным фоновым шумом, исходящим из

электросети, питающей радиоприемники, телевизоры, стереосистемы и компьютеры. Значительное число людей как внутри, так и вне сообщества альтернативных лекарей стало подозревать, что некоторые из этих электромагнитных излучений, в особенности низкочастотные волны, оказывают слабо уловимые, но вредные эффекты на биологические процессы и поведение. Существует большое количество спорных и противоречивых исследований, указывающих на возможность возникновения целого ряда расстройств: от глубокой депрессии до подавления иммунной системы, появления больных лейкемией детей у родителей, живущих возле мощных ЛЭП или проводящих целые дни напротив видеотерминалов. Хотя большинство ученых описывают эти страхи как «ЛЭП-паранойю», эти ученые — часть системы, ставящей физику над сознанием и жизненной силой и на целое столетие маргинализовавшей исследования в области биоэнергетики. Результатом стало то, что даже самые практичные и законопослушные исследователи «электрического загрязнения окружающей среды» автоматически оказываются в сумеречной зоне, окружающей представления об электромагнетизме, где скитаются призраки паранойи и заговоров.

Некоторые мистики также проявляют беспокойство. Одно из самых мрачных писаний на тему «электрозагрязнения» принадлежит перу Уильяма Ирвина Томпсона, чьи исполненные мощи тексты с легкостью преодолевают коварные воды между наукой, мифом и историей культуры. Одна из наиболее эксцентрических его идей связана с современным статусом нашего «электрического тела», которое, как считает Томпсон, играет роль своего рода тончайшей энергетической брони, защищающей физическую реальность от ужаса, хаоса и всепожирающих фантазмов астрального плана. Поскольку сегодня мы подвергаем бомбардировке свои вибрирующие эфирные скафандры «электронным шумом» из сверхнизких частот и микроволн и даже усугубляем ситуацию, используя изменяющие сознание препараты, искусственное медиаокружение ну и, конечно же, громкую музыку, «астральный план просачивается в изношенный и рваный физический план». Поскольку наше эфирное тело в дырах, а техники навигации по астральному царству давно забыты, культура постмодерна в своих играх направляется напрямик в мрачное чрево коллективной галлюцинации.

Согласно Томпсону, вампиризм в отношении нашего эфирного тела достигает своего апогея в перчатках, костюмах и шлемах виртуальной реальности — устройствах, которые дают зеленый свет тотальной электромагнитной колонизации энергетического и астрального тел (что, по Томпсону, одно и то же). Но в то время как некоторые видят в скрещении виртуального и энергетического тел извращение, даже дьявольщину, другие полагают, что это акт почти ангельский. Одна из наиболее захватывающих и потрясающих технологий виртуальной реальности — «Осмос», электронная установка класса хай-энд, созданная канадцем Чаром Дэвисом в середине 1990-х годов. Используя те же графические программы, которые оживили динозавров в «Парке юрского периода», запущенные на оборудовании SGI, обыкновенно используемом для дорогих научных программ и военных симуляторов, «Осмос» проглатывает участников, тщательно укутанных в электронные одежды, и погружает их в осязаемый, сияющий, глубоко проработанный волшебный мир тропических лесов, темных прудов и зеленых крон. Используя эффекты пространственного удвоения и трюки со светом, «Осмос» создает полное ощущение прогулки в лесах. Многие «ныряльщики» чувствовали себя одновременно развоплощенными и во плоти, напоминая сами себе ангелов,двигающихся с животной грацией. Некоторые ныряльщики выходили из пестрой и вибрирующей вселенной пикселей, рыдая или застывая в трансе; другие сравнивали свои путешествия с осознанными сновидениями или внетелесным опытом.

Благодаря своей одновременно интуитивно понятной и утонченно виртуальной эстетике, «Осмос» — блестящий пример того, как технологическое окружение может симулировать нечто, подобное анимистическому проникновению в Мировую душу, органическим видениям, сила и эффект которых зависят от горения эфирного огня. Указав на возможности исцеляющего использования виртуальной

реальности, «Осмос» также напоминает, насколько близки мы с электроникой, в зрении и слухе, телесно и психически. Наш язык источает электромагнитические метафоры. Мы говорим о магнетических личностях и линиях жизни, о дурных вибрациях и отключке, о разрядке и необходимости подзарядиться. Излучает ли тело поляризованную энергию или нет, наше «я» сегодня стянуто второй, электромагнитной кожей.

Призраки спектра

В середине XIX столетия электричество испытало почти алхимическую трансформацию, которая вызвала изменения в современном обществе. Медиумом, ответственным за этот революционный скачок, был мозг некоего Сэмюэля Морзе, человека, который, как отмечают историки техники, имел довольно грубое представление о тайнах электромагнетизма. Но хотя Морзе и не хватало усидчивости одержимого, столь распространенной в первые годы электрических изобретений, он был, вне всякого сомнения, благословлен с самого начала грозным озарением свыше: раз электрический ток может скользить по проводам, то «мысль может быть... мгновенно передана электричеством на любое расстояние». Эфирный огонь следовало раздуть, превратив его в еще более бестелесную сущность. Энергия испарилась, превратившись в информацию, и это коренным образом изменило способ отражения человеческого в технологическом.

Убедив Конгресс ссудить 30.000 долларов на проект, Морзе протянул провод между Балтимором и Вашингтоном, округ Колумбия. Первое официальное сообщение, переданное этой линией в 1844 году состояло из странного пророческого изречения: «Что Бог приуготовил!» Эта фраза была предложена дочерью представителя американского патентного бюро, хотя сам Морзе наверняка испытывал то же чувство. Помимо того что он был сыном верного евангелиста, он также пожаловал добрую долю своего значительного состояния церквям, семинариям и миссионерским обществам. Первое телеграфное сообщение может быть прочитано и как страстный вопрос, и как крик ликования, и сегодня мы знаем ответ: Бог приуготовил — или, скорее, человек приуготовил в своем подражании Богу — пришествие информационного века.

Система Морзе была не просто электрической (и, следовательно, не просто предельно эффективной в своей мгновенности); она была цифровой. Электрический ток, бегущий по проводам, сам по себе всего лишь аналоговый носитель, содержащийся повсюду в мировом электрическом океане. Но, прерывая и вновь продолжая его течение одним-единственным переключателем и разработав код, позволяющий интерпретировать паттерны импульсов, Морзе разобрал этот аналоговый танец на серию дискретных цифровых единиц и обозначил их точками и тире. Телеграф — это первая нервная сеть информационного века, и на это указывала та скорость, с которой он завоевывал и менял мир, особенно стремительно индустриализующиеся США. После изобретения Морзе увеличилась пропускная способность железных дорог, перевозящих товары через просторы Америки, газетчики ускорили темп освещения исторических событий, бизнесмены усилили свой контроль (и усугубили свои стрессы), фондовые биржи синхронизировали свою пульсацию. Через десять лет после проведения первой линии Морзе 30 000 миль телеграфных линий опутали Соединенные Штаты; к 1858 году через чернильные глубины океана был проложен первый трансатлантический кабель. И наконец, на исходе века Великобритания связала воедино всю свою всепланетную империю, проложив кабель от Лондона до Дарвина в Австралии через Йемен.

Наиновейший способ передачи информации XIX века, телеграф питал воображение масс. Еще до того, как Морзе проложил свой первый кабель, Ф. О. Дж. Смит, один из самых громогласных сторонников Морзе в Конгрессе, выступал с напыщенностью, которой медиа-магнаты грешат и сегодня:

Влияние этого изобретения на политические, коммерческие и социальные отношения людей в этой обширной стране... будет... само равно революции, непревзойденной по своему моральному величию ни одним открытием, сделанным дотоле в искусствах и науках... Для информации расстояние между штатами будет полностью уничтожено, а вследствие этого также и между отдельными гражданами.

Кажется заманчивым приписать это словесное усердие тому обстоятельству, что Смит был тайным деловым партнером Морзе в осуществлении его проекта, но

тогда мы получим неверное представление о степени связанного с телеграфом энтузиазма как в массовой среде, так и в кругах элиты. После прокладки трансатлантического кабеля пятнадцать тысяч жителей Нью-Йорка, лишь немногие из которых лично выиграли от этого, устроили парад, какого еще не видывал этот город. Одна из газет жаловалась, что кабель «называют событием, уступающим по своему значению для человечества только распятию Христа».

Эта аналогия была вполне уместна для Америки XIX века, в которой религиозный и технологический энтузиазм питали и усиливали друг друга. Это была эра страстного технологического утопизма, когда в свет выходили такие книги, как «Рай на Земле и богатство для всех людей без труда, посредством сил природы и машины». И достижения, подобные каналу Эри, лишь поддерживали эти надежды. Но этот техноутопизм заимствовал свой пыл у аналогичного религиозного энтузиазма, который вверг молодую нацию в пламенный карнавал ревайвализма, духовного экспериментаторства и прогрессивных коммун. Постный кальвинизм, обычный среди американских христиан-трудооголиков, расцвел и зарделся цветами перфекционизма — веры в то, что и личность и мир обладают безграничным потенциалом для улучшения. Дух ревайвализма с его мечтами о наступающем миллениуме в свою очередь поддерживался технологическим взрывом, породившим новые машины и инженерные подвиги. Эти достижения привели к тому, что историк Лео Маркс назвал «технологической гордостью»: восхитительное и пугающее величие, которое поэты романтизма связывали с природой, стало приписываться новым технологиям. Телеграф, мгновенно преодолевающий расстояния, был воспринят как явный признак самопровозглашенного долга молодой страны: построить рай на земле.

Далее мы еще увидим, как эти величественные технологические утопии нашли приют внутри современных информационных сетей, выросших из проводов, когда-то проложенных Морзе. Здесь нас особенно интересует то, что «уничтожение» телеграфом пространства и времени размывало границы американского «я». Как это всегда бывает с новым мощным информационным средством, само существование телеграфа потрясло скорлупу идентичности. В «Понимании медиа» Маршалл Маклюэн утверждает, что «если все предыдущие технологии расширяли какие-либо части наших тел, про электричество можно сказать, что оно продолжило саму нашу центральную нервную систему». Для Маклюэна электрический нервный узел, созданный Морзе, был лишь первым в ряду новых медиа: радио, радиолокации, телефона, фотографии, ТВ, которое вызвало распыление индивидуалистических рамок сознания, выработанных технологиями письма и печатных изданий. Телеграф инициировал «новое, электрическое воссоединение племен Запада», долгий спуск в электронное море соучастия в мифе и коллективного резонанса, где старые анимистические мечты дописменных культур рождаются заново на электромагнитных волнах. Но Маклюэн увидел и коллективное «овнешнение», вызванное телеграфом — технологическим корнем тревоги века: «Вывести свои нервы наружу, — пишет он, — это значит провоцировать ситуацию кошмара».

Религия и оккультизм во многом обязаны своим могуществом одновременно стимуляции и контролю страхов: страхами, которые атакуют беспрестанно меняющиеся границы «я», особенно последние граничные области, связанные со смертью. Когда новые технологии начали формировать заново эти самые границы, — тени, фантомы и темные отражения, преследующие человеческую идентичность, стали просачиваться за границы «я», и множество их нашло прибежище в виртуальных пространствах, открытых новыми технологиями.

Так что днем Америка уверенно использовала телеграф для передачи скандальных коммерческих новостей, а ночью американское сознание боролось с призраками. В 1848 году семейство Фокс начало слышать жуткие постукивания и загадочные удары в своем скромном домике в Гайдсдейле на севере штата Нью-Йорк. Пугающий стук регулярно всплывает в фольклоре. Обычно его приписывают полтергейсту, следы которого до сих пор ищут современные охотники за привидениями. Но сестры Фокс сделали нечто беспрецедентное в анналах

спиритической истории: они стали стучать в ответ. Для того чтобы улучшить связь, сестры уговорились с духом — предположительно, убитым торговцем, чьи кости лежали под домом, — отвечать на их запросы простым кодом. Один удар — «да», два — «нет»: призрачное эхо точек и тире, вскоре понесшихся по проводам через страну.

Домик в Гайдсдейле открыл дорогу спиритизму, квазирелигиозному течению эпохи модерна, утверждавшему возможность обмена информацией с мертвыми, которое вскоре приобрело такую популярность, что стало представлять угрозу для христианского мейнстрима. К 1870-м годам в США было уже приблизительно 11 миллионов спиритов и без счета по всему остальному миру, многие из высших классов. Начавшись с элементарной астральной телеграфии сестер Фокс, спиритические способы связи вскоре значительно усовершенствовались: сложные алфавитные коды, грифельные доски, «спиритоскопы», автоматическое письмо, планшеты для сеансов и, разумеется, человеческие голосовые связи, обычно женщин-медиумов. Спиритические сеансы вновь возвращают нас к флюидам: торжественное погружение комнаты во тьму, просьбы к участникам взяться за руки для того, чтобы принять токи, — медиумы владели талантом управлять эмоцией благоговейного страха. Хотя многие спириты исторгали из себя утопические пророчества, которые можно обнаружить и в современных «традиционных» течениях, большинство спиритических бесед служили уже далеко не метафизической цели: установлению близкой связи между живыми и их ушедшими из этого мира друзьями и родственниками.

Спиритизм возник не на пустом месте. Люди, вероятно, взывали к своим предкам со времен каменных орудий и гадательных костей. К тому времени, как в доме Фоксов начался стук, в Америке уже были шейкеры, индейские шаманы и месмеристы, вопрошавшие духов через введенных в транс пациентов. Но Иоанном Крестителем спиритизма стал некто Эндрю Джексон Дэвис, американский визионер, который в начале XIX века пошел по следам записок Сведенборга о путешествиях в нематериальных мирах. В 1845 году Дэвис, объяснявший сверхъестественные силы действием электромагнетизма, заявил, что «наглядная демонстрация» спиритической коммуникации уже близка и что «мир будет с восторгом приветствовать возведение этой эры, когда внутренний мир человека будет вскрыт и спиритуальное единение будет доступно нам так же, как оно сейчас доступно обитателям Марса, Юпитера и Сатурна». Мы возьмем на заметку это высказывание в духе научной фантастики и рассмотрим его позже в этой книге. Здесь же имеет смысл заметить, что, подобно тому как Маклюэн считал, что электрические технологии «овнешняют» центральную нервную систему, так и Дэвис связывал спиритическое общение у инопланетян с раскрытием внутреннего мира личности.

Независимо от того, каким был статус пророчеств Дэвиса и плутовали сестры Фокс (в чем они сами признавались неоднократно) или говорили правду, спиритизм был первой поп-религией информационного века. Поэтому с самого начала он был связан с электромагнетическим воображаемым и потрясшей умы трансформацией электричества в информацию, которую произвел телеграф. В течение 1850-х годов самой популярной газетой движения был «Спиритический телеграф». Айзек Пост, один из первых исследователей феномена сестер Фокс, пришел к заключению, что «духи, имевшие главное касательство к озаглавлению начала этой телеграфии, были философическими и учеными умами, многие из которых сделали исследования в области электричества и других тонких материй своей специальностью в земной жизни». (Одной из часто вызываемых персон на спиритических сеансах был Бенджамин Франклин.) Спириты, вроде Алана Кардека, и ученые, подобные Майклу Фарадею, прибегали к электричеству для объяснения стуков, скрипов и явлений духов, случавшихся во время таких сеансов. В истории движения, написанной в 1859 году, спирит Эмма Хардинг отмечает:

С начала работ над спиритическим телеграфом, при помощи которого невидимые существа смогли бы оставлять связные сообщения, они [спириты] провозглашали, что этот метод общения был создан учеными умами среди духов и что его успех

зависел в основном от состояния животного и атмосферного магнетизма.

Отражая пламенный энтузиазм, который технология разожгла в американцах XIX века, Хардинг предположила, что духи сами изобрели спиритический телеграф, что его технологический статус наполнил его «точными и научными характеристиками», которых не хватало вещему бормотанию прежних оккультистов. Хардинг даже заявляла, что духи выбрали коттедж Фоксов, потому что его «аура» сделала жилище хорошей батареей.

Электромагнетический образный ряд, таким образом, продолжал влиять на представление о человеческой душе, хотя период витализма был пройден — возможно, потому, что мертвое стало значить больше живого. Объединение медиумов и электрического телеграфа также являлось осязаемым свидетельством в пользу того, что наука и инженерия проникнут в невидимые царства и сделают чудесное обычным и практичным. Спириты были едины в своем отрицании сверхъестественного, в своей вере в законы природы и убежденности в том, что загорбная жизнь — всего лишь новый рубеж, который будет взят наукой в ее победном марше. Этот оптимистический прагматизм находил свое отражение не только в «изобретениях», которые, как сообщалось, были записаны со слов духов некоторыми спиритами, но также и страстными попытками движения представить себя в качестве эмпирической науки. Безжалостно подделывая научную риторику, спириты производили запись сеансов, используя тот же объективный, безоценочный язык имен, дат и фактоидов, который до сих пор отличает парапсихо-логические ежегодники. Как указывает исследователь Р. Лоренс Мур, спириты «рабски подражали научному методу, воздерживаясь от субъективизма и духовности как от вещей, которые нельзя принимать во внимание».

Все это помогает объяснить одну из многих параллелей между спиритизмом и новомодными «традиционными» течениями: банальность откровений, приходящих из-за покрывала тайны. Во время сеансов самая скучная информация играла важную роль, так как медиумам приходилось составлять подробные информационные цепочки, состоящие из данных, которые нельзя было бы получить другими способами — из событий, имен, дат, — для того чтобы доказать участникам сеанса, что их мертвые связные действительно приходили в дом и что ни духи, ни медиумы не являются шарлатанами. Пришедшим на сеанс, кроме того, излагались смутные техноуто-пистские пророчества, которые гласили, что социальный прогресс и духовный подъем явятся на плечах технологического развития. Подобно большинству сегодняшних нью-эйджеров, спириты были носителями достаточно прогрессивных взглядов, принимали аболиционизм и другие реформы, а также ослабление тугого корсета гендер-ных ролей и христианских сексуальных нравов. Это движение играло центральную роль в начале женской эмансипации, поскольку таким образом женщины впервые получили право голоса на публике, хотя бы и чужого голоса. Но хотя посетители сеансов разделяли прогрессивный темперамент трансценденталистов Новой Англии, они не имели ничего общего с высоким полетом духа этой элитной группы, и Эмерсон заклеил движение «крысиной норой откровения».

Продираясь через спиритические тексты, можно прийти к заключению, что смерть — это не более чем простая потеря оригинальности. Ни медиумы, ни духи не открывали никакой ценной информации и не выказывали особого вдохновения. Но утомительность этого потустороннего информгентства сама по себе имеет глубокое значение в качестве индикатора тенденции, свойственной американской культуре, рассматривать технические системы коммуникации как нечто возвышенное. Из-за этого сама система (будь то спиритический телеграф или компьютерная сеть) несет «революционный» заряд, более могущественный и существенный, чем любое из сообщений, которые проходят по проводам. Точно так же первые радиолюбители гораздо больше восхищались, установив связь с каким-нибудь далеким радиофанатиком, чем ведя интересную беседу. Факта доставки информации из духовного мира было достаточно для того, чтобы утвердить божественность спиритического телеграфа как такового. Как объявила Спиритическая ассоциация Новой Англии в 1854 году, «духи действительно

сообщаются с человеком — такова наша вера». Медиум действительно был новостью сам по себе.

К 1860-1870-м годам медиумы стали профессиональными поп-звездами викторианской эпохи. Хотя контакты с родственниками, которые «ушли от нас», оставались гвоздем программы, посетителям сеансов все чаще предлагались оккультные номера, вроде столоверчения, левитации, ручной и липкой эктоплазмы, материализующейся из пустого пространства, и музыкальных инструментов, играющих мерзкие жиги в темноте, медиум был связан, а его рот — заткнут кляпом. Словоохотливые духи прежних лет уступили дорогу буйным призракам, следуя тенденции, знакомой нам всем сегодня: превращение средства коммуникации в потребительский спектакль.

Пока харизматичные медиумы устраивали свои все более сложные фокусы в домах джентри на родине и за границей, ученые и разоблачители вступали с ними в борьбу. Хотя множество медиумов были разоблачены как шарлатаны (что не обязательно приводило к закрытию их бизнеса), неожиданно большое число серьезных ученых и инженеров закончили свою карьеру, полные энтузиазма спиритизма, несмотря на угрозу публичного обвинения и насмешек официальных лиц. Натуралист Альфред Рассел Уоллес, вернувшись из тропиков, где он придумал теорию эволюции, весьма схожую с дарвиновской, углубился в эмпирическое исследование спиритизма. Посмотрев на то, как медиумы вроде миссис Гаппи достают шестифутовые подсолнечники из ниоткуда, Уоллес пришел к заключению, что некоторые из спиритических феноменов «доказаны... так же, как доказаны факты других наук». Кромвель Варли, инженер-электрик, который работал на прокладке трансатлантического телеграфного кабеля, пылко веровал в спиритизм и пытался продемонстрировать существование материализованных духов, присоединяя их к гальванометру. В конце своей жизни Томас Эдисон попытался смастерить радиоустройство, которое установило бы телепатическую связь между мирами. Даже экспертные журналы, такие как *Electrical Review*, которые осмеивали электриков-любителей и их эксцентричные идеи, время от времени печатали истории о призрачных сущностях, вмешивавшихся в работу электрического оборудования.

Возможно, наиболее известным ученым, увлекавшимся духами, был сэр Уильям Крукс, один из наиболее приверженных визионерству физиков викторианской Англии. Когда Крукс объявил о своем намерении «слить бесполезный осадок спиритизма», более трезвое крыло общества аплодировало ему. Но они ничего не знали о том, что этот человек уже успешно прибегал к помощи медиумов для того, чтобы контактировать со своим утонувшим братом. Крукс использовал в своих исследованиях большой набор электроинструментов и делал фотографии духов — одно из наиболее популярных использований новой технологии. Спиритическое воображение Крукса просочилось даже в его научные занятия. Экспериментируя с воздействием электричества на газы, накачанные в трубки, из которых прежде был выкачан воздух, он открыл призрачные эффекты, похожие на пульсирующее туманное свечение, которое он наблюдал во время спиритических сеансов. Крукс полагал, что он нашел другой путь связи с мертвыми. То, что он на самом деле нашел, было эффектом фосфоресценции, который возникал при воздействии катодных лучей на определенные материалы в вакуумной трубке — открытие, которое в итоге вызвало к жизни довольно разговорчивых духов, спящих сегодня по экрану телевизионных приемников.

Эта странная обратная связь между магией и машинами едва ли была беспрецедентной. Как отмечали некоторые историки, популярные научные демонстрации, которые собирали зрителей в лекционные залы в конце XIX века, было иногда сложно отличить от оккультных представлений. Если верить одному отчету того времени, «финал» лекции, прочитанной в Бостоне в 1887 году представителями компании Эдисона, был не чем иным, как спиритическим сеансом: «Звенели звонки, били барабаны, слышались шумы естественного и неестественного происхождения, лабораторный шкаф вращался и сверкал пламенем, появлялся ряд черепов умерших». Конечно, такие представления были

вписаны в контекст технологического раскрытия загадок наукой. Но во мнении публики они оказывались всего лишь приемами, с помощью которых новые шаманы изгоняли старых. Как отмечает историк культуры Эвитал Ронелл, «наука обретает свою устойчивость в длящейся борьбе с демонами сверхъестественного, с наваждением которых ей тем не менее приходится конкурировать».

В этом смысле тот факт, что оккультный балаган спиритизма втянул в себя так много видных ученых, просто отражает более важное культурное замешательство, вызванное взрывным ростом науки и технологии в ходе индустриальной революции. Сознательно или нет, многие викторианцы пришли к пониманию того, что эмпиризм и материализм, который ответствен за возникновение такого количества полезных вещей, размывает метафизическое основание бессмертия их душ. Одно только христианство, лишённое магии и беспомощное перед дарвиновским давлением естественного отбора, едва ли могло послужить плотиной на пути потока космической бессмыслицы. Что же могло быть спасительнее спиритизма, самой материалистической и эмпирической религии, которую только можно вообразить?

Подобные соображения помогут нам понять факт, который в противном случае показался бы довольно парадоксальным. Последние десятилетия XIX века, когда машинный век понесся вперед на всех парах, были настоящим бумом поп-мистицизма, оккультизма и декадентского романтизма. С одной стороны, месмеризм, спиритизм, теософия и «христианская наука» Мэри Бейкер Эдди выражали желание одухотворить науку, преодолеть растущую пропасть между рационализмом и религией. Но оккультная космология и леденящая душу практика этих течений также помогли создать новые, хоть зачастую и жуткие, способы представления и ощущения своего «я» в эпоху, когда призрачные границы идентичности меняются перед лицом новых технологий передачи и воспроизведения информации. Дагерротипы, фонографы, телеграфы, телефоны — все эти медиасредства XIX века содержали частицу души в артефакте, или электрическом посреднике. История «я» информационной эпохи — это история следов души, отражений и виртуальных двойников, экстериоризованных, овнешненных в технологиях. Астральное тело теософов было просто воображаемой формой того второго «я», которое вскоре появилось на фотографических пластинках.

Такое технологическое удвоение вызвало древний страх перед *doppelgänger*, двойником — психическим си-мулякром «я», который движется через мир в соответствии со своим собственным жутким планом. Фрейд обозначил страх, внушаемый *doppelgänger*’ом, словом «жуть», хотя оригинальное немецкое слово *unheimlich* несет в себе дополнительное значение «заброшенности» («не в своей тарелке»). Сам Фрейд связывал *unheimlich* со странными чувствами, которые производят в нас куклы и автоматы, но в «Телефонной книге» Эвитал Ронелл также связывает фрейдистский ужас перед технологией с революционным изобретением Александра Грэма Белла. Текст Ронелла — это увлекательная и дерзкая в дизайнерском отношении книга, которая представляет собой продолжительное размышление о шизофрении, философии Хайдеггера и воспроизводимой с помощью электричества речи — размышление, ищущее основание для всего этого в технологии Белла, но оккультная часть ее повествования концентрируется вокруг теневого двойника самого Белла: Томаса Уотсона, другого заклинателя электричества, которого Белл обессмертил в знаменитом (хотя, возможно, и мифическом) окрике: «Уотсон, иди сюда! Ты мне нужен!»

Хотя Беллу принадлежала идея превращения колебаний воздуха человеческого голоса в электрический сигнал, который можно передавать на расстояние по проводам, Уотсон еще раньше построил первый телефон. Подобно большинству электрических умельцев своего времени, Уотсон сочетал массу познаний в технических приемах со слабыми и зачастую сомнительными теориями о загадочном флюиде электричества, причем в случае с Уотсоном эти теории смешивались еще и с его оккультными воззрениями. Дневник Уотсона показывает, что Эон наблюдал ауры и непринужденно беседовал с утренними глориями. Как

пишет Ронелл, он был «способен публично произносить такие выражения, как: „веря, как я сам, в реинкарнацию...“». Будучи членом Общества психических исследований, Уотсон считал спиритизм немистической наукой и первоначально полагал, что, «подобно тому, как телеграф превращает пульсацию электричества в знаки кода Морзе», так и медиумы превращают излучения энергии в стук. Позже Уотсон принял теорию «развоплощенного духа», теорию, которая, как отмечено в его дневнике, влияла на его совместные с Белл-лом исследования: «Сейчас я работал с этой оккультной силой, с электричеством, и здесь есть шанс сделать некоторые открытия. Я уверен, что духи не могут напугать электротехника и что они могут быть полезны в его работе». Пытаясь построить телефонную линию, которая могла бы принимать и передавать сигналы, Белл и Уотсон «успешно разговаривали», посылая слабые токи через круг, составленный из дюжины людей, взявшихся за руки, как это бывало на спиритических сеансах, а в своих более поздних демонстрационных лекциях их динамичный дуэт показывал различные телефонные трюки, которые вызывали дрожь и холодили душу, как и любое другое хорошее магическое шоу.

По сути, телефон — предельно анимистическая технология. Мы ассоциируем разумную жизнь со способностью общения, а здесь перед нами — косный предмет, полный голосов. Император Бразилии вскричал, когда впервые услышал устройство: «Мой бог, оно разговаривает!» В наши дни, конечно, мы привыкли к говорящим машинам, а повсеместность и практическая польза, приносимая телефоном, отправила эти анимистические представления на свалку истории. Но двусмысленность, свойственная призракам, все еще продолжает таиться в этом приспособлении. Говорит ли оно само, мы ли говорим через него, или эти вибрации — наши собственные призраки? Когда мы берем трубку и не слышим тонового сигнала, почему мы говорим, что линия «сдохла»? Телефонный звонок посреди ночи может испугать не только плохими известиями, которые он может нести. Телефонные маньяки долго использовали ужас, возникающий, когда мы берем трубку и не слышим никого «там». Или вспомните о сообщениях, которые мы оставляем на автоответчиках. «Сейчас меня здесь нет», — говорим мы, что неизбежно вызывает вопрос: если сейчас нас здесь нет, то кто разговаривает? Этот сравнительно тривиальный вопрос становится совершенно пугающим для каждого, кто позвонил на автоответчик недавно умершего человека и услышал бодрый голос, принадлежащий мертвецу.

Телефонная фобия имеет и политическое измерение. В течение XX века современные государственные институты часто осуществляли свое влияние через службы разведки, и телефон служил первейшим полем этой активности. Сегоднешние агенты разведки, как корпоративные, так и государственные, уже освоили большую часть электромагнитного спектра — от инфракрасных камер до спутниковых частот связи и считывания электромагнитных импульсов, исходящих от удаленных дисплеев. Но телефон имеет определяющее значение, потому что самой возможности того, что невидимые агенты прослушивают твою линию, достаточно для того, чтобы сбить уровень психологической близости, допускаемой в телефонном разговоре, превратив скромную телефонную трубку в предательское щупальце незваных и невидимых сил.

Даже будучи узаконенным, страх перед электромагнитной слежкой создает один из величайших шизофренических мотивов XX века: подозрение, что нечистая квазителепатическая сила использует транзисторные приемники, телевизоры, зубные протезы или микроволновые сигналы для того, чтобы поработить мозг и манипулировать поведением. Эти параноидальные подозрения обычно содержатся в историях об агентах КГБ, инопланетных зондах или экспериментах ЦРУ по контролю над сознанием. Эта светская мифология подходит для овнешненного электронного «я», открытого и доступного вниманию невидимых агентов, рыскающих повсюду в информационном пространстве. Но зарождение этого мотива может быть отнесено к самой заре телефонной эры, к 1870-м годам, когда Томас Уотсон встретил человека, который клялся, что двое известных ньюйоркцев подсоединили его мозг к своей телефонной линии для того, чтобы беспрестанно внушать ему разнообразные «дружеские пожелания и даже мысль об убийстве».

Человек предлагал Уотсону срезать крышку черепа, чтобы электроинженер смог посмотреть, как работает эта штукавина.

Вряд ли будет ошибкой сказать, что эти сценарии электромагнитного контроля являются прообразом, старой демонологической аллегорией современных манипуляций СМИ и пропаганды. Их сущность остается тесно связанной с оккультизмом, с гипнотизирующими жертву призраками и месмерическими силами, которые уже присутствовали в электромагнетическом воображаемом. Персонажи «Дракулы» Брэма Стокера, опубликованного в 1897 году, постоянно сообщаются друг с другом при помощи телефонов, фонографов, телеграфов и печатных машинок. Сади Плантац поясняет: «Вампиры возвращаются в блестящий мир неуловимых коммуникаций и телевизионных скоростей». Полвека спустя шведский исследователь Константин Раудиве заявил, что на магнитной пленке, где записана тишина, часто можно слышать отчетливые голоса. Поборники «электронного голосового феномена» вслушивались в аналогичное бормотание на радиочастотах, где не велось никаких передач. Некоторые считали эти звуки голосами мертвых. Во время вьетнамской войны американские военные даже пускали над вьетнамскими деревнями вертолеты с записями жутких звуков, якобы принадлежащих «предкам», пытаясь расшатать нервы врага.

Тот факт, что все эти фантазмы, выдуманные или нет, продолжают осаждать окраины электронного мира, доказывает ключевую идею этой книги: современные средства информации разжигают древний огонь магического и анимистического восприятия, выравнивая и заново сгибая складки «я». Это новое восприятие затем становится рутинным, коммерциализируется, подвергается эксплуатации и становится, как обычно, жертвой бизнеса. Для того чтобы заново настроиться на страхи и намеки, которые когда-то рождали привычные сегодня вещи, вы должны взломать земную оболочку обыденных технологий и проследовать хитросплетениями архетипических проводов и соединений. И тогда ваше сознание будет ввергнуто, пусть на мгновение, в пучину электромагнетического *unheimlich*. Духи говорят: в информационный век вы никогда не почувствуете себя у себя дома.

Подобно вспышке молнии

На протяжении всего XIX века символы и практики, окружающие электричество, сохраняли в себе частицу старого алхимического огня. Электрический витализм и магнетический транс питали дух анимизма в эпоху торжества механицизма. Электрические коммуникации, фотографическая ловушка для световых лучей и открытие электромагнитного спектра помогали развеять мир атомистического материализма до состояния спектрального космоса развоплощенных вибраций. Но электричество и электромагнитный спектр, помимо этого, привели к появлению самого прометеевского и техноутопического измерения алхимического сознания.

Подобно своим предшественникам — античным металлургам, — алхимики Ренессанса работали *contra naturum*, против природы, искусственно усиливая эволюционный потенциал мира. Христианские алхимики идентифицировали эту работу не только с духовным спасением индивида, но и с творением царства небесного, описанного в концовке Откровения Иоанна Богослова. Не лишним будет допустить, что для многих алхимиков этот милленаристский *lapis* отвечал могущественному состоянию мистического сознания, но символ небесного града, парящего на горизонте конца пространства-времени, понимался и как проект материальной истории. И именно в этом, более плотском, смысле милленаристский порыв проник в современную идеологию технологического прогресса, особенно в США. К концу XIX века, когда электричество начало производить механическую силу и «волшебные замки», полные электрических ламп, отбросили прочь древнего врага ночи, электричество приняло на себя смысловую нагрузку милленаризма.

Из всех Прометеев, которые подвели провода к этому электрическому Новому Иерусалиму, никто не упорствовал в своих мечтаниях больше, чем Никола Тесла, который хотел поставить на службу человечеству любую природную силу. Этнический серб, рожденный в Хорватии, Тесла приехал в Америку молодым человеком без гроша в кармане с мечтой обставить великого Томаса Эдисона в его впечатляющих изобретениях. Когда Тесла умер в 1943 году, под его именем значилось свыше 700 патентов. Он мог похвастать изобретением или открытием электромотора, двухфазного переменного тока, катушечного трансформатора, флуоресцентного источника света и принципа вращающегося магнитного поля. Он баловался с рентгеновскими лучами и беспроводной связью задолго до (соответственно) Рентгена и Маркони. Он укротил Ниагарский водопад и приспособил его для освещения города, а его электрогенераторы и электромоторы на переменном токе продолжают генерировать свет и рабочую силу по всему земному шару. Даже несмотря на то что современная цивилизация летит на воющих турбинах индустриального века в виртуальные эмпиреи, своей силой она во многом обязана именно Тесла.

Тесла был также предельно визионерским типом, и до сего дня как сам он, так и его взгляды излучают мощную ауру ужаса и меркуриальной гениальности. Привычки Тесла были чрезвычайно странными, его гипотезы — одновременно дикими и пророческими, а его наиболее спекулятивные (и недоказанные) патентные заявки возвышаются над примитивной научной фантастикой своего времени. Тесла не был спиритом. Его вера в то, что человеческие существа — это машины из плоти, была далека от любого оккультного теоретизирования. С другой стороны, изобретатель не считал себя выше разговора с идолом теософов Свами Вивеканандой, когда гуру радостно принимали на Западе в 1890-х годах. Впоследствии Тесла стал изредка допускать упоминания ведических взглядов о пране и акаши в своих трудах о «светоносном эфире».

Но причина, по которой Тесла выглядит такой загадочной фигурой, состоит в том, что он, по-видимому, обладал интуитивным, нутряным, почти сверхчеловеческим знанием электромагнетических мистерий, а исследователи все еще держатся за теоретические веревочки, которые он оставил болтаться в воздухе. В соответствии с его собственными воспоминаниями, изобретения иногда приходили в его голову полностью сформированными, как если бы он просто подгрузил чертежи из астрального плана. Представление о моторе, способном генерировать переменный

ток и ставшим, возможно, его самым важным изобретением, пришло к молодому студенту-изобретателю, когда он неторопливо прогуливался по парку в Будапеште. Шагая в ослепительных лучах заката, Тесла цитировал, помимо прочего, строки из «Фауста» Гёте. В один момент «идея пришла ко мне как вспышка молнии».

Годы спустя система переменного тока Тесла была продана американскому магнату Джорджу Вестингаузу. Это обстоятельство вовлекло молодого изобретателя в жестокую публичную схватку с Томасом Эдисоном, который хотел, чтобы его собственная система переменного тока дала силу миру. «Война электричеств» обнажила темную сторону электромагнитического воображаемого, привнесла нездоровый спектакль в электрическую культуру конца XIX века. Два воюющих лагеря публично казнили животных, используя системы своих соперников, — гротескные представления, которые с неизбежностью привели к возникновению первых электрических стульев. Эдисон распорядился использовать систему Тесла для казни Уильяма Кеммлера, но инженеры Эдисона схлтурили, и Кеммлера пришлось ударить током дважды. Эта кровавая жертва на алтарь электрической утопии широко освещалась массовой прессой. *Scientific American* прославил этот метод казни, убеждая, что такая «смерть от молнии... внушит необразованным массам еще более глубокий ужас».

Для своих публичных представлений Тесла предпочитал зрелища в фаустовском духе, в большей степени удовлетворявшие толпу. Частично для того, чтобы доказать безопасность своей системы, что в конечном итоге и привело к победе, Тесла пропускал электричество через самого себя, сотни тысяч вольт через свое светящееся тело. Говоря словами самого Электрика: «Кто может... оставаться невпечатленным перед лицом сверхъестественного света трубок в соответствующим образом затемненной комнате и таинственным голосом, исходящим из центра электростатического поля?» Машина, которая генерировала несколько зрелищных световых эффектов Теслы, была знаменитой индукционной катушкой, до сих пор носящей его имя. Небольшие катушки Тесла широко используются в телевизорах и электронных приводах, но их более крупные собратья получили наибольшую известность за то, что помогли создать громадные искусственные молнии, танцующие по лаборатории доктора Франкенштейна в классической экранизации Джеймса Уэйла.

Подобно большинству изобретений Тесла, катушка Тесла использует принцип резонанса, который стал настолько привычным тропом современного мышления, что заслуживает здесь краткого описания. Будучи не столько законом природы, сколько глубинным свойством ее поведения, резонанс встречается повсюду, возникая в электросистемах, паровых двигателях и молекулярных комплексах, а также в тувинском горловом пении или при настройке телевизора. Все вибрирует, и когда колебания различных систем совпадают, то есть резонируют, большие объемы энергии могут передаваться от одной системы к другой. Именно поэтому сильные певцы могут бить бокалы голосом. Энергично выпевая тон, который совпадает с частотой резонанса посуды, они способны усиливать вибрации до тех пор, пока стакан не взорвется.

В летние дни 1899 и 1900 годов, когда Тесла построил лабораторию в Колорадо-Спрингс, он ставил эксперименты, которые вознесли его резонансные интуиции на высоты, достойные Гудвина Великого и Ужасного. Замечательное символическое действие: Тесла стал первым Прометеем, который на самом деле сгенерировал молнию, произведя разряды длиной более 30 метров. Исследуя естественные грозы, часто случающиеся в тех местах, Тесла сделал поразительное открытие: оказывается, сама планета генерирует стоячие волны. Тесла писал: «Земля... буквально живет электрическими вибрациями». Имея в виду эти планетарные волны, Тесла пришел к наиболее загадочной из своих концепций: сама Земля может быть использована в качестве резонансного проводника как некая разнородность камертона, который может свободно передавать энергию по поверхности земного шара. Поставив единственный эксперимент в Колорадо, Тесла объявил, что он передал электрическую энергию вокруг планеты без энергетических потерь в пути. Вдохновленный законами природы, которые он

якобы открыл, Тесла уже воображал беспроводную электрическую сеть, которая может создать земной рай. Переданная энергия превратит ледяные шапки в пахотные земли, очистит города и уничтожит войну, нищету и голод. Хотя некоторые чудаковатые энергетики-вольнодумцы до сих пор убеждены, что Тесла открыл некий до сих пор не использованный электромагнитический феномен, большинство ученых относят именно эту мечту Тесла на счет его «приветов».

Тесла электрифицировал техноутопизм, но затронул и темную сторону силы. За его видениями Аркадии лежит жестокий мир электрических стульев, лучей смерти, автономного оружия и беспроводного контроля над сознанием. В 1890-х годах газеты докладывали, что Тесла тайно разработал управляемую с помощью электромагнетизма торпеду. Эти слухи оказались правдой. Когда изобретатель постарел и обеднел, его стали все чаще обвинять в разработке членовредительских проектов, связанных с беспроводной связью. Тесла в красках изображал сценарии с использованием ужасающих «лучей смерти» и боевых роботов, которые вытеснят живых солдат — умное оружие, похожее на те проекты, которые сегодня близятся к реализации в недрах американской военной машины. Но самым апокалиптическим заявлением Тесла было его утверждение, что, настроившись на частоту резонанса Земли, он может рассечь планету как «яблоко» — подходящий образ для используемого во имя зла знания.

Даже во время своих умопомрачительных экспериментов в Колорадо Тесла достаточно смыслил в человеческой природе для того, чтобы понять, что всемирный фонтан энергии еще не гарантирует утопии. Тесла соединил свои планы по передаче энергии без проводов с беспроводной передачей информации в том, что мы сейчас называем радио. Вот что он пишет в «Электрическом экспериментаторе»:

Величайшее благо произойдет от технических новшеств, стремящихся к унификации и гармонии, и мой беспроводный передатчик именно таков. Посредством его человеческий голос и облик будут передаваться повсюду, а фабрики будут работать, удаленные на тысячи миль от водопадов, снабжающих их энергией; воздушные машины будут двигаться вокруг земли без остановки и солнечная энергия будет направлена на создание озер и рек для преобразования сухих пустынь в плодородную почву.

Хотя Тесла так никогда и не построил свой громадный беспроводный передатчик, его видение всемирного высоковольтного Изумрудного города до сих пор сияет на технологическом горизонте. Подобно множеству нынешних техноутопистов, Тесла имел курьезную веру в то, что техническое решение проблемы глобальной коммуникации волшебным образом разрешит социальные и политические антагонизмы, которые оплели человечество. Когда Тесла писал, что «мир может настать лишь как естественное следствие всеобщего просвещения», он не просто взывал к глобальному распространению культурных ценностей модерна, таких как разум и прогресс. Он предполагал, что это «всеобщее просвещение» может быть воплощено во всепроникающих волнах, передаваемых без проводов. Точно также сегодняшние защитники Сети верят, что децентрализованная структура Сети автоматически приведет к информационному веку демократии участия.

Сходство между этими двумя техническими мечтами не должно удивлять нас. Подобно тому как онлайн-энтузиасты проектируют свои утопии в еще аморфном «космосе» киберпространства, так и Тесла и прочие радиоманьяки возлагали свои надежды на широкие просторы электромагнитного спектра. Хотя Максвелл предсказал существование радиоволн в 1860-х годах, понадобились технологи нового призыва, такие как Тесла и Мар-кони, для того чтобы доказать, что невидимые волны могут быть использованы в качестве средств коммуникации. Однажды извлеченное на свет божий технологией, радио повторило уже хорошо знакомый нам путь интенсивного развития и обычных в таком случае беспрецедентных пророчеств о мире во всем мире, демократическом общении и культурной революции. Радио, кроме того, привлекло легионы умельцев — любителей, подростков, всех тех, кто наделял свои самодельные детекторные приемники несомненным зарядом чуда, изобретательства и анархической игры. Крошечные

устройства по всему миру не только подняли настоящую радиопереговорную бурю, но и позволили совершить важные открытия спектра, особенно в том, что касается коротковолнового диапазона.

Так или иначе, к 1920-м годам государственные и коммерческие интересы привели к натягиванию колючей проволоки через когда-то общий спектр, профессионализируя и сегментируя свободное информационное средство и превращая его в рынок коммерческого вещания, каким мы его знаем сегодня. Но даже когда эфир начал заполняться репортажами с бейсбольных матчей и рекламой хозяйственного мыла, радиофаны продолжали слышать в своих примитивных наушниках какие-то странные потусторонние звуки, принадлежащие призракам, некогда населявшим старинный магнетический эфириум. Томас Уотсон первым принял эти неземные радиопередачи поздно ночью в лаборатории Белла. Он вдруг услышал щелчки, птичьи трели и призрачный скрежет, которые раздались в динамиках: «Тогда моим теоретическим объяснением было то, что токи, порождающие эти звуки, вызываются вспышками на Солнце или что это сигналы с другой планеты. Они были достаточно таинственными, чтобы можно было предложить объяснения, которые появились в дальнейшем, однако сам я никогда не отменял в них какой-то регулярной структуры, что могло бы свидетельствовать об их разумной природе». Хотя именно те шумы, которые он услышал, могли иметь и вполне земное происхождение, Уотсон совершил умопомрачительное открытие: электромагнитные волны позволяли человеческим ушам напрямую воспринимать сигналы из космоса. И Уотсон, подобно его бесчисленным последователям, едва смог удержать при себе догадку, что эти нашептывания из космоса могут содержать сообщения одновременно таинственные и информативные.

Уотсон был не единственным электроманьяком, который верил в то, что он принимает прямые репортажи с других планет. В полное событиями лето 1899 года в Колорадо Тесла также принимал сигналы при помощи своей двухсотфутовой радиовышки, странные тоны, которые привели его к предварительной гипотезе, что он «стал первым человеком, который слышал приветствия от одной планеты к другой». Хотя астрономы впоследствии стали прислушиваться к этим звездным пульсациям на регулярной основе, публичное заявление Тесла о первом «привете» с Венеры или Марса (что наиболее вероятно) было осмеяно. Но Тесла стоял на своем: «Человек — это не единственное существо в бесконечности, наделенное разумом». Никогда не упуская возможности для продолжения своих лихорадочных мыслей, Тесла даже рассуждал о том, что пришельцы уже могут передвигаться среди нас — незримо.

Через десятилетия после того, как Тесла принял эти странные передачи, многие радиооператоры отмечали мощные, устойчивые и на первый взгляд необъяснимые сигналы. Некоторые из них оказывались повторениями литеры V в коде Морзе. Как не вспомнить Пинчона! Сам Маркони заявил, что принимал эти сигналы на нижней границе длинноволнового спектра, и в 1921 году решительно провозгласил, что верит в их происхождение от других цивилизаций. Двадцать четвертого августа 1924 года, когда Марс проходил необычно близко к Земле, гражданские и военные передатчики отключали для того, чтобы освободить эфир для марсиан, и радиолюбители слышали симфонию странных сигналов. Сегодня ученые называют совокупность этих звуков сфериками, то есть атмосферными помехами, — широким набором удивительных радиошумов, издаваемых миллионами электроразрядов, раздающихся в атмосфере каждый день. Остальное скептики относят на счет человеческого воображения и его неограниченных способностей приписывать осмысленный порядок случайным космическим шумам. Эта аргументация, истинная сама по себе, тем не менее может быть закручена в более широкую технокультурную петлю: новые технологии восприятия и коммуникации открывают новые пространства, и эти пространства картографируются — на том или ином уровне — посредством нашего воображения.

На протяжении тысячелетий фактическая материальная реализация человеческого восприятия была ограничена персональным сенсорным аппаратом,

сконструированным нашей ДНК, аппаратом, который отчасти определяет природу видимого «мира». В этом смысле собаки, пчелы или медузы с их собственными уникальными наборами чувств и способностей к восприятию живут в мирах, отличных от нашего. Новые технологии восприятия соответственно открывают новый мир или по меньшей мере новые измерения Вселенной. Когда оптические инструменты расширили возможности человеческого зрения до созерцания лун Юпитера Галилеем или клеточных мембран Гуком, эти инструменты создали новые области для причинно-следственных объяснений и познания. Но они также вызвали ощущение чуда и тайны, заставляя нас переопределить собственные границы и заново очертить в том числе и человеческое значение новых космологических пространств, в которых отражаемся мы сами.

В книге «Штокгаузен: навстречу космической музыке» немецкий авангардный композитор Карлхайнц Штокгаузен описывает человеческое тело как невообразимо сложный вибрирующий инструмент восприятия. Композитор, который путешествует протяженными космическими трассами, связывающими электронную музыку и мистицизм, утверждает, что «эзотерическое» — это просто то, что еще не может быть объяснено наукой. «Любое настоящее сочинение привносит в сознание что-то из этого эзотерического царства. Этот процесс бесконечен, и эзотерика будет расти по мере того, как познание и наука будут вскрывать в человеке все больше свойств приемника». И передатчика, добавим от себя. Будучи в основе своей духовными существами или не будучи таковыми, мы являемся прежде всего существами вибрирующих ощущений, плывущими в бескрайнем море пульсирующих волн, которые бьются и резонируют между синапсами нервной системы и отдаленнейшими звездами Вселенной.

Гностический инфонавт

В 1945 году, неподалеку от деревни Наг-Хаммади, египетский крестьянин с тяжеловесным именем Мухаммед Али запнулся о старый кувшин. Стоя со своими приятелями на крошащемся каменистом склоне Джебал-аль-Тарифа, Али несколько колебался, перед тем как открыть сосуд, зная, что древний предмет может запросто оказаться пристанищем нечестивого джинна. Но Али не был суеверным. Не отличался он и трусостью (через месяц он разрубил убийцу своего отца на мелкие кусочки). Итак, он разбил кувшин, внутри которого обнаружил множество переплетенных в кожу рукописей на коптском языке — разновидности эллинизированного египетского, преобладавшего в этих краях в эпоху поздней Римской империи. Тексты представляли собой не свитки, а кодексы. Это были предшественники современной переплетенной книги, и они содержали величайшее из когда-либо найденных собрание оригинальных писаний гностиков.

Али не умел читать по-коптски. Обернув тома краем своего плаща, он отнес трофеи своей матери. Заинтересованная в горючих свойствах рукописей куда больше, нежели в их исторической ценности, она успела переправить в очаг несколько документов до того, как полиция явилась в дом Али, чтобы допросить его о кровавой расправе, в которую была втянута его семья. Перед облавой Али спрятал несколько книг у местного священника. Остальные были распроданы соседям за гроши и в конце концов попали к Бахий-Али, одноглазому разбойнику из Аль-Касры, который наложил свою руку на большую часть текстов и, в свою очередь, быстро сплавил их каирским антикварам. Часть одного из кодексов ушла из страны и в конечном итоге была приобретена Карлом Юнгом.

Каждый, кто знает хоть что-нибудь о гностицизме, знает и эту историю, рассказанную и пересказанную столько раз, что она уже кажется преданием, достойным историй об Индиане Джонсе. Это и неудивительно. Открытие древностей, гробниц, мумий и затхлых свитков максимально приближено к тому древнему сценарию, который современные люди связывают с откровением. Доведенные до нищеты, крестьяне часто превращаются в Аладдинов. Археологи и очкастые ближневосточные ученые становятся жрецами, хранящими тайны прошлого. В массовом сознании сам факт открытия часто выглядит экзотичнее, чем его содержание. Воображение масс с готовностью заполняет пропасть между первыми неуверенными газетными сообщениями и скромными официальными заявлениями, которые ученые сделают лишь несколько лет спустя. Кажется, будто полученные сказочным путем древние сведения угрожают изменить все вокруг, открыть нам, что наша история, наши верования и даже мы сами — это совсем не то, чему нас все это время учили верить. Эта групповая фантазия неожиданно сгустилась вокруг свитков Мертвого моря, найденных через два года после находки в Наг-Хаммади пастухами в Кумранских пещерах на побережье великого соленого озера Палестины. Когда жестокая война между учеными за контроль над информацией скрыла переводы текстов от глаз публики, тут же пошли слухи, что академическая клика прячет тайны, которые могли бы выбить краеугольный камень из-под стройного здания официальной истории христианства. Но поскольку кумранские материалы доказывали, что Иисус не был единственным мессиански настроенным иудейским радикалом в городе, церковь препятствовала немедленной публикации свитков, вновь подтверждая, что колыхания покровов тайны часто захватывают куда больше, чем правда во всей своей наготе.

Множество таких покровов окутывают гностицизм, мистическое направление христианства, которое развилось в период поздней античности. Это учение проповедовало довольно мрачный взгляд на материальную жизнь и включало в себя доктрину о непосредственном опыте гнозиса — мистического потока самопознания с сильными платоническими обертонами. К несчастью, даже это предварительное определение гностицизма стало жертвой ближневосточных академических кругов, потому что происхождение, ритуалы, философию и пути влияния гностицизма, увы, сложно реконструировать. Эта двойственность, сочетающаяся с печатной клеветой, распускаемой Римской церковью, отчаявшейся обрести контроль над умами в этой области, сделали гностицизм

своего рода гуттаперчевой религиозной позицией, способной соответствовать практически любой философии и образу мышления. До 1945 года почти все, что было известно о раннем гностицизме, было известно благодаря писаниям его ортодоксальных противников, которые не собирались уделять «еретикам» слишком много места на страницах своих изданий. Но кувшин Али содержал нечто совершенно особенное. В отличие от почти всех текстов античного мира, которые мы можем прочитать сегодня, кодексы Наг-Хаммади не были многократно переписанными списками списков, которые делались писцами (а им всегда было свойственно ошибаться) и редактировались на протяжении всей истории. Хотя сами тексты, вероятнее всего, были собраны и закопаны ортодоксальными монахами, последователями Пахомия, писания гностиков дошли до нас нетронутыми, прямо от первоисточника.

Помимо ауры, которая окружает открытия такого рода, само время неожиданной находки послания из прошлого в Наг-Хаммади заставило некоторых склонных к мифологическому мышлению современников предположить, что за ней стоит нечто большее, чем простая случайность. В конце концов, история тоже имеет свою поэтическую логику. Внешне случайные происшествия могут объединяться в глубокие синхронные аккорды, особенно если эти события играют на органе сознания, ведь мы постоянно ожидаем найти в событийном ряду гармонию и мелодию. Говоря словами Джона Сингера, современного гностика-юнгянца: «Какое совпадение, какое знаменательное совпадение, что эти египетские крестьяне стали запинаться за древние кувшины как раз к концу Второй мировой войны, сразу после Холокоста и атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки». Сингер отмечает, что сами кодексы Наг-Хаммади призывают нас проявить внимание ко времени их возвращения в мир. Трактат, известный как «Евангелие от египтян», гласит:

Великий Сет исписал эту книгу письменах за сто и еще тридцать лет. Он поместил ее на гору, называемую Хараксио для того, чтобы в конце всех времен и эпох... она смогла бы выйти и указать на эту неподкупную святую расу великого спасителя.

Сегодня очевидно, что 1945 год не был концом всех времен и эпох, хотя можно понять жителей Хиросимы, Нагасаки и Дрездена, имевших иное мнение. Но появление атомной бомбы предопределило угрозу конца света, довлеющую над послевоенной жизнью, и ее солнечная мощь с самого начала связывалась с апокалиптической поэтикой. Тем же летом, сразу вслед за первым опытным взрывом «Тринити» в пустыне штата Нью-Мексико, известной как Хорнадо-дель-Муерто (Долина смерти), Роберт Оипенгеймер процитировал «Бхагаватгиту»: «Ныне стал я смертью, разрушителем миров». В последовавшие за этим десятилетия многие боялись, что вспышка катаклизма готова обрушиться по одному-единственному звонку на красный телефон, хотя не многие ожидали спасителя более святого, чем натянутое состояние «разрядки».

Несмотря на угрозу, которую до сих пор несет ядерное оружие, грибообразное облако сегодня почти стерлось из нашего сознания, расплывшись в аморфной апокалиптической атмосфере, наполненной смертоносными вирусами, биологическим оружием, токсичными дымами и газами, вызывающими парниковый эффект. Имея это в виду, мы можем даже сказать, что взрывом, потрясшим мир в 1940-е, был не атомный взрыв, а информационный. Когда Маршалл Маклюэн превратно высказался об атомной бомбе в том духе, что бомба — это «информация», он, вероятнее всего, опробовал на читателе один из своих патентованных шокирующих риторических приемов. Но он мог бы взглянуть и глубже. Ибо если информационная эпоха была рождена в электрическом XIX столетии, вскормлена в первые десятилетия радиотехники XX века, то Вторая мировая торжественно отметила ее совершеннолетие.

Обряд инициации эпохи не обошелся без приличествующих такому случаю кошмаров, особенно когда дело дошло до всевозрастающей месмерической способности электронных средств информации владеть сердцами и умами. Критики технологии, которые боятся ментальной власти СМИ, до сих пор указывают на

пример немецких фашистов, при помощи индустрии по производству культуры с дьявольским остроумием формировавших мрачную реальность, в которой жили народные массы. По словам Альберта Шпеера, шоумена, стоящего за партийными митингами в Нюрнберге, диктатура Гитлера была первой диктатурой индустриального государства в век современной технологии, диктатура, которая довела до совершенства технологический инструментарий для того, чтобы повелевать собственным народом... 80 миллионов подчинялись воле одного.

Помимо постановки мегаваттных массовых спектаклей, нацистские пропагандисты блестяще использовали эффект присутствия, создаваемый радио. Это позволило Гитлеру, по его собственным словам, действовать с легкостью сомнамбулиста. Чтобы победить войска Оси, союзники тоже использовали новейшие информационные технологии. На обоих театрах войны радар играл ключевую, едва ли не господствующую роль. Микроволны к концу войны стали давать союзникам ощутимое тактическое преимущество, особенно в связи с координацией дня «D» и бомбардировочных рейдов авиации. Война породила и Z-3 — первый в мире программируемый цифровой компьютер, изобретенный в 1941 году одним пылким нацистом и использованный в ходе работы над немецкими реактивными снарядами. Секретные шифры ломали по обе стороны колючей проволоки, и Алан Тьюринг в Британии использовал один из первых цифровых компьютеров, для того чтобы разгадать сообщения немецкой «Энигмы». Эти попытки, кроме того, разожгли огонь кодовой паранойи, характерной для послевоенной шпиономании. Гражданские цензоры в стане союзников боялись распространения зашифрованной информации и дошли до того, что стали переклеивать марки на исходящих письмах, запретили пересылать в письмах кроссворды и детские рисунки, а однажды даже изменили расположение стрелок у целой партии часов, чтобы исказить сообщения, которые скрыто могли быть переданы таким способом.

После 1945 года интенсивно развивавшаяся в ходе войны электроника нашла свой путь в гражданскую жизнь, особенно в США. ЭНИАК, первый электронный программируемый компьютер, созданный в США, дебютировал в 1946 году, поразив воображение масс своим «электронным гением» и способностями «супермозга». Несколько лет спустя транзистор — революционное изобретение Bell Labs — начал вытеснять вакуумные лампы, до этого использовавшиеся в компьютерах и других электронных устройствах, открыв эру миниатюризации и усложнения схемотехники, которая сегодня вплотную подвела нас к порогу нанотехнологий и квантовых вычислений. В конце 1940-х годов такие теоретические разработки, как теория информации и кибернетика, заложили основу для новых форм информационного управления социальным организмом, а потребительская культура претерпела ошеломительный взлет. Родилось первое поколение медиа-мугантов — беби-бумеры, которым было суждено расти в первых современных пригородах, впитывать первые коммерческие телепередачи, расширять свое сознание и выворачивать мировую культуру наизнанку, взяв в свои умелые руки электрогитары, тома Маркса и ЛСД (чьи психошаманские силы были впервые разбужены в 1943 году швейцарской фармацевтической корпорацией).

Но что общего имел этот культурный взрыв и электронные средства информации с пачкой религиозных текстов на коптском языке, погребенных в кувшине в земле Верхнего Египта? Очевидно, что существует неизмеримая историческая, культурная и духовная пропасть между мистическими ожиданиями античных дуалистов и культурными концепциями, окружающими информацию и связанные с ней технологии в XX веке. Но с герметической точки зрения, которая рассматривает образы сознания и моменты синхронности так же глубоко, как сами факты, структура мифологии и психологии гностицизма оказывается в поразительном резонансе с самим духом цифровой эпохи и его информационной парадигмой. Как мы увидим вскоре, гностический миф предвосхищает и более экстремальные мечты современных механистических мутантов и «ковбоев» киберпространства, особенно их либертарианский порыв к свободе и самообожествлению, их дуалистическое отвержение материи во имя внетелесных возможностей сознания. Гностическая традиция дает нам мифологический ключ и к той разновидности информании и конспирологического мышления, которая

наводнила послевоенный мир кошмарами грязных интриг, наркотических технологий и невидимых агентов лжи. Гнозис формирует одну из принципиально важных нитей в странном и величественном полотне западной эзотерики, и я должен особо подчеркнуть, что моя трактовка этой традиции не стремится преуменьшить те средства просветления, которые в нем, возможно, кроются. Представители герметизма или оккультные традиционалисты хотели бы вымарать начерно любое сходство между гностической религией и современной технокультурой или, по меньшей мере, хотели бы представить последнюю в качестве демонической и инфантильной пародии на первую. Но аутентичность духовных идей и религиозного опыта меня здесь не интересует. Скорее, я пытаюсь понять часто неосознаваемую метафизичность информационной культуры, взглянув на нее через архетипическую линзу религии и мистики. Эти паттерны мышления и опыта, аутентичные или нет, сыграли и продолжают играть роль в человеческом взаимодействии с технологией, особенно с информационной технологией. Но перед тем как мы разобьем техногностический кувшин и выпустим его умозрительных джиннов на свободу, стоит немного разобраться с самой концепцией информации, этого странного нового ангела, который дал свое имя нашей эпохе.

Мифинформационная эпоха

Сбор информации характерен для цивилизации в той же мере, что и сбор пищи для кочевых культур, а позже для городских общин — излишки урожая и стратифицированные социальные иерархии. С того момента, как первый писец взял тростинку и нацарапал первую самую настоящую базу данных на прохладной глине Шумера, информационный поток стал инструментом власти и контроля — религиозного, экономического и политического. Едва ли случайно и то, что первая настоящая «печатная машинка» появилась одновременно с возникновением городской цивилизации, и то, что первоначальной целью технологии было переправлять материальные блага в руки жрецов.

Но только в XX столетии информация стала самоценной. Люди все в большей степени стали посвящать себя ее сбору, анализу, передаче, продаже и использованию. Еще более значимо, что они построили машины для автоматизации этих процессов и выполнения этих задач с эффективностью, превосходящей их собственную, и этот информационный пожар охватил ширящийся аппарат науки, коммерцию и коммуникации. В сознании множества людей то, что прежде было просто знанием, стало мутировать в новую сферу самой реальности, лежащую следом за материей и энергией в качестве одного из фундаментальных «кирпичей», составляющих фундамент космоса. Если электричество — это душа современной эпохи, то информация — это ее дух.

Говоря проще, «информация» означает практически полезный фрагмент овеществленного опыта, единицу смысла, занимающую в иерархии знаний место где-то между данными и сообщением. Будучи, по сути, внетелесным, «ментальным» элементом, информация тем не менее происходит из внешнего физического мира. Она накрепко прикована к материальному миру в виде газет, термометра или звуковых колебаний воздуха, исходящих из уст оратора. Информация возникает в зазоре между сознанием и материей. В середине XX века стала появляться точная научная терминология, связанная с этим предметом. Эта терминология вторглась в биологию, социальные науки и массовую культуру, трансформируя наше понимание самих себя и институты нашего общества. Компьютеры сделали машинную обработку данных частью повседневной жизни, а новые коммуникационные технологии встроили людей в глобальную сеть обмена сообщениями и сигналами.

Информация неизбежно стала одной из тех идей, смысл которой расширяется до тех пор, пока уже не начинает исчезать. Вы можете наполнить миллион томов туманными домыслами, которые породило понятие «информации», особенно когда этот технический термин соотносится с социальными и культурными формами знания. В то же время постоянно меняющиеся границы термина придали этой идее мистический ореол бестелесности. Несмотря на свою былую «объективность», информация стала почти светящейся иконой, фетишем и логосом одновременно. Поскольку информация имеет отношение к сознанию и материи, научному и психическому, жестким дискам и ДНК, это привело к возникновению философских концепций, как глупых и сырых, так и глубоких, перестраивающих, возможно весьма угрожающим образом, наше представление о «я» и его космическом доме. Гностицизм — едва ли единственная подъездная дорога к складу архетипов, таящихся под светским покрывалом «информации», но именно он позволяет подчеркнуть метафизические аспекты и тот прометеев огонь, который эта новая категория реальности разожгла в сознании послевоенного мира.

В конце 1940-х годов исследователь из Bell Labs Клод Шеннон объявил о рождении теории информации, абстрактного технического анализа сообщений и коммуникации. Строгое описание информации, по Шеннону, первоначально принятое только учеными и инженерами, заронило семена концепций, которые пыльным цветом расцвели позже. Теоретический инструментальный, созданный Шенноном, подходил к любому сценарию передачи сообщений по каналу связи от отправителя к получателю. В принципе при помощи этой теории можно описать беседу в баре, репликацию генетического материала или эпизод из «Спасателей

Малибу», передаваемый пищущим спутником в миллионы телеприемников по всей стране. Для того чтобы герои сериала достигли своей цели, послание должно претерпеть атаку «шума» — случайных флуктуации, интерференции и ошибок в передаче данных, которые неизбежно ухудшают сигнал на его пути сквозь обреченный на ошибки аналоговый мир. Популярная детская игра в «глухой телефон», когда нашептанная фраза переходит от человека к человеку по кругу (процесс, который всегда изменяет сообщение), дает неплохое представление о семантическом дрейфе и деградации сигнала. Разряды статического электричества, которые коверкают разговоры по сотовому телефону, — пример еще более неприятного шума во всей его уродливой славе.

Столкнувшись с этим опасным противником, Шеннон отпраздновал победу, когда сформулировал свою вторую теорему, обосновавшую возможность такого кодирования сообщений, при котором они могут гарантированно сохраниться, путешествуя по Долине Шумов. Единственное ограничение, которое должно учитывать уравнение, — пропускная способность канала, или, в радиотехнических терминах, ширина полосы частот. Вторая теорема Шеннона вовсе не сулила обретение «идеального кода» — этого святого Грааля информационной теории, но она показала, что передача данных без потерь технически возможна. В целом его теория показала, что целостность сообщения может быть обеспечена его переводом в цифровые коды разной степени сложности, избыточности и требовательности к пропускной способности. Вместо того чтобы посылать сообщения в сыром виде, их снабжают дополнительной информацией — эквивалентом декодирующих ключей или, другими словами, данными, которые позволяют получателю узнать, что полученное сообщение верно. Эта дополнительная информация, или метайнформация, напрямую зависит от резервирования канала, повторения, которое гарантирует, что сообщение будет преобладать, даже если шум поглотит часть его по пути.

Это стало отличной новостью для работодателей Шеннона, которые процветали, занимаясь приумножением телефонных линий в стране и применяя ноу-хау военных коммуникаций к гражданской жизни. Подобно учению о комплексности и теории хаоса в наши дни, теория информации в свое время стала Большой Идеей, на которую представители различных дисциплин возлагали большие надежды, связанные с пересмотром и объяснением картины познанного мира. Как только информация приобрела абстрактную и универсальную форму, она каким-то образом стала более реальной. Не просто фразой или загогулиной на одной из черных меловых досок в Bell Labs, но мировой силой, объективным, хотя и, в сущности, умозрительным материалом, с помощью которого можно истолковать множество на первый взгляд не связанных между собой явлений, сведя их к хрустящему набору битов.

Итак, в 1950-1960-х годах социологи, психологи, биологи, корпоративные менеджеры и деятели медиа начали переосмысливать и перестраивать сферы своей деятельности, принимая во внимание теорию информации. Картина механизма, состоящего из сигналов и шумов, отправителей и получателей, стала в большой степени влиять на облик культуры. Информационная парадигма стала вторгаться в гуманитарный дискурс, обещая эффективно разрешить все виды запутанных проблем, касающихся общения, обучения, мышления и социального поведения, — каждая из которых отныне зависела от более или менее эффективной системы обработки информации. Расцветшая в послевоенном обществе технократия, похоже, нашла свой *lingua franca*: объективный, утилитарный, вычислительный язык контроля, при помощи которого можно было управлять карнавалом человеческой жизни.

Все это приводило к столкновению информации со смыслом, который, несмотря на весь анализ, предпринятый лингвистами, социологами и когнитологами, остается одним из наиболее замысловатых, соблазнительных и самых пугающих символов в уравнении человека. Смысл одновременно является обыденным основанием для повседневной работы ума и вдохновляет нас на самые глубокие, творческие и духовные поиски. Но смысл, даже «значение» в строгом лингвистическом

определении, печально известен своим ускользанием от любых определений. Хотя попытки переосмыслить смысл через абстрактную концепцию информационного знака были жизненно необходимы для развития коммуникационных технологий, абсолютное доминирование информационной модели может стоить слишком дорого. Теория информации хороша, когда мы говорим о радиоприемниках и радиопередатчиках, телефонных линиях и киосках Тасо Bell для автомобилистов, но ее универсальное применение высасывает соки из богатого живого мира смыслов, в котором на самом деле живет человек, мира, чьи нюансы и противоречия куда лучше зафиксированы, скажем, в шекспировских монологах и мифах племени йоруба, чем в статистических алгоритмах. Как отмечает неолуддит Теодор Роззак, «для теоретиков информации не имеет значения, что мы передаем: факт, приговор, плоское клише, глубокое учение, возвышенную истину или непристойность». Но сегодня многие люди смешивают информацию и смысл, что ведет к довольно тревожному парадоксу: наше общество очень ценит информацию, хотя информация сама по себе ничего не может сказать нам о ценности.

Но будем честны. Если вы имели удовольствие загружать кристально чистые изображения марсианской поверхности по тонкому медному проводу в ваш домашний компьютер, вы, вероятно, осознаете, что в том, чтобы уклониться от тернистого пути ценностных суждений и семантической нечеткости, есть свои технические преимущества. Кроме того, информационная парадигма действительно дает много возможностей подумать о том, что мы имеем в виду, говоря о смысле. Начнем с того, что информация, по-видимому, имеет нечто общее с новостью, новизной. Для того чтобы снабдить меня настоящей информацией, вы должны поведать мне нечто новое. То есть информация требует, чтобы на стороне получателя присутствовала некоторая неопределенность. Если вы настолько предсказуемы, что ничего из того, что вы мне сообщаете, не является сюрпризом, тогда ничего из того, что вы говорите, не является информацией, даже если сам сигнал кристально чист. С другой стороны, для того чтобы я понял вас, вы должны быть хоть сколько-нибудь предсказуемыми — вот почему порции языкового кода, которые мы проговариваем или выписываем, избыточны, продублированы: это плотный сгусток повторяющихся сигналов и знакомых синтаксических правил, которые сами по себе мало что значат. Эта структурная избыточность защищает от слишком большой новизны, потому что такая большая степень свободы может привести нас к шизофреническому хаосу, винегрету из слов или к непреодолимым двойственностям и коннотациям в духе «Поминок по Финнегану».

Передать информацию — это не значит просто упаковать данные в конверт, а потом отправить их: информация — это нечто, что конструируется самим приемником. В этом смысле элемент «субъективности» неизбежно включается в любой коммуникационный цикл, потому что вопрос о том, сколько информации передано, зависит отчасти от того, как приемник (который может быть чисто механическим) сортирует потоки входящих сообщений. Для того чтобы объяснить роль, которую приемник играет в обработке информации, ученый и писатель Джереми Кэмпбелл использует пример трех студентов, слушающих лекцию профессора экономики. Только двое из них знают английский, и только один из них на самом деле студент-экономист. Для не говорящего по-английски, шумы, исходящие из уст профессора, настолько неопределенны и непредсказуемы, что никакой информации к нему не поступает. Благодаря одному только знанию языка оба говорящих по-английски студента воспринимают больше информации, но будущий менеджер инвестиционного фонда извлекает больше всех, потому что его предвидение экономических концепций и жаргона делает профессорские «дампы» данных еще более предсказуемыми, хотя и все еще достаточно неожиданными, чтобы порождать новизну.

Сердцем информационной теории, таким образом, является вероятность, которая представляет собой меру возможности выбора одного специфического результата (артикла «the» или валета пик) из открытого поля возможных значений (английского языка или тасованной колоды карт). Вероятность играет огромную роль в предсказаниях, которые ученые имеют обыкновение делать по поводу существующего мира, но, даже если рассматривать их в качестве не лишенной

смысла статистической науки, есть в них что-то от плутовства. Вероятность обитает в зоре между объективным и субъективным, случайностью и порядком, разумным знанием и тайными узорами мира — запутанной зоны, которую математик Джеймс Ньюман назвал «коварной западней». Четкие диаграммы теории информации начертаны на песках более зыбучих, чем кажется на первый взгляд.

Клод Шеннон открыл еще более устрашающую корзину со змеями, когда свел свою теорию к базовому уравнению и обнаружил, что его абстрактное техническое описание информации имеет точно такую же форму, как термодинамическое уравнение энтропии, которое физик Людвиг Больцман вывел в самом начале парового века. Как знает каждый поклонник творчества Томаса Пинчона, энтропия — это дурное путешествие, метафизический и экзистенциальный ребус, но, кроме того, неотменяемый закон космоса. В соответствии со знаменитым вторым законом Максвелла, поле битвы в итоге останется за энтропией: как бы ни была упорядочена и наполнена энергией закрытая система, ее энергия, консервируясь, неизбежно иссякнет, а ее форма распадется. Перемешайте несколько кубиков льда в горячей ванне, и вы увидите, как работает энтропия: кристалльные решетки молекул замерзшей воды тают в сплошном случайном супе из НО. Хотя мы редко встречаемся с закрытыми системами в реальной жизни: дети, болота и Интернет — это, бесспорно, открытые системы. Второй закон термодинамики позволяет всем интересным вещам во Вселенной лишь недолго держаться на плаву до тех пор, пока их не втягивает в поток холодного аморфного моря все-успокаивающего беспорядка. Больше, чем какая-либо другая сила в физике, энтропия поражает сознание как некий темный и древний рок, воплощенный в законе природы.

На первый взгляд тот факт, что описание информации, предложенное Шенноном, совпадает с описанием столь значимых физических процессов, выглядит как синхрония, рожденная в космическом центре контроля за совпадениями. Настоящие причины этого замечательного точного сходства довольно сложны, но суть вертится вокруг вероятности. С одной стороны, мы можем сказать, что, чем более непредсказуемой является система, в которой возникает потенциальное сообщение, то есть чем больше у нее свойств случайного шума, тем больше энтропии в системе. В этом смысле она напоминает ванну с горячей водой после того, как кубики льда растаяли. С другой стороны, мы с тем же основанием можем сказать, что непредсказуемые системы в действительности богаты информацией, так как любое отдельное сообщение, которое мы получаем, с большой вероятностью будет для нас новостью. Эта двойственность объясняет тот факт, что, в то время как Шеннон описывал информацию как энтропию, король математики и крестный отец кибернетики Норберт Винер противопоставлял эти два термина, утверждая, что информация — это мера организации, паттерн, форма, связность, в то время как энтропия означает меру случайности и дезорганизации в системе.

Технически эта разница значит не слишком много (плюс или минус в уравнении), но по причинам, возможно, больше поэтическим, чем техническим, определение информации по Винеру победило. В массовом и технократическом воображении информация и ее технологии получили почти искупительный образ, ведь они сражались с шумом и ошибками — коммуникационными аналогами рассеяния и упадка. Эта героизация предложила пункт для информационного мифа, который сегодня овладел всеми проводами планеты: мнение, что коммуникационные системы, базы данных, программное обеспечение и сложная техническая организация сами по себе — аватары Добра, не подпускающие близко хаос и энтропию. В своей популярной книге 1954 года «Человеческое использование человеческих существ» Винер непосредственно натравливает информацию на темные силы второго закона, силы, которые означают для него не просто физическую порчу и искаженные ФМ-сигналы, но саму бессмыслицу. «При помощи управления и связи мы всегда сражаемся с тенденцией природы к деградации организованного и разрушения осмысленного». В этом месте, да и во всей своей книге, Винер сбивается с пути бесстрастного научного подсчета битов и байтов и провокационно связывает поведение информационных систем со смыслом, ценностью и самой жизнью. Винер даже предполагает, что силы,

создающие порядок и форму, в основе своей аналогичны тому, что некоторые люди называют Богом.

Эта информационная мистика получила дополнительный импульс от биологии в 1950-е, когда ученые обнаружили структуру двойной спирали ДНК и принялись за расшифровку генетического кода. Не успели вы сказать «сдвиг в парадигме», как ДНК стала рассматриваться в качестве информационной системы «передатчик — сообщение — приемник». Говоря точнее, ДНК была описана как разновидность алфавитного письма (эту культурологическую метафору бессмыслица, по-видимому, не затронула). ДНК состоит из четырех различных нуклеотидов, которые связаны между собой множеством комбинаций на протяжении всей нити двойной спирали. Расположение этих четырех «букв» (А, Г, Ц, Т) формирует «слова», называемые кодонами, которые соединяются в генетические инструкции для клетки. Скопировав известный набор инструкций, ДНК отгружает их транспортной РНК, которая доставляет их на «фабрики» клетки. Там код РНК копируется в линейную последовательность аминокислот, которые сворачиваются в трехмерные белки — строительные блоки жизни на этой планете, из которых состоит все известное нам живое.

Хотя ДНК, безусловно, играет громадную роль в развитии и жизненном процессе живого тела, на генетические процессы влияет также множество факторов среды и межклеточного взаимодействия, в которых мы понимаем еще очень мало. Но ДНК продолжает оставаться единственным капитаном в рубке творения. Такая замкнутость на «коде жизни», равно как и пышный прием, устроенный геной инженерии и идеологии «эгоистичного гена», демонстрирует, что общество все еще находится в рабстве у научного редукционизма и одержимо производством и контролем через посредство информации. Аура авторитета, окружающая ДНК, отражает религиозное наследие Запада, которое включает в себя фигуру космического деятеля, что творит мир посредством божественного языка. Обычно это слово устного языка, но иногда оно бывает и записанным — в Средние века это называлось «книгой природы». Некоторые мистические тексты иудаизма в своей жутковатой манере также предрекают появление ДНК. В древности Тора была записана на свитках без знаков пунктуации или пробелов между буквами (как в ДНК), и некоторые раввины утверждают, что этот артефакт, своего рода семиотическая машина, является косвенным указанием на космическую Тору, которая предшествовала той, что была дана людям на Синае. Эта первая Тора была живым текстом бесконечного могущества, составленным из букв тетраграмматона — YHVN, четырехбуквенного имени Бога. Этот план творения описывается и как беспорядочное нагромождение букв, которые в текстах называются «концентрированной, еще не раскрытой Торой». Когда Бог расставил эти буквы в слова, Тора «раскрылась» в разнообразных формах тварного мира. Тогда еще были возможны куда более приятные миры, чем наш, но дурное поведение Адама выбрало одну из фраз в Торе и, следовательно, тот мир, который мы получили. Но каббалисты смотрят вперед, в мессианский век, когда Бог возьмет на себя роль своего рода генного инженера и переставит буквы Торы так, чтобы в результате получился рай.

Сегодня молекулярные биологи и генные инженеры регулярно прибегают к метафорам Библии и Книги Жизни, обсуждая свою работу, — и не только тогда, когда они выступают публично. Многие ведущие генные инженеры — христиане-возрожденцы, такие как Фрэнсис Коллинз, директор проекта «Геном человека» и член евангелической христианской организации ученых, отождествляющей себя с «проводниками творения Господнего». В своей книге «Тайна ДНК» ученые Дороти Нелькин и Сьюзан Линди подчеркивают, что генетический эссенциализм, популярное сегодня мнение, что вы «состоите» из ваших генов и что все (от большой поясницы до перемен в вашем настроении) запрограммировано в ДНК, — имеет религиозный характер. В то время когда человеческая идентичность отчаянно пытается защитить себя, ДНК берет на себя некоторые социальные функции, раньше принадлежавшие душе. Будучи одновременно плотским и бесплотным, генетический код позволяет утвердить идентичность в бессмертной сущности. Для таких закоренелых генетических редукционистов, как Ричард До-

кинз, ДНК — это вообще единственная существенная часть нас самих. Наше телесное устройство и наши страсти всего лишь машинерия, подвергаемая износу ради бесконечного воспроизводства спиральной молекулы. Но, как отмечают Нелькин и Линди, крайний редукционизм Докинза, в котором ДНК достигает вечной жизни ценой индивидуального тела, «это во многом теологический нарратив, похожий на веру в то, что вещи этого мира (тело) не значат ничего, в то время как жизнь души (ДНК) продлится вечно».

Генетики не были первыми учеными, которые популяризовали взгляд на живые существа как на машины для обработки информации. В 1940-х годах Норберт Винер уже говорил о том, что биологические, коммуникационные и технологические «системы» можно анализировать при помощи формализованного описания процессов переработки и запоминания сообщений и поступления сенсорных данных. Он окрестил эту науку «управления и связи» кибернетикой, так что если вас уже тошнит от ки-берсекса, киберпространства и киберчепухи, вините во всем Винера. Кибернетика делала особое ударение на циклах «обратной связи», когда выходной сигнал или новая информация о нем снова попадают в систему в качестве новых входных данных. Кибернетические схемы постоянно регулируют сами себя в зависимости от собственных действий и потока поступающей информации. Интересно, что в гностической и герметической традициях мы можем найти удивительный образ для таких циклов: Уроборос, змея, кусающая свой собственный хвост, символизирующая эту самодостаточную цикличность природы. В руках современных инженеров эта змея помогала разработать все, что угодно, — от зенитных орудий до роботов, — а также предложила точную модель для понимания того, как машины и компьютерные программы могут «обучаться», обновляя и улучшая свои реакции для оптимизации достижения запрограммированных целей. Кроме того, такое видение обратной связи, циклов обучения и постоянного взаимодействия системы с внешним миром привело к новому пониманию деятельности биологических организмов. Винер предположил, что живые существа можно рассматривать как системы, которые сопротивляются дьявольской энтропии при помощи информации, коммуникации и циклов обратной связи. В этом смысле ДНК имеет сходство с данной моделью, ведь постоянный поток сообщений на молекулярном уровне действует как внутренний менеджер эффективности системы.

Кибернетика, таким образом, это наука об управлении, что объясняет этимологию самого слова: *kybernetes* — греческое слово, означавшее рулевого. Именно от него произошло слово «губернатор». Термин кибернетика был впервые использован французским физиком Андре-Мари Ампером, который разработал теорию электромагнетизма, но философский образ *kybernetes* можно найти уже у великого неоплатоника Плотина, который жил в Александрии и Риме в III веке н. э. В третьей части своих «Эннеад» философ называет интеллектуальную душу рулевым тела — взаимосвязь, которую Плотин, будучи платоником, находил потенциально губительной. «Иногда, — предупреждает он, — рулевой на корабле, застигнутым бурей, так желает спасти судно, что забывает о себе самом и вовсе не думает, что он все время подвергает себя риску быть смытым с палубы». Аналогия ясна: бестелесная душа отвечает за управление телом, но она не должна бояться покинуть корабль. Таким образом, мистическая цель души, состоящая в трансценденции, не может быть достигнута на путях плоти и без освобождения от «добровольного плена в царстве Природы».

В то время как современная наука находится именно в таком добровольном плену у природы, в кибернетике, очевидно, нет места такому мистическому дуализму. По контрасту с Плотинем, который погружается в мире неизменных идеальных форм, Винер отвергает греческий язык, трактующий о форме и субстанции ради обратной связи. В то же время предпочтение, которое Винер оказывает процессу по сравнению с материей, приводит к новой «научной» картине бестелесного «я», в которой идентичность перетолковывается как паттерн информации. Винер пишет:

Физическая идентичность индивидуума не сводится к веществу его тела... По-видимому, основы биологической индивидуальности организма лежат в самой

динамике процесса, а также в памяти о результатах предшествовавшего развития. Это также касается и ментального развития. В терминах вычислительной техники можно сказать, что индивидуальность сознания обусловлена способностью сохранения записей в участках памяти.

Переосмысляя «индивидуальное сознание» вместе со всеми его бестелесными информационными паттернами, кибернетики неосознанно вводят образ возвышенного духовного начала в научное представление о человеке. Внутренний рулевой — отныне не некая вечная субстанция и не выдумка богатого воображения мозга, но причудливо меняющийся узор в непрестанной кибернетической игре. Сам Винер в своем поэтическом сравнении уподоблял идентичность человека языкам пламени, противопоставляя ее косному камню.

Рассуждая на своем систематизированном языке в терминах паттернов и процессов, кибернетики стирали традиционные дихотомии сознания и машины, органического и механического, естественного и искусственного. Таким образом, они предвосхитили (и спровоцировали) множество головоломок, с которыми мы столкнулись сегодня. Хотя сам термин кибернетика сейчас почти не используется, эта наука просто мутировала, породив сразу целый набор дисциплин: теория комплексности, искусственная жизнь, сетевая динамика, когнитивная наука, робототехника. В поисках термина, позволяющего обобщить эти отдельные дисциплины, ученые остановились на «теории систем». Едва возникнув, теория систем уже пытается дополнить, а то и подменить собой классическую науку с ее редукционизмом, предлагая новое основание, состоящее из потоков случающихся событий, циклов обратной связи, и пытаясь описать целое в его динамике. Пользуясь системной парадигмой, структурно схожие участки процессов можно обнаружить в совершенно различных областях реальности: от механических устройств до галактических кластеров, а также игр, в которые играют люди. Системологи не одиноки в своем желании ухватить этот универсальный связующий паттерн. Многие теоретики-дилетанты также без усталы ищут новую деталь великой картины мироздания. Как мы увидим в следующих главах, «холистическое мышление», расцветшее на Западном побережье, во многом происходит именно из этих кибернетических концепций.

Подобно большинству ученых, Винер тоже охотился за связующей фигурой. Такая тяга к универсальному имеет куда больше общего с традиционными религиозными поисками Запада, чем хотелось бы признавать большинству ученых. В уже упомянутой книге «Человеческое использование человеческих существ» Винер описывает науку как игру, цель которой — раскрытие устройства космоса. Но Винер предостерегает ученых от встречи с соперником в этой игре, «с Древним Врагом», которого он отождествляет со смятением и беспорядком, с шумом, который затемняет светлый порядок Вселенной. «Дьявол ли это манихейства или августианизма? — спрашивает Винер. — Активно ли эта сила противостоит порядку или же это просто отсутствие порядка?» Хотя Винер постоянно говорит о силе, которая сбивает ученых с толку в их интеллектуальной игре, он не может не задаваться вопросом о существовании беспорядка как такового. Не просто смятения или невежества, но шума и энтропии, всеядной моли, поражающей вещи и смыслы. В такой форме его страстный вопрос оказывается древним, как горы: отделено ли зло от Бога или же это часть самого Бога?

Древние манихеи были уверены, что они знают ответ: вселенная является переплетением двух вечных сил, Света и Тьмы. Нет ничего единого, во всем — два начала. Для пророка Мани и множества его последователей спасение состояло в отвержении Тьмы, которую он отождествляет с порченным миром материи. Путь к спасению лежит в гнозисе, в собирании и пробуждении божественных искр, которые соединяют нас с чистым трансцендентным миром Света. Ответ святого Августина на вопрос Винера был бы совершенно иным. Хотя Августин в дни своей юности был манихеем, в конечном итоге он пришел к ортодоксальной христианской позиции, что все карты — в руках у Бога, а у дьявола нет козырей и что манихейский дуализм — это еретическое возражение против принципа одного творца. Зло — это отсутствие Бога, а не его активный противник.

В «Человеческом использовании человеческих существ» убедительно продемонстрировано, что вся наука и, следовательно, современная наука в основе своей — августинианская. Дьявол ученых, с которым они сражаются, — это просто путаница, недостаток информации, а не сопротивление, организованное неким темным игроком. «Природа препятствует правильному декодированию, но она не выказывает изобретательности и не ищет новых и непреодолимых способов нарушить нашу связь с внешним миром». Природа тупа и слепа, говорит Винер, «и ее побеждает наша сообразительность так же надежно, как и святая вода». Неприятие Винером манихейства мотивировалось, кроме того, политической обстановкой в послевоенном мире. Сегодня мы используем слово «манихейский», когда хотим обозначить тенденцию рассматривать конфликт как крестовый поход добра против зла, крестоносцев против сарацинов, белых фигур против черных. Работая на заре холодной войны, Винер надеялся, что послевоенный мир выберет другую дорогу и что, подражая ученым в их августинианской игре с незнанием и энтропией, человечество сможет разрешить свои проблемы, прибегнув к разуму, посредством свободной коммуникации и открытого обмена информацией. Все эти аксиомы либеральной экономики и «открытого общества» многие и до сих пор считают единственным путем к миру и процветанию.

В то же время Винер указывает на то зловещее обстоятельство, что августинианский оптимизм ученого «может сделать его беспринципным в отношении войны и политики». Гражданские и военные учреждения сопротивляются врагам, как внешним, так и внутренним, и они набиты ловкими и часто злонамеренными манипуляторами, которые напоминают Винеру темных управителей манихейской мифологии. Несмотря на громадную роль, которую Винер сыграл в деле компьютеризации послевоенного технократического общества, он хорошо осознавал мрачную сторону кибернетического уравнения: тоталитарный режим секретности, скрытых форм социального контроля, технократических манипуляций с человеческими умами и телами. Кибернетики предложили считать человеческую индивидуальность всего лишь мгновенным завихрением в более крупной системе информационных потоков, так что внутренний рулевой сам становился объектом контроля. Опасаясь этого, Винер критиковал «машины из крови и плоти», втягивающие автономные человеческие души в бюрократические тенета: армии, лаборатории и корпорации. Но особенно его беспокоил предел мечтаний кибернетической науки: невероятно умные и самостоятельно мыслящие машины. Предупреждая, что этот час уже близок (а сказано это было, напомним, в 1950-х), Винер сравнивал таких носителей разума с джиннами из «Тысячи и одной ночи»: однажды выпустив их из бутылки, нельзя быть уверенным, что их «предположительно сознательные» действия не приведут к кошмару непредвиденных последствий. Слова Винера напоминают нам о том, что, хотя информационный век может быть осмыслен как августи-нианская битва с энтропией и невежеством, мы не можем игнорировать манихейский элемент реального мира, багровой тьмы, смешанной с виртуальным светом. Винеру хотелось бы верить, что враг туп и слеп, но он не может ни изгнать злонамеренных джиннов из своего сознания, ни игнорировать темные игры, в которые наши информационные машины и силы, управляющие ими, могут играть человеческой массой. Даже такие ученые-гуманисты и оптимисты, как Винер, не могут оставлять без внимания темные гностические мифы, омрачающие послевоенный мир, мифы, которые, как мы видим, настойчиво проводят жизненно важное различие между знанием, которое освобождает, и искушением, которое низводит нас до уровня программируемых машин.

Из искры возгорится пламя

Гностицизм — это настолько фрагментарный и расплывчатый набор текстов, преданий, мифов и слухов, что можно назвать почти любой современный феномен «гностическим» и преуспеть на этом поприще. Экзистенциализм, Уильям Берроуз, юнгианская психология, марксизм, Томас Пинчон, психоделики, американская религия, европейская банковская элита, даже Sex Pistols — все это когда-нибудь ассоциировали с гностицизмом. Я считаю, что вытягивая гностические нити из паутины технокультуры, я, возможно, только еще больше запутываю положение, и, по-видимому, следует напомнить читателю, что мы имеем дело с психологическими паттернами и отражениями архетипов, а не с некой тайной традицией, пронесенной сквозь века. По этой причине, когда я буду иметь в виду именно те древние религиозные объединения и тексты, которые большинство ученых связывают с гностицизмом, я буду писать это слово с заглавной буквы Г.

Самый первый, древний Гностицизм был немногим связнее его современных версий. Кодексы Наг-Хаммади, вместе взятые, представляют собой весьма разнородное собрание писаний. Здесь и мистические инструкции, и выдержки из Платона, фрагменты «Corpus Hermeticum», христианские тексты, как канонические, так и нет, и дикие космогонии в духе «космических опер». Авторы этих текстов были «еретиками» для своих воцерковленных соперников. Однако сами авторы были убеждены, что по своим намерениям они — христиане. Некоторые из них могли быть посвященными в эзотерические культы по линии тайной доктрины, другие могли принадлежать к малочисленной философской элите. Кроме того, верования гностиков напрямую подпитывались манихейством, которое распространилось вплоть до восточного Китая и в какое-то время даже соперничало по влиятельности с Римской церковью. Имея в виду все различие и фрагментарность этих религиозных форм, многие ученые стали использовать слово «Гностический» для описания определенных тенденций в философской духовной жизни поздней античности, а не для обозначения какого-то одного сектантского движения.

Одной из наиболее существенных компонент Гностицизма был маховый платонизм, в котором тяга к иным мирам, преследовавшая старого греческого метафизика, превратилась в суровый дуализм, ставивший дух над плотью и над всем миром вообще. Принимая за аксиому распространенное среди людей ощущение нехватки, Гностики довели его до новых уровней космического безумия, настаивая на том, что жизнь на нашем шарике, состоящая из чередования секса и смерти, является не просто непоправимым бедствием, но ловушкой космического масштаба. Центральный миф запутаннейших космогоний Гностицизма гласит, что творцом этого мира является не бог добра, но мрачный демиург, который по своему неразумию попросту завалил свою работу. Сам Платон рассуждал о таком демиурге в диалоге «Тимей», но характеризовал его как в целом благое существо. Демиург Гностиков не обязательно зол, просто он и его слуги (известные как архонты, или власти) — всего лишь тщеславные хвастуны, которые по ошибке принимают самих себя за повелителей вселенной. По их воле люди заточены в материальной вселенной, однако мы несем в себе остаточные искры божественной и изначальной плеромы (полноты), которая существовала до того, как строительная компания демиурга наспех сваяла кривое здание вселенной. Таким образом, человеческие существа, в сущности, качественно превосходят экосистему. Мы — не слуги, мы даже не хозяева, но чужие в чужой земле.

По контрасту с ортодоксальным христианством, с его преисполненной комплекса вины доктриной первородного греха, Гностики утверждали, что печальное состояние мира — не наша вина. Ошибка лежит в самой структуре Вселенной, не затрагивающей нашей сущности. Мы не должны искупать никакие проступки, мы попросту должны открыть, или вспомнить, дорогу домой — путь, который мистически также является путем вовнутрь. В отличие от церкви, которая встраивала духовную автономию отдельного верующего в проработанную корпоративную иерархию, подобранную на руинах римского государства и возведенную на учении о магической передаче апостолического авторитета,

Гностики придавали наибольшее значение высшему авторитету, авторитету эзотерического гнозиса — мистическому прорыву к тотальному освобождению, откровению о том, что ты — часть первоначального божьего замысла, что ты свободен. В одном из немногих уцелевших фрагментов, принадлежащих великому Валентину Александрийскому, Гностику-христианину II века, который однажды даже занимал должность епископа Римского, читаем:

Вот то, что освобождает: знание того, кто мы, кем мы стали, где мы были, во что мы ввергнуты, к чему мы стремимся, чего мы бежим, что есть рождение и что — перерождение.

Первичной дихотомией психологии Гностицизма является не грех и раскаяние, но невежество и гнозис, забвение и память, сон и пробуждение к знанию. Гностики искали тот самый чистый сигнал, который победит шум и сотрет налет ржавчины вавилонской — неопишущий порыв, приправленный платонической экзальтацией, личной встречи с Логосом, вырезанным в самом сердце божества.

Однако под другим углом зрения гнозис предстает уже не столько в виде мистического сатори, сколько в виде оккультного ритуала посвящения. Гностиков обвиняли в том, что они верят, будто Иисус передал тайные знания только эзотерической элите. Это чрезвычайно тщательно зашифрованная и фетишизированная форма знания влияла на их представление о трансцендентном пробуждении. Подобно франкмасонам и другим позднейшим тайным обществам, некоторые Гностики определенно увлекались произнесением загадочных слов, рисованием странных знаков и таинственными пассами. Вся эта информация должна была потребоваться душе в ее путешествии после смерти, которое Гностики представляли себе как своего рода многоуровневую компьютерную игру в виде предательских ландшафтов, населенных демоническими стражами.

Этот гораздо более магический, алхимический подход к гнозису в особенности характерен для языческого «Corpus Hermeticum», часть которого была представлена в собрании Наг-Хаммади. В одиннадцатом трактате Корпуса под названием «Ум» один из великих жрецов неоплатонической традиции делает необычное предложение Гермесу Трисмегисту, к которому он обращается не как к смертному человеку, но как к виртуальному существу, чья «свободная от телесного сила воображения» дает ему ключи ко Вселенной:

Убедившись, что нет ничего невозможного для тебя, предстань себя бессмертным и способным понять все сущее, все искусства, все учения, нрав всяк живущей твари... Собери в себе все ощущения от всего, что сотворено, от огня и воды, сухости и влаги, и побывай всюду одновременно, на суше, на море, в небесах; еще не рожденным, в чреве, молодым, старым, мертвым, по ту сторону смерти. И когда ты поймешь все это как одно — времена, пространства, вещи, количества, качества, — именно тогда ты сможешь постигнуть Бога.

В каком-то смысле эта иллюминация проникает в возвышенные сферы сознания: призыв быть нерожденным заставляет вспомнить дзенский коан, в котором ученика призывают вспомнить, каким было его самое первое выражение лица: «до дня твоего рождения». Но, в отличие от дзена, который состоит во многом в освобождении ума от одержимости ментальными безделушками, подающему надежды прометееву Гностику, напротив, вменяется поддерживать эту одержимость. Гермесу рекомендуют не слиться с великим невыразимым Единым, но расширить концептуальное эмпирическое сознание, в котором познаются и постигаются вещи этого мира, качество и количество, информация и мудрость. Гнозис позволяет мистике не просто познать Бога, но познать то, что знает сам Бог. Еще более важным является то, что этот когнитивный экстаз определяется не как нечто происходящее с учеником благодаря безграничной щедрости Бога, но как результат мистической магической работы самого ученика. Иными словами, речь идет о самообожествлении.

Мистический гимн информационной перегрузке, воспетый «Corpus Hermeticum», должен служить написанием современным инфонавтам о том, что они не первые

влюбляются в перспективу обладания всей информацией мира, доступной по мановению руки. На самом деле я даже бьюсь об заклад, что миллениаристская интенсивность наших технологий и нашего коммуникационного экстаза отчасти основывается на подспудном ожидании, что всевозрастающая сложность информационной машинерии может изменять и расширять само сознание. Мы жалуемся на информационную перегрузку и в то же время испытываем почти эсхатологический трепет от этого блистательного переизбытка, как будто ускорение коммуникации и увеличение пропускной способности каналов передачи данных может каким-либо образом усилить наше «я» и его способности. Литературный критик и религиовед Гарольд Блум пишет об этом в своей работе «Американская религия»: «Гностицизм был (и остается) разновидностью информационной теории. Материя и энергия отвергаются или, по крайней мере, ставятся под знак отрицания. Информация становится символом спасения. Ложное творение-падение связано с материей и энергией, но лишь информация — это Плерома, то есть Полнота, первозданная Бездна».

Хотя Блум здесь несколько иронизирует, в этом определенно что-то есть. Древний «Гимн жемчужине», один из самых прекрасных и парадигматических Гностических текстов, целиком посвящен сохранению силы бестелесной коммуникации. Он может помочь в нашем техногностическом исследовании, стоит лишь взглянуть на притчу с информационной точки зрения. В самом начале притчи неназванный царевич, часто отождествляемый с пророком Мани, получает от своих царственных родителей приказ ехать в Египет, для того чтобы добыть жемчужину из пасти змия. Царевич приступает к миссии и вскоре оказывается в египетской таверне, где встречает некоего «помазанника». Два высокопоставленных и священных заговорщика шепчутся о своем деле, а также о кознях, которые строят египтяне, и царевич настолько пугается местных жителей, что надевает египетский плащ, желая скрыть свою личность. «Но каким-то образом [египтяне] прознали / Что я не их соотечественник / И тогда они схитрили / И поднесли мне пищу». Отравленный блюдом, царевич засыпает и в беспомощности забывает о своей Миссии и о своем подлинном происхождении.

Узнав о таком повороте событий, отец и мать царевича посылают ему письмо, запечатанное печатью, заговоренной против «духов злобы, детей Вавилонского Столпотворения». Послание прилетает к царевичу в виде орла, который, приблизившись, «начинает речь»:

Услышав глас, и звук, и шелест крыл его, Я пробудился от своего сна, Я взял его, поцеловал его, Взломал печать и прочел. И слова, начертанные в сердце моем, Были в письме, что я читал. И я вспомнил, что я сын Царей И что моя свободная душа имеет свой род.

Это письмо не только вывело царевича из ступора, но также сообщило ему магические сведения — настоящие имена его отца и матери, при помощи которых он околдовал змия и забрал жемчужину из его чешуйчатой пасти. По дороге домой на восток царевич находит похожее письмо: «Как будто оно пробудило меня своим голосом / И осветило мне дорогу своим светом». Направленный лучащимся текстом, герой возвращается домой. Там он переодевается в диковинные одежды, которые «все трепещут / От потока гнозиса». Окутанный живым узором духовного знания, он идет встречать царя.

Будучи упакованным в оболочку приключенческого рассказа, наполненного змеями и сокровищами, «Гимн» на самом деле представляет собой историю о сообщениях и коммуникации. Описание процесса переработки информации героем занимает гораздо больше строк, чем битва с гадом или живописание желанной жемчужины. Информацией обмениваются в таверне, она содержится в слухах и вынашивается заговором, разговоры персонажей оказываются случайно подслушанными. Герой теряет память, пока не прибывает письмо — фрагмент письменного текста, который раскрывает все величие управляющей сознанием силы алфавита. Письмо превращается в голос, сопровождаемый шуршанием (звук ли это папируса или птичьих крыльев — остается неясным). Этот голос будит героя. Затем оказывается, что все знание, содержащееся в письме, уже записано в

сердце нашего героя, — классическая платоновская метафора, связанная с концепцией припоминания нашего подлинного происхождения и истинной участи.

Продолжая иронический комментарий Блума, мы можем отметить, что в этой аллегории погружения души в материю и последующего освобождения внутренняя искра ведет себя подобно спутниковым радиопередатчикам, которые спят, пока система не получит особый сигнал, активирующий их. Гностицизм полон таких сигналов. Мандейский гностический текст гласит: «Один Зов раздается, дабы сообщить нам обо всех остальных голосах». Второй уровень манихейской иерархии назывался «Слушающие». Гностический сигнал преодолевает мощную интерференцию материального мира, мира, который не просто запятнан невежеством, но управляется им или, что то же самое, управляется шумом. Когда царевич скрывает себя, это означает, что он погружается в плоть и следует ее зову. Когда злодеи усыпляют его, архонты перезаписывают содержимое его памяти, погружая его космическую природу в сонное царство материи, в транс «общепринятой реальности». Логос, который спасает царевича, — это свет информации, воплощенной в коммуникационной технологии. Передача этой информации отражает архетипический сценарий информационной теории: отправитель, получатель и сообщение, которое следует защищать от демонического шума — «детей Вавилонского Столпотворения», против которых направлено заклинание на печати царского письма.

Гнозис всегда основывался на передаче тайн, и скрытую битву откровений и невидимых свершений можно найти повсюду в Гностической традиции. Некоторые гностические мифы о творении повествуют об агентах плеромы, закулисных работниках, обманывающих архонтов и открывающих двери духовного освобождения прямо посреди их ложных творений. Ганс Йонас, немецкий ученый, который видит в Гностицизме предвосхищение экзистенциализма, пишет:

Посредством неведомых агентов (Демииурга) духовное зерно было привито человеческим душе и телу, чтобы сохраняться там, как в чреве, до тех пор, пока оно не дорастет до того, чтобы воспринять Логос. Пневма временно обитает в мире для того, чтобы быть собранной для финального «информирования» через посредство гнозиса.

Воплощая вселенский порядок и мистическое знание, Гностический Логос, конечно же, означает нечто гораздо большее, чем просто информацию, и тем не менее этот Логос иногда появляется в виде информационного сигнала, Зова, обладающего свойствами вируса, проникающего в закрытый мир материи.

Судя по содержанию крылатого письма из «Гимна», Гностический мистицизм должен быть также рассмотрен в контексте пишущей машины. Это самопознание, которого ищут Гностики, открывающее человеку, что его «я» принадлежит трансцендентному порядку, далекому от вещного мира, можно рассматривать отчасти как побочный продукт платонизма, связанный с феноменологией алфавитного письма, чьи искусственные знаки, в сущности, чужды порядку природы. Для мистически настроенных индивидов голос алфавита может являться аналогией утонченной мудрости, иногда возникающей в глубинах сознания. Гностики проделали огромный путь, исследуя феномен неизбежной двойственности текста. Придирчиво перечитывая тексты, обладавшие хоть каким-нибудь духовным авторитетом, они подвергли их аллегорическому переосмыслению, для того чтобы приспособить к своим потребностям. Как пишет Иоанн Коу-лиано, «гностицизм — это разновидность платонической герменевтики, настолько ревностно следующая традиции, что она уже ломает границы всех традиций, включая свою собственную».

Эта ревностная герменевтика, которая без конца ищет лазейки в каждой истории, достигает пика своей дерзости в одной из гностических интерпретаций истории об Адаме и Еве. Как известно, Бог дал только что сотворенной паре всю власть над раем, кроме одного известного дерева, плоды которого обычно изображаются как яблоки, однако в средневековом искусстве иногда (возможно, небезосновательно) фигурируют грибы. Адам и Ева не подчиняются, что не удивляло родителей

прошлого, не удивит и современных родителей. Их искушает змеевидный плут, который обещает Еве, что она и ее возлюбленный будут «как боги, знающие добро и зло». Когда Бог обнаруживает их проступок, он наказывает их на первый взгляд очень жестоко: смертью, тяжелым трудом и страданиями для них и всех их потомков до конца времен. Обычно это интерпретируют в том смысле, что, восставая против воли Бога, мы сами роим себе могилу. Мы сами вызвали падение своего мира.

Гностики не принимали ничего из вышесказанного. Родив, вероятно, первую известную в истории метафизическую теорию заговора, анонимные авторы «Тайной книги Иоанна» прочли Книгу Бытия с точностью до наоборот, утверждая, что Эдем на самом деле был низкопробной реальностью, сфабрикованной некомпетентным невежественным тираном. В одной из наиболее поражающих гностических ревизий сам Христос (также известный как Логос) тайно входит в сад под видом Змея и тем самым дарует спасительное знание первоначально одураченной паре. Это знание — именно то, которое было обещано Змеем: знание, пробуждающее нас в наше божественное состояние, освобождающее нас от оков невежества. В этой трактовке стремление к знанию и через знание к тому, чтобы стать «как боги», становится лейтмотивом всего гностицизма. Как мы увидим в следующей главе, тяга к преодолению естественных границ тела посредством доведения сознания до божественного или всеведущего состояния остается одним из самых характерных определений «гностического», которое реализует себя сегодня в основном в терминах технокультуры.

Для Гностиков Эдем был не потерянным раем, но аллегорией материального мира, который многие из них отвергали с такой дуалистической враждебностью, что даже католическая месса казалась им дионисийской оргией. Некоторые Гностики называли нашу планету «выкидышем материи», состоящей из боли и страдания. Ма-нихейское представление о космосе в точности предвосхищало мифологию настольных ролевых игр, в которых мир представляется разлагающимся телом демона. Неудивительно, что типичное гностическое представление о человеческом теле отличалось от того, что мы сегодня считаем нормой. Некто Маркион, к примеру, полагал, что мы сделаны по образу и подобию злого демиурга и что эта «плоть, набитая экскрементами» столь отвратительна, что акт творения нельзя оправдать вообще ничем.

Хотя Гностики определенно исходили из того же платоновского небрежения телом, которое оказало значительное влияние на христианство, их отвращение к материальному миру и его архонтам нельзя считать всего лишь аскетическим разочарованием во всем преходящем. Они так ненавидели мир в том числе и потому, что ненавидели те силы, физические, институциональные или психологические, мешавшие личности осознать потенциал, который они связывали с освобождением, со сбрасыванием всех оков. Одержимые почти параноидальной враждебностью к экосистеме, они страстно желали свободы, и хотя эта жажда не могла быть удовлетворена ничем как тогда, так и сегодня, она привела к возникновению нового ощущения автономии, которое было характерно для личности в поздней античности точно так же, как оно характеризует индивида в современном мире. Такая личность видит себя свободной, познающей искрой, которая борется против внешних сил, ограничивающих и подавляющих ее. Несмотря на весь свой языческий оккультизм, многие гностики рассматривали архонтов в астрологическом ключе, следуя общепринятому в те дни убеждению, что звездные владыки держат судьбы людей и стран в своих звездных руках. Вместо того чтобы принимать зодиак в качестве закона судеб, Гностики настаивали, что сознание способно преодолеть его ограничения посредством углубления психологии, ума и мистической воли. Одним словом, гностическая борьба — это борьба освободительная, либертарианская.

Обосновав духовный авторитет «я», Гностики бросили вызов нерушимости авторитета, на котором основывалась структура института Римской церкви. Именно для того, чтобы контролировать такой идеологический уклонизм, церковь разработала представление о «ереси» — извращении или отвержении

ортодоксального учения, концепцию, которую в наши дни можно понять по аналогии с инакомыслием. В этом отношении Гностики оказывались в буквальном смысле духовными диссидентами, бросавшими вызов принятому закону и доходившими до таких антиномий, как учение Карпократа, представители которого призывали «презреть и нарушить все законы, сочиненные ложным библейским Богом-творцом». Пародируя своих противников, сторонники Карпократа увлеченно меняли сексуальных партнеров, явившись провозвестниками «свободной любви», свойственной современным утопическим коллективам и либертарианской контркультуре.

К началу Темных веков церковь в основном добила представителей Гностицизма старой школы, но гностические идеи и образы не ушли из западного мышления и опыта, хотя с этого места мы уже можем писать слово «гностицизм» с маленькой буквы. Различные еретические учения манихейского дуализма и духовного анархизма можно обнаружить на протяжении всей истории христианства, и даже ортодоксальное христианство — с его ненавистью к сарацинам, ведьмам, евреям и сатанистам — часто вело себя в более манихейском ключе, чем хотели бы думать его иерархи. Платонические мечты гностической элиты о трансцендентном освобождении и самообожествлении перекочевали в европейское эзотерическое герметическое и алхимическое подполье, архетипы которого уходили гораздо глубже к технологическому бессознательному человечества, чем может показаться на первый взгляд.

Как это бывает со всеми архетипами, мифические паттерны, связанные с гнозисом, двулики, многозначны, противоречивы. Сегодняшние техногностики находят, что они, сознательно или нет, окружены сложным набором идей и образов: трансценденция через технологию, жажда информационного экстаза, желание контролировать и совершенствовать свою бестелесную искру. Как мы увидим в следующих главах, техногностический миф тоже воскрешает темные фигуры демиурга и его архонтов, которые заново входят в массовое сознание в образе технократических элит, формирующих спектакль, использующих технологии слежки и тайно манипулирующих информационными инструментами, желая управлять обществом и длить сон человечества. Эти образы могут ввергнуть нас в темную пучину паранойи, но, наблюдая, насколько часто в истории XX века эти страхи находили свое подтверждение, имеет смысл признать известную долю гностического недоверия к силам, управляющим миром, здоровым компонентом любого современного мировоззрения. Так что нам не нужно быть ма-нихеями, для того чтобы воспринять гностический импульс, проявляющий себя в современной технокультуре. Техногнозис — это эзотерическая сторона «информационной личности», возникшей в послевоенном мире, и, как и в любом психотипе, в нем есть свои темные и светлые стороны.

Техногнозис, американский стиль

«Я» американца — это гностическое «я», потому что в глубине своей души он верит, что аутентичность возникает из независимости, которая одновременно естественна, суверенна и уникальна. Когда Томас Джефферсон писал, что он «поклонился на алтаре Господа всемогущего, что будет всегда преследовать все формы тирании над умами людей», он просто озвучил те чувства и ту веру, которые характеризуют американское «я». Строй этих чувств и этой веры был воплощен в Декларации независимости и Билле о правах. Несмотря на то что эти документы относятся к светской и политической сфере, их риторика происходит не только от просвещенческого воззрения на неотчуждаемые права человека. Политическое обоснование, впервые созданное Америкой для современного индивидуума, мотивировалось и особым духовным темпераментом страны. Этот темперамент заставлял личность руководствоваться в своих поисках мотивами, лежащими вне требований правительства или религиозного истеблишмента. В действительности сам этот темперамент был антитезой религии, как мы ее обычно понимаем.

Мы должны серьезно отнестись к намеренно еретическому аргументу Гарольда Блума, утверждавшего, что «американская религия» не является христианской, по крайней мере в европейском понимании, и что она, скорее, гностическая. Находя доказательства этому в верованиях мормонов, баптистов или в поэзии Эмерсона, Блум вскрывает ядро американской религии, непременно включающее в себя утверждение, что в личности содержится нечто, что предшествовало творению, и что, несмотря на все наше утменное желание слиться с группой, мы никогда не сможем полностью доверять внешним социальным институтам. Мы не можем доверить им первозданную свободу этой одинокой искры, имеющей свои «личные отношения» с природой или Иисусом, понимаемым также в гностическом ключе. Блум пишет, что американская религия не верит и не полагается, она знает, хотя всегда хочет знать еще больше. Американская религия манифестирует себя как страстная жажда информации, и это кажется мне лучшим определением почти для любой религии, чем попытки увидеть природу веры в неврозах или трактовать ее как своего рода наркотическую зависимость. Вопросы: «Где мы были?» и «Куда мы идем?» или еще лучше: «Что делает нас свободными?» — не могут принадлежать сознанию омраченному или отравленному наркотиком. Американская религия всегда спрашивала: «Что делает нас свободными?», но политическая свобода имеет мало общего с этим вопросом.

В процитированном отрывке есть кое-что ценное для нашего исследования, особенно в неожиданной точке зрения, с которой Блум рассматривает связь между информацией и свободой в сознании американцев. Эта связь послужит нам маяком на протяжении всей этой главы. Но, как мы увидим, это гностическое сознание и само по себе — сложная мозаика мировоззрений, принадлежащих очень разным лагерям. Оно не соответствует четкому разделению, которое Блум провел между духовным и политическим. Если политические структуры Соединенных Штатов и не могут удовлетворить волю американского «я» к свободе, то краеугольный камень этих структур на самом деле опирается на гностический фундамент.

В США всегда существовало подводное эзотерическое течение. Как показал Питер Ламборн Уилсон, дореволюционная Америка была переполнена странствующими алхимиками, неоязыческими отступниками и проповедниками-антиномистами. В оккультном воображении некоторых европейских теоретиков колонизации девственная земля Америки сливалась с первоматерией алхимиков, бесформенным царством первозданного хаоса, в котором зарождается зерно философского камня и которое является потенциальным фундаментом для строительства Нового Иерусалима. По мнению современного гностического автора Стефана Хеллера, эти подводные течения породили феномен «герметической Америки», особенного национального темперамента, который противостоит господствующему нарративу Америки пуританской, удручающему водобоязненному учению охотников за ведьмами, честолубцев и трудоголиков, которых мы так хорошо знаем. Согласно Хеллеру, отцы-основатели совершенно сознательно адаптировали структуру государства для герметических целей, превращая ее «в алхимический аппарат, в

котором человеческая душа смогла бы расти и трансформироваться, не испытывая почти никакого влияния со стороны правительства, социума или религиозных учреждений».

Для того чтобы предпринять беглый обзор герметической Америки, просто возьмите долларовую бумажку, переверните ее и рассматривайте, начиная с изображения глаза, который венчает пирамиду на большой государственной печати. Точно так же, как на иконах Восточной церкви, разжигавших пламя красоты в глазах тех, кто смотрел на них, этот определенно магический символ *novus ordo seclorum* (Нового Мирового Порядка) венчает тайную архитектуру власти, скрывающуюся за ярко выраженным прагматизмом молодого федерального правительства Соединенных Штатов. И имя этой архитектуре — франкмасонство.

Франкмасонство было (и остается) обширнейшей оккультной сетью мужской элиты европейских обществ. Его ложи сыграли решающую роль в развитии современной Европы, а также в рождении Соединенных Штатов. Еще до Войны за независимость масонские ложи сформировали «сеть межколониального взаимодействия» принципиальной важности, которой воспользовались революционные лидеры. Эти общества также позволили подрывным идеям, первоначально разработанным деятелями европейского просвещения, такими как Локк, Юм и Вольтер, распространиться среди всех сословий и рангов. Почти каждый американский генерал, сражавшийся с «красными камзолами», был масоном, как и почти каждый, подписавший под Декларацией независимости. Масонами были, кроме того, почти все разработчики Конституции. Джон Адамс и Джордж Вашингтон были масонами (Томас Джефферсон не был). Как и Франклин, Вашингтон был особенно страстным и активным масоном. Будучи великим магистром, он был инаугурирован в президенты при полных масонских регалиях.

Будучи долгое время темой для вульгарных спекуляций, франкмасонство в сознании одержимых конс-пириологов стало чем-то вроде зловещего Левиафана. На одном из уровней масонские ложи функционировали подобно обыкновенным мужским клубам Века Разума, когда амбициозные молодые люди объединялись, для того чтобы пропагандировать и развивать новые революционные взгляды на разум, науку и правильное устройство гражданского общества. Бог, которому они поклонялись, был великим архитектором, демиургом, след длани которого для них был запечатлен не в Писании, а в новых откровениях, исходивших от естественных наук. Но, хотя члены лож помогли разработать и сконструировать наш светский мир с его антиклерикальным торжеством науки, технологии и индивидуальных свобод, масонские общества послужили основным каналом, по которому идеи и психология гностического оккультизма проникли в сердце современности. Для свободомыслящих людей франкмасонство предлагало социальную структуру, связывающую воедино рационализм и эзотерический мистицизм, объединяющую идеалы Просвещения и деистическую науку в ритуальном и глубоко герметическом солярном культе.

Несмотря на то что ритуалы и символы масонства отдавали розенкрейцеровскими манифестами и историями о тамплиерах, в целом они происходили из традиций и цеховой структуры средневековых каменщиков, чьи уставы были подвергнуты спиритуалистической обработке английскими аристократами XVII века, в результате чего возникло «умозрительное», или мистическое, Братство каменщиков. Возводя свое происхождение к Хираму Абиффу, архитектору Храма Соломона, масоны поместили в средоточие своих мифологических представлений образ герметического инженера. Члены ложи следовали разработанной иерархической системе секретных жестов, ритуальных инструментов, эзотерических доктрин и гностических мистерий, в ходе которых происходила иллюминация. В этой, по сути дела неоплатонической (и весьма корпоративной), пирамиде степеней повышение статуса означало растущую почти в геометрической прогрессии степень совершенства души. Развив себя в масонстве, эти иллюминированные «сыны света» смогли превратить гностический импульс из мистической мечты в систематизированную социальную технологию эпохи Просвещения.

Космология франкмасонства основывалась на представлении о природе, которая сочетала старые представления о космическом порядке с новым эмпирическим пониманием естественных законов. Подобно многим ученым того времени, масоны были приверженцами философии деизма, которая утверждала, что Бог, едва закончив процесс творения и сконструировав грандиозную машинерию физического мира, удалился на покой, предоставив людям самостоятельно настраивать и улучшать работу этого космического механизма. Хелер пишет о деистах, что «их богом был Другой Бог герметиков и гностиков, также известный иногда как Deus Absconditus, „бог, который ушел прочь“». Хотя масоны и отождествляли своего великого архитектора с христианским Богом, этот отсутствующий инженер, творение которого далеко от совершенства, больше напоминает демиурга из гностического мифа, чьи несовершенные разработки могут быть превзойдены только человеческим разумом.

Со своим перфекционистским прометейством масонские ложи, таким образом, привнесли в современное светское общество то, что историк Дэвид Ноубл называет «религией технологии». Ноубл возводит религию технологии к средневековым монахам, которые верили в то, что человеческие существа и общество могут быть возвращены к райскому совершенству посредством правильного использования «полезных искусств». В светских терминах, которые до сих пор близки нам, эта миллениарист-ская мифология означает, что человек науки и техники обязан постигать, завоевывать и перестраивать мир природы во имя спасения человека — как духовного, так и практического. Как указывает Ноубл, масоны сыграли чрезвычайно большую роль в формировании научной культуры. Члены ложи практически основали Королевское общество, первый современный научный институт. Лидер франкмасонства Джон Теофилус Дезагюлье был еще и страстным естествоиспытателем, он экспериментировал с электричеством, изобрел планетарий и занимался исследованиями силы пара. В Англии, Франции и Америке масоны проводили научные чтения, продвигали прикладные искусства, распространяли новые энциклопедии, «неся свет знания». Масоны верили, что посредством развития и распространения технических искусств и наук они помогают осуществлению утопии.

Как показывает Ноубл, масоны, помимо прочего, сыграли важную роль в создании образовательных институтов, благодаря которым появился на свет современный инженер: «Благодаря франкмасонству апостолы технологической религии смогли передать свой практический рецепт спасения инженерам, людям новой духовности, которые со временем создали свои собственные миллениаристские мифы, закрытые объединения и обряды посвящения». В Америке этот технологический евангелизм в основном продвигался усилиями Бенджамина Франклина, неистощимого проповедника науки и техники и бывшего Великого Мастера французской «Ложы девяти сестер». Подобно бесчисленным американским масонам после него, включая Генри Форда, Чарльза Линдберга и астронавтов Джона Гленна и Базза Олдрина, Франклин исповедовал американский культ технологического совершенства. Американский религиовед Кэтрин Албанез в своей работе об американском масонстве пишет: «Если какая-либо совершенно новая массовая религия и возникла в Америке Нового времени, то это была естественнонаучная религия радикального эмпиризма, а целью этой религии было объединение духа и материи и — благодаря этому — превращение людей в богов».

Албанез утверждает, что американская религия самообожествления основывалась не только на эмпирическом знании, романтизме или масонской политике. Она строилась и на метафизическом представлении о «естественной» свободе, представлении, которое отождествляло сущностную свободу индивида с необработанной дикостью Нового Света. «Природа в американской религии природы — это точка отсчета истории, — пишет Албанез. — Ее сакральность маскирует (а часто и практически открыто выражает) страстный интерес к месту и власти в обществе». Иначе говоря, туземная свобода от человеческого общества в свою очередь становится базисом для нового понимания общества, в котором на передний план выступает полученная от самой природы суверенность индивидуума и его поисков. Это воображаемое политическое отношение к *prima*

materia девственных территорий может помочь нам объяснить почти мистическое увлечение американцев фронтиром, увлечение, которое, как мы увидим, напрямую скажется на ранней мифологии Интернета.

Американский фронт — один из величайших мифических, умопостигаемых ландшафтов современного мира. Будучи Эльдорадо, в буквальном смысле кладом сокровищ и возможностей, западные земли были еще и ландшафтом для одинокой души, виртуальным пространством, где американское «я» могло переделать себя и заново открыть свои корни. Фронт был пограничной зоной между мирскими границами гражданского общества с его властителями в лице политиков, юристов и религиозных институтов. В XIX веке миф о фронтире в сознании нации приобрел власть фетиша, которая, впрочем, не могла прикрыть страшного насилия и эксплуатации, определявших подлинный облик экспансии Запада. Журнальные романы, газеты и шоу о Диком Западе воспевали героизм и независимость пионеров, вольных стрелков и отшельников. В то же время мормоны, представители визионерского и герметического культа, пропитанного гностическими мечтами о самообожествлении, видели в суровом и величественном ландшафте Юго-Запада ветхозаветную пустыню, где можно получить новые скрижали Завета и где падший мир заключит новый договор с Небесами. Риторика фронта стала неотъемлемым компонентом американского, исключительно упрямого, оптимизма, обернувшись поклонением свободной личности и свободному предпринимательству, утопическим в теории и алчным на практике.

Когда к концу XIX века географический фронт закрылся, Америка оказалась перед необходимостью сублимировать свое влечение к диким землям. В массовой культуре XX века сакральная тяга Запада к свободе, самостоятельности и широким открытым пространствам заразила всех, начиная с бойскаутов и кончая NASA и экологическим движением. Но самым влиятельным разносчиком мифа о фронтире стал Голливуд, который поставил производство вестернов на поток, штампуя их с поразительной скоростью в течение более полувека. На сновидческой материи целлулоида запечатлен высший американский архетип свободного индивидуума: ковбой, отчаянный гибрид рыцаря, короля Артура и аскетического кочевника, который стоит по ту сторону социальных законов, чтобы приручить дикость внутри и снаружи себя, и который, таким образом, испытывает чувство свободы и самопознания, недоступное пониманию общества, для которого он прокладывает путь.

В 1980-х, когда бывший голливудский ковбой поселился в Овальном кабинете, фигура ковбоя снова появилась на фоне уже совсем другого ландшафта: в бестелесном «пространстве» компьютерной сети. Когда Уильям Гибсон решил назвать своих жокеев киберпространства «ковбоями» в романе 1984 года «Нейромант», он предвосхитил психологическую инерцию, которая будет подпитывать реальную культуру раннего этапа истории киберпространства, культуру, которая в то время, когда была написана книга, еще пребывала в стадии отшельников и трапперов. Даже к началу 1990-х Интернет все еще был местом, где не действуют законы, и беззаботная экспериментирующая анархия его социальных структур, технических триумфов и еретических дискуссий (то же самое происходило и в родственной системе BBS) сейчас уже стала чрезмерно раздутой легендой. Конечно, компьютерная сеть абстрактных потоков данных, построенная на основе операционной системы UNIX, сетевых протоколов и т. п., едва ли может вообще считаться настоящим «пространством». Но пространственные метафоры возникали с неизбежностью, придав технологии образное измерение, которое парадоксально сделало ее более реальной. Возможно, первым человеком, который использовал термин киберпространство, по отношению к реальным цифровым сетям был цифровой гуру Джон Перри Барлоу, автор текстов группы Grateful Dead и завсегдатай WELL, легендарной BBS Залива. Бывший фермер из Вайоминга, Барлоу сыграл важную роль в пропаганде одного из первых и самых важных мифических образов, украшающих концепцию киберпространства, — фронта. Хотя последующее расширение «цифрового фронта» всего лишь увеличило количество ленивых журналистов и прозелитов Сети, все же можно проследить судьбу самого образа вплоть до корней американского воображения, с его

изначальным отождествлением дикости и свободы. В кругу независимо мыслящих, в основном белых американцев мужского пола, исследующих технические и социальные возможности объединенных в сеть компьютеров (не говоря уже о флэшбэках золотой лихорадки, охватывающих и без того цветущую компьютерную индустрию Залива), метафора «цифрового фронта» всплыла из глубин технологического подсознания Америки с предсказуемостью ковбойской дуэли, назначенной на полдень.

Сегодня, когда пустынные окраины двоичного кода уступили место неоновым деловым проспектам WWW, метафора фронта отзывается пустотой копилки Роя Роджерса. Тем не менее в образе цифрового фронта больше правды, чем полагали даже его первые энтузиасты. Западный фронт был, конечно же, не утопией самоопределения, а опасным перекрестком конфликтующих сил, которые отражали отчаянное противоречие между индивидуализмом самоопределения и необходимостью создания общества, состоящего из пестрого сброда без какой бы то ни было общей истории. Тревога и желание, рожденные в этой бесконечной борьбе, продолжающей определять сознание американца, помогли создать систему взаимного отчуждения, которая просто приводит киберотшельников в экстаз и объясняет непрекращающиеся и частую сентиментальные дискуссии о виртуальном сообществе. Один из наиболее впечатляющих аспектов WELL, электронной таверны, где впервые зашел разговор о фронте, заключался в том, что BBS состояли из группы упрямых, свободомыслящих одиночек, которые наслаждались чувством пребывания в группе, хотя и невиданного ранее качества.

Образ киберпространства как фронта звучит правдоподобно еще и потому, что этот миф включает в себя и свои сумерки упадка и исчезновения. В угрюмых и меланхолических вестернах, которые Голливуд начал снимать в 1950-1960-х годах, Дикий Запад всегда изображен на своем закате, его бунтари принесены в жертву двигателю прогресса, его равнины вспаханы и огорожены. Киберпространство лишь повторило этот путь: на диких территориях, открытых пионерами, возникли социальные и политические структуры. К началу 1990-х годов гордых цифровых ковбоев и хакеров-изгоев 1980-х принялись разыскивать пинкертон и шерифы, а банкиры, законники, учительницы воскресных школ и новички с AOL принялись за обустройство главного проспекта Америки. Коммуникационные конгломераты принялись делить Сеть, подобно гангстерским боссам, а бизнес-сайты, государственные службы и домашние странички абонентов протянули колючую проволоку файрволов и ограниченного доступа через некогда свободное ранчо равнины.

К сожалению, сегодня лишь кучка сетевых пассионариев активно сопротивляется коммерциализации и приватизации киберпространства. Но вмешательство правительственных архонтов продолжает вызывать бури протеста, особенно в США. Для того чтобы сохранить прерии Сети от государственного контроля, Барлоу и другие компьютерные головы основали «Фонд электронного фронта» (EFF), хорошо финансируемую адвокатскую коллегия, занятую сопротивлением цензуре, защитой цифровых прав и проблемой сетевой криптографии. Обосновавшись рядом с правительственными кабинетами, EFF смягчил свою политику, но тем не менее он участвовал в настоящей битве против Акта о благопристойности коммуникаций, печально знаменитой попытке правительства подвергнуть киберпространство цензуре, предпринятой в 1996 году. Забавно, что многие сетевики полагают, что EFF расшифровывается как «Фонд электронной свободы». Это смешение свободы и фронта — симптом чисто американского убеждения, о котором я говорил выше: убеждения, что свобода тождественна естеству или, скорее, «я» в естественном окружении, неподконтрольному государству и социально-историческим требованиям.

В применении к Интернету это убеждение достигло своего риторического апогея в «Декларации независимости киберпространства» Барлоу. Барлоу издал эту диатрибу, получившую широкое хождение в Сети в феврале 1996 года, когда правительства США, Германии и Сингапура попытались наложить различные ограничения на растущую цифровую культуру. Написанный с типичными для

Барлоу вдохновением и размахом штата Вайоминг, этот текст перекликается с темами, рассматриваемыми в этой книге, — природой, самоопределением, гностическим развоплощением, бескрайней Америкой сознания и т. д., поэтому его стоит детально процитировать здесь:

Правительства Индустриального Мира, усталые гиганты из плоти и стали! Я явился из Киберпространства, нового дома Сознания. Ради будущего я прошу вас, принадлежащих прошлому, оставить пас в покое. Вас здесь не ждут. Вы не имеете власти над местом, где мы обретаемся.

У нас нет избранного правительства, и мы не собираемся терпеть его и в будущем, так что я обращаюсь к вам с уважением, не большим, чем то, с которым к вам обращалась бы сама Свобода. Я провозглашаю, что мировое социальное пространство, которое мы строим, от рождения независимо от бремени тирании, которое вы хотите возложить на нас... Киберпространство лежит вне ваших границ. Не думайте, что это вы строите его, ибо это общественный проект. Вы не можете сделать этого. Это акт самой природы, и киберпространство произрастает в результате коллективного действия.

У Барлоу киберпространство становится одновременно и территорией, и «актом природы». Эта мифологическая концепция позволяет ему видеть Интернет как технологическое возвращение к безграничному (но населенному) континенту, который встретил первых колонистов. Утвердив эту виртуальную почву в качестве основания, Барлоу затем убеждает надутых плохих парней из правительства в том, насколько неестественной в действительности является цифровая среда:

Киберпространство состоит из обмена данными, взаимодействий и самих мыслей, расположенных подобно стоячей волне в паутине наших коммуникаций. Наш мир — мир, который находится в одно и то же время всюду и нигде, но тела живут не в нем... Ваши правовые концепции собственности, самовыражения, идентичности, передвижения и контекста неприменимы к нам. Они основаны на материи. А здесь нет материи.

Своим индивидуализмом в духе Джефферсона и желанием бестелесного видение Барлоу «цивилизации Сознания» целиком обязано сокровенной идее американского гнозиса: «месту», которому нет места на Земле. Его «Декларация» демонстрирует, насколько, говоря словами немецкого медиакритика Пита Шульца, Интернет превратился в «коллективную галлюцинацию свободы».

Есть одна проблема с этой неогностической, либертарианской психологией — эта психология нуждается в тиранических властителях, которые ее атакуют; иначе сложно будет объяснить тот факт, что жизнь в человеческих обществах (и человеческих телах) состоит из ограничений и условностей. В самых крайних случаях поиск архонтов приводит к тому, для чего историк Ричард Хофштадтер придумал знаменитый термин «параноидальный стиль» применительно к американской политике: конс-пирологическая тенденция превращать обыкновенную политическую борьбу в манихейскую битву добра и зла. Это подозревающее всех и вся и часто пуританское сознание ответственно за суды над салемами ведьмами, им движимы антимаасонская партия XIX века, сенаторство Джо Маккарти и современные правые концепции о кабале европейских банков и Трехсторонней комиссии. Прислушиваясь к мятежным крикам, забивающим эфир средневолнового и коротковолнового радио по всей стране, можно расслышать паранойю грубого неогностического мифа: громкие увещевания о свободных, богобоязненных индивидуумах, которые разжигают партизанскую войну против ползучих заговоров, на чьих щупальцах виднеются уже следы государственной печати.

Барлоу не параноик, но явно одержим архонтами. Тиранические действия, которые подтолкнули его на вдохновенную «Декларацию», — это «злые и колонизаторские» попытки правительства регулировать кибер-пространство, силовые шаги, которые «поставили нас [то есть граждан Сети] в то же самое положение, что и прежних свобододолюбивых и склонных к самоопределению людей,

которым пришлось отвергнуть авторитет далеких, невежественных властей». Отметим про себя, что эти «невежественные власти» ассоциируются даже не столько с самим невежеством, сколько с низшим планом материи, и это ассоциация именно с той материей, которая противоположна онлайну. Поскольку правление государств основано на материальных границах и физическом принуждении, у архонтов нет власти в бесплотном киберпространстве. Барлоу подчеркивает, что, если эти невежественные левиафаны уберутся с дороги, джефферсоновские мечты о свободе, которые почему-то никак не могут расцвести в Америке плоти, крови и стали, будут осуществлены. В киберпространство попасть могут все и действовать там без привилегий, предрассудков или применения силы, все могут говорить то, что думают, и форма правления сложится естественным образом на основе просвещенной инициативы, взаимопомощи и «золотого правила» этики.

Гностическое измерение этого представления у Барлоу скрыто под поверхностью его утопической технополитики, но связь между гностицизмом и либертарианством была вскрыта Стефаном Хеллером, уже упоминавшимся мною философом-юнгианцем, который, кроме того, является настоятелем Гностической церкви в Лос-Анджелесе. Подобно другим современным эзотерическим практикам, Хеллер готовит большую часть своей духовной пищи из алхимических мифов, герметических практик и гностических представлений западного оккультизма. Но, в отличие от большинства поклонников мистерий в XX веке, Хеллер не принимает реакционного антимодернизма. Вместо этого он исповедует ту же самую головокружительную либертарианскую политику, которая стала преобладать в цифровом эфире. В отличие от большинства либертарианцев, которые по большей части являются рационалистами и атеистами, политика, исповедуемая Хеллером, укоренена в духе, а если выражаться точнее, в пневме. В своей книге «Свобода: алхимия для общества доброй воли» он определяет древних гностиков как духовных либертарианцев, утверждая, что они «видели себя в авангарде свободного человечества, используя в своей борьбе духовные средства против вездесущих сил тирании в природном и человеческом царствах»⁹². Будучи юнгианцем, Хеллер подчеркивает психологический аспект этой борьбы, утверждая, что гностики были «инженерами индивидуации», пытавшимися преодолеть внутренних архонтов, которые повелевают нашими мирскими, беспорядочными душами. Но Хеллер, кроме того, видит руку демиурга-тирана во всех массовых движениях, экологических идеологиях и структуре государственной власти. Утверждая, что «работа по трансформации общества не должна управляться или организовываться снаружи», он предвидит ту разновидность свободного и открытого общества самородных индивидуумов, воспетых журналом Wired и утопическими защитниками принципа *laissez-faire* глобального капитализма.

Хотя средний технолибертариан будет нагнетать мистический туман скорее вокруг «невидимой руки» рынка по Адаму Смиту, чем вокруг мистических состояний сознания, идеи Хеллера дают нам своего рода архетипический срез психологической динамики, которая определяет мотивацию некоторых американских либертарианцев:

«Человеческие существа на Земле не для того, чтобы быть гражданами, налогоплательщиками или пешками в руках социальных инженеров; скорее, они здесь для того, чтобы возвращать, трансформировать, приближать свое аутентичное „я“».

Сбежав из Венгрии в молодости, Хеллер, разумеется, имел серьезные причины для ненависти к социальной инженерии, и только нигилисты могут спорить с его фундаментальной верой в то, что цель человеческой жизни, такой, какая она есть, включает в себя рост, трансформацию и поиск смысла и аутентичности. Но своей странной смесью мономании свободы слова, капиталистического прометейства и жгучей антипатии к регуляции либертарии доводят это верование до опасных пределов.

С тех пор были опубликованы бесчисленные манифесты, призывающие к созданию либертарной версии «великого общества», но их ключевая идея (при всем

разнообразии) одна и та же: суверенитет индивидуума, яростные атаки на государственные механизмы, которые сдерживают производственные силы рыночного соревнования; язык юридических договоров и утверждение, что частная собственность настолько же существенна для подлинной свободы, как и гражданские права. Хотя либертариизм разделяют многие экономические представления с традиционными консерваторами, они гораздо больше заинтересованы в свободе и экспериментах, чем в традиции. Это похоже на кошмарную помесь лесбиянки-фетишистки с Уильямом Беннетом или Патом Робертсоном. На самом деле если и есть что-то святое для этих либертариизмов, так это Первая поправка — священное отделение церкви от государства — и незыблемость свободы слова — принцип, настолько овладевший ими, что в самом разговоре какой-нибудь ожесточенной дискуссии он моментально всплывает и ударяет в голову как... чистый кислород.

Все, что вам надо делать, чтобы попробовать на вкус этот ментальный поток, — это пробежаться по новостным группам и политическим веб-сайтам, ибо либертариизм живет и процветает (и проповедует) в Сети, как ни одна другая социально-экономическая или этическая философия. Во многих смыслах либертариизм словно специально придумано для жизни в кочевом пространстве Интернета. Как показывает Стивен Леви в своей замечательной истории «Хакеры», мировоззрение хакера с самого своего рождения в 1960-х годах характеризовалось любовным отношением к антиавторитарным открытым системам, эксперименту и свободному движению информации — социокультурным качествам, которые последовательно были воплощены в технической структуре Интернета. Тем не менее либертариизм стало популярным в среде американских программистов, инженеров и технологических предпринимателей задолго до того, как появилось киберпространство (львиная доля кандидатов от калифорнийской Либертарианской партии получили мандат благодаря голосам компьютерщиков). Эта популярность имеет смысл: либертарианская аргументация обычно апеллирует к тем связям в головном мозге, которые отвечают за благосклонное отношение к самоочевидной правде, здравому смыслу и голосу разума и которые заставляют отметить сострадание, традиционную мораль и социальную ответственность как представления мрачные, подозрительные и вдобавок религиозные. По очевидным причинам (уже многократно здесь упомянутым) этот холодный, маскулинный и враждебный эмоциональности «стиль» резонирует со стереотипными воззрениями хакеров и инженеров, особенно учитывая их приязненное отношение к ясности, систематической эффективности, логике и прагматизму.

Чего нельзя сказать про либертариизмов и инженеров, так это то, что им не хватает воображения. Это едва ли: визионеры из обеих групп обожают новые возможности и вообще всяческую новизну и участвуют в сложной творческой работе, состоящей в разработке непроверенных сценариев, от которых у прочих людей пухнут мозги. Не случайно оба лагеря играли важную роль в производстве и потреблении научной фантастики, этой самой яркой, визионерской и технологичной идеологической литературы XX века. Помимо исследования различных либертарианских возможностей, писатели-фантасты, такие как Вернор Виндж, Роберт Хайнлайн и Роберт Антон Уилсон, насочиняли большое количество ключевых для американского либертарианского сознания текстов.

Все эти перекрестные симпатии помогают выделить из киберлибертариизма его «главный запах», синтетический, витаминизированный привкус. Но либертариизм — это на самом деле просто американский жаргонизм для анархизма, защитники которого в Европе XIX века посвящали себя мечте, зашифрованной в самой этимологии их кредо: *anarkhos*, без властей и, в частности, без тех архонтов, которые осуществляют свое правление силой. Некоторые анархисты были радикальными индивидуалистами, другие разделяли общие коллективистские цели с социализмом. Отказываясь принимать принуждение и циническое насилие государственных властей или ментальность стада, анархисты осмелились вообразить мир, который с уважением относился к автономным усилиям, желаниям и добровольным обязательствам отдельных индивидуумов и

маленьких самоорганизующихся коммун.

Важно то, что многие утопии, о которых возвещали анархисты XIX–XX веков, можно найти уже в религиозных видениях радикальных сектантов, которые демонизировали средневековую церковь и помогли превратить Реформацию в карнавал диссидентов, революционеров и апокалиптических сект. Для групп вроде анабаптистов, диггеров и братьев и сестер Свободного Духа (все духовные радикалы были отмечены признаками гностического энтузиазма) мирские институты воспринимались лишь в качестве преград на пути к свободной милости Божьей, к спонтанным побуждениям духа и мудрости индивидуального сознания. Эта конвульсивная традиция духовного анархизма жива. В своем полемическом трактате 1985 года «Временные автономные зоны» (ВАЗ) анархо-суфийский проповедник Хаким Бей использует понятие «временной автономной зоны», кочующего фрагмента пространства-времени, где желания освобождены от потребительской логики, а социальные формы следуют хаотической логике дао. Хотя Бей настроен критично по отношению к кибернетической шумихе, его политическое и поэтическое видение ВАЗ стало крайне influential концептуальным фетишем в мире цифрового андеграунда.

Современные анархисты обходятся без божественной милости, но им по-прежнему необходимо представить некую позитивную и продуктивную силу, которая перехватит эстафету у отмирающего государства. Некоторые обращаются к Природе, веруя в то, что человеческие существа инстинктивно направят свои стопы к социальной кооперации и что спонтанное человеческое желание является изначально добрым. Другие заворочены утопическими картинками социальной организации, вдохновлявшими марксистов, картинками, которые предполагают, что диалектический ход исторического развития близок к своему славному повороту. Бакунин предсказывал, что «наступит качественная трансформация, новое живое, животворное откровение, появятся новые небеса и новая земля, родится юный и сильный мир, в котором все наши теперешние диссонансы будут разрешены в гармоническом целом». Это была именно та разновидность светского миллениаризма, которая заставила консервативного историка Эрика Фегелина прийти к заключению, что все эти апокалиптические социальные предчувствия являются гностическими ересями.

Сегодня многие либертарианцы думают, что другая разновидность Нового Иерусалима вот-вот опустится на наш хрупкий шарик: тотальная революция информационного капитализма. «Новое живое, животворное откровение», о котором вам готовы поведать сегодняшние киберлибертарианцы, — это эмерджентные необиологические качества освобожденного свободного рынка, заполненного базами данных, микроволнами и оптоволоконными кабелями. Новые небеса и новая земля, которую вы найдете в их футуристических сценариях, — это предпринимательская мечта об оффшорах, беспомощных правительствах, ошеломительных новых технологиях и искоренении самой идеи о «публичном пространстве» и «социальной ответственности» из человеческого сознания. Причина, по которой столь многие сегодняшние либертарианцы любят Сеть, проста: сама ее структура — децентрализованная, эффективная, нерегулируемая, богатая возможностями — воплощает идеал либертарианства или, по крайней мере, противостоит централизованному контролю. Киберпанк Джон Гилмор говорил по этому поводу, что Сеть квалифицирует попытки установить цензуру как повреждение и обходит их. Поэтому Сеть — это симулякр гипотетического либертарианского мира: нерегулируемое изобилие, где технологическое волшебство и чистый хак могут преодолеть инерцию воплощенной истории, где окостеневшие политические и экономические структуры переплавятся в поток битов и где Новая Атлантида свободы явится как эволюционирующий поток цифрового кредита, по которому вы можете скользить или в который вы можете погружаться.

Воодушевляющий архетип информационной экономики, его психологический пыл коренится в гностическом парении над тяжелой и пассивной материальной землей, в переходе от трудящегося тела к сознанию, обрабатывающему символы. Говоря об «освобождающей силе» хайтека, епископ Хеллер отмечает, что ресурсы,

служащие предметом рынка высоких технологий, имеют больше отношения к сознанию, чем к материи. Под влиянием высоких технологий мир все быстрее движется от физической экономии к тому, что можно назвать «метафизической экономией». Мы вовлечены в процесс понимания того, что сознание в гораздо большей степени, чем материальное сырье, составляет богатство.

Почти повсеместно можно обнаружить признаки этой «метафизической экономии», этого отражения в кривом зеркале утверждения Маркса о том, что базис богатств и ценностей в конечном счете материален. Плерома возвращается в виде всемирных финансовых рынков, где деньги поднимаются на орбиту ангелов, магически умножая сами себя в невесомом казино световых вспышек и символических манипуляций. По мере того как корпорации, торговые договоры и сети товаров и потоков данных ломают социальные границы наций, некоторые мыслители начинают верить, что информационная экономика не только расширяет, но и превосходит, преодолевает предшествующую материальную экономику индустрии и сельского хозяйства. Футуролог Джордж Гилдер говорит об этом так: «Центральным событием XX века стала победа над материей... Силы разума повсюду преодолевают грубую силу вещей». Этот технологический дуализм, возможно, ярче всего отражается в близоруким и бесцеремонном отношении мировой экономики к самой биосфере, материальной матрице деревьев, воды, болот, животных и токсинов, которые содержатся в нашем теле, играя там важную роль.

Как отмечает Хаким Бей в уничтожающей атаке на Хеллера и гностические корни информационной идеологии, «в своей горячей апологии подлинно религиозной экономики, [епископ Хеллер] забывает, что „информацию" нельзя есть». Для Бея «метафизическая экономика» произрастает из отчуждения опыта сознания и тела, отчуждения, которое достигает своей наиболее религиозной формы в гностицизме. Хотя наша «материалистическая» культура отвергла все это мистическое бормотание, Бей утверждает, что масс-медиа и информационные технологии в действительности расширяют трещину между сознанием и телом, фиксируя наше внимание на отчужденной информации, а не на прямом, лицом к лицу, плотном опыте материальной человеческой жизни, опыте, который, как верит Бей, формирует ядро любой подлинной духовной свободы:

В этом смысле медиа играют религиозную, жреческую роль, как бы предлагая нам путь наружу из тела, переопределяя дух в терминах информации... Сознание становится чем-то, что может быть «загружено», исключено из животной матрицы и увековечено в виде информации. Теперь уже не «призрак-из-машины», а машина-призрак, машина — Святой Дух, высший посредник перенаправляет нас из наших тел-однодневок в плерому Света.

Подобно Святому Духу, этому невидимому медиуму, который позволяет нам подключаться к духу Бога, бестелесная машинерия медиа и информации предлагает нам портировать наши души-данные из тела в виртуальный загробный мир. Уильям Гибсон сделал этот дуализм частью мифа киберкультуры. Когда вирус убивает способность «ковбоя» Кейса взаимодействовать с киберпространством, Кейс, попавший в «тюрьму собственного тела», испытывает «грехопадение» скорее гностическое, нежели христианское. Не чужда эта дуалистическая мифология и самому жанру киберпанка в целом. Культуролог Марк Дери демонстрирует в «Скорости убегания», что один из ключевых конфликтов киберкультуры — это оппозиция «мертвой, тяжелой плоти („мяса" на компьютерном сленге) и эфирного тела информации», противоречие, которое «разрешается» сведением сознания к чистому интеллекту. Проходясь по мировоззрениям программистов, хакеров и игроманов, Дери приходит к довольно сенсационному выводу, что «тело — это рудимент, ненужный homo sapiens конца XX века, homo cyber».

Может быть, самыми рьяными борцами переднего края атаки этого нового племени homo cyber являются озабоченные усовершенствованием мозга трансгуманисты и киберлибертариизм, известные как экстропианцы. Как мы увидим в следующем разделе, экстропианцы потратили кучу времени, разрабатывая неодарвинистские сценарии будущего, где в большом количестве присутствуют

искусственный интеллект, нанотехнологии, препараты, изменяющие сознание, причудливая физика и отсутствует правительство. Но эта работа воскрешает желания, напоминающие самые трансцендентные мистические учения, и именно это одновременное обращение экстропианства к холодному голосу разума и спекулятивным фантазиям делает их техноностицизм самым притягательным из всех его разновидностей, которые можно отыскать в цифровом крыле нью-эйджа. С энтузиазмом чокнутого Супермена, чьи накачанные стероидами мускулы проступают через футболку с надписью «Телепортируй меня наверх, Скотти!», экстропианцы детально планируют наступление того дня, когда технология откроет спасательный люк и машины навсегда освободят нас от хватки земли, тела и самой смерти.

Экстропия, полный вперед!

Из всех неприятностей, скрывающихся в законах физики, энтропия — самая подлая. Ибо если действительно все козыри у энтропии, а второй закон термодинамики Максвелла говорит нам, что так оно и есть, тогда все упорядоченное, интересное, энергичное обречено превратиться в холодное, безвкусное желе, состоящее из бестолковых, бездумных частиц. Как мы уже отмечали выше, второй закон Максвелла касается только закрытых систем, которые по определению закрыты от остального мира. Но эта техническая подробность почти ничего не меняет в довольно мрачном подозрении, что энтропия определяет нашу судьбу, участь наших творений, наших цивилизаций и самого космоса. Скульптуры ржавеют, культуры подвергаются эрозии, и цветочный букет бытия увядает, превращаясь в гнилостный прах. Слегка мазохистский нигилизм «Радуги гравитации» Томаса Пинчона, визионерского гимна послевоенной энтропии, похоже, отчасти мотивирован тем чувством, что большая часть человеческих свершений оборачивается сизифовым трудом по закатыванию камня на скользкий склон второго закона.

Хотя мы и обречены, мы, конечно же, рождаемся из материнского чрева не гниющими трупами, каковое обстоятельство заставляет нас поражаться тому, какая космическая сила позволяет нам и вообще всему сущему сопротивляться засасывающему болоту энтропии, пусть даже на время. Какое-то наделяющее формой течение во Вселенной борется со вторым законом, позволяя детям, ксерокопиям и всей биосфере плодиться, размножаться и цвести, отдаляя срок наступления равновесия энтропии, которое означает смерть для всего живого. Эта творческая сила получала разные имена, от духа божьего до *elan vitaln* новейшего представления об информации. Мы уже говорили о новизне, самоорганизации и саморождении. Но возможно, самым точным словом для всего этого будет экстропия.

В соответствии с учением экстропианцев, лос-анджелесской команды футурологов и философов, накачанных мегавитаминами и усиленных технологиями, расширяющими сознание, экстропия — это способ, при помощи которого Вселенная заставляет ракету эволюции лечь на курс и полететь вперед. Отвечая за рост секвой и готических соборов, сила экстропии создает новизну, порождает сложность, производит информацию и посылает нас выше, дальше и сильнее. Это импульс возможности, который преодолевает навязчивые циклические законы материи и энергии и проявляет себя в человеческой жизни как разум, наука, технология и всеобщая тяга к эволюционному процессу, которая заставляет людей усваивать новый опыт, преодолевать физические и психологические барьеры, усиливать способности интеллекта, строить причудливые приспособления и мечтать о будущих возможностях. И все это — содержание повседневной жизни экстропианцев.

Воплощая прометеевский архетип с чисто калифорнийским упорством коммивояжеров высоких технологий, экстропианцы делятся друг с другом различными технофутуристическими сценариями, которые, вообще говоря, десятилетиями прорабатывались научной фантастикой и пограничными отраслями науки. Пробежавшись по их журналам и веб-сайтам, вы найдете оптимистические прогнозы о космических колониях, прогрессивной робототехнике, искусственном интеллекте и продлении срока жизни. Экстропианцы поддерживают едва тлеющий холодный огонек криотехнологий и прислушиваются к призывным трубам нанотехнологии, все еще по большей части спекулятивной ветви инженерного искусства, приверженцы которой надеются создать молекулярные машины, теоретически способные построить что угодно, от космических кораблей до бифштекса. Наделенные волей к власти, поистине достойной Тома Микса, экстропианцы тем не менее стоят на позиции скептического эмпиризма, яростно противостоящего «догмам» в любой форме, не обращая внимания на собственные, часто наивные представления, которые подогревают их юношеский энтузиазм.

Со своим неистребимым оптимизмом и предпринимательской враждебностью к

запретам и предупреждениям экстропианцы стали одними из самых дерзких и известных прозелитов либертарных мотивов в киберкультуре. По их мнению, социальные программы, законодательство, жадные до налогов политики и природоохранные меры мешают эволюционной силе экстропии, не дают нам насладиться настоящим кембрийским взрывом разнообразия благ и головокружительных возможностей экономического роста. Но их враждебность по отношению к государству происходит и от воинствующего техноностицизма, страстной приверженности трансформирующему потенциалу инженерии и соответственно озлобленности на все внешние силы, которые сдерживают этот потенциал. В своих «Принципах экстропии 2.5» Макс Мор, накачанный президент Института экстропии, не только провозглашает анархо-утопическое утверждение, что не существует никаких «естественных» границ, но и подчеркнуто призывает «убрать политические, культурные, биологические и психологические границы самоактуализации и самореализации».

Употребление такого жаргонизма в духе нью-эйдж, как «самореализация», в экстропианской проповеди похоже на вдыхание тлетворного дыма из гробниц Наг-Хам-мади в баре на Уолл-стрит. Но, наряду с эксплуатацией всего, что может предложить разум и рынок, экстропианцы превозносят новую разновидность технологического перфекционизма, туповатую и упрощенную ревизию концепции исследования человеческого потенциала. Мор поясняет:

Избавившись от барьеров, налагаемых нашим природным наследием, мы используем свой эволюционный дар разумного, эмпирического сознания для того, чтобы преодолеть границы нашей человечности, последовательно пройдя трансчеловеческую и постчеловеческую стадии.

Экстропианцы считают, что Ницше руководствовался чем-то большим, чем желудочное расстройство, когда провозгласил, что «Человек есть то, что должно превзойти». В то же время их общие положения могут быть рассмотрены просто как старый гуманизм, только включенный на полную катушку. Подобно возрожденческому каббалисту Пико делла Мирандоле, экстропианцы полагают себя «свободными и гордыми ваятелями» собственных изменений.

Помимо эксплуатации перфекционизма в духе нью-эйдж и технолибертарианства, экстропианцы оправдывают свои цели, привязывая их к ходу эволюции. Подобно тому как естественный отбор тысячелетиями вытачивал человеческую расу, мы должны продолжить его ход на индивидуальной основе, беспрестанно обучая, улучшая и оттачивая свое «я». Поэтому экстропианцы отвергают мягкие перспективы нью-эйдж, но принимают те же «технологии трансформации»: приспособления для мозга и техники визуализации, медитации и препараты, расширяющие сознание, компьютерные сети и нейро-лингвистическое программирование. Более того, Макс Мор признает, что позитивное мышление экстропианства, принцип «дальше, выше, сильнее», обращение к личной эволюции могут заполнить экзистенциальную пустоту, образовавшуюся после коллапса традиционных религиозных нарративов. Мор утверждает, что, в отличие от большинства философских учений XX века, философия экстропианства придает смысл, направление и цель человеческой жизни и в то же время не требует, как это делают многие религии, подавлять интеллект, прогресс или сопротивляться «неограниченному поиску возможностей улучшения».

Подобно любому духовному лидеру, не даром едящему свой хлеб, Мор подчеркивает, что его принципы — это не абстрактные идеи, а этические максимы, которые должны воплощаться в опыте. Войдя в нашу повседневную жизнь, экстропианские принципы позволят нам преодолеть обычное течение темных человеческих мыслей. Они будут вдохновлять нас не только думать по-другому, но и на самом деле помогут нам стать трансчеловеками — более умными, более сильными, более умелыми. Но что делать со всеми этими путанными эмоциями, которые так досаждают человеческому животному, разрушая все наши лучшие планы? В целом экстропианцы невысокого мнения о чувствах и интуиции, обитающих в наших нервах. Многие хотели бы вообще избавиться от эмоций, хотя Макс Мор проговаривается, что экстропианцы просто хотят сделать их более

«эффективными».

Когда мы избавимся от сомнений и страхов и вскочим на подножку трансчеловеческого экспресса, мы не просто получим награду здесь и сейчас. Подобно праведнику, ждущему ангельской трубы, мы должны активно готовить себя к моменту, когда машины совершат квантовый скачок за пределы описанного любой научной фантастикой и все изменится. Вот пророчество Мора:

Когда технология позволит нам переделать себя в психологическом, генетическом и нейробиологическом аспектах, мы, ставшие трансчеловеками, сможем превратить себя в пост-человеков — существ беспрецедентных физических, интеллектуальных и психологических способностей, самопрограммирующихся, потенциально бессмертных, ничем не ограниченных индивидов.

Экстропианцы потратили массу пикселей и чернил, рисуя перспективы этих великих технологических изменений, но, несмотря на весь свой научно-фантастический ригоризм, технологические спекуляции этой группы в конечном счете покоятся на апокалиптических образах. Асимптотический, метаисторический момент, наступления которого они ожидают, настолько величествен и триумфален, что некоторые экстропийцы называют его сингулярностью, позаимствовав термин из нелинейной термодинамики и вдобавок приправив его изрядной дозой миллениаристских чаяний.

Ни одно желание экстропианцев не является столь вопиюще трансцендентным, как их мечта о преодолении самого унижительного оскорбления, наносимого энтропией, — смерти. Будучи рьяными имморталистами, многие экстропианцы глотают таблетки, замедляющие старение. Они роются в технических журналах и в Сети в поисках признаков того, что плановый износ организма, записанный в ДНК, может быть преодолен. Они открывают счета для перечисления взносов на криогенную технику, которая однажды сможет превратить их тяжеловесную плоть в пломбир. Но если окажется, что наше тело останется чайкой судьбы, на этот случай у экстропианцев имеется про запас уже совершенно пугающий план: сгрузить свое сознание, свой разум, свое «я» в компьютер.

Мечта о загрузке сознания в компьютер зародилась уже в первые десятилетия компьютерного века, когда кибернетика, искусственный интеллект и теория коммуникации дали понять, что механистическая философия современной науки в конце концов сможет колонизировать самые бестелесные территории знания — человеческое сознание. Хотя тело веками считалось машиной из мяса, а психология XIX века работала с образом «порождающего мозга», новые подходы к сложным информационным системам позволили предположить, что сознание в конечном счете может быть описано как нейрокомпьютер, составленный из циклов обратной связи между символами и восприятием и каким-то образом порождающий «я» в ходе этого процесса. Для таких Мефистофелей искусственного интеллекта, как Марвин Мински и Черчленды (сплошь когнитологи-редукционисты), сознание — это такая же машина, как и все остальное вокруг, то есть сознание — это именно физическая система, которую мы можем понять, описать и, теоретически, реплицировать. Каждое томительное воспоминание, каждый умелый гамбит, каждая нота во вкусовой гамме шоколадного эклера все же является всего лишь продуктом мозга, и если мы сможем выяснить, как работает мозг, или даже симулировать лежащую за этой работой сеть нервных узлов, связей и химических триггеров (все основные «если»), тогда мы сможем получить сознание внутри единственной машины, которая теоретически способна симулировать любую другую машину, — внутри компьютера.

Эд Регис в своей книге «Great Mambo Chicken and the Transhuman Condition», посвященной самым махровым фанатикам с переднего края науки, указывает на то, что идея отгрузки сознания имплицитно содержится в теории информации, которая утверждает, что любую информацию можно редуцировать до контролируемых всплесков электрической энергии. Поскольку мозг живет электрической активностью, не так уж сложно представить самих себя и элементы своего опыта в виде паттернов информации, потрескивающих в черепушке,

подобно бесконечному фейерверку. Как замечает Регис, «все основывается на том факте, что человеческая личность, это, в сущности, информация». Вряд ли имеет смысл говорить, что этот «факт» сам основывается на шатких предположениях о природе человеческого сознания, роли тела в модуляции мышления и потенциальной силе машинного «интеллекта». Но если наши сознания и личности и в самом деле могут быть сведены к паттернам информации, циркулирующим в хитросплетениях индивидуальной нервной системы, тогда не так уж сложно вообразить какую-нибудь машину, воспроизводящую эту уникальную архитектуру в своих внутренностях и, таким образом, являющуюся новымместилищем для души.

Никто не следует этой постбиологической линии спекуляции с таким механистическим упорством, какое демонстрирует Ганс Моравек, талантливый робототехник из университета Карнеги-Меллон. В своей книге «Mind Children», ставшей уже классикой экстропианства, настолько выпендренной, что иногда трудно поверить, что автор писал все это всерьез, Моравек высказывается в том духе, что перенести наше сознание в машину, во-первых, возможно, а во-вторых, ничто не может удовлетворить нас лучше, чем этот перенос. В одной особенно бодрой сцене он с массой подробностей описывает то, как может происходить этот цифровой метемпсихоз. Сперва робот-хирург срежет крышку вашего черепа и начнет ощупывать ваше серое вещество высокотехнологичными нано пальцами, которые точно измеряют изменения в магнитном резонансе. Затем робот-доктор создаст подобие вашего мозга с высоким разрешением внутри компьютера, модель столь точную, что «вы» внезапно обнаружите «себя» уже в машине. И вы встанете и уйдете.

Это, конечно, уже слишком, но если вы еще сохраняете самообладание, вы не можете не признать, что логика Моравека дьявольски привлекательна. Для начала мы уже живем в весьма разнообразной виртуальной реальности: образы, звуки, текстуры и запахи — все это призраки в мозге, составленные из ранее существовавших концептуальных паттернов и входных сигналов, которые мы получаем от органов чувств, оформляющих эти сигналы «на лету». Эти сигналы несут в себе не сами предметы, а только информацию о том, как мы готовы взаимодействовать с этими вещами. С этой точки зрения ощущение «я» — это своего рода пена, которая формируется на поверхности бурлящего варева памяти, восприятия и разнообразных рекурсивных циклов. И поскольку нет ничего магического в процессе, который создает сознание из работы наших нервных сетей, тогда теоретически ничто не должно мешать перенесению всех этих виртуальных токов прямо внутрь достаточно детализированной копии. На самом деле этот перенос может улучшить положение вещей. Мы будем сидеть и смотреть на то, как наш труп, лишенный мозга, бьется в последних спазмах, взирать на то, что было нашим телом, глазами киборга, как астральные путешественники.

Конечно, жуткий полет фантазии Моравека неизбежно порождает бесконечные вопросы. В эпоху, когда тематические парки аттракционов и «обучающие развлечения» подменяют историю, когда электроника и компьютерные приспособления чем дальше, тем больше вытесняют плотный опыт, надежды Моравека на онтологическую силу симуляции кажутся частью повсеместного неприятия требований физического мира. Можем ли мы так просто выдернуть сознание из его плотного, плотского контекста или идентифицировать реальность со способностью производить восприятие реальности?

Как мы можем столь уверенно идентифицировать себя с познавательной способностью и игнорировать эмоциональные и трансперсональные элементы сознания? Более того, психонейроиммунологи утверждают, что тело мыслит как целое, что познавательная деятельность не ограничивается мозгом, но появляется во всей «экосистеме» плоти. Другие нейрологи считают, что эмоции, это пугало экстропианской психологии, играют фундаментальную конструктивную роль в человеческом мышлении. Более того, люди, посвятившие себя медитации, и мистики всего мира часто приходят к выводу, что существует множество уровней сознания, которые можно открыть посредством интроспекции, состояния, которые,

даже если их и можно измерить, нельзя просто отождествить с шумной концептуальной активностью, на которой фокусируется когнитивистика и которую хочет симулировать Моравек.

Настоящее чудо в другом: информационная технология позволяет даже самым махровым материалистам еще раз соблазниться древней мечтой о том, как бы протащить бестелесную искру мимо зияющей пасти смерти. Во вступлении к своей книге Моравек заявляет, что больше не нужно принимать «мистическую или религиозную позу», для того чтобы представить освобождение нашего мыслительного процесса от «оков смертного тела». Моравек также отвечает Регису: мечта об отгрузке — это «на самом деле разновидность христианской фантазии о том, как стать чистым духом».

Это заявление требует более подробного теологического анализа. Ибо, несмотря на все презрение к телу, ортодоксальная христианская «фантазия» принимает всю физическую реальность тварного мира и настаивает на том, что спасенные снова оденутся в плоть, когда после Судного дня явится совершенный мир. Важнее то, что осевым воззрением христианства является вера в воплощение Христа в человеческом теле, которое страдает, умирает и воскресает. В католическом причастии тело Иисуса буквально являет себя в виде кусочка хлеба через чудо пресуществления. В соответствии со сведениями о ересь, почерпнутыми у отцов церкви, многие гностики не принимали образ физически страдающего Спасителя.

Если верить не вполне надежным сведениям, сообщаемым святым Августином, некоторые гностики заявляли, что Христос «на самом деле существовал не во плоти, а в иллюзорном образе плотской формы, обманывающей человеческие чувства, и поэтому его смерть и воскрешение были иллюзорными». Даже Августин, бывший некогда манихеем, не испытывал особой радости по поводу молистой мешка, наполненного мочой и нечистотами, в который мы все облачены, поносит гностиков за их представление докетизма о *Christos Simulacrum*, иллюзорном Христе.

Эта курьезная доктрина, которая подменяет энтропианскую реальность тела бестелесной симуляцией, демонстрирует, что фантазия Моравека не столько христианская, сколько гностическая, причем следует добавить, что это сильно упрощенный гностицизм. Как замечает Уильям Томпсон в «*American Replacement of Nature*», «в своем отращении к пленению души материей, с образом сознания как светлого, мужского и информационного начала, *logos spermaticos*, а плоти как темного, женского и поработящего начала, Гностицизм стал точкой притяжения, к которой устремились все наивные технологи, которые вышли из мировоззрения, принятого в современном обществе». Томпсон проникателен: поскольку современные Прометеи ищут «рациональные» возможности науки и технологии, им становится все сложнее сохранить здравый смысл, присущий человеку с улицы. А потому эти мыслители и изобретатели тонут в мире возможностей, глубокие метафизические и религиозные измерения которого они часто даже неспособны ощутить, не говоря уже о том, чтобы осознать их. Они бессознательно вовлекаются в самые инфантильные фантазии души о трансценденции и бессмертии.

Гностические наклонности Моравека усиливаются сопутствующими элементами платонизма, которые проступают на фоне его рационализма. В аллегории пещеры Платон утверждает, что мы настолько погружены в болото повседневных восприятий и чувств, что чистый и вечный мир трансцендентальных форм является нам лишь тенью, дрожащей на стене похожего на чрево подземелья. Моравек и его энтропианские поклонники вбивают онтологический клин между нашими падшими и разлагающимися телами и абстрактными процессами познания. С одной стороны — наша бестелесная плоть, ответственная за восприятие, эмоции и логику, с другой — концептуальное совершенство бесплотного ума, информационный массив кодов, правил и алгоритмов, который они отождествляют с потенциально бессмертным «я» и его безграничными вычислительными способностями.

Для Платона искусство геометрии было своего рода окном в мир форм, четкое совершенство его законов и фигур, описывающих рациональный мир, который наш материальный мир, с его хаотическими колебаниями и распадающейся материей, может воплощать лишь приблизительно. Моравек и его команда тоже пытаются превзойти наш дешевый эволюционный багаж, прибегая к помощи дальних потомков платоновских идеальных форм: двоичной логики, информационной теории и математики. Хотя почти все математики, компьютерщики и инженеры давным-давно отбросили представление Платона о том, что числа имеют отношение к миру более реальному и совершенному, чем наш собственный, они не всегда могут так легко избавиться от психологической инерции платонизма, свойственной ему любви к абстрактному совершенству и надежды на то, что тайный узор Вселенной может быть сведен к простым уравнениям. «Забавно, что в какой-то момент, почти что неисповедимыми путями, кое-что от старого платоновского духа проникло в мир компьютерной науки, — пишет Теодор Роззак. — Эта платоновская мечта, такая же трезвая, как большинство ученых (или каковыми они хотели бы выглядеть), в своей реакции на старую материалистическую магию выжила и нигде больше не проявляется так живо, как в культе информации».

Храм этого культа — конечно же, компьютер, который, как объясняет Джей Дэвид Болтер, воплощает в себе именно такой мир, который хотели бы видеть логики. Болтер утверждает, что компьютеры — это эхо вселенной греческих космологов, и, хотя аристотелевская логика с тех пор была отвергнута, контраст между «порядком внутри и хаосом снаружи» остается.

Более того, учитывая могучую силу цифровых челюстей, перемалывающих числа, сложных предсказательных моделей и визуализации данных, можно сказать, что логические операции компьютера утверждают свое существование в растущем, реальном, хотя и бесплотном мире информации, который находится в Зазеркалье. По мере того как возрастает сложность и репрезентативные возможности этого мира, он начинает жить параллельно нашему, а в своем двоичном совершенстве он превосходит наш. Глядя на детальную графическую модель погоды на земном шаре или снимок высокого разрешения, запечатлевший лист дерева, мы бессознательно отдаемся мировоззрению Пифагора, мистического предшественника Платона, который утверждал, что Вселенная не только подчиняется математическим законам, но и действительно состоит из чисел — чисел, которые он отождествлял с геометрическими фигурами. В диалоге «Тимей» Платон использует и перетолковывает это представление, заявляя, что четырем элементам, которые составляют видимый мир, соответствуют четыре правильных многогранника. Хорошо хоть не двухмерные графические «полигоны», из которых строятся виртуальные поверхности в играх *Zelda* и *Quake*.

Возможно, самое нахальное метафизическое проявление этого «старого платоновского духа» можно встретить в голове Эдварда Фредкина, известного своей эксцентричностью теоретика, который стал профессором Массачусетского технологического института и важной птицей в определенных научных кругах, несмотря на нехватку публикаций и на то, что сам он самоучка. Фредкин верит, что Вселенная — это компьютер в буквальном смысле. За мельчайшими субатомными пушинками, до которых дошли современные физики, лежит пучок битов, паттернов информации, воспроизводящих себя в соответствии с базовыми алгоритмами. Исповедуя разновидность цифрового пантеизма, Фредкин представляет Вселенную как огромный «клеточный автомат», что-то вроде тех компьютерных программ, которые состоят из простых элементов и базовых правил, но развиваются в сложные кибернетические экосистемы. Завораживающая и слегка сумасшедшая теория демонстрирует пример предельного космологического расширения цифровой парадигмы. А когда вы понимаете, что Вселенная — это колоссальная логическая матрица информационных алгоритмов, работа земных компьютеров может приобрести для вас метафизическую, почти демиургическую силу. Универсальная машина становится машиной, создающей универсумы.

К сожалению, песня сирен информационной плеромы может втянуть человека в

более пугающие аспекты платоновской психологии. Когда вы концентрируетесь на логическом совершенстве компьютерного Зазеркалья, вам придется тяжело, едва вы задумаетесь об участии умирающего животного, каковым вы и являетесь. Несложно заметить отвращение к телу в инженерном кошмаре, столь любимом Моравеком и многими экстропианцами, но, в отличие от ужаса перед плотской страстью, экскрементами и гноем, который испытывали древние пустыnnики, это отвращение происходит из неприязни, которую изобретатель испытывает к плохо продуманной и сделанной модели. Футуролог Боб Труа в своей книге «Conquest of Death» формулирует это следующим образом: «Какой же здравомыслящий инженер будет делать машину из извести и желе? Кости и протоплазма невероятно плохой строительный материал». Герой экстропианцев Боб Эттенгер, чья книга 1962 года «Перспектива бессмертия» дала старт криогенному движению, предположил, что одна из первых операций, которую мы должны проделать над нашими трансчеловеческими телами, — это сделать их чистыми и свободным от всякой дряни. На ум сразу же приходит стереотип хромающего и сутулого хакера, жалующегося на то, что ему приходится заправлять, опустошать, а иногда, о ужас, даже купать свою беспрерывно разлагающуюся машину.

Ганс Моравек задается вопросом: почему бы нам не пройти весь путь и в буквальном смысле не стать машинами? Моравек никак не может постигнуть, почему андроид Дейта в сериале «Звездный путь: новое поколение» хочет быть человеком. Ведь, как ему кажется, перекачка сознания в электрические цепи позволит нам не только увернуться от старухи с косой, но и совершить скачок над нашими плотскими человеческими ограничениями одним махом. Когда мы станем постчеловеческими киборгами, мы получим полубожественные возможности: память, доступ к информации, остроту впечатлений, силу обработки. Даже небеса больше не предел, потому что наша способность перекачать свое сознание в любое число всевозможных машин позволит нам исследовать глубокий космос, колонизировать другие планеты и добывать богатства из сырья Солнечной системы.

Любопытно, что сам образ киборга, который поддерживает и укрепляет экстропианские спекуляции, появился с началом космических полетов. Сам этот термин был придуман в начале 1960-х годов двумя учеными, Манфредом Клайнсом и Натаном Кляйном, которые хотели при помощи технологических и фармакологических средств улучшить тела астронавтов до той степени, чтобы «наши мальчики» стали чувствовать себя в открытом космосе как дома. В этом смысле взаимопроникновение техники и человека в образе киборга — это отчасти следствие героической мечты о выходе в космос, мечты, которая суммирует трансцендентальный материализм, исповедуемый Моравеком, экстропианцами и прочими мутантами-технофилами. Позднее мы увидим, как приверженцы культа Небесных Врат попались на эту приманку, да так, что заглотили крючок, леску и грузило, но избыток радости от всего иномирного присущ отнюдь не только фанатикам НЛО. Как показывает Дэвид Ноубл в своей книге «Религия технологии», американская космическая программа была духовной с того самого момента, как ракетостроитель Вернер фон Браун, вывезенный из разрушенной нацистской Германии, обратился в христианский фундаментализм в 1950-х годах. Действительно, учитывая все эти Библии и облатки причастия, которые астронавты возили на Луну и обратно, мормонов и «заново рожденных» сектантов, поджидавших их дома, неудивительно, что корпорация General Motors, одна из прародительниц американской космической программы, пыталась построить Часовню Астронавтов вблизи космического центра им. Кеннеди в начале 1970-х годов.

Космические технологии не просто материализуют иномирные чаяния тех, кто уже не надеялся избежать могильной плиты, венчающей земную жизнь. Они олицетворяют чувство космической тоски по истинной родине, которое звучит в столь многих человеческих сердцах, стремление к трансцендентальному уровню аутентичности, отраженному в небесах. Многие мыслящие современники, как религиозные, так и нет, верят, что снedaющий нас червь странничества не может быть успокоен и что, напротив, аутентичность обретается в гуще

экзистенциальных условий реальной жизни со всеми ее ограничениями, страданиями и неустроенностью. Другие удовлетворяются сознанием того, что земная жизнь и так состоит из звездной пыли и что далекие галактики отражаются в листьях, лужах, цветке ириса и глазах любимой. Но лирики часто недостаточно для того, чтобы заглушить гностическое подозрение, что где-то нас ожидает нечто большее, чем то, что позволяет достигнуть природа. Епископ Хеллер заявляет: «Экзотерическая и эзотерическая традиции гласят, что Земля — не единственный дом для людей, что мы не растем, как сорняки из земли. И если наши тела могут на самом деле принадлежать этой Земле, то наша внутренняя сущность — нет».

Епископ, как и большинство либертариев и техноутопистов, конечно, буквально взрывается, когда речь заходит об экологах. На политическом уровне сторонники защиты окружающей среды представляют тиранию, потому что они провозглашают реальность ограничений. Они утверждают, что мы достигаем естественных границ биосферы, что регулирующие организации должны ограничить граждан и корпорации и что технология жестко ограничена в своей возможности очистить то, что она уже испортила. На духовном плане многие «зеленые», нью-эйджеры и глубинные экологи отвергают хеллеровское чувство иномирной отчужденности как патологию, принимая вместо этого почти языческую идентификацию с природой и ее целительными силами. Философы и поэты цветущей земли не испытывают особого восторга по поводу платоновского презрения к материальной жизни во имя абстрактных идеалов или антропоцентристского наследия триумфального и неутомимого гуманизма. Не особенно они рады и декартовской механистической философии, которая отделяет сознание от тела и выпаривает магию из природы до тех пор, пока не остается только машина, которую можно разобрать.

Выжимая до упора педаль газа на колеснице Запада, экстропианцы доводят эти антиэкологические тенденции до лихорадочных высот, дистиллируя их в то, что Марк Дери язвительно называет «теологией кресла-катапульты». В экстропианской утопии сознание покидает тело, технология переписывает законы природы, а либертарные сверхновые существа оставляют Землю загрязненной и истощенной ради кибернетической жизни в космосе. Конечно, эти мечты могут рассматриваться как симптомы тщеславного и смертельного разрыва с природой, или как продиктованный гордыней отказ признавать хватку необходимости, или как наивное и нечуткое, неуважительное отношение к социальным или экологическим сетям, которые охватывают нас прямо здесь и сейчас. Но технологическое, трансцендентное рвение экстропианцев можно считать и просто научно-фантастической маской психодуховной интуиции, которая одолевает человечество на протяжении тысячелетий. Это алхимическая интуиция: в темной глубине человеческого «я» лежит необработанное золотое ядро, и при посредстве технологии, как в метафорическом смысле искусства, так и в буквальном, инструментальном смысле, мы можем извлечь и трансформировать его потенциал. Мы уже киборги, как могли бы сказать экстропианцы, и мы можем присмотреть себе место среди звезд.

Одухотворенный киборг

Если история человечества — это история превращения обезьяны в ангела, или, как провозгласил Ницше, зверя в Сверхчеловека, то, по-видимому, на одном из этапов этого пути мы должны побывать машинами. Эта участь предопределена нам самим ходом нашей эволюции. Благодаря благам машинной цивилизации, уводящим нас все дальше и дальше от непредсказуемого и зачастую злонамеренного танца природы, мы отказывались от анимистического представления, которое сковывало нас путами природных сил и отдавало во власть незримых духов-управителей. Мы осмелились мечтать о том, чтобы превзойти богов старого мира, обуздать «животную часть» нашей души, возвести урбанизированный рай на покоренной земле. Мы стали современными людьми. И хотя технология, без всякого сомнения, была для человеческих существ единственным способом выразить и навязать другим опыт отдельного от природы существования, этот путь, конечно же, стал по преимуществу путем Запада. Современный Запад, если можно так выразиться, заключил сделку с машинами — конструкциями, состоящими из запчастей и потенциалов, безжизненными по определению. И вот ныне мы технологизировали окружающую среду и изолировали самое себя в рамках научного сознания и больше не нуждаемся в обращении к природе для того, чтобы отразить свое состояние. Сегодня мы заключили рефлексии и даже дух в движения и мыслительные процессы машин.

Этот симбиоз между человеком и машиной формировался довольно долго. Начало было положено космологами-механистами Древней Греции. А жестики, вроде Герона Александрийского, принялись строить причудливых протороботов, прозванных автоматами. Все эти механические божки, куклы и птицы, которые развлекали детей античности и Средневековья точно так же, как их усовершенствованные подобию развлекают сегодня детей, приходящих в Диснейленд, действительно поражали воображение. Сложные часы, украшавшие средневековые храмы, часто были снабжены механическими фигурками, изображающими грешников, святых, смерть, различных монстров, разыгрывающих мистерию человеческой жизни. Представление о механистическом универсуме, которому обязаны своим появлением эти часы, в итоге довело нас до дверей философии Декарта, принявшего революционное утверждение о том, что тела не приводятся в движение никакими духами. Разница между живым существом и трупом — не больше, чем между заведенными часами и сломанным автоматом. Католическая церковь осознала угрозу для религии, исходящую от новой механистической философии Декарта, но удовольствовалась предложенным им дуалистическим решением: давайте просто отделим *res cogitans*, царство сознания, от *res extensa*, протяженного мира тел и объектов, и постановим, что эти два царства нигде не встречаются.

Невероятно продуктивная мощь картезианской философии обеспечила господствующую роль хладного механизма в мировоззрении Запада, и в конце концов хрупкая стена, возведенная Декартом для защиты мыслящего субъекта, рухнула. Нейрофизиологи, психофармакологи и генетики сегодня углубились в темный лес человеческого сознания, отмечая каждый шаг на своем пути. Самые светлые образы и опыты личных откровений претворены в авторитетный научный дискурс, что грозит редукцией нашего сознания и нашей личности к уровню всего лишь сложных механизмов — к установкам в духе Руби Голдберга, составленным из генетических кодов, условных рефлексов и колб с пузырящимися нейробиохимикалиями. Современная психология едва ли может спасти свои устаревшие басни. Недавно в *Time* один из авторов высказал мнение, что даже эдипов комплекс, эту грандиозную драму человеческой личности, уже можно свести к молекулам.

Чем больше мы знаем о механизмах и скрытых пружинах человеческой жизни, тем лучше мы видим, что на все наши действия, помыслы и переживания, которые прежде казались нам случайными и свободными, запрограммированы в нашем теле-сознании с безжалостностью часового механизма. Выступая с речью перед комитетом Конгресса, финансировавшим проект «Геном человека», цель которого

— полная расшифровка генетического кода человека, нобелевский лауреат Джеймс Уотсон сказал: «Мы привыкли думать, что наша судьба начертана в звездном небе. Сегодня мы знаем, что в значительной степени наша судьба заключена в наших генах». Но и этого генетического детерминизма оказалось недостаточно для социологов и психологов, которые уже накопили достаточно свидетельств, указывающих на то, что наша социальная и культурная жизнь определяется паттернами, шаблонами, функционирующими совершенно автоматически. Эти паттерны формируются не только животными инстинктами, но и социальными институтами, семейными драмами и культурным окружением. Вдобавок здравый смысл оказался не таким уж здоровым. Наше представление о нормальной реальности всего лишь отражает мощь явления, которое психолог Чарльз Тарт назвал «коллективным трансом».

После недавнего падения самых авторитарных политических режимов мы считаем, что стали более «свободными», но могущество коллективного транса только возрастает в нашем многократно опосредованном и запутанном мире. Едва головокружительные перспективы тейлористского менеджмента доказали свою эффективность на практике, капитализм вошел в продолжительную эру изобилия, используя все возможности технологии и институционального взаимодействия для того, чтобы объединять человеческие существа в мощные и приносящие прибыль производящие и потребляющие мегамшины. Нам только кажется, что привольная «постиндустриальная» экономика не содержит в себе бездушных механизмов контроля, но в реальности сегодня мегамашина просто стала фрагментированной и претерпела изменения. Переместив примитивные сборочные линии в развивающиеся страны или на нелегальные фабрики, где господствует потогонная система, она «спиритуализовала» свои циклы, перенесла их в нематериальные кибернетические системы интеллектуального труда и сложные маркетинговые игры, подходящие для общества, основанного на импульсивном потреблении. Бродяга Чарли Чаплина, попавший в шестерни «Новых времен», теперь стал виртуалом, одновременно покупателем, делающим покупки через электронную сеть, и электронным рабом, каждый поворот дверной ручки и каждый поход в уборную которого контролируется с точностью до наносекунды.

Маршалл Маклюэн в начале 1970-х годов писал: «Мы сами ходим на роботов в своем некритическом увлечении технологиями». Сегодня у нас стало еще больше технологий, которыми мы можем увлекаться, еще больше кибернетических циклов, к которым мы должны подключаться и на которые мы должны настраиваться. На фоне продолжающегося идеологического доминирования редукционистской науки и социокультурного доминирования связанных с нею технологий некогда величественный остров гуманизма тает в силиконовом море. Мы обнаруживаем, что сели на кибернетическую мель, где-то на полпути между сказками, которые рассказывают у дымящего костра, и новыми сетями программирования и контроля. Потеряв веру в свободную волю и целостность личности, мы, глядя на себя в зеркало, встречаем взгляд андроида, потухшие глаза, черные дыры нигилизма — бессмысленную пустоту, которую Ницше предвидел еще столетие назад и называл ахиллесовой пятой современной цивилизации.

Едва ли имеет смысл говорить, что потеря мотивации беспокоит большинство людей. Большая часть духовной и религиозной активности на текущий момент, связанная с движением нью-эйдж, на том или ином уровне пытается сокрушить или хотя бы восполнить редукционистскую и механистическую картину мира. Христиане-фундаменталисты и анимисты, приверженцы индейских культов, совместно атакуют дарвиновскую теорию естественного отбора, в то время как мастера иглоукалывания и целители холистической школы вновь пытаются разжечь магическую искру витализма. Психологи, работающие с архетипами, пытаются восстановить предвечный образ души, а экологические мистики призывают «заново зачаровать Землю» и отринуть мир биржевых сводок и торговых центров. Даже либеральные гуманисты роются сегодня в поисках ценностей, «осмысленной политики», которая может противостоять стремительно вторгающемуся технологическому мышлению.

Но разве мы можем перевести стрелки часов назад, тем более на то время, когда часов вовсе не было? Возможно, образ человека-машины включает в себе больше надежд и обещаний, чем считают его противники, особенно если этому образу не позволить полностью заслонить собой картину мира. Для многих искателей XX века древняя задача пробуждения не означала возврат к романтизму, религиозной ортодоксии или магическим песнопениям. Вместо того чтобы отвергать механические или автоматические аспекты человеческого существования, эти мыслители прокладывают свой путь сквозь образ машины, используя механизм только в качестве будильника для пробуждения своих собственных сил. Перефразируя суфийского мистика Хазрата Инаята Хана, можно сказать, что, хотя один из аспектов нашего существования подобен машине, другой подобен инженеру. С этой точки зрения первый шаг к пробуждению состоит в том, чтобы осознать, насколько мы уже зомбированы и автоматичны. Подобные бесстрастные редуцирующие наблюдения помогут снять наваждение, вскрыть подлинные способности и, как это ни парадоксально, позволят нам взрастить многие глубоко человеческие аспекты нашего существования. Машина в этом случае может послужить интерактивным зеркалом, Иным, через которое и в противостоянии которому мы узнаем самих себя и сами становимся мерой всех вещей. Это путь одухотворенного киборга, чьи электронные цепи и пробегающие по ним команды таят в себе как угрозы, так и перспективы техногнозиса.

Встреча с удивительными машинами

Можно сказать, что первыми одухотворенными киборгами были шаманы, которые, по сути, являлись инженерами сакрального экстаза. Но первым современным духовным учителем, продуктивно использовавшим инженерный язык, был Г. И. Гурджиев, греко-армянский гуру, прославленный за свою суровую мудрость, гипнотическое обаяние и необыкновенно густые усы. Если верить его автобиографии, Гурджиев на рубеже веков проводил время, путешествуя по монастырям, хижинам йогов и мистическим школам Ближнего Востока и Азии, хотя и сложно до конца поверить человеку, которому однажды пришлось спасаться бегством из селения, где он продавал дроздов, перекрашенных в попугаев, когда ливень грозил смыть с них краску. Но, несмотря на то что некоторые скептики и духовные учителя продолжают считать Гурджиева жуликом от метафизики, после придирчивого чтения большинства основных текстов Гурджиева становится ясно, что этот мастер не только синтезировал различные учения и техники в чрезвычайно практичную форму эзотерической работы, но и приспособил большое число идей современных ему науки и психологии для древней цели гнозиса.

Гурджиев умер в 1949 году, и на протяжении своей жизни он был слабо подвержен влиянию европейской цивилизации с присущим ей отрицанием великих духовных традиций прошлого. Но в других отношениях он был очень современным человеком. Он высмеивал спиритизм, игнорировал богов, наслаждался работой с машинами и имел совершенно редукционистское представление о том, что «все психические процессы материальны». Подобно теософам, Гурджиев имел совершенно эволюционистскую точку зрения на космическую историю, хотя он и уравнивал ход материальной эволюции неизбежно соответствующей ей инволюцией — отклонениями от многочисленных законов, управляющих материальными феноменами, необходимых для приближения к освобождающему космическому Всеединству. Многие аспекты космологической системы Гурджиева, по крайней мере в том виде, в котором они приведены в сочинении П. Д. Успенского «В поисках чудесного», представляли собой высшую степень мистической лженауки. Текст Успенского битком набит курьезными психогеометрическими правилами, диаграммами, изображающими «вышние водороды», и описаниями цепочек космических команд. Все это достигает своего апогея в забавном представлении: оказывается, обыденная цель энергетической жизни человечества заключается в том, чтобы «питать Луну».

Гурджиев, конечно же, был типичным плутом, и похоже, что его эксцентричный стиль преподавания и более чем занимательная космология были придуманы для того, чтобы удержать подле себя учеников и последователей. То же самое верно и в отношении сухих определений человеческой психики, которые в целом сводятся к самой отталкивающей из аксиом: «Человек — это машина». Гурджиев утверждал, что в своем обычном состоянии нас можно уподобить автомобилям, печатным машинкам или граммафонам, механическидвигающимся под воздействием внешних сил или внутренних импульсов, никогда в действительности не действующим и не осознающим. Мы постоянно реагируем и никогда не поступаем. Хотя Гурджиев настаивал на том, что наша зом-бированность написана у нас на роду, он также верил, что современная индустриальная жизнь усиливает и продлевает этот механический транс. «Современная культура нуждается в автоматах», — говорил он.

Поставив такой диагноз, Гурджиев сделал замечательный вывод: единственная разумная вещь, которую мы можем сделать в этих обстоятельствах, — это спасаться. Гурджиев отождествляет это спасение с пробуждением в наше немеханическое состояние. Только путем апгрейда нашего обыденного повседневного сознания мы можем действительно надеяться на обретение подлинной ответственности за свои действия и желания и подлинного контроля над ними. Будучи своего рода алхимическим модернистом, Гурджиев рассматривал это развитие как «искусственно культивируемый» процесс. Наша душа, наша немеханическая сущность не рождается вместе с нами. Она делается, и это деланье души происходит вопреки порядку вещей: «Закон предписывает человеку

жить в кругу механических воздействий, в состоянии „человека-машины". Путь к развитию скрытых способностей— это путь, ведущий против природы, против Бога». Вместо того чтобы следовать жизненным токам Геи, ритмам плоти и силам воображения, как это делают романтики-анимисты и все некогда жившие и живущие ныне почитатели природы, пробуждающийся человек Гурджи-ева движется против шерсти, отбирая контроль у механических сил и передавая его просыпающемуся «я». Гурджиев тоже был гностическим Прометеем, ищущим возможности для человеческого «я» осознать себя в *opus contra naturam*, освободившись от всех мифов и божественного вмешательства. Несмотря на весь свой традиционализм, Гурджиев может считаться крестным отцом экстропианцев.

В отличие от экстропианцев, однако, Гурджиев верил, что современные люди настолько загипнотизированы технологиями, интеллектуальными концепциями и горами информации, навороченными журналистами и учеными, что они утратили свой потенциал распознавания и искусство работать на более глубоких уровнях сознания. По мнению Джейкоба Нидлмана, Гурджиев был первым эзотерическим мыслителем, описавшим предмет духовной работы как «сознание», хотя он и не романтизировал его, как это делают столь многие нью-эйджеры сегодня. Напротив, он рассматривал его в целом как материальную силу, которая может быть оформлена и трансформирована при помощи психоспиритуального *techne* — того, что его ученики называют «Работой».

Эта Работа начинается с безжалостного самонаблюдения, хладнокровного анализа «своей машины». Это похоже на практику випассаны (достижения полноты осознанности) в теравадском буддизме: начинающему ученику предписывается отмечать и регистрировать собственные помыслы, эмоции и поведение в объективном процессе «разбора полетов», который Гурджиев называет «записью». Это не запись, которую осуществляли писцы древности, но ничего не забывающая видеозапись, которую производит исследователь, своего рода фиксация суеты микробов перед объективом микроскопа. Некоторое время «позаписывая» себя, мы первым делом должны осознать, что в нас нет постоянного и неизменного «я». Гурджиев объясняет: «В каждую минуту, в каждый момент человек проговаривает или продумывает свое „я". И в каждый момент его „я" другое. Только что это была мысль, а теперь желание, сейчас — ощущение, потом другая мысль, и так до бесконечности. Человек — это множество. Имя человеку — легион». Здесь заключено объяснение нашей фундаментальной неаутентичности — «я», которое дает обещание, не является тем «я», которое нарушает его. Едва ли стоит говорить, что мнение, согласно которому мы состоим из «сотен тысяч отдельных маленьких „я"», часто не знающих друг друга и конфликтующих друг с другом, встречает отпор со стороны нашего экзистенциального чувства стабильного «я». Но Гурджиев полагал, что, если мы беспристрастно посмотрим на себя, мы придем к осознанию того, что такое обыденное ощущение единого существа — это не более, чем уловка.

Гурджиевское видение психической жизни человека во многом обязано его метафоре «человека-машины», ибо принцип машины — сборка, бездушный конгломерат подсистем, рабочих частей и перемещающихся узлов энергии и изделий. Многие десятилетия спустя хитроумные механики, работающие над проблемой человеческого познания, перенесут модель «сборки» в массовое сознание. Несмотря на значительное разнообразие, большинство моделей в когнитивистике представляют сознание как конструкцию, создаваемую борьбой и объединением мириадов крошечных и плотно переплетенных между собой символических подсистем и агентов — образ, который волшебник искусственного интеллекта Мар-вин Мински назвал «сообществом ума». Не так давно другие специалисты по когнитивной науке предложили еще менее иерархические и символически связанные модели.

В этих моделях сознание — это продукт работы еще более примитивных и «асоциальных» механизмов чувств, восприятия и памяти. Это, «я», самосознание видится в них как «эмерджентное качество», расплывчатый след, порожденный сложными взаимодействиями информационных портов желёз, нейрохимических

вспышек и структур восприятия, которые роятся над поверхностью мысли.

Гурджиев не был единственным духовным учителем, предвосхитившим то, что на первый взгляд кажется исключительно современной, технологической деконструкцией «я». Буддистская психология также настаивает на том, что не существует коренной сущности, атмана, единого «я». Вместо этого традиционные буддисты разделяли «я» на многочисленные «склады» (skandas), которые состоят из движущихся массивов объектов, восприятий, суждений, мыслительных категорий и моментов осознания. Материал в этих «складах» перемешивается привычкой, желанием и постоянно меняющимися причинами и условиями кармического плана. Поскольку такой поток пугает нас, резонно продолжают буддисты, мы, хотя и строим замки на зыбучих песках, но провозглашаем их устойчивыми, реальными и вечными. В своих умах мы овеществляем свое сущностное «я», чья неспособность спонтанно отвечать на течение явления или осознавать свою собственную невещественную природу порождает иллюзии и страдания сансары.

Гурджиев и в самом деле похож на сурового буддиста, когда говорит, что «пробудиться — значит осознать свою ничтожность, то есть осознать свою полную и абсолютную механичность и полную и абсолютную беспомощность». Проявляя внимание к нашему собственному механическому поведению, мы полностью прекращаем отождествлять себя с ним, и это разотождествление сдвигает фокус нашего внимания к высшему «я», которое направляет свои процессы к внутреннему развитию самого себя. Эта обратная связь с трансценденцией мышления позволяет отделить сущностное «я» от автоматизма машины, создать кристалл сознания, способный не только с предельной точностью направлять собственную активность, но в конечном итоге преодолеть смерть.

В любом случае это всего лишь план. В каком-то смысле Работа, по Гурджиеву, является вполне очевидным духовным аналогом болезненного стремления экстропианцев овладеть своим инертным телом, управлять эмоциями и перепрограммировать себя на бессмертие и самореализацию. Как и экстропианцев, Гурджиева тоже можно обвинить в элитизме, противоречивости и полной незаинтересованности во вселенском соучастии и остальных «мифах», которые напоминают нам о нерасторжимой связи человеческого общества и биосферы. В то же время Работа обладает психоспиритуалистической утонченностью, которой так не хватает безумным экстропианцам, и ее трансцендентальный порыв смягчается гурджиевским призывом прагматически подходить к обыденной жизни. Он призывает своих учеников жить и работать в повседневном мире и облагораживать, расширять и подключать дополнительные уровни сознания, связанные с телом и эмоциями, а не игнорировать эти «низшие» аппараты, обреченные гнить на свалке имени Дарвина.

Но одну из принципиальных опасностей Работы пламенные индивидуалисты, которыми являются экстропианцы, не заметили. Гурджиев настаивал на том, что только пробужденный учитель может помочь ученикам справиться с их самыми трудными гипнотическими привычками и что, следовательно, серьезная Работа требует абсолютного доверия к наставнику. Как слишком хорошо известно из истории новых религиозных и эзотерических движений, такая ситуация обычно вырождается в опасное авторитарное поведение, которое мы связываем с понятием культа. Значительное число групп, вдохновлявшихся Работой после смерти Гурджиева, не избежали западни тирании такого рода. С другой стороны, культ единственной личности иногда приводит к тому, что начинает пробуждаться другая личность. В одном отрывке из книги «В поисках чудесного» описывается, как группа учеников рассказывает Гурджиеву о том, что их старые друзья верят, будто они (ученики) стали какими-то бесцветными и скучными, неотличимыми от «попугаев» Гурджиева, настоящими «машинами». (Сегодня мы бы сказали, что им «промыли мозги».) Гурджиев лишь загадочно усмехнулся: «А будет еще хуже».

Усмешка Гурджиева вызвана тем обстоятельством, что, когда вы имеете дело с религиозными контркультурами, которые оспаривают предрассудки господствующего общества, пробуждение и гипноз часто являются сторонами

одной медали, и не всегда возможно определить, на какой стороне вы находитесь в данный момент. «Освободить» свои воззрения и поведение духовно-психологическими средствами не значит избавиться от проблемы власти и контроля. Разрушая тяжелый сон обыденной иллюзии, ты рискуешь просто заменить привычных архонтов на еще более мрачных и маниакальных. В то же время мир привычной реальности, в которой мы работаем каждый день (и в который мы проваливаемся по ночам), не обязательно приводит к механическому трансу, описанному Гурджиевым, так что пробуждение из этого состояния может означать большее осознание и даже большую увлеченность прежде подсознательными силами. Неожиданно оказывается, что вся социальная и символическая арена социальной реальности приобретает вид грандиозного и совершенно неосознаваемого заговора, хотя на первый взгляд она вроде бы является всего лишь беспорядочным карнавалом демагогов, мошенников и вполне умопостигаемого дискурса. Призрак паранойи часто преследует субкультуры, которые сознательно выпадают из мейнстрима, но особенно они досаждают тем одухотворенным киборгам, которые включают в свою картину мира современные идеи о программировании мыслей, павловских рефлексах и гипнотическом трансе.

В идеале та разновидность техник саморегистрации, которые описывает Гурджиев, позволяет избежать угрозы паранойи и эзотерического авторитаризма, но некоторые секты, навязывающие механистическую картину мира, постоянно наступают на эти грабли. Возьмем к примеру сайентологов, чья гораздо более грубая попытка одухотворить человека-машину привела к возникновению первого всемирного корпоративного кибернетического мистического культа. В 1940-х годах некто Л. Рон Хаббард всего лишь писал фантастические рассказы для журнала Джона Кэмпбелла-младшего *Astounding Science Fiction*. Он писал о сверхлюдях, обладающих паранормальными способностями и довольно фашизоидных по натуре, которые завоевывают миры при помощи поразительных психокинетических сил. Он также написал «Страх», одну из самых смачных историй в бульварной НФ. После того как Кэмпбелл прославил его на страницах своего журнала, Хаббард в мае 1950 года опубликовал нашумевшую статью о дианетике. Затем он написал книгу «Дианетика: современная наука об умственном здоровье». За первый год было продано 150 тысяч экземпляров. Предлагая прямолинейный подход к проблемам, овладевшим человеческим умом, дианетика представляет собой набор простых и понятных техник, которые могут очистить людей от психологических проблем и психосоматических расстройств. Последние, по мнению Хаббарда, составляют большинство недугов. В качестве бонуса Хаббард навел читателя на мысль, что эти приемы потенциально могут раскрыть латентные психические силы, которые так увлекали читателей его научно-фантастических рассказов.

Будучи скорее инженерной инструкцией по эксплуатации сознания, нежели наукой о сознании, «Дианетика» начинается с прямого и сегодня хорошо знакомого утверждения: разум — это компьютер. В своем оптимальном состоянии наш «активный разум» использует все данные, действует рационально и решает все возможные проблемы. Однако наш активный разум блокируется нашим «реактивным разумом», «банком памяти», который прямо соответствует фрейдовской концепции подсознательного. Здесь таятся «искажающие циклы», вредные привычки, которые Хаббард называет «энграммами»: записи о неприятных переживаниях, которые всплывают на поверхность в виде страха, боли или потери сознания. Допустим, однажды в грозу меня укусила собака. Звук падающей воды и лай чихуахуа заново активизируют энграмму и испортят мне весь день. «Отслеживая» такие энграммы, то есть переводя их из подсознания в сознание и «обрабатывая» при помощи техник дианетики, можно приблизиться к оптимальному состоянию «прозрачности».

Сегодня вера в то, что сознание действует как компьютер, уже никого не удивляет, и за прошедшие десятилетия стало общим местом для склонных к редукционизму специалистов по когнитивной науке. Но в 1950 году первому в мире электронному компьютеру (ЭНИАКу) было всего лишь четыре года от роду и Фрейд в транзисторной интерпретации Хаббарда обладал большим зарядом для людей, чувствовавших первые поветрия цифровой революции. Его «современная научная

методология» апеллировала, в частности, к читателям Astounding Science Fiction и интеллектуалам этого круга, для которых был очевидным прагматический рационализм прометеевской мечты, породившей своих технологических энтузиастов вроде экстропианцев. Это была разновидность людей, которые приходили в восторг от мейнфреймов и перспектив кибернетики, новой науки о связи и управлении, придуманной Норбертом Винером.

Хаббард стал одним из первых людей, уловившим новую парадигму американского рынка, печально известного своим пристрастием к мошенничествам в духе «помоги себе сам» и руководствам по моментальному достижению успеха. Эксплуатируя кибернетический язык «циклов», «процессов» и «банков памяти», Хаббард, по-видимому, предлагал своему читателю технологический контроль над своим умом, давая ему эффективную терапевтическую систему, которой тот мог воспользоваться для того, чтобы улучшить себя, не вставая с дивана, и без дорогого вмешательства назойливых колдунов-психоаналитиков. Хаббард находился в оппозиции к господствующей психологической бихевиористской теории, которая рассматривала человеческое существо как «черный ящик» — органическую машину, отвечающую на стимулы, чье поведение может быть понято и улучшено, в сущности, на механической основе, наряду с совершенным игнорированием всякого субъективного опыта. Хаббард не столько отвергал эту парадигму, сколько переводил ее на уровень комикса, прибегая к своего рода гурджиев-скому приему: наши тела и обыденное мышление, может быть, и представляют собой программируемые устройства, но наше сущностное «я» способно программировать и отлаживать эту машину.

В начале 1950-х дианетические группы стали спонтанно возникать по всей стране, и Хаббард, вероятно, почувствовал, что теряет контроль над своей программой. В любом случае его первоначально светские техники вскоре пропитались «духовной» философией (и иерархией) сайентологии, которая зарегистрировала свою первую церковь в 1954 году. К фрейдистским круговым диаграммам дианетики Хаббард добавил громоздкие фрагменты буддийской психологии, нового мышления и, вероятно, элементы ницшеанской ветви современной оккультной «магии», представленной трудами Алистера Кроули. Начиная свою духовную карьеру, будущие сайентологи учились ломать врожденные паттерны социального поведения и генерировать измененные состояния сознания (одна из тренировочных процедур заключалась в том, чтобы просто уставиться в глаза другого человека и смотреть так часами, никак не реагируя). Эти ощутимые сдвиги в восприятии и сознании затем оформлялись в соответствии с доктриной сайентологии. Этот процесс вел учеников вглубь невероятной космологии Хаббарда и авторитарной структуры его церкви. Бюрократическая и технологическая действенность восхвалялась в метафорах духовного прогресса. Сайентологи до сих пор называют его чрезвычайно тщательно проработанную, но запутанную систему тренировочных процедур, аудиокассет и текстов «техникой». И техника эта, как они говорят, всегда работает.

Хаббард, кроме того, продвигал новую кибернетическую технологию, воплощенную в странном, интригующем ящике, впервые продемонстрированном ему в 1952 году дианетиком из Нью-Джерси по имени Волни Мэтисон. «Электропсихометр», или Э-метр, был снабжен шкалами и двумя приспособлениями, напоминавшими консервные банки. Будучи чем-то вроде детектора лжи, Э-метр регистрирует изменения в кожно-гальваническом рефлексе — грубо говоря, в токе электричества, пропущенном через тело. Начинаящий сайентолог держал банки, а аудитор задавал ему вопросы (пытаясь «найти у него кнопку»); в итоге циферблаты регистрировали разряд, указывающий на присутствие энграммы. Идея Хаббарда заключалась в том, что мысль имеет массу и что невротическая «тяжесть» энграммы создает сопротивление электрическому току. Когда импринты удалялись при помощи техник дианетики, стрелка Э-метра «колебалась», а неофит становился на один шаг ближе к просветлению. Э-метр был подобен Богу из коробки. В одной из инструкций по эксплуатации говорится: «Он видит все, знает все. Он никогда не ошибается».

Однако все эти заявления не могли удовлетворить Управление по контролю за продуктами и лекарствами, агенты которого, заручившись поддержкой судебных исполнителей, ворвались в штаб-квартиру сайентологов в Вашингтоне, захватив тонны Э-метров и инструкций к ним. В последовавшем вслед за этим судебном процессе церковь сайентологии настаивала на том, что аудирование при помощи Э-метра аналогично католической исповеди, что Э-метр является «религиозной принадлежностью» и что сайентологи никогда не утверждали, что его эффективность чем-то отличается от эффективности причастия или святой воды. Эта аргументация была гениальным ходом: вместо того чтобы научно обосновывать устройство Э-метра (весьма непростая задача, если не сказать больше), сайентологи просто воспользовались спасительным покрывалом религиозной тайны. Но они невольно недооценили тот факт, что власть технологии иногда исходит от символического или ритуального представления в гораздо большей степени, чем от самого механического результата. Пытаясь провести разделение между этими двумя измерениями технологической эффективности, федеральный суд запретил использовать Э-метры для диагностики и лечения, но разрешил использовать их по «религиозным соображениям».

В своей истории церкви сайентологии, озаглавленной «Religion Inc.», британский журналист Стюарт Лэмонт писал, что для сайентологов «духовный прогресс может быть измерен без обращения к милости Божьей. Это может быть сделано при помощи правильных техник в соответствии с инструкцией... Это была старая ересь гностицизма, упакованная в формат, понятный образованному человеку XX века». Хотя представления Лэмонта о гностицизме отражают ортодоксальную пропаганду в большей степени, чем сам феномен, он прав в том, что именно гностицизм передал свой заряд хаббардовской технике. Задолго до того, как экстропианцы опубликовали свой манифест, сайентология призвала «увеличить степень духовной свободы, разумности, умелости, дабы стать бессмертными». Когда Э-метр сотрет все инстинкты и болезненные воспоминания, определяющие наши личности, у нас останется то, что Хаббард называет «тетан» — бессмертная сущность, которую он определяет как бестелесную часть «я», «осознающую сам процесс осознания». Подняв картезианский дуализм до заоблачных высот, Хаббард измыслил духовную сущность внеземного происхождения, которая очень напоминает «искру», описанную гностиками древности.

По сути, хаббардовская космология — это тот же «Гимн жемчужине», пропущенный через Чарльза Дарвина и параноидальную научную фантастику. Благодаря компостирующей мозги книге «Сайентология: история человека», которая представляет собой не более и не менее чем «хладнокровное и строго следующее фактам описание последних шестидесяти триллионов лет вашего существования», мы узнаем, что давным-давно группа заскучавших тетанов решила развлечь себя, творя и разрушая Вселенную. Чтобы сделать эту игру интереснее, они отказались от части своей суперсилы, добровольно спустившись во вселенную МЭПВ — Материя, Энергия, Пространство, Время. В нашу Вселенную. Спустившись в МЭПВ в «закручивающейся спирали», они настолько беспомощно застряли в физическом пространстве, что в итоге забыли о своем истинном происхождении. Усохнув до состояния «нечистых», эти тетаны были обречены проживать одну жизнь за другой, аккумулируя кармические банки энграм, от которых может избавить только дианетика. Освободившись от инертного тела и его психического вздора, тетан снова обретет быструю опера-циональность и будет способен создавать «копии» тела и манипулировать виртуальной реальностью МЭПВ по собственной воле.

Однако тетаны — не единственная сила в космосе. Прибыв на Землю и превратив глупую обезьяну в homo sapiens, вселяющиеся в тела тетаны столкнулись с марсианской Четвертой Армией Вторжения. Их зловещие легионы пленили и поработили тетанов, используя набор психологических электронных орудий пыток, включая зловещего «Чертника-из-Коробочки» и ужасающей «Кофемолки». Когда мы умираем, наш внутренний тетан отправляется с докладом на вражескую станцию, где марсиане стирают воспоминания, используя «имплант забвения», напоминающий сатанинскую ручку настройки телевизоров.

Несмотря на свои «колпаки и рабы глаза», Армия Вторжения заставляет вспомнить о гностических архонтах древности. Но своими причудливыми электронными машинами эти архонты отдают дань хаббардовской ненависти к психиатрии. Хаббард ненавидел истеблишмент умственного здоровья, а особенно восставал против широкого использования электрошоковой терапии. (В «Истории человека» Хаббард подробно описывает, как «электроника сама по себе может породить порабощенное общество».) В 1950-1960-х годах он фанатично и публично восставал против ЭШТ, лоботомии, удручающих условий содержания больных в психиатрических лечебницах и того авторитета, который закон обеспечивает психиатрам. Он также был одним из первых, кто обвинил ЦРУ в том, что оно проводит эксперименты по контролю над сознанием. Эти обвинения после раскрытия проекта МК-Ультра оказались чистой правдой. В своей параноидальной и самовосхваляющей манере Хаббард, по сути, излагал позицию, которую позже станет развивать Мишель Фуко в книге «История безумия»: что институциональная психиатрия — это форма социального контроля, а не форма лечения.

Тем не менее, как и многие другие еретические и авторитарные организации, церковь сайентологии воспроизводила и далеко превосходила самые манипулятивные тоталитарные фанатичные элементы социальных институтов, которым она противостояла. Из документов, подобных «Кусочку голубого неба», написанного Джоном Атакком, полных леденящих душу деталей и подробностей, видно, что церковная иерархия полностью впала в паранойю начиная с конца 1960-х и использовала различные грязные трюки, для того чтобы подкопаться под «упорствующих», обвиненных во враждебности по отношению к организации. Внутри самой церкви Хаббард постоянно наращивал контроль, поставив себе на службу средства связи. Скрывшись от властей в южных морях, Хаббард сохранял жесткий контроль над помыслами своих «оргов» посредством разветвленной телекной сети. Он непрерывно издавал десятки тысяч страниц сайентологических материалов, бесконечный поток книг, памфлетов, директив, меморандумов и записок. Само собой напрашивалось сравнение с наиболее абсурдными проявлениями конторской бюрократии. Аудиокассеты с записями месмерических, хаотичных и затягивающих лекций активно использовались во время сайентологических тренингов, возможно вызывая в слушателях «глубокое чувство единства с племенем», которое, по мнению Маршалла Маклюэна, позволяло демагогам вроде Гитлера повелевать массами посредством радио.

Едва ли нужно говорить, что даже на самых высоких уровнях посвящения адепты не всегда обретали обещанную суперсилу и Хаббарду приходилось заниматься постоянным обновлением его дорогостоящей техники, которая в результате становилась еще дороже. Дж. Атак описывает этот процесс в терминах, так хорошо знакомых нам в наши дни электронных сетей: «Каждый новый апгрейд встречался фанфарами в сопутствующей прессе. Объявлялось, что он приводит к чудесным результатам. Один критик... жаловался на „джангов от аудита“, постоянно ждущих нового „уровня“, который разрешит их хронические проблемы». Погрузившись вглубь инсайдерского мировоззрения, совершенно непостижимого для непосвященных, многие сайентологи попадали в ловушку парадигмы, и у этой ловушки не было выходов. Марджери Уэйкфилд, бывшая участница секты, написала книгу «Дорога в Ксену», которая сегодня выложена на многочисленных антисайентологических сайтах. В ней она описывает, как в попытках преодолеть культурное и психологическое программирование сайентологическая техника парадоксальным образом замыкала членов культа в порочный кибернетический круг. Кульминация истории Уэйкфилд — момент, когда после двадцати лет пребывания в организации она наконец достигла уровня ОТЗ — и ей открылись предельные эзотерические тексты, связанные с ним. Она узнала, что много лун тому назад Ксену, глава галактической федерации, решил проблему перенаселения космоса, послав тетанов на Землю, а затем взорвав их при помощи ядерного оружия, спрятанного в вулканах. Прочитав эту написанную серьезным языком историю, Уэйкфилд испытала нечто вроде когнитивного диссонанса:

Я почувствовала себя очень странно. Десять лет меня программировали под

гипнозом, чтобы я воспринимала как откровение все, что сказано и написано Хаббардом, но эти материалы были слишком абсурдными, чтобы в них верить. В результате мой разум оказался в положении компьютера, который, когда в него поступают данные, не поддающиеся анализу, просто выдает отказ их обрабатывать... Хаббард подвесил мое сознание, и с этого момента я стала совершенной пешкой, не будучи в состоянии думать, я стала полностью программируемой машиной, отвечающей на внешние импульсы. Я стала роботом, или, как обычно это называют бывшие сайентологи, «рондроидом».

Букет технологических метафор Уэйкфилд так увлекателен не в последнюю очередь благодаря тому, что он показывает, как терапевтическая «технология», основанная на освобождении ментального компьютера, может вызвать в некоторых ее последователях ощущение схожести с роботоидным состоянием стимулирования и реакции, вроде того, которому подвержены злые борги (орги?) в сериале «Звездный путь: новое поколение». Но, хотя Уэйкфилд нельзя винить за то, что она считает себя рондроидом, ее технологизированный язык настолько же запутывает, насколько объясняет. Как отмечает психолог Лоуэлл Стрейкер, тактика убеждения, используемая в церкви сайентологии и других культах, — «это не столько „технология контроля над сознанием“ или промывание мозгов как таковое, сколько... обычные техники, при помощи которых группа сламывает личное сопротивление и устанавливает свое влияние». Но признать это — значит признать, что мы каждый день плаваем в растворе, промывающем нам мозги, пусть и разбавленном. Каждое мгновение мы наталкиваемся на флаг или логотип, глотаем прозак или позволяем маркетинговой кампании войти в нашу жизнь. Мы танцуем с силами контроля в коллективном трансе, и этот танец вводит нас в состояния изумления и смятения.

Работа (по Гурджиеву) предполагает, что «человек-машина» может пробудиться и освободить себя от своего автоматического и социально обусловленного поведения и что одухотворенный киборг может подняться к более высокой ступени сознания, войдя в соприкосновение с собственной внутренней машиной. Сайентология служит примером жуткого призрака культизма, который бродит поблизости от этой дороги и напоминает нам, что освобождение от одних программ может означать просто очистку ленты для новых и куда более истощающих трансов. В любом случае, несмотря на потрясающе негативный опыт Хаббарда, компьютеры, кибернетика и информационная технология — полезные для нас сегодня метафоры, помогающие представить путь самопознания. Для людей, вовлеченных в переживание духовно-психологической трансформации, но не желающих выслушивать старые сказки, упоминание «технологий раскрытия своего „я“» служит мощным источником воодушевления, и лишь во вторую очередь вызывает мысли о дегуманизации. Помимо ублажения падкого на технические новинки современного человека, оно служит гарантом прагматически ориентированных экспериментов, освобожденных, хотя бы в теории, от всякого догматизма.

В то же время всевозрастающая популярность образа перепрограммируемой личности отражает нарастающую бюрократизацию и технологизацию общества, происходившую все двадцатое столетие, — процесс, который принес с собой социальный строй, никак не сочетающийся с подлинным исследованием человеческого потенциала. По этой причине многие контркультурные духовные движения на послевоенном Западе, с порога отрицали любой намек на механицизм, жестко противостоя электронному Вавилону и дегуманизирующему влиянию технократии с ее абстрактным, исчислительным подходом к организации человека-машины. Но как мы вскоре увидим, под хлопчатобумажными рубашками и японскими халатами духовные бунтари послевоенной контркультуры вступали в гораздо более интимную связь с техницистской логикой, чем они хотели бы показать.

Техника для фриков

Автор книги «Технологическое общество», опубликованной в 1954 году, французский теолог Жак Эллюль заявлял на ее страницах, что силы «техники» стали выходить из-под контроля, вторгаясь во все сферы человеческой активности и преобразуя их. Согласно Эллюлю, техника — это не просто то, что имеет отношение к машинам. Скорее, это логика манипуляции и достижения целей, стоящая за работой машин. В социологическом аспекте техника означает процедуры, языки и социальные условия, порождаемые «рациональностью» современных социальных институтов, бюрократии и технократических организаций. После Второй мировой войны эти институты оказались в еще более тесной связи с техникой, когда они стали компьютеризироваться и перестраивать свои структуры управления в соответствии с логикой контроля, с ее циклами обратной связи и информационных потоков. Система, как ее стали называть впоследствии, стала развиваться в полную силу.

В то время, когда кибернетика только начала осознавать возможности машин, наделенных искусственным интеллектом, Эллюль настаивал на том, что техника уже обрела свою собственную жизнь. Система, по сути, уже вышла из-под контроля. В своем неудержимом стремлении к увеличению эффективности и производительной силы, этот маниакальный экономико-технологический Франкенштейн принялся высасывать жизненные соки из индивидуумов, культур и природного мира, сводя все к тому, что Хайдеггер называл наличным сырьем. Как и Хайдеггер, Эллюль отвергал гуманистическую точку зрения, согласно которой технология — это просто инструмент, используемый нами для того, чтобы достигать человеческие цели. Напротив, по мнению Эллюля, технология воздвигает вокруг мира, в котором мы живем, новые невидимые границы, несущие в себе угрозу катастрофы в структуре бытия и познания, которая поглощает нас, нравится нам это или нет.

Эта довольно манихейская картина, которую нарисовал Эллюль, оказалась невероятно влиятельной в послевоенном поколении, которому было суждено устроить паноптикум, известный под именем «шестидесятых». Непростой союз политических радикалов и богемы, суровых революционеров и анархических кислотников, молодых людей и девушек в 1960-х годах скрепляла общая ненависть к Системе. Они мечтали о миллениарист-ском мире, который бы пришел на смену дегуманизирующей мегамашине технократического общества с его военно-промышленным комплексом. Эта мечта, находила ли она свое выражение в марксистских, мистических или гедонистических терминах, рождала видение новой эры, начало которой возвестило бы возникновение общества справедливости, развития человеческого потенциала и органической свободы. С точки зрения контркультуры технология символизировала Систему с ее бессердечным стремлением к доминированию и фетишизацией рационального контроля.

В то же время такие революционные объединения, как «Студенты за демократическое общество» или «Синоптики», более чем охотно использовали оружие врага против него самого, будь то мегафоны или огнестрельное оружие, бомбы или радио. Для более аполитичных хиппи, которые верили, что изменение сознания само по себе способно изменить мир, современная технология была источником дурных вибраций. Многие делали выбор в пользу более «органического» стиля жизни, основанного на про-рощенных зернах, фазах Луны, растрепанных волосах и пасторальном руссоизме. Тем не менее фриковую сцену невозможно вообразить без технологии: без FM-радио, андеграундных газет, мощных стереосистем, теленовостей, противозачаточных таблеток, электрогитар. В особенности — электрогитар. К середине 60-х рок-концерт стал гедонистической агорой контркультуры. Музыканты с головой окунулись в электромагнетизм, трансформируя некогда «побочные» электрические эффекты, такие как фидбэк и дисторсия, в дикий трансцендентальный хаос. Вкупе со вспышками световых шоу и эффектами ЛСД, который вышел из элитарных психологических кругов и военных лабораторий, эти пробуждающие кундалины звуковые грозы открыли эпоху

электрифицированных элевсинских мистерий, чьи силы, как отмечает Теодор Роззак, были «позаимствованы у аппарата», то есть у самой Системы, которую фрики стремились искоренить. Принимая во внимание признание определенного количества технологий, следует считать, что хиппи не столько отрицали, сколько пересматривали технику. Фрики построили настоящую мифологию вокруг усиливающих способности орудий и инструментальных навыков, которая нигде не проявилась с такой отчетливостью, как в могучей обновленной духовности поколения. Отвергнув сухие и авторитарные религиозные институты Запада, фрики решились пойти на взлом дверей человеческого восприятия, чтобы узнать, что скрывается за ними. Вот почему образчики контркультурной духовности, от йоги до психоделиков, от Камасутры до «И-цзина», были не чем иным, как техническими приемами. Мирча Элиа-де называл такого рода техники «техниками экстаза». Этот чемоданчик, наполненный мистическими методиками и психологическими инструментами, вырванными из их собственного культурного контекста или изобретенными заново, позволил отдельным искателям исследовать собственное тело и сознание, избегая догматических ловушек ортодоксии.

Гуру и демагоги, разумеется, с нетерпением ожидали своего часа, что продемонстрировал следовавший вскоре взрыв авторитарных экстремистских религий, вроде Общества сознания Кришны, Церкви Объединения или Детей Бога. Но в своей наиболее сознательной части контркультура породила нового пилигрима, постмодернистского искателя, который воплотил радикально-демократическое и экспериментальное отношение к самым разным областям человеческого духа. В своих лучших проявлениях духовные изобретатели были (и остаются) динамичными и прагматичными людьми, открытыми протестическим возможностям созидательной магии и глубоко подозрительными к уравниловке, которую исповедуют более традиционные и абсолютистские религии. Эклектика, которую потом назовут нью-эйдж, тоже, несмотря на преследующий ее риск вырождения в бессмыслицу, оказалась прозорливым религиозным ответом на уменьшение размеров земного шарика. Напоминая метафизический бульон античной Александрии, нынешние времена смешения языков требуют, чтобы религия не просто заново возродилась, но чтобы она всякий раз изобреталась заново.

Как вам скажет любой чудака с карманным разрядником, изобретение рождается из брейколяжа, творческого, экспериментального сочетания любых техник, которые подворачиваются под руку. Несмотря на весь малиновый туман, духовность фриков включала в себя любопытную эмпирическую интерпретацию *homo religiosus*. Опыт визионерского и сакрального был фактом человеческого существования, но, кроме того, он был продуктом усилий самого человека и мог быть катализирован и вызван при помощи целого набора психофизиологических средств. Для любителей медитации, мистиков и белых шаманов единственным приемлемым способом возжечь зарю просвещения было соединение воедино экспериментальных основ широкого спектра традиций. В разделе «Рецепты духовной жизни», который завершает классический фри-ковый опус Рама Дасса «Будь здесь и сейчас», сказано: «Это руководство содержит широкий набор различных техник. Потребности людей многообразны, и все люди находятся на разных стадиях пути. Но, как и в случае с любой книгой рецептов, вы выбираете именно то, что подходит вам».

Как позднее продемонстрировали глянцевики каталоги нью-эйдж, от рецептов духовной жизни всего один шаг до супермаркета духа, где часы для дзенских медитаций, ловушки для снов от индейцев навахо и пластиковые руны служат одной и той же могущественной магии: магии товара. Но фетишизация контркультурой «инструментария сознания» не может быть целиком списана на эзотерический консьюмеризм. Кроме того, беби-бумеры были лабораторными крысами информационной эпохи, первыми человеческими существами, приученными к телевидению, транзисторному радио и другим потребительским технологиям, которые хлынули на американское общество после Второй мировой войны. Даже когда они отвернулись от механистического Запада, они не смогли отказаться от права первородства детей техники. Итак, хотя фриковские духовные

искатели и могли быть наивными в своей вере, что тантрический секс, мескалиновые трипы или йогические асаны могут вставить душу прямо в материнскую плату космоса, они отчетливо осознавали, что эти «технологии трансформации» катализируют мощные и потенциально исполненные смысла психодуховные переживания.

Некоторые технологии духовной жизни даже предполагали извлечение информации, потому карты Таро и астрологические руководства лидировали в оккультных чартах. Возможно, самым изощренным из этих оракулов был «И-цзин», древнекитайская «Книга перемен», английский перевод которой вдохновлял юнгианцев и битников в 1950-е годы. Сам текст представляет собой глубокую, но иногда ставящую в тупик помесь шаманского даосизма, природного символизма и конфуцианского правового жаргона. В основе всей системы лежат полярные силы инь и ян, творящего и принимающего, чьи статистически фиксируемые пермутации организованы в 64 гексаграммы — двоичную систему, впечатлявшую самого Готфрида Лейбница, метафизика-рационалиста XVII века, чьи инновационные разработки в сфере логики заложили фундамент компьютерной науки. Перетасовывая монеты или раскладывая кучки палочек тысячелетника, пользователь строит гексаграммы в соответствии с ситуацией. Таким образом, и-цзин функционирует как своего рода персональный контркомпьютер: двоичная книга органических символов, при помощи которой можно бросить вызов Системе, восстав против дао. Несмотря на то что и-цзин считывает аналоговые сигналы души, в своей основе это цифровая система, и ее цифровые паттерны понятны любому хакеру.

Но из всех инструментов управления сознанием, которые были в распоряжении у хиппи, самым могущественным был, конечно же, ЛСД. Его гностическая молекула была впервые синтезирована и случайно опробована в 1943 году в химической лаборатории Sandoz в Швейцарии.

Будучи искусственным продуктом лабораторной технологии, ЛСД — это синтетический молекулярный аппарат, способный вызывать *mysterium tremendum* с механистической предсказуемостью. В то же время ЛСД поднимает испытуемого в мир, свойства которого идут вразрез с причинной логикой современной науки. Как пишет Теренс Маккена, психоделики открывают невидимое царство, в котором каузальность обыденного мира заменяется рациональностью натуральной магии. В этом царстве язык, идеи и смыслы имеют большую силу, чем причины и следствия. Симпатии, резонансы, интенции и личная воля возрастают на лингвистическом уровне посредством поэтической риторики. Пробуждается воображение, и иногда его проявления сохраняются в видимой форме.

Обладая возможностью вызывать такие фантастические и оккультные переживания химически, ЛСД парадоксальным образом стал выразителем культурной логики информационного века, в котором техника вторгается и оплетает не просто разум, но само воображение. В этом смысле психоделики лучше всего рассматривать как медиа, средство коммуникации, которое транслирует «информацию» в разум, оформляя эту информацию в виде сна наяву. В своей знаменитой книге «Двери восприятия», опубликованной в 1954 году (название книги было позаимствовано из визионерского отрывка, принадлежащего перу Уильяма Блейка: «Двери восприятия распахнулись, и все явилось человеку, как оно есть — бесконечным»), Олдос Хаксли утверждал, что в обычном состоянии сознание работает как «предохранительный клапан», фильтрующий хаос ощущений и подсознательных процессов. Галлюциногены срывают клапан, наполняя «расширенное сознание» видениями, инсайтами и гипертрофированными эмоциями. Хотя многие люди интерпретируют этот гностический раж в мистическом ключе, в нем также есть многое от обыкновенной информационной перегрузки. Углубление взаимосвязей и обилие навязчивых синхроний, посещающих психоделического путешественника, может означать не что иное, как невероятно творческую, но в конечном итоге все равно обреченную на провал попытку мозга увязать воедино многомерный поток поступающих данных.

Размышляя в том же направлении, Маршалл Маклюэн описывал психоделики как «химические симуляторы нашей искусственной электрической среды». В качестве таковых они позволяли пользователям «достигать эмпатии» с архаической эхокамерой электронного медиа. Писатель дзен-буддист Алан Уотс отмечал, что «психоделические препараты — это всего лишь инструменты, такие же как микроскоп, телескоп и телефон». Или телевизор, добавим мы, приняв во внимание тот факт, что образ телевизионной трубки появляется в «Психоделическом опыте», руководстве по духовной работе, написанном доктором философии Тимоти Лири, Ральфом Мецнером и Ричардом Альпертом, еще до того, как они выпали из истеблишмента. Привязывая ЛСД-трип к мистическим драмам из «Бардо Тодол», так называемой «Тибетской книги мертвых», повествующей о посмертном пути души, авторы описывают стадию, на которой путешественник осознает, что все его ощущения и все его восприятие основываются на вибрациях волн и что он «попадает в космическую телепередачу, которая не более материальна, чем изображение на экране его телевизора». Книга почти гарантирует вам, что, если вы соответствующим образом настроили установку и обстановку, вы постепенно сможете пройти сквозь мир информации и попасть в состояние единого сознания, схожего с тем, которого достигали йоги и алхимики. Но не каждый согласится с тем, что такого рода точечные видения обладают высшей ценностью, особенно учитывая их предельно технологическое основание. Уотс приходит к довольно хладнокровному выводу: «Когда вы получите сообщение, повесьте телефонную трубку».

Кен Кизи не хотел вешать телефонную трубку, он хотел поставить общий телефон. В начале 1960-х годов Кизи и его «Веселые проказники» начали устраивать экспериментальные празднества, несшие благую весть Кислоты в массы. Во время этих электропрохладительных кислотных тестов ЛСД был всего лишь одним из компонентов медиаурагана, который не столько распахивал двери восприятия, сколько забивал их экспериментальными фильмами, флуоресцентной краской и миганием стробоскопов. За музыку отвечала группа Warlocks, позже переименованная в Grateful Dead. Для Джерри Гарсиа кислотные тесты Кизи были не чем иным, как проявлением электромагнетической магии:

У них были киноленты, бесчисленное множество причудливых звуковых трюков, записанных на ленту, и таинственные эффекты в динамиках... Все время казалось, будто оборудование само способно как-то реагировать. Я имею в виду, что там постоянно происходили какие-то таинственные вещи. Голоса раздавались от устройств, которые не были включены в сеть...

Для большинства участников кислотные тесты определенно срабатывали на всю катушку, но в отличие от серьезных исследователей «Проказники» и всевозможные фрики, появившиеся вслед за ними, в целом так и не смогли сконструировать что-то подобное смысловому контексту, который традиционные шаманские или религиозные культуры использовали для того, чтобы интегрировать когнитивный экстаз (и его метафизическое похмелье) в обыденную жизнь. Как только вы уселись в магический автобус, все дорожные карты теряют для вас всякий смысл, все, что у вас остается, — это рычаги и циферблаты приборов.

Вот почему знаменитые призывы дядюшки Тима «настроиться и включиться» были метафорами средства передачи, а не самого сообщения. «Доверься психоделическому аппарату», — говорит искуситель, усмехаясь с экрана телевизора, потому что при помощи него ты сможешь «штурмовать врата Рая». Несмотря на всю свою креативную магию, эта квинтэссенция прометеевской мечты отражала прежде всего одержимость инструментами, которая рке охватила послевоенное общество. Во многом духовность фриков просто воспроизводила веру в простые технологические решения всех проблем, свойственную индустриальному обществу. Как пишет Марк Дери в «Скорости убегания»:

Обитатели контркультуры 1960-х, представленные Кизи и его «Проказниками», может быть, и мечтали о просвещении, но их нирвана — в духе «plug-and-play» и «счастливого механизированного американца» — космическое сознание не сходя с

дивана, достигаемое не долгими годами поисков в духе Сиддхартхи, но немедленно — химическими средствами в центре сенсорного циклона высокотехнологичного хэппенинга.

Дери предполагает, что, когда кислотники приспособили слоган корпорации DuPont «Сделаем жизнь лучше при помощи химии», они иронизировали куда меньше, чем сами думали.

С другой стороны, вырвав препараты и технологии из лап ВПК и СМИ, партизаны сознания 1960-х показали себя изобретателями-прагматиками, для которых хороши все средства изменения мира. Люди использовали визионерские препараты на протяжении всей истории, и тот факт, что самый мощный психоделик XX века появился в соответствующей XX веку упаковке, ничего не говорит о его способности по меньшей мере имитировать экзальтированные состояния, о которых многие века было известно лишь от неуловимых шаманов и визионеров с подозрительно блестящими глазами. Однажды пройдя через неоновые врата в Пэйсли, многие фри-ки всерьез втянулись в кислотную метафизическую игру, повесили телефонную трубку и улеглись на маты для медитации. Многие потратили «долгие годы», идя по следам Сиддхартхи, стараясь отыскать проблески своего «я» в упорном буддийском самоисследовании.

А другие поступили в Эсаленовский институт, расположившийся в райском уголке Калифорнии на побережье Биг-Сур, буквально на самом краю Запада. Там они получили психотерапевтический контекст для своих исследований и в конечном итоге разработали более систематическую философию. Основанный Майклом Мерфи и Ричардом Прайсом, двумя интеллектуалами, развивавшими движение радикальной психологии, Эсален помог возникнуть и распространиться тому, что потом станут называть движением по расширению человеческого потенциала, — эклектичному соединению духовных практик и психотерапии, которое значительно повлияло на движение нью-эйдж. Точно так же как оккультное возрождение 1960-х заново встроило магические практики и архетипические образы в массовую культуру, так и движение по расширению человеческого потенциала открыло ржавые ворота западной психологии для состояний сознания, которые прежде игнорировались или описывались как бред или безумие. Сторонники медитации, психоделические визионеры, йоги-любители, группы поиска, гештальт-терапевты — всем им нашлось место в Эсалене. Вдохновленные «пиковыми переживаниями», о которых писал Абрахам Маслоу, этими вспышками богоподобных трансперсональных способностей, лежащих за пределами рутинной колеи обыденного сознания, интеллектуалы и терапевты Эсалена исследовали расширенное сознание, не отказываясь полностью от позитивистских талантов, связанных с их университетскими степенями.

Любой настоящий «психонавт» из Эсалена может рассказать вам, что исследования трансперсональных состояний сознания часто сопровождалось празднествами освобожденной плоти. Для Гарольда Блума Эсален стал местом нового рождения гностического орфизма с его доктриной, прославлявшей жизнь в непрекращающемся состоянии интоксикации. Но посреди массажных масел, трипов, совместных купаний ведущие обитатели Эсалена помогли заново оформить парадигму кибернетики и теории информации в прагматичный, удобный, бесстрастный подход к новым мутациям тела и сознания, который характеризовал весь эсаленский опыт. Критикуя современный культ инструментального рационализма, они протаскивали старое откровение алхимического поиска в новый информационный век.

Одной из ключевых фигур в этом процессе был Грегори Бейтсон. Антрополог по образованию, Бейтсон принимал участие в конференциях фонда Мейси в 1950-х годах, конференциях, которые обозначили социальное и научное применение кибернетики. Но, несмотря на свои связи с технократической и научной элитой, Бейтсон впоследствии превратился в чисто калифорнийского философа, постоянного обитателя Эсалена и крестного отца «Whole Earth Catalogue». Назвав кибернетику «величайшим плодом Древа познания, которое человечество получило за последние две тысячи лет», Бейтсон утверждал, что эта наука вызвала

настоящий сдвиг философской парадигмы, который поможет нам постигнуть природу, социальное поведение, коммуникации и сознание как элементы единого целого, взаимодействующие внутри огромной живой системы, объединяющей вместе сознание и материю. Антиредукционистское, глубоко экологичное бейтсоновское представление о кибернетике, облаченное в удобную популяризаторскую упаковку, в итоге просочилось в контркультуру и получило широкую известность под именем «холистического подхода».

Изучая что попало — от искусства острова Бали до шизофрении и языка дельфинов (исследования в этой области проводил Джон Лилли), — Бейтсон помог развить кибернетическую модель «я». Согласно Бейтсону, «я» — это просто участок переработки информации, неразрывно связанный посредством циклов обратной связи с телом и окружающей средой. Сознание — это не некая картезианская трансцендентная точка отсчета, а само соединение, заставляющее рассматривать познающего и познаваемое совместно в более широком контексте «экологии сознания». Для Бейтсона гностическое бегство неприемлемо, потому что не существует никакой отдельной души или обособленного «я», которое могло бы исключить себя из этого контекста. В своей статье «Кибернетика „я“» Бейтсон пояснил эти представления, используя пример человека, рубящего дерево. Когда человек примеряется, чтобы удар топора пришелся в нужное место, этот процесс, несмотря на то что Бейтсон пишет о нем как о «ментальном», вовсе не является простым жужжанием «шестеренок» в черепе. Бейтсон рассматривает всю систему «дерево-глаза-мозг-мускулы-топор-удар-дерево». Информация, которой, кстати, Бейтсон дал свое знаменитое определение «различия, которое производит различие», протекает через всю эту систему, и больший участок этой информации имеет «свойство имманентного сознания». Это имманентное сознание являет собой экологический аспект информации. Последняя пронизывает материальный мир, образуя в итоге разум куда более грандиозный, чем обычные мыслишки, проскакивающие искрами под крышкой черепа. Естественно ожидать, что, если бы этот проницательный джентльмен смог избавиться от внутреннего шума, он получил бы в награду глубинное интуитивное представление об этом мировом разуме.

Если все это напоминает вам некий кибернетический вариант дзен-буддизма, то вы попали как раз в точку. Даосизм и дзен-буддизм, по крайней мере в том виде, в котором они были переняты контркультурой, являются мировоззрением, основанным на представлении о природном течении, полном осознании через недеяние, а также спонтанной и трансперсональной творческой способности, которая расцветает, когда Эго уступает ей дорогу. Бейтсон сам попал в тенета восточной философии, подобно Фритцу Капре, ярому стороннику теории систем, опубликовавшему в 1975 году бестселлер «Дао физики». Хотя Капра критиковали за его метафизические перегибы, связь между теорией систем и восточной философией — это не шутка. Позже ученый и эколог-активист Джоанна Мейси в своей книге «Причинно-следственная связь в буддизме и общая теория систем» обоснует точку зрения, согласно которой как кибернетика, так и ранняя буддийская философия описывали мир как нелинейный танец взаимосвязей. Мейси отмечает, что первые буддисты описывали «я» как производную двенадцати постоянно взаимодействующих компонент, среди которых — чувство, желание, физический контакт и понимание. Как и в кибернетической цепи, здесь нет единого центра контроля или устойчивого узла, через которое осуществляется все взаимодействие. Вместо этого само «я» возникает как динамическое соотношение сознания и бытия.

Хотя школа «гуманистической психологии», которой дал жизнь Эсален, отвергла убогий детерминизм бихевиоризма, она не отказалась целиком от модели человека-машины, которая доминировала в общепринятом психологическом дискурсе. Вместо этого команда Эсалена попыталась дать человеку-машине кибернетический разум, усиливая его способность к осознанию и психологический потенциал и помогая ему освоить разнообразные «программы», через которые «я» обычно проходит инстинктивно. Наиболее «плотной» реализацией этой кибернетической алхимии была система биоконтроля, впервые придуманная и

популяризованная Элмером Грином. В ходе относительно простого технологического процесса волны, излучаемые мозгом, отображались на мониторе в режиме реального времени. Попрактиковавшись немного с этим аппаратом, любой мог развить силу воли и научиться сознательно управлять прежде подсознательными телесными функциями. В сущности, можно было научиться превращать себя в киборга, управляя уровнем стресса или целым набором физиологических функций.

Конечно же, йоги тысячелетиями учились управлять своими сердечными ритмами и внутренними мышцами, и в этом смысле индуистские техники экстаза являют собой предмет своеобразной кибернетики старой школы. Неизбежным стало то, что Грин и К0 утвердились во мнении, что система биоконтроля может послужить удобным рычагом, помогающим достигать трансперсональных состояний сознания, на достижение которых у йогов и дзенских монахов уходили десятилетия тренировок. ЭЭГ наглядно демонстрировала, что эти состояния привязаны к определенным параметрам волновой активности мозга. Грин принялся обклеивать йогов электродами, а бихевиорист Джо Камийя доказал, что система биоконтроля позволяет любому научиться управлять состоянием работы мозга. Вскоре Грин уже разъяснял, что «среднему человеку нет никакой необходимости отдавать себя религии, догме или системе медитаций, чтобы научиться входить в состояние сознания, в котором пробуждается Источник Творчества, позволяющий решать проблемы». Хотя отношение волн мозга и специфических состояний сознания не являлось точным знанием, так или иначе исследователи, как и следовало ожидать, принялись возвещать о наступлении «мгновенного просветления».

К сожалению, энтузиасты мозговой волны вскоре установили, что биоконтроль сам по себе не является легкой дорогой к сатори. Уже в то время Грин заявлял, что тренировки на устройстве биоконтроля могут открыть врата трансперсонального только в сочетании с другими техниками расширения сознания. «Истинное „я“, — писал он, — можно быстро обнаружить, если индивидуум сумеет привести тета-волны в состояние ментального затишья при помощи ЭЭГ и одновременно сфокусирует свое внимание на „вышем“». С некоторыми такой киберспиритуальный фокус проходил, но этот успех ставил перед исследователями новую серию вопросов: является ли истинное «я», катализированное посредством электронного оборудования тем же самым, что и «я», находимое христианскими мистиками в сиянии полунощи, или тем же самым, что проявляется в сосредоточенной многолетней работе буддийского монаха? И если высшие состояния сознания «деавтоматизируют» «я», высвобождая его из привычной колеи, как считают многие защитники исследований человеческого потенциала, то разве можно достигать их столь автоматически?

Опыты Грина и многих других доказали, что кибернетические технологии, безусловно, могут быть интегрированы в процесс поисков любой квинтэссенции, которая скрывается за нашими земными оболочками. Но идолопоклонство перед техникой, которое составляет львиную долю позднего нью-эйджа, демонстрирует нам, насколько наивным и бессодержательным может стать этот инструменталистский подход к духовному самосовершенствованию, особенно когда он соединяется с потребительским отношением к делу и старыми добрыми электромагнетическими фантазиями. Независимо от того, какой психологический или духовный феномен они призваны разбудить, приспособления для изменения сознания, такие как MindEye Synergizer, нейроскопические пленки и полисинтетические светозвуковые устройства от MindLab, усугубляют две сомнительные тенденции, которые доминируют в информационную эпоху: эскапистское желание живительного и познавательного транса и утилитаристское желание реорганизовать себя в соответствии с производственной логикой машины. После беглого просмотра таких книг, как «Сила мегамозга» Майкла Хатчисона или нью-эйджевских каталогов вроде «Tools of Exploration», возникает мысль, что идея «технологий трансформации» привольно чувствует себя в стране Прометея, одержимого техническими устройствами.

Электронное крыло движения нью-эйдж — в высшей степени американский срез

позитивистской мысли и технологического фетишизма, но едва ли эту тенденцию можно назвать новой. Например, еще в середине XIX столетия бывший ревайалист и практикующий гипнотизер Джон Доддс повсюду рекламировал «электрическую психологию», набор техник, которые, как он верил, ускорят бег «славной колесницы науки, возрастающей в силе, величии и славе». Согласно Доддсу, «электричество» — это невидимый духовный агент самого бога и при помощи этого посредника бог напрямую вмешивается в материальный мир. Вдохновляясь этой недавно открытой силой, Доддс утверждал, что, развивая электрические силы при помощи месмерического транса, мы можем превратить себя и свою жизнь в «дагерротип» электрических эманации божества. Доддс имел в виду, что, подобно тому как дагерротип, первоначальная техника фотографии, запечатлевал видимую природу света на белой поверхности покрытой серебром металлической пластины, так и сознание может использовать электрические вибрации для того, чтобы преодолеть внешние ограничения и запечатлеть видения на пластине самой жизни.

К концу XIX века эта мечта о превосходстве сознания над материальным миром мотивировала американский культ позитивного мышления. Если верить месмеристу и целителю Финеасу Квимби, одному из первых идеологов этой новой школы, недуги и заболевания являются результатом негативных мыслей, которые блокируют потоки животного магнетизма. Будучи одним из первых сторонников идеи «помоги себе сам», Квимби мало интересовался теоретическими и мистическими вопросами, которые овладевали умами многих первых месмеристов. Помогая своим пациентам установить прямой контакт «с источником высшей силы», Квимби просто хотел исправить их воззрения на жизнь, настроить их на позитивное отношение к ним, которое, как он верил, непосредственно восстановит их здоровье и хорошее самочувствие. Своей «наукой об исцелении умом» Квимби заложил основы движения «Христианской науки» и целого движения «Новой мысли», установки которого до сих пор живут в популярном заклинании нью-эйдж: «Вы сами создаете свою реальность».

Без всякого сомнения, позитивное мышление может творить чудеса. Но в умах нью-эйджеров эта прикладная «наука» об улучшении сознания смешалась со слепой американской верой в научный и технологический прогресс. В отрыве от глубоких исследований в области социальной и духовной жизни этот инструментальный подход к силе разума может быстро привести своих приверженцев к довольно инфантильной эгомании. Махровых адептов позитивного мышления часто можно поймать на том, что они воспроизводят тот самый мифологический сюжет, который, по утверждению Маршалла Маклюэна, является архетипическим для всей технологии: сюжет о Нарциссе, уставившемся в пруд и загипнотизированном собственным отражением.

Оправдывая свое название, нью-эйдж черпает свои истоки равно в грезе о социальной утопии и в предвосхищении индивидуальной психической революции. Самореализация индивида является творческим и исцеляющим вкладом в культуру. Программируя себя на лучшую реальность заранее, можно актуализовать «сдвиг парадигмы», который соединяет сознание и тело, землю и культуру, науку и духовность. И все же на практике нью-эйджеры часто преследуют цели, едва ли отличимые от преобладающей вокруг логики успеха, которая питает корпоративную культуру, — такие цели, как производительность, удовлетворение, представительность и власть, не говоря уже о проповеди экономического процветания, которая провозглашает актуализацию «я» посредством денег. Хотя эти экстропианские ценности играют здесь значительную роль, они зачастую прямо противоречат гораздо менее поддающимся расчету коллективным интересам и мистическим страстям, традиционно связанным со сложным танцем духовного роста, с любовью или с мистическими потоками священных сил. Без включения в более широкий контекст этической, эстетической или религиозной космологии измененные состояния сознания легко могут стать новым силовым инструментом все того же старого тесного эго.

Когда этот акцент на трансперсональном единстве утрачивается в связи с

исчезновением подлинного трансцендентного основания, логика нью-эйдж с невыносимой легкостью сползает к жаргону корпоративного менеджмента и бизнес-семинаров. В 1970-х годах одной из самых популярных и влиятельных практик самосовершенствования была EST, инструменталистская и абсолютно светская мешанина из элементов сайентологии, гештальт-психотерапии и американского дзена. Поставляя пищу для ума — новые «данные» о реальности, проводя участников через различные «процессы» в ходе длинных и напряженных сессий по уикендам, практики EST должны были сломить наши представления о собственной ограниченности. Просвещение, учили нас мастера EST, состоит в знании того, что вы — машина, и посредством этого знания вы можете обрести контроль над своими программами и ходом своего развития. Но, как отмечали многие вовлеченные в эти занятия наблюдатели, занятия по EST сами по себе являлись мощным психологическим программированием. Хотя выпускники EST едва ли были армией авторитарных роботов, как их называли некоторые хулители движения, эта организация выполнила свою функцию, которую социолог Стивен Типтон назвал «учебным лагерем бюрократии».

Сегодня один из успешнейших корпоративных тренеров и консультант по забиванию больших бабок Энтони Роббинс, харизматичный, но внушающий ужас своим сходством с Терминатором, часто рекламирует по телевидению свои услуги. Для того чтобы помочь своим клиентам достичь счастья и удовлетворения, Роббинс делает краткий обзор всего спектра техник раскрытия человеческого потенциала, демонстрируя, как вера в себя, психологическая дисциплина, духовные тренировки и, разумеется, упаковка кассет с тренингами по «усилению личностной энергии» помогают людям «достигать своих целей». Но сам Роббинс никогда не совершает духовного усилия, чтобы поставить под вопрос сами цели. Ведь может оказаться и так, что именно эти цели, которые с радостью принимаются беспокойным эго, мечтающим о бессмертии, или которые подхватываются им, словно грипп от счастливых улыбающихся людей в телевизоре, и являются прямым источником чувства провала, убогости существования и ограничений, которые Роббинс обещает низвергнуть.

Устойчивые измененные состояния

Популярный в нью-эйдж образ «священных технологий» позволяет предположить, что Эллиуль был прав и что эмпирическая и инструменталистская логика техники овладела человеческим духом. Но хотя этот ремесленнический подход стирает традиционные теологические основания — такие, как вера, добродетель и божественное вмешательство, — он воплощает прагматическую и демистифицирующую тенденцию, которая прошла долгий путь борьбы с идеологическим абсолютизмом, массовыми психозами и церковно-приходским мировоззрением, характерным для истории религиозного периода. Гурджиев дал понять, что бесстрастный и прагматический настрой современного мира, умонастроение, наполненное машинами, наукой и инструментальными техниками, являясь благом для искателей в XX столетии, обезопасившем их от старых липких мифов или современных иллюзий, в то же время порождает взвешенную, объективную и самокритичную перспективу, которая позволяет этому умонастроению устоять.

Неудивительно, что многие кибернетические гуру от движения человеческого потенциала многим обязаны Гурджиеву и его духу бесстрастного самонаблюдения. Возьмем, к примеру, деятельность психолога Чарльза Тарта, который сегодня преподает в Калифорнийском университете в Дэвисе. Несмотря на десятилетия исследований и изданные труды, Тарт до сих пор известен прежде всего благодаря «Измененным состояниям сознания» (1969), фундаментальной компиляцией, редактором которой он был. В этой книге Тарт и другие авторы сборника обращают свой пестуемый в лабораториях научный взгляд в тот самый внутренний мир, в котором на ощупь начинали продвигаться месмеристы более чем за столетие до них. Они исследовали состояния гипноза, транса, гипнопогии, снов, а также наиболее модные темы, такие как дзен-медитация, психоделики и аппараты обратной связи с мозговыми волнами. Держа открытой дверь к возвышенным и даже духовным потенциалам, сокрытым в «я», Тарт и компания трезво анализировали эти «состояния», рассматривая их как кибернетические системы осознания, которые способны к самостабилизации посредством циклов обратной связи между механизмами восприятия и познания. Тарт и его коллеги предполагали, что эти состояния познания не только радикально меняют мир, который мы воспринимаем, но могут быть искусственно воспроизведены, что доказывает опыт индийских йогов и отдельных западных психонавтов.

В конце концов Тарт поставил под вопрос само наше «нормальное» состояние сознания. Он пришел к заключению, что земной мир, который мы воспринимаем в обычном состоянии, с которым мы взаимодействуем и который мы постигаем при помощи «здравого смысла» в физиологическом и психологическом смысле, является симуляцией, продуктом, обусловленным в значительной степени произвольными фильтрами восприятия, рефlekсами, привитыми культурой и привычными способами считывания книги мира, восходящими корнями к нашему биологическому прошлому. Тарт не был постмодернистским релятивистом: он верил, что некоторые симуляции похожи на внешний мир больше, чем другие. Но анализируя обыденное сознание, Тарт пришел к вере в то, что повседневная симуляция мира обычно загрязнена бессознательной самонадеянностью, проекциями, иллюзиями и культурными мифами.

В 1986 году Тарт опубликовал «Пробуждение», своеобразный «курс молодого бойца» для сторонников психологической самопомощи, в огромной степени основанный на годах изучения трудов Гурджиева, сотрудничества с наставниками в Эсалене и т. д. В этой книге Тарт низводит наши повседневные мысли и обыденное поведение до понятия «коллективного транса», известной социальной конструкции реальности, которой мы гипнотически следуем с рождения. Употребляя хорошо продуманную аналогию с автоматическим краном, управляемым компьютером, Тарт утверждает, что большая часть наших драгоценных человеческих черт автоматичны, «запрограммированы» под возникшие в ходе эволюции поведенческие социальные механизмы. Несмотря на это довольно сухое и механистичное разоблачение мифа о самосознании, Тарт

сохраняет оптимизм. Для того чтобы наш человеческий потенциал расцвел, пишет он, мы сперва должны разобраться с устройством своей внутренней машины. «Изучая машину, мы можем узнать о себе, — пишет он. — Полностью распознав и изучив наши машиноподобные свойства... мы получаем возможность сделать шаг, на который не способны другие машины: мы можем стать действительно людьми и превзойти наше машиноподобное качество и участь аппарата». Это преодоление начинается с кибернетическим развитием высшего контрольного центра — ускользящего «я» Гурджиева, которое в свою очередь позволяет нам расширить способности нашего тела, эмоций и интеллекта.

В отличие от других духовных учителей, привлеченных этой линией мысли, Тарт осознавал угрозы, таящиеся в идее одухотворенного киборга. Даже практики, столь отличные от гурджиевской Работы, такие как EST, сайентология и экстропианство, демонстрируют сильную тенденцию к определенной бессердечности, элитаристской спеси, которая выносит гностическое спасение индивидуума и группы за пределы человеческой проблематики. Тарт же, напротив, настаивает на том, что страдание — это не только необходимое дополнение к бесстрастной мудрости, но что оно служит одним из наиболее развитых и разумных компонентов человеческого сознания. Это мнение Тарт отчасти заимствовал из буддизма махаяны с его образом бодхисатвы, который отказывается от ухода в нирвану до тех пор, пока все разумные существа не пробудятся.

Хотя его исследования в сфере парапсихологии заставляли многих хмурить брови, концепция Тарта остается образцом хорошо обоснованной прагматической кибердуховности. Другие пионеры измененных состояний сознания тем не менее терялись на пути к высшему контрольному центру. Одним из наиболее ярких таких персонажей был Джон Лилли, нейрофизиолог, психонавт и лидер Эсалена, который никак не мог избавиться от бесстрастного стиля объективистской науки, даже тогда, когда он входил в радужное чрево психоделического гиперпространства. В 1950-х годах Лилли имел все регалии верховного жреца науки: диплом Калифорнийского технологического института, магистерскую степень в нейрофизиологии и должность в лаборатории Национального института здоровья, изучающей интерфейс между сознанием и мозгом. Обученный в редукционистской традиции, Лилли хотел эмпирически доказать, что сознание действительно содержится внутри «биокомпьютера» мозга. Так что добрый доктор часами вонзал электроды в обезьяньи мозги, демонстрируя простоту, с каковой электрический ток мог стимулировать страх и оргазм. Такие жестокие, в духе Павлова, экскурсии в электромагнитный контроль вскоре привлекли внимание чиновников из Пентагона, которые в один прекрасный день посетили лабораторию, задавая вопросы касательно близости обезьян к их безволосым родичам. Появление этих мрачных архонтов в конце концов убедило Лилли, что он продолжать свои исследования сможет теперь только в рамках федеральных оборонных проектов по исследованию темных сторон поведения и электронных систем управления сознанием. Тогда он покинул Национальный институт здоровья и перешел к изучению межвидовой коммуникации у дельфинов. Эта изящная работа была обессмерчена в фильме «День дельфина».

В 1950-х годах большая часть представителей психологического истеблишмента считала, что лишь одна внешняя стимуляция заставляет мозг работать и что мозг быстро переходит в сонное состояние, когда эти сигналы выключаются. Чтобы проверить эту грубую материалистическую теорию, Лилли построил изоляционную камеру, которая подавляла все внешние сенсорные раздражения, и сам забрался внутрь. Проведя несколько часов в этом темном как уголь чреве, наполненном подсоленной водой, Лилли обнаружил, что ментальные феномены не являются чистой реакцией, а порождаются изнутри. Более того, эти феномены, вдобавок ко всему, просто-таки взрывали сознание. Спустя час с небольшим Лилли обнаружил, что проваливается в некие странные, зачастую визионерские состояния сознания, которые лежали далеко за пределами картографии, принятой в психиатрии.

Эксперименты с изоляционными камерами, проводимые за пределами

Национального института здоровья, привели его к столкновению с ЛСД-25, а через него — к наиболее авантюрно настроенным психотерапевтам Северной Америки. Проглотив несколько доз кислоты, Лилли стал зрителем внутреннего театра с бесстрастным любопытством экспериментатора, наблюдающего за работой медсестер. После нескольких таких экспериментов Лилли пришел к выводу, что «цепи» «человеческого биокомпьютера» не только заложены эволюцией, но и постоянно заново программируются в циклах обратной связи, устанавливаемой между окружением и представлениями этого биокомпьютера о внешнем мире. ЛСД не только вскрыл всю работу этих невидимых циклов, но и позволил перепрограммировать опыт, «подгружать» новые режимы сознания и восприятия в опыт. «Когда теория биокомпьютера перепрограммировала мою думающую и чувствующую машинерию, — пишет Лилли, — моя жизнь поменялась быстро и решительно. Открылись новые внутренние пространства; появились новое понимание и юмор». Мантра «самопрограммирование», первоначально сформулированная Лилли, стала широко известна среди одухотворенных киборгов: «если некто верит во что-то, то это что-то является истинным или становится истинным в его сознании без ограничений, обусловленных экспериментально или выведенных из опыта. Эти ограничения сами по себе являются верованиями, которые можно преодолеть». В сущности, сознание тогда представляли как предельно универсальный компьютер, способный симулировать любую реальность, существующую в мире.

Хотя Лилли с негодованием относился к теол'огии, восточным гуру и психоделическому шаманству, он все же провел долгое время вместе с Оскаром Ичасо и его студентом Клаудио Наранхо. Оскар и Клаудио были эзотерическими учителями из Чили, продолжавшими дело Гурджиева. Они участвовали в бесстрастной работе по самонаблюдению и самофиксации. Когда сам Лилли завел класс в Эсалене и других центрах изучения человеческого потенциала, он демонстрировал свои идеи, используя магнитофонные ленты высокой чувствительности, которые повторяли одно и то же слово раз за разом. Он использовал эти ленты не для того, чтобы загипнотизировать публику, а для того, чтобы продемонстрировать, что сознание неизбежно начинает «слышать» разные слова и что эти вариации могут быть по желанию заранее запрограммированы. Эти машинные звуковые пермутации предшествовали психоделическому протоколированию, которое Лилли изобрел, когда открыл для себя кетамин, анестезирующее средство, вводимое посредством инъекций, которое приводит к ощущениям выхода из тела и глубокой психоделии, гораздо более причудливой, чем фрактальная светомузыка ЛСД. С навязчивым самопогружением хакера-полуночника Лилли вводил себе кетамин, иногда выпадая из реальности на целые недели. Даже когда его сознание оказывалось за бортом, «научные отчеты» из самых глубин продолжали выражать могучие силы напряжения, которое лежит в сердце тех-ногнозиса: напряжения между сознанием и машиной.

В одном из своих кухонных откровений Лилли увидел Вселенную как полностью бесстрастный объективный «космический компьютер», громадную, запутанную иерархию бессмысленных автоматов, постоянно перепрограммируемую другими такими же бессмысленными автоматами. В сущности, Лилли попал во вселенский клеточный автомат Эдварда Фредкина, и он ощутил эту интеллектуальную затягивающую космологию как немилосердный и пугающий ад. В другой раз Лилли получил послание с кометы Когоутека. Он верил, что некая неорганическая плотная внеземная цивилизация контролирует распространение всех технологий, коммуникационных систем и управляющих механизмов на Земле. Эта цивилизация имела своей целью уничтожение органической жизни и ее замену боргоподобным коллективным электронным сознанием.

Лилли, естественно, не был единственным контр культурным приверженцем кибернетики, грезившим о галактических машинах. В 1960-е годы типичным яйцеголовым хиппи, одевающимся в цветочные венки и погруженным в «Тибетскую книгу мертвых» ради картографирования психоделической комнаты смеха, был Тимоти Лири. Но к середине 1970-х он отверг «сладкую кашу» восточного мистицизма и пришел к протоэкстропиан-скому мировоззрению,

которое он, как обычно, сократил до аббревиатуры SMPLE — акронима, составленного из первых букв его любимых увлечений в то время: Космическая Миграция (Space Migration), Развитие Интеллекта (Intelligence Increase) и Продление Жизни (Life Extension). Во многих своих книгах, не столько убедительных, сколько велеречивых, Лири проработал трансформационные модели «я», состоящие из иронической смеси динамической психологии, кибернетического жаргона и безудержного, поистине космического, оптимизма (космического как в отношении предмета, так и масштаба).

Продираясь через сырые неологизмы его «Экзопсихологии» (1977), имевшей довольно остроумный подзаголовок «Руководство по эксплуатации человеческой нервной системы в соответствии с рекомендациями изготовителя», можно обнаружить удивительно интригующие техномистические дискуссии, касающиеся «робота, построенного для того, чтобы открыть контуры, управляющие его поведением». Лири делит развитие человеческого сознания на восемь иерархически упорядоченных контуров. Когда люди замкнуты в пределах первых четырех «земных» контуров, они по большому счету пребывают во сне, подключенные к страхам и поощрительным импульсам психологии, общей для всех млекопитающих, затем к общепринятому трансу и муравьиному сознанию индустриального общества. Препараты и приемы мета-программирования, такие как йога и изоляционные камеры, добавляют нам еще четыре контура, которые последовательно поднимают нас ко все более необычной реальности. Будучи освобожденным от психосоциального давления, мозг начинает ощущать себя «приемником электромагнитных волн», получающим галактическую информацию. На последнем этапе мы вступаем в коммуникацию с самим генетическим кодом, космической базой данных, которая содержит коллективную историю вида и планы его будущего.

Заявляя, что эти более высокие контуры созвучны «мистическим» уровням реальности, Лири тем не менее продолжает описывать их при помощи механистичного языка биохимии, нервных окончаний, электромагнитных волн и генов. Понятие о «душе» так и не появляется. Подобно экстропианцам, Лири смотрел на эволюцию как на подлинный источник космического смысла и соучастия. Поэтому молекула ДНК стала настоящим героем в тысячах лиц. В одном из своих шоу, посвященных своеобразно понятой теории ДНК Фрэнсиса Крика, Лири заявлял, что двойная спираль прибыла на эту планету с единственной целью — произвести разумную жизнь, которая однажды сможет вернуться в свой звездный дом. Буквализируя трансцендентный порыв, который оживляет гностическое желание, Лири провозглашал, что активизация четырех высших контуров его модели сделает нас «постчеловеками», подготавливая к жизни в космосе.

Если следовать кибернетической параболе Лири, даже технологическое развитие современной цивилизации закодировано в ДНК. Лири полагает, что огромные социальные перемены, которые произошли после 1945 года, также были запрограммированы, став своеобразными пусковыми механизмами для новой фазы человеческой мутации. Беби-бумеры были первым урожаем внеземных сверхновых звезд, призванным подключить высшие контуры, добраться до Луны, построить орбитальные станции и «поймать кайф». В своем поспешном оптимизме, одновременно восхитительном и ужасающем, Лири уверяет нас, что если бы мы смогли увидеть своими глазами всю картинку целиком, то мы бы обнаружили, что нам нечего бояться: «Миллиарды планет, похожих на нашу, пострадали от своих Хиросим, молодежного культа наркотиков и телепрограмм прайм-тайма». Радиоактивность, электромагнитные технологии, психоделики, пищевые добавки и даже промышленные выбросы — все это часть одного плана, сигналы, звучащие подобно дарвиновской трубе Судного дня: проснитесь, мутируйте и превосходите. Словно перекликаясь с иномирными пассажами гностического «Гимна жемчужине», Лири пишет:

Мозг — это внеземной орган. Мозг — это чужеродный разум. Мозг имеет к земным делам не больше отношения, чем образованный путешественник к туземной

деревне, в которой Он(а) [sic] проводит ночь.

Это голос техномистического избранного, холодного гурджиевского аристократа, который преодолел запрограммированность своего поведения и теперь взирает на обыкновенную человеческую личность как на «невежественного, грубого, необразованного, упрямого, раздражительного трактирщика». Как мы увидим на примере экстропианцев, это бодрящее высокомерие стоит за постгуманистическим и техногностическим пересмотром дарвиновской идеи о выживании наиболее приспособленных.

В то же время животрепещущая «научная фантастика» Лири остается творческим, даже делириозным призывом держать руки на рычагах управления самими собой, развивать навык, весьма полезный в эпоху, когда человеческое сознание во все большей степени переплетается с электронными технологиями и медиасетями. Если не заходить так далеко, как зашел Лири, можно просто сказать, что нам необходимо пересмотреть наше фундаментальное отношение к механизму как в себе самих, так и в мире. В эссе 1992 года «Преобразование социальных практик» французский психолог и философ Феликс Гаттари заметил, как ожесточенно мы продолжаем противопоставлять машину человеческому духу: «Некоторые философы утверждали, что современная технология блокировала доступ к нашим онтологическим основаниям, к примордиальному бытию». Но, спрашивает он, что, если правильным является противоположное представление и «возрождение духа и человеческих ценностей может быть достигнуто через новый союз с машинами»? Это та самая интуиция, которая вдохновляет одухотворенного киборга на исследование этих не нанесенных на карту и предательских морей.

В этом смысле прозорливое вовлечение Лири в евангелистику персонального компьютера в 80-х годах было не просто знаком его неослабевающей и отчаянной потребности быть всегда на переднем крае. Как он отметил в 1987 году, когда он переделал «Экзопсихологию» в «Инфопсихологию», новые цифровые устройства появились для того, чтобы оживить кибернетическую мечту фриков о перепрограммировании состояний сознания. В конце концов, даже этимологически компьютеры были в буквальном смысле «психоделическими», потому что они проявляли сознание. Многие психонавты осознали потенциал персональных компьютеров задолго до того, как до этого признания дошла вся остальная культура, и некоторые даже сколотили капитал на радужных надеждах. При помощи своего пронизательного социологического «радара» Лири смог провидеть и то, насколько быстро фокус импульса, направленного на внешние пространства и высшие планы бытия, переместится на «внутреннее», или кибернетическое, пространство компьютера. По причинам, которые мы рассмотрим в следующей главе, многие из вроде бы доживающих свой век контркультурных мечтаний о самоопределении и творческой магии переберутся во вселенную цифрового кода. С распространением персональных компьютеров возможности человеко-машинного интерфейса, одухотворенного или нет, распались на фрагменты, децентрализовались и стали выходить из-под контроля. Сама Система стала галлюцинировать, и самой популярной техникой экстаза стал экстаз коммуникации.

Самая волшебная машина

В 60-х годах утопические настроения охватили Америку с большей силой, чем когда-либо на памяти живших людей. Ибо, несмотря на насилие и потери, с которыми сталкивалась и которые порождала контркультура, последняя все же несла в себе страстную надежду на лучшее общество, и эта страсть приобретала форму миллениари-стского предвкушения, которое оказалось сильнее доводов разума. Фрики и радикалы по всей стране нутром чуяли: заря нового и более совершенного мира должна вот-вот заняться, как бы они ее ни называли — революцией или эрой Водолея. И это глубинное чувство предвосхищения лучшего помогало сдерживать внутренние противоречия всего движения достаточно долго, чтобы противостоять системе единым добровольческим фронтом. Но дождь не пролился и сад не взошел, и политический радикализм контркультуры и ее жажда волшебного сперва продолжили существовать по отдельности, а затем окончательно рассыпались и рассеялись. В 1970-е годы остатки как того, так и другого можно было обнаружить в таких «племенах», как феминистки, спасатели китов, религиозные культы, террористические ячейки, художественные школы, а также среди кочующих поклонников группы Grateful Dead, сопровождавших ее по всей стране. Но из всех культурных зон, в которых нашли свой приют пережитки причудливых мечтаний, без всякого сомнения, самой неожиданной оказалась вселенная цифрового кода, мир, заключенный внутри миниатюризированной версии тех самых машин, которые некогда были квинтэссенцией образа жизни синих воротничков, технократов и военных.

Сегодня риторика, окружающая персональные компьютеры и сети цифровой коммуникации, продолжает отстаивать такие ценности 1960-х годов, как радикальная демократия, саморазвитие, построение альтернативного сообщества и децентрализованный, свободный обмен информацией и даже речи Ньюта Гингрича, в которых он излагает свое технореспубликанское видение информационной эпохи, звучат так, будто они принадлежат длинноволосому анархисту с мегафоном в руке. А некоторые открыто признаются, что верят, будто компьютер излучает космические вибрации. Особенно это касается по преимуществу субкультуры Северной Калифорнии, которую Марк Дери окрестил «киберделией», — мира рейверов, программистов-язычников и высокотехнологичных гедонистов, которые пытаются связать воедино «трансценденталистские импульсы 60-х с информационной манией 90-х». Но эти переполненные энтузиазмом ребята, уже отходящие понемногу в прошлое, всего лишь узкая часть изобильного галлюцинаторного потока, воплощенного в журнале PC-Computing, фрактальных скрин-сейверах, виртуальной реальности, видеоиграх и обложках Wired.

При ближайшем рассмотрении цифровой ремастеринг старой контркультуры не должен слишком нас удивлять, ибо утопия 1960-х во многом была утопией освобожденных технологий, и технофильское крыло фриков, возглавляемое дизайнерами-пророками, такими как Бак-минстер Фуллер и Паоло Солери, ставили своей целью «приделать руль к космическому кораблю Земля». Пытаясь создать «технологии с человеческим лицом», которая гармонизировала бы ритмы органической жизни, эти пионеры воплощали тот же дух автономии и социального изобретательства, который витал над экспериментальными религиозными коммунами, усеившими Америку в XIX веке. Без сомнения, самым популярным изданием в среде этих архитекторов общества стал Whole Earth Catalog, основанный «веселым проказником» Стюартом Брандом в 1968 году как «незаконный информационный сервис», обещавший «Доступ к Инструментам». Большая часть «инструментов», перечисленных в каталоге, касалась доиндустриальных чудес, некогда оставленных и полузабытых ради дьявольской колесницы XX века. Там были дровяные печи, индейские типи и приемы садоводства без химических удобрений. Однако Whole Earth Catalog издавался, как говорится, на коленке и затраты на его печать были намного меньше затрат на издание мейнстримовых журналов, а потому его редакторы, чтобы держаться на плаву, отдавали часть журнального пространства медиатехнологиям, таким как камеры, синтезаторы, стереопроигрыватели и... компьютеры.

В исторической статье 1972 года, написанной для Esquire, Стюарт Бранд впервые употребил понятие «персональный компьютер». Во многом увлечение Бранда машинами отражало его приверженность той версии кибернетики, впервые внятно сформулированной Грегори Бейтсоном, которая предлагала новый, более продуктивный и дружелюбный по отношению к компьютерам взгляд на проблемы экологии и технологического дизайна. Некоторые хиппи холистического толка восторгались вообще всеми сложными системами как таковыми, поэтому электрические цепи были для них не менее святы, чем лужи с целебной грязью, а Роберт Пирсиг в бестселлере 1974 года «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» убеждал читателя, что «Будда чувствует себя в цепях цифрового компьютера или трансмиссии мотоцикла так же комфортно, как на вершине горы или в лепестках лотоса». Несколько фриков, вдохновляемые Ричардом Бротиганом, даже придумали дисциплину «кибернетическая экология», с точки зрения которой люди и животные живут во «взаимно программируемой гармонии под присмотром нежно любящих машин».

У некоторых представителей контркультуры были причины более политического характера, чтобы приветствовать компьютеры. В 1970 году тусовка компьютерщиков и радикальных программистов из Беркли осознала, что компьютеры представляют собой потенциальную альтернативу иерархическому информационному контролю, характерному для технократических институтов и масс-медиа. Эти популистски настроенные чудачки воображали общество, управляемое «хакерской этикой», истоки которой писатель Стивен Леви возводил к обстановке ночных экспериментов в лабораториях Массачусетского технологического института: анархическая смесь общественного контроля, децентрализованных сетей и яростной защиты свободного доступа к информации. В начале 1970-х кучка этих фэнов из Беркли установила свободный доступ к мейнфрейму, подаренному IBM. Кстати, этот мейнфрейм назывался Resource One. Другая группа создала Community Memory, сеть терминалов, расставленных в библиотеках и магазинах звукозаписи, работавших в качестве примитивных BBS, которая вскоре обросла всеми знакомыми сегодня атрибутами, такими как обмен данными, продажа программного обеспечения, алфавитно-цифровые граффити и легендарные личности.

Ни Resource One, ни Community Memory не смогли просуществовать достаточно долго, и контркультурной мечте о компьютерах, доступных людям, пришлось подождать несколько лет, пока нечесанные радиотехники-любители из «Клуба домашних компьютеров» [Homebrew Computer Club], расположенного рядом со Стэнфордским университетом, не приступили к сборке своей собственной микромашины. Клуб был тем самым местом, где такие талантливые нееряхи, как Стивен Возняк, действительно чувствовали себя как дома, хвастаясь своими хитро сработанными штуковинами. Это место привлекло и буддийствующего любителя «кислоты» по имени Стивен Джобс. Его приверженность фруктовой диете, вероятно, повлияла на выбор имени для компьютера, который он начал продавать в гараже вместе с «Возом». Компьютер назвали Apple. Названный в честь библейского плода познания (и продававшийся по начальной цене в 666 долларов), Apple воплощал прометеевскую мечту о передаче в руки людей божественной силы. Покупатели не просто откусили от этого яблока, а заглотили его целиком. Когда это обнаружилось, Джобе оказался не единственным бывшим психоделическим бездельником, сделавшим состояние на начинающейся компьютерной революции. Митч Капор, автор невероятно успешной программы электронных таблиц Lotus 1-2-3, некогда учил трансцендентальной медитации и относил свой финансовый успех на счет «рекреационных препаратов».

С наступлением 1980-х годов контркультурные мечты обрели свое новое пристанище в виртуальных коммунах, созданных соединением отдельных компьютеров при помощи медных кабелей и реле телефонных станций. И раньше многие годы BBS-системы позволяли администраторам мейнфреймов на ОС UNIX обмениваться техническими приемами, но только тогда, когда люди стали входить в эти системы с домашних компьютеров, неторопливые беседы на узкотехнические темы превратились в «виртуальные сообщества» и «низовые групповые мозги»,

описанные Говардом Рейнгольдом. Рейнгольд знал, о чем говорил. Он был редактором и постоянным автором Whole Earth Catalog, а эти коммунальные BBS вели свой род именно от проекта «Каталога». В 1985 году Стюард Брэнд, бывший участник хиппист-ской коммуны на Лягушачей ферме Уэйви Грейви, основал WELL — Whole Earth 'Lectronic Link. Подписывая на нее некоторых ветеранов фермы, самой долгоживущей коммуны 60-х, Брэнд надеялся придать WELL такую структуру, которая действительно смогла бы породить сообщество. Система должна была быть «открытым универсумом», самоуправляющимся и саморазвивающимся кибернетическим симбиозом разумов. Для образованных белых либерально настроенных обитателей побережья, которые сразу же принялись писать в разные конференции WELL, эксперимент оказался настоящим философским камнем. Создав место, где обмен ценной информацией превратился в то, что Рейнгольд называл источником «социального капитала», WELL сыграла роль «хорошего начальника», описанного в гексаграмме И-цзин под названием «Источник»: «хороший начальник направляет людей в их работе и побуждает их помогать друг другу».

В начале своей истории WELL, помимо всего прочего, стала прибежищем махровых фанатов группы Grateful Dead, одного из древнейших фриковых племен Побережья. К середине 1980-х Dead'ы были единственной живой связью с вакханалией 1960-х. Их феерические джемы и талантливо сконструированные звуковые системы живо напоминали об эпохе «Проказников». И хотя они не вписывались в десятилетие, ассоциируемое с яппи, кока-колой и гладкими прическами Новой Волны, популярность их неожиданно выросла взрывными темпами в начале 1980-х. Одним из их величайших творений было кочевое сообщество, пространство для которого поклонники Grateful Dead выгрызали прямо из брюха общества потребления. Одетые в рубища землистого цвета, в машинах, обклеенных приветственными лозунгами, ночующие в палатках, исполненные энтузиазма и склонные к ритуализованному экстазу, эти фанаты представляли собой, наверное, нечто уже почти похожее на массовую психоделическую религию. Несмотря на приверженность спонтанным переживаниям и живому представлению, многие поклонники группы были заядлыми коллекционерами и импульсивными информационными маньяками. Во время шоу многие из них могли сделать паузу прямо в середине экстатического трансового танца, для того чтобы записать на бумаге концертный лист. Другие собирались в палатке звукорежиссера, чтобы получить запись концерта, сделанную на первоклассном оборудовании. Пленки собирались и обменивались, словно бейсбольные карточки, а некоторые наиболее фанатичные представители компоновали горы композиционного материала в объемистые «Dead-базы».

Достигнув своего апогея и приобретя в итоге довольно виртуальный характер, эта мания сделала приход фанатов Dead в информационное пространство еще более плодотворным. Вскоре они стали для WELL единственным крупным источником дохода и средой для вербовки новых членов. Они создали сообщество достаточно шумное, для того чтобы привлечь внимание Джона Перри Барлоу, школьного друга гитариста Grateful Dead Боба Уэйра, автора текстов для многих песен группы. Из прошлой главы мы уже знаем, что Барлоу стал одним из первых и самых ярких популяризаторов информационного общества, который будет писать статьи про хакеров, водить дружбу с ведущими диггерами и вместе с Митчем Капором профинансирует создание EFF, организации, деятельность которой по защите цифровых прав во многом восходит к первой волне контркультуры 1960-х годов.

Благородные бывшие хиппи, последние из могикан, первыми открывшие для себя WELL, были не единственными диссидентами сознания, оставившими отпечатки своих пальцев на цветущей компьютерной культуре конца 1980-х — начала 1990-х годов. Во главе этой оживленной тусовки постгуманистов стояли бывший йиппи Р. У. Сириус, похожий на тролля, и некая особа, обладательница богатого наследства, известная как Королева Мю. Они издавали журнал Mondo 2000, на глянцевах, обработанных в Photoshop страницах которого новая андеграундная культура пропагандировалась уже совершенно сознательно. Смешав шестидесятилетнюю психоделию в духе «Проказников» со слоновьими дозами развязной иронии и

безапелляционным техно-прометейством, Mondo 2000 создал ту полусветскую среду, о которой сам и писал. Это был безмолвный рейв на бумаге.

Рубя под корень сад «силы цветов», торжествующие киберпанки из Mondo, исполненные «здоровой агрессии», тем не менее увековечивали чисто фриковскую мечту о переводе погони за гедонизмом на уровень непосредственной технической реализации (отсюда их увлечение виртуальным сексом). Как отмечает Марк Дери, журнал стоял «одной ногой в эре Водолея, а другой — в Дивном Новом Мире». Журнал хоть и предлагал глубокий, совсем не в духе нью-эйдж, анализ и оценку расширяющих сознание препаратов и устройств, все же его «шведский стол», состоящий из приставок к мозгу, усилителей нервной активности и светозвуковых примочек, казалось, одиноко стоял в пустой и темной комнате. Властью редакторов Mondo техники, изменяющие сознание, были отделены от более широкого контекста, как социального, так и духовного. Все подавалось на уровне кнопок и рычагов на контрольной панели центральной нервной системы. Если сравнивать содержание журнала с чудесной риторикой утопистов 1960-х годов, то в этой прямоте подачи материала можно обнаружить освежающую откровенность, но лишь в том, что касается технического аспекта наших удовольствий, видений и экстазов. В то же время подключенные и разогнанные сиятельные особы со страниц Mondo были всего лишь плоскими инструменталистами, «юзерами» в самом унижительном смысле этого слова. Возможно, самым забавным свойством этого цифрового «электропрохладительного теста» была глубокая укорененность его приверженцев в богатой почве Силиконовой Долины. Р. У. Сириус говорил, что львиная доля читателей Mondo состоит из успешных людей, имеющих бизнес в области информационной индустрии, а брошюра, изданная для потенциального рекламодателя, хвастливо сообщала, что 80 % читателей журнала являются компьютерщиками со средним годовым доходом 65.000 долларов. Миллениаристская трескотня Mondo и его содержание в конечном счете проложили путь к гораздо более мейнстримному сан-францисскому журналу Wired (основы которого частично заложил Кевин Келли, еще один член банды WELL). Хотя Wired избавился от самых волосатых ребят из Mondo и заменил анархизм корпоративным либертарианством, став своего рода «Rolling Stone информационной эпохи», фрактальная волна киберделии, на которой произошло вторжение, технофетишизм и искренняя приверженность безоглядному творчеству цифрового сообщества, были напрямую унаследованы от Mondo.

Головокружение от «Нового Рубежа» в компьютерной индустрии, кроме того, обозначило странную мутацию, происходящую в корпоративной культуре инфотека. Британские авторы Ричард Барбрук и Энди Камерон назвали этот новый облик информационного капитализма «калифорнийской идеологией». Это экономическая и политическая конструкция, которая «без всякого разбора соединяет свободолюбивый дух хиппи с предпринимательским рвением яппи». В то время как многие фирмы Силиконовой Долины представляют собой организации с жесткой структурой, другие старательно стремятся создать эксцентричную, свободную атмосферу, которая поощряет сотрудников вкладывать каждую унцию творческого пота в новые продукты и исследования. Эта тенденция возникла еще в Xerox PARC в 1970-х, которая услужливо снабжала своих блестящих исследователей из Менло-Парка «спальными бобами» и «летающими тарелочками» для отдыха.

Контролируя анархические всплески калифорнийской творческой энергии и битнического даосизма («отдайся потоку»), компьютерная индустрия открывала новые приемы менеджмента и повышения производительности, которые подходили для все более хаотического глобального рынка, возникавшего вследствие внедрения их же продукции. Эти приемы, разумеется, ни в коем случае не ограничивались компьютерной индустрией.

Столкнувшись с информационной перегрузкой, циклом раскрутки и обвальной отменой государственного контроля, бизнесмены во всем мире сегодня учатся «серфингу»: типично калифорнийский образ для отсутствия иерархического контроля и необходимости гибкой реакции на непредсказуемые изменения в потоке капитала, данных и потребительского спроса. Гуру от менеджмента

заимствуют термины новояза нью-эйджа, учат «процветать в хаосе», порождать «динамическую синергию» и культивировать Дао Доу. В манифесте кибернетического технокапитализма, озаглавленном «Из-под контроля», Кевин Келли, редактор Wired, даже цитирует Лао-цзы, чью мудрость «можно использовать как руководство для любого смелого начинания в Силиконовой Долине XXI века».

В 1968 году Маршалл Маклюэн пророчил компьютерам роль «ЛСД мира бизнеса». Но сегодня — что в Силиконовой Долине, что в сан-францисском «мультимедийном Клондайке» — формула успеха зачастую видится как «компьютеры плюс ЛСД». Годами руководство Apple скупало рождественские билеты на концерты Grateful Dead для своих сотрудников, а постеры, изображающие группу, можно было встретить даже в военных лабораториях NASA в Маунтин-Вью, где когда-то начались первые исследования в области виртуальной реальности. В статье 1991 года для GQ Уолтер Кирн пишет, что гиганты новомодной индустрии «не особенно парятся по поводу химических развлечений», отмечая, что Intel и остальные крупные корпорации заранее предупреждают своих сотрудников об анализах мочи, которые те должны регулярно сдавать. Если принять во внимание, что большинство психоделиков невозможно обнаружить при помощи таких анализов, то это лишний аргумент в пользу их использования в качестве расширения способностей к инженерно-исследовательской работе. Кирн отмечает, что главы корпораций Силиконовой Долины не просто переварили тот факт, что многие из их самых блестящих сотрудников привыкли глотать причудливые препараты, они вдобавок прекрасно осознают, что «причудливость вполне может быть предметом экспорта». Опытные и интеллигентные «путешественники» часто характеризуются гибкой способностью к восприятию, тягой к экспериментированию с когнитивными структурами и восприимчивостью к тому, что Грегори Бейтсон называл «объединяющим паттерном», склонностью к своего рода умственной гимнастике, которая становится особенно полезной, когда вы вступаете в головокружительно сложные сферы информационного пространства.

Корпоративная киберделия — лишь один из признаков наступившего объединения некоторых контркультурных техник экстаза с фабрикой информационного общества Западного Побережья. Многим еще памятен один из самых параноидальных слухов 1960-х годов о том, что фрики собираются добавить ЛСД в систему водоснабжения. Но может выясниться, что наши цифровые устройства и медиамшины гораздо лучше способны обдолбать население, подключая вообще всю культуру к совершенно психоделическому режиму восприятия. Модемы позволили отрыть ментальный «редукционный клапан» Хаксли и войти в состояние Сознания с большой буквы, а студии цифровой анимации буднично воспроизводят калейдоскопические мандалы, возникающие перед внутренним взором любителя «кислоты». Музыка «техно» и ее различные ответвления способны порождать звуковую психоделию с точностью электроэнцефалограммы, а сверхскоростное редактирование и взрывная компьютерная графика голливудских блокбастеров и телерекламы порой достигают галлюциногенного эффекта, оставляющего Уэйви Грейви далеко позади. Компьютеры и электронные медиа могут «включить и настроить» практически любого их пользователя, и киберпространство постепенно превращается в подвижный виртуальный ландшафт единого коллективного сознания. Пресловутые освободительные энергии экстаза контркультуры 60-х, если понимать их как взрывное расширение «я», прорывающееся за пределы его повседневных границ, сегодня нашли свое фактическое воплощение в технологии.

Если верить Жаку Эллию, этот технологический экстаз не должен нас ни удивлять, ни радовать. В одном из своих мрачных и горьких пророчеств, сделанном еще в 1954 году, Эллиу пишет:

Мы должны прийти к заключению, что развитие экстатических феноменов достигает своей наивысшей фазы именно в наиболее технически развитых обществах. Следует ожидать дальнейшего продолжения этого роста. Это обстоятельство — признак того, что в самом ближайшем будущем религиозная жизнь человечества окажется подчиненной техническим средствам... Экстаз — это

и предмет мира техники, и его слуга.

Подобно Мирча Элиаде, Эллюль осознавал связь между техникой и экстазом, но француз вдобавок предвидел их симбиотические отношения, развивающиеся при широкой общественной поддержке. Он понимал, что массовые технологии способны усиливать опасные и непредсказуемые эмоции этих самых масс, в болоте которых потонет спокойствие и умеренность духовной жизни индивидуума. Для Эллюля принятие фриками технологий, изменяющих сознание, было не духовным ответом на нападки общества господства, а полной капитуляцией перед ним. В этом смысле воскрешение мотивов контркультуры 60-х в риторике информационной культуры более чем логично, поскольку Система просто пустила свои технократические корни еще глубже в человеческую душу.

Эллюлевская критика имеет в конечном счете теологический характер, и между его гневных строк, посвященных страшной силе техники, можно учуять запах серы. Особенно это заметно в его работе «Технологическое общество», где Эллюль противопоставляет нашему фрагментированному беспокойному веку социальную однородность и связность мира теократических Средних веков, которые, как он заявляет, порицали развитие техники с той же страстью «морального осуждения, с которой христиане преследовали вообще все слишком человеческое». Следует отметить, что Эллюль заблуждается. Как убедительно продемонстрировал историк Дэвид Ноубл, средневековые монастыри отводили совершенствованию техники важную роль. Помимо прочего, монастыри внедрились в свой обиход один из самых мощных механизмов психологического контроля, который только можно отыскать в мире премодерна: часы. Здесь важно то, что за всеми своими политическими атаками на обезличивающие машины производства и контроля Эллюль скрывает скорее пессимистический взгляд ортодоксального христианина на люциферианскую склонность человека отрицать собственное фундаментальное свойство — глупость — и без конца восставать против божественного порядка, пытаясь манипулировать миром.

На страницах «Технологического общества», как, впрочем, и в сетованиях более поздних критиков технологии, можно найти отзвуки старой истории о Фаусте, высокомерном волшебнике из средневековых преданий и классической литературы, который заключил договор с Мефистофелем, променяв душу на знание, силу и мирскую власть. Намеки на магию в работах этих критиков хотя и могут показаться анахронизмом, на деле таковыми не являются. Как мы помним из преданий о Гермесе Трисмегисте, технология способна оперировать магическим универсумом с такой же легкостью, как и с умопостигаемым миром вещей. В самом деле, по крайней мере в отношении культурных нарративов и политической власти технология часто используется как магия. В следующем разделе мы увидим, что магия — вполне закономерный подход, используемый всякий раз, когда речь идет о средствах пропаганды, рекламы и масс-медиа, современная машинерия которых, построенная на основе принципов манипуляции представлением, зачастую в открытую использует риторику ворожбы. В этом смысле освободительные и экстатические техники контркультуры 60-х годов следует рассматривать не как единичный взрыв оккультных предрассудков в послевоенном обществе, но как важную битву в социально-магической войне, которая ведется на протяжении всего XX века.

Социальная имажинерия

Более века назад, когда европейские антропологи впервые приступили к исследованию последних обитателей джунглей и прочих глухих уголков планеты, они не верили, как не верят и сегодня многие белые люди, в то, что магия и врачевательство шаманов и знахарей способны исцелить западные души от опустошающего влияния технологии и современной науки. Первые антропологи не особенно интересовались туземными напитками и не пытались опробовать на себе древние ритуальные техники. Они приходили, вооруженные авторучкой, чтобы классифицировать, записывать и анализировать. Поскольку их энтузиазм был, по-видимому, «научным», полевые исследователи и кабинетные антропологи с одинаковым усердием старались провести строгие разграничительные линии между туземной магией и современной наукой. Гораздо меньше времени и печатного места отдавалось поискам возможных связей. В соответствии с влиятельными теориями старой школы антропологии, представленной такими британскими мыслителями, как сэр Эдвард Тэйлор и сэр Джеймс Фрэнсер, магические практики, к которым прибегали знахари в анимистических обществах, функционировали как своего рода прото- или псевдонаука. С этой точки зрения, магия была не столько религией суеверия, сколько зачаточной стадией эмпирического постижения Вселенной. Установив эту эволюционную связь, антропологи затем сконструировали универсальный нарратив интеллектуального прогресса, во главе которого находилась европейская цивилизация. В каком-то смысле это правда: и магия традиционных обществ, и современная наука концентрируют свои усилия на эмпирическом понимании сил природы и стоящих за ними законов и на манипулировании ими.

Но, определив магию как боковое ответвление могучего дерева, простирающего свои ветви навстречу солнцу объективной истины, первые антропологи были склонны упускать из виду позитивные аспекты, которые были потеряны при переходе от магии к науке, произошедшем в западном обществе. Главной потерей было резонирующее мировоззрение, которое органически привязывает представления мага и его обряды к холистической сети космических, животных и родовых сил. Это мировоззрение и есть та самая «антропологическая матрица», о которой мы говорили в первой главе: живое поле культурных практик и нарративов, которые сложно переплетены с миром предметов и природных законов и, таким образом, попросту не могут быть сведены к подлежащей изучению и использованию «объективной реальности». Можно даже сказать, что первые апологеты «наук о человеке» на Западе сами проявляли известное невежество, полагая, что научные процедуры позволяют им преодолевать антропологическую матрицу их собственных культур.

Будучи своего рода социальными и экологическими психотерапевтами своих сообществ, шаманы и туземные знахари не отделяли магию как эмпирическую науку от магии как виртуального театра, театра, где маг утверждает антропологическую матрицу, воплощая ее своим существованием. Поэтому хотя маги и оперируют на материальном уровне, используя камни, огонь и травы, они устремляют свои помыслы в область человеческого воображения, этой прирожденной способности нашего разума, которая раскинула свои сети между зонами восприятия, памяти и сновидений. Используя язык, костюмы, жесты, песнопения и драматургические приемы, маги применяют *techné* к области социального воображаемого, активно используя образы, желания и мифы, которые частично структурируют коллективную душу. Посредством этой творческой манипуляции с фантазмами, маги вызывают к жизни впечатления, обычаи и состояния сознания, которые в свою очередь воздействуют на всю конструкцию племенной реальности в целом. Это не некромантия, а нейромантия.

Если Брюно Латур прав и Запад никогда не покидал свою антропологическую матрицу, тогда каково же различие между мирами, которые конструируют маги и ученые? В своей книге «Магия, наука, религия и границы рациональности» антрополог Стэнли Джейараджа Там-бия приводит аргументы в пользу «множественного устройства реальности»: различных культурных полей знания и

опыта, которые, в сущности, творят различные миры. Тамбия сравнивает и противопоставляет два основных поля, которые можно отыскать в человеческой культуре: одно основано на принципе причинной связи, а другое — на принципе соучастия. Причинность в конечном счете порождает прагматический рационализм науки. Разделенное в себе эго индивидуума разделяет на разные фрагменты и стихию мироздания в соответствии с объективными объяснительными схемами, основанными на нейтралитете в теории и инструментализме на практике. Мир соучастия погружает личность в коллективное море, которое стирает границу между человеческими усилиями и окружающей средой. В таком мире, который я связываю с магической парадигмой, языком и ритуалом, мир не разделен, дабы удовлетворять объективным критериям оценки, но является как один непрерывный процесс становления. Объекты в этом потоке организуются по символическим соответствиям, и в нем господствуют не сухие и объективные классификации, отличающие научные тексты и корпоративные отчеты, но риторика сновидения.

Все культуры и общества демонстрируют смесь в различных пропорциях этих двух ориентации. Мир соучастия характерен для архаичных и дописьменных культур, в то время как современные обитатели мира повседневности описывают его, пользуясь научно-технической логикой причинно-следственной связи. Но хотя наша космология научна, наша культура и коллективные ритуалы такими не являются. Технологическая цивилизация, окутавшая земной шар, на самом деле пронизана различными формами соучастия: массовыми спортивными играми, поп-музыкой, сетевыми видеоиграми, различными модными поветриями. А медиатехнологии вполне могут служить искомым усилителем коллективного резонанса, который рождается в глубинах наших душ, охваченных страстью к соучастию.

Таким и был взгляд Маршалла Маклюэна. Маклюэн был убежден, что электронные медиатехнологии стирают логический, линейный и последовательный взгляд на мир, преобладающий на современном Западе. Он считал, что это «причинное» мировоззрение само по себе является продуктом развития технологии, особенно алфавитно-цифрового письма, книгопечатания и перспективной живописи Возрождения. Но с распространением новых медиатехнологий, таких как фонограф, радио и телевидение, старая парадигма грамотности и логичности начала трещать по швам. Когда был взят курс на зрительные образы, воспроизведение звука и одновременное участие многих в одном и том же событии, электронная среда вызвала из-под спуда рациональности древние пласты коллективной души, принадлежащие старым дописьменным культурам. «Вся цивилизация является продуктом фонетической письменности, — писал он, — и по мере того как она растворяется в ходе электронной революции, мы заново открываем племенное, целостное сознание, которое, проявляет себя в полном сдвиге чувственной сферы нашей жизни». Маклюэн описывает возникающее электронное общество как «резонирующий мир, близкий к старой племенной комнате шепотов, мир, в котором снова найдется место для магии».

Маклюэн часто перебирает со своей бравурной риторикой и усыпляющими аккордами, но более методически настроенные ученые, такие как Уолтер Онг, придали маклюэновскому видению «электрической ретрайбализации Запада» более детализированную и законченную форму. В своей книге «Устное и письменное» Онг утверждает, что электронные медиатехнологии приводят нас во времена «вторичной устности», в эру, которая, несмотря на важные отличия от периода «первой устности», имеет поразительное сходство с ней в области культурной логики. В частности, Онг рекомендует уделить внимание новой силе, благодаря которой мистика соучастия, групповой идентификации, повторяющихся формул и установки на «пребывание здесь и сейчас» возвращается в нашу жизнь.

Принимая во внимание, что человеческие общества — это комбинация принципов соучастия и причинности, следует все же смягчить заявление Маклюэна и указать на то, что электронные медиа просто слегка меняют баланс между этими двумя мирами — устным и письменным, соучастием и причинностью. По сути, именно сознательная комбинация этих двух способов приводит к некоторым наиболее

значимым формам современной технологической магии. Телевизионная реклама, к примеру, использует соблазнительные фантазмы, мистику соучастия и повторяющиеся мантры вроде «просто сделай это!», для того чтобы внедрить павловские условные рефлексы в сознание потребителя, интенсивность и вектор желания которого «научно» измерены при помощи фокус-групп и рыночной статистики. Повальное увлечение подсознательной рекламой в 70-х годах всего лишь предвосхищало глубокую догадку: рекламщики вовсе не информируют нас о новых продуктах, а овладевают нашим вниманием и манипулируют нашим воображением. По словам культуролога Реймонда Уильямса, реклама — это «отлично организованная и профессиональная система магического стимулирования и создания потребности, функционально очень схожая с магическими системами, существующими в примитивных обществах, но каким-то странным образом сосуществующая вместе с высокоразвитой наукой и технологией».

Анализ Уильямса безошибочен, но сосуществование магии и технологии не должно нас особенно удивлять. В конце концов, магия всегда применяла медиатеchnологии для того, чтобы поражать своими чудесами умы. Наблюдения Уильямса могут показаться вам чем-то особенным, только если вы имеете довольно наивную веру в то, что использование продвинутых технологий автоматически превращает людей в закоренелых скептиков. Древние искусства убеждения вряд ли способны исчезнуть так быстро, особенно тогда, когда наука социальной инженерии, которую мы теперь называем маркетингом и «менеджментом восприятия», довела свои многочисленные техники до совершенства. По словам Уильяма Ковино, реклама — всего лишь один из примеров «магии овладения вниманием», которую применяют современные институты, колдовство психологического контроля, который он определяет как наложение немногими символических ограничений на многих. Магия овладения вниманием использовалась и прежде автократичными духовными учителями и правительствами «и до некоторой степени практиковалась в том числе и учеными — этими хулителями магии, претендующими на то, чтобы говорить от лица официального знания».

Лучшим примером магии овладения вниманием являются СМИ, которые не раз подвергались яростной критике со стороны социологов на протяжении всего XX века за ту власть, которую они демонстрируют над душой, эстетическим чувством и воображением человека. Ситуационист Ги Дебор с горечью разоблачил то, чему он дал знаменитое название «общество спектакля», эту «перманентную опиумную войну», которую капиталистические владыки ведут против общества с целью перевести человеческие мечты и желания в русло пассивного потребительства опосредованных образов и товарных фетишей. Эллюль анализировал общество спектакля в терминах пропаганды, в то время как Теодор Адорно и другие представители Франкфуртской школы критиковали его под именем «индустрии культуры», экономического аппарата, который в их представлении подорвал силы воображения, нарушил органические социальные функции популярной культуры и принизил критическую роль искусства. Хотя Адорно и скорбел о том, что Просвещение свело мир к мертвому телу, подлежащему инструментальному контролю, он также не строил иллюзий относительно целительной силы магического воображения в современном мире. Напротив, его яростные нападки на астрологию лучше всего иллюстрируют его собственное мнение, согласно которому оккультное уже вплетено в потребительскую культуру и эксплуатируется в магии овладения вниманием всех без исключения авторитарных институтов.

Сегодня страхи Дебора, Адорно и Эллюля могут казаться устаревшими и даже несколько экстравагантными, но необходимо помнить о том, что эти авторы создавали свои критические труды, когда еще жива была память о фашизме. В конце концов, Гитлер ставил свои электрифицированные спектакли вроде олимпиады, используя весь набор оккультных символов, приемов хитроумной пропаганды и активно задействовал, как сказал бы Маклюэн, «племенной барабан радио», для того чтобы вовлечь передовую индустриальную нацию в пучину вагнеровских страстей. Нынешнее состояние медиа представляется слишком открытым и хаотичным, чтобы стать почвой, на которой могли бы прижиться эти

тоталитарные кошмары. Между тем образ освободительной и демократической силы информационного века должен пройти суровую проверку тем фактом, что планетарный медиатрафик захватила маленькая кучка поистине гаргантюанского размера корпораций. И хотя в сегодняшней команде специалистов по раскрутке, менеджеров по продажам и корпоративных массовиков-затейников нельзя усмотреть даже намеков на идеологию, их «заклинательные танцы» направлены на то, чтобы благоприятственный бизнес-климат держался на всем земном шаре как можно дольше, часто в ущерб соображениям социального, культурного и экологического характера. Некоторые критики опасаются того, что мы можем окончательно попасть под непрестанно усиливающееся влияние могущественных и вездесущих медиапризраков и в результате их невидимая рука будет заранее приносить в жертву любую наметившуюся возможность реальных изменений.

Хотя граница между рынком и пространством воображения всегда была довольно расплывчатой, культурная индустрия Америки, похоже, во многих отношениях уже давно отказалась даже от того, что было. Золотые арки, трамповские башни, небоскребы Готамы и пирамиды Лас-Вегаса возвышаются над ландшафтом наших желаний. Наши коллективные символы сливаются воедино в мультитиплексах, наши архетипы получают торговые марки, лицензируются и продаются. Есть некая неосознанная ирония в слове «имажинерия», которое Дисней придумал по аналогии с «инженерией» для обозначения собственной индустрии по производству фантазмов. Прочие зачастую называют то же самое корпоративной колонизацией бессознательного. Таинственные силы логотипов, брэндов и знаков корпораций заклеили пейзажи, товары и наши тела, облеченные в тщательно промаркированную одежду. Столетие назад практически вся реклама была текстовой, но сегодня все социальное поле пестрит иероглифами маркетинга — беспрецедентное явление в человеческой истории. В отличие от иероглифов собственно египетской традиции, наши мнемонические иконки репрезентируют не анимистические силы природы и не мощь социальной магии царей, но мощь корпоративной идентификации и товарного фетишизма. Многие потребители, особенно молодежь, привязаны к логотипам вроде Timberland и Stussy, как если бы они были клановыми тотемами, а некоторые сотрудники компании Nike заходят так далеко в порыве энтузиазма, что даже татуируют знаменитый росчерк на бедрах и икрах, подтверждая пророческую догадку Маклюэна о том, что большие корпорации станут в скором будущем новыми родоплеменными объединениями.

Влияние племенных установок не ограничивается корпоративной культурой или логотипией отдельных жертв моды. С точки зрения антропологии многие молодежные субкультуры, которые как грибы проросли повсюду на Западе в послевоенные годы, могут считаться племенами. Моды, рокеры, хиппи, панки, скинхеды, уличные банды, фанаты Grateful Dead, футбольные фанаты, команды рэперов и рейверы — все эти массовые субкультуры используют некие герметические комбинации сленга, музыки, языка тела и тайных знаков для того, чтобы определить себя как компактную группу, чьи уникальные ритуалы и частые кочевки противопоставляются организованному разложению современной жизни. Для некоторых субкультур отзвуки трайбализма являются существенной частью жизненной программы: «семейства Радуги» подражают ритуалам индейцев, а «современные варвары» украшают себя готическим пирсингом, африканскими затычками для ушей и татуировками маори.

Многие подобные субкультуры можно назвать «медиа-племенами». Хакеры, диджейские коллективы и радиопираты надстраивают свои сообщества над существующим массовым обществом с использованием технических средств, а различные фэн-культуры активно микшируют и перекраивают масс-медиа в соответствии с собственными нуждами и желаниями. Энтузиастические и экстатические музыкальные «культы», сложившиеся вокруг Beatles, Grateful Dead, растафарианского регги, хеви-металл и техно, вероятно, являют собой апофеоз этого процесса. По отношению к ним термин «культ» можно иногда применять в буквальном смысле, ибо для тысяч фанов Элвиса в Америке культ Короля удовлетворяет страсть к богопочитанию так же хорошо, как некогда культ Иисуса. Хотя медиакомпании активно пытаются стимулировать этот приносящий доходы

фанатизм, сами эмоции и желания, лежащие глубоко в его основе, могут придавать тому или иному «племени» аутентичные свойства племенной культуры. Эпопея «Звездный путь» и ее различные ответвления и сиквелы функционируют в качестве современной мифологии не только потому, что сценаристы кинокомпании Paramount ознакомились с работами Джозефа Кэмпбела, но и потому, что «путники» [Trekks] придали всему шоу нужный резонанс и глубину, обогатив его личными смысловыми нюансами, коллективными ритуалами и качественной, умной актерской игрой. Конвенты «путников» — это не просто оргии безумных коллекционеров и звездных лунатиков, но настоящие костюмированные карнавалы, инспирированные постмодернистским воображением.

Историк Мишель де Серто указывает на то, что многие теоретики культуры определяют изобретательные попытки присвоения массовой культуры как современный вариант «браконьерства». Согласно Серто, современные браконьеры осознают, что не могут победить массивные социальные институты, которые их окружают, поэтому они тайком воруют символы, практики и материальные ценности, используя их для своих целей. Воспевая это воровское искусство, Серто предполагает, что люди могут сопротивляться удушающим тискам современной городской цивилизации посредством творческих тактик, которые они применяют в своей повседневной жизни.

Постоянно сдавливаемый, а точнее, сдавливаемый все больше и больше, но все меньше и меньше тревожимый этими тисками, индивидуум находит способ избежать окончательного удушения. Не будучи, впрочем, в силах совсем бежать из них, он может рассчитывать только на хитрость, только на обманный финт, на то, что ему удастся заново открыть в самой глубине электронного компьютеризированного мегаполиса традиционное «искусство» охотников и собирателей ранних эпох.

Это искусство представляет собой магию в самом широком и поэтичном смысле слова. Но это не магия управления вниманием, которую применяют авторитарные социальные институты. В отличие от них «браконьер» практикует творческую магию, критическое восстание народного воображения против символических и социальных рамок реальности консенсуса. И если «сдерживающие» маги рассматривают свои заклинания в качестве аполлонических истин, как чистую и простую реальность, творческие маги являют собой озорное мошенничество Гермеса. Они извлекают выгоду из двусмысленности слов, образов, идентичностей, вещей и социальных практик, для того чтобы создавать новые пространства для ускользания, подрывной деятельности и пробуждать к жизни новые способы видения и бытия в мире, расчерченном невидимыми клетками технокультурной инженерии.

Техноязычники

Некоторых наиболее сознательных творческих магов, работающих сегодня над своими могущественными заклинаниями, можно отыскать в мире современного язычества, этой жизнерадостной магической культуре, членство в которой всегда открыто для тех, кто хотел бы устроить «перезагрузку» для ритуалов, мифов и богов древних политеистических культов. Язычники слишком анархичны, чтобы их можно было объединить под эгидой какого-то одного движения. Их слишком много, они слишком разные: ведьмы (предпочитающие называть себя викканками), феи, друиды, поклонники Богини, церемониальные маги, дискордианцы... Они могут почитать деревья, взывать к Рогатому Богу или Великой Богине, бросать руны или танцевать вокруг праздничного костра. Но есть нечто, что объединяет всех язычников, — это точка зрения на воображение как на ремесло, то есть снова как на искусство, инструментальную практику, транспортное средство для духа.

Хотя многие язычники провозглашают непосредственную связь с тайными традициями многовековой давности, большинство относит начало возникновения современного язычества к 1940-м годам, когда государственный служащий и по совместительству нудист по имени Джеральд Гарднер основал ведьмовской ковен на Британских островах. С того времени язычники проделали огромную работу по извлечению и адаптации ритуалов и космологии из-под спуда существующих оккультных традиций, используя силы собственного изголодавшегося воображения и привлекая фрагменты оригинальных преданий, найденных в пыльных томах сказочников и антропологов. Язычники сознательно изобрели свою собственную религию, по ходу дела просто развивая «старые пути», когда возникала такая необходимость. Прекрасно сознавая свое аутсайдерство, язычники складывались как оппозиция той форме христианской западной духовности, которую они обвиняли в патриархальности, авторитаризме и антиэкологизме. Женщины с самого начала играли огромную роль в практиках и верованиях, и большая часть современного феминизма в духе нью-эйдж и либерального христианства, связанная с фигурой Богини, скорее всего, восходит к таким пионерам викканского феминизма, как Зет Будапешт и Стар-хоук. Хотя собственно языческий корень затерялся среди «позитивного мышления» нью-эйдж, оздоровительных медитаций и мистицизма Геи, его легко опознать по радостному принятию плотного мира, по тому, насколько глубоко он уходит в то, что языческий автор Чэс Клифтон называл «почвой и цветами, кровью и проточной водой, сексом и болезнями, заклинаниями и предметами домашнего обихода». Страстно и зачастую с намеренным юмором они настаивают на сакральности тела и земли, а большинство верит, что активное возвращение магического таланта может заново возвести мост к тому чарующему, но всегда очень конкретному миру, в котором жило большинство людей, покуда Просвещение не свело *anima mundi* до уровня бездушной машины.

В 1985 году, когда Маргот Адлер — ведьма, работавшая журналистом на National Public Radio, перерабатывала свою книгу «Украденная луна» — грандиозный исторический труд об американском язычестве, она провела несколько дней в местном языческом кругу и обнаружила нечто, способное поразить каждого, кто ожидает погрузиться в ярмарочную атмосферу домотканой одежды и самодельных украшений: оказывается, «поразительно» большой процент дохода этих ходячих анахронизмов извлекается из технических сфер, особенно из области компьютерной индустрии. В исследовании 1989 года, посвященном современному ведьмовству в Англии, антрополог Т. М. Лурман также столкнулась с тем обстоятельством, что значительная часть ее респондентов оказалась тесно связанной с компьютерной техникой. Сами они давали множество самых разных объяснений этой парадоксальной ситуации — от веры в то, что «компьютеры — это замаскировавшиеся элементарные духи», до того простого факта, что компьютерная индустрия создает рабочие места для тех же самых смекалистых иконоборцев и экспериментаторов, которых привлекает язычество. Можно, однако, предположить, что большая часть этих «техноязычников» согласилась бы с высказыванием Артура Кларка: «Всякая достаточно развитая технология неотличима от магии». Это замечание заслуживает здесь более пристального внимания, чем то, которое оно обычно получает в критической литературе.

Такого рационалиста (пусть порой и склонного к мистике), как Кларк, вряд ли можно обвинять в том, что он способен поставить межконтинентальные баллистические ракеты и Deep Blue в один ряд с любовными зельями и приворотными амулетами. Он, по-видимому, просто имел в виду, что продвинутая технология выглядит как магия с социокультурной точки зрения. Для многих людей, навсегда обреченных — из-за недостатка образования и пробелов в знании — оставаться непосвященными в предельно логический мир, который стоит за работой нашей машинерии, развитые технологии могут показаться магическими, потому что они действуют спонтанно и как будто бы сверхъестественным образом. Даже в среде хорошо образованных людей часто случается так, что человек знает о конверторных спиральных катушках звездолета «Энтерпрайз» больше, чем о процессоре, установленном на его рабочем месте.

Эта ситуация год от года становится только хуже. В прежние времена вы, по крайней мере, могли посмотреть на новейшие машины или даже потрогать их, понаблюдать за тем, как они поглощают сырье, передвигают предметы и сносят их с лица Земли, мчатся по поверхности планеты. Было легко понять, что эти хитрые изделия действительно всего лишь машины, использующие в своей работе природные силы при помощи сложного сочетания механических частей и простейших сил и энергий. Но современные цифровые технологий достигли бестелесного качества, ведь мельчайшие компоненты некоторых чипов приближаются по своим размерам к длине волны видимого света. Микротехнологии реорганизуют материю в масштабах отдельных кристаллов кремния и генетических пар, они проникают в тело, они оформляют вибрирующие потоки электронов в сложные невидимые логико-информационные сооружения. Двадцать лет назад в пятидесяти процентах случаев вы сами могли починить свой автомобиль, но сегодня, когда машина набита компьютерными чипами и миниатюрными сенсорами, как ведро с мороженым от Ben & Jerry's — кулинарными украшениями, вам потребуется сложная техника только для того, чтобы отыскать причину поломки. Технологическая логика стала невидимой, то есть оккультной в буквальном смысле этого слова. Если у вас нет кода, вы останетесь в неведении. А всех кодов больше нет ни у кого.

Максиму Артура Кларка можно проинтерпретировать и в более позитивном ключе. Новые могущественные технологии волшебны, потому что они функционируют в качестве магии, вскрывают неизведанные протейческие щели новых возможностей в монолите социальной реальности. Они позволяют людям проецировать свою волю на вещи и явления мира, трансформировать его и, по крайней мере отчасти, делать это в соответствии с их собственным воображением. Разумеется, по мере того как мы внедряем новые технологии в наш повседневный мир, они теряют часть своего волшебного шарма, и их магические свойства пропадают в самом старом сказочном смысле: их расколдовывают. Новые изобретения печально известны тем, что они создают новые жизненные ситуации, по большей части определенно неприглядного свойства, причем, как правило, никто не может предугадать их заранее, и, уж конечно, никто не закладывает в изобретения такие пагубные цели. Маги из исследовательских и опытно-конструкторских лабораторий, охваченные тем, что Тейяр де Шарден называл «демоном исследования», демонстрируют все признаки близорукости по отношению к этим последствиям и продолжают день за днем штамповать новшества. Оперируют ли их машины с цифровым или генетическим кодом, они по меньшей мере создают иллюзию, что благодаря им сознание в очередной раз приблизилось к овладению материальными силами. Если мы теперь вспомним, что представление участвует в формировании нашего мира наравне с научной истиной, то непрерывное возникновение новых сложных технологий, которые определяют нашу жизнь на заре XXI века, может парадоксальным образом увлечь нас в мир кремникового колдовства.

Такие парадоксы — настоящая пытка для техноязычников, но, помимо всего прочего, существуют известные фундаментальные социальные причины, по которым солидное число людей пытается соединить компьютерную культуру и оккультное. Одна из экспериментальных площадок, где встречаются эти

течения, — фэндомы любителей научной фантастики и фэнтези. Эта субкультура наделена недюжинной изобретательностью, а энтузиазм книжных червей, ее представляющих, и их особенное чувство юмора могут поспорить с языческими. Церковь Всех Миров, к примеру, одна из наиболее эклектических и устойчивых магических групп в США (и кроме всего прочего, первая, участники которой начали величать себя язычниками), возникла, когда несколько студентов-либертарианцев начали практиковать полигамную марсианскую религию, описанную в романе Роберта Хайнлайна «Чужак в чужой стране». Многие язычники обогащали свои ритуалы и космологии отсылками к «Звездному пути», Толкину и комиксам. Это поп-культурное «браконьерство» достигло поистине головокружительной высоты в сатирической Церкви СубГения, пародийном культе, в котором за наигранным почитанием летающих тарелок, магазинного китча и курящего трубку бога по имени Боб, похожего на Уорда Бивера, скрыто довольно проницательное исследование магического сознания Америки.

Хотя многие компьютерщики не имеют ко всему этому вообще никакого отношения, аллюзии на научную фантастику и фэнтези цементируют хакерскую культуру, а популярность таких ролевых игр, как «Подземелья и драконы», как мы обнаружим в следующей главе, уже позволила запустить оккультные фантазмы в электронные цепи культуры цифрового века. Одна из причин, по которой хакеров влекут подобные жанры, заключается в том, что авторы и научно-фантастических книг, и романов фэнтези не просто рассказывают истории, а создают миры. Хотя фантасты стараются держаться научной правдоподобности, творцы обоих жанров обычно пытаются придать своим сценариям реальные черты, заключая их в рамки известных аксиоматических условий (экология, фантастические технологии, социальная стратификация и т. п.). Таким образом, их повествование развивается в границах, заданных этими параметрами. Хакеры и ведьмы также являются приверженцами этих жанров, поскольку, как отмечает Лурман, «и магия, и компьютерная наука имеют дело с созданием миров, заданных при помощи ряда правил и с игрой внутри этих рамок». Позволим себе расширить эту интерпретацию и предположить, что это описание касается вообще всякого религиозного творческого акта, хотя язычники, играючи привносящие в свои сакральные миры личные нюансы и изобретения, обычно редко задумываются над ролью человека-оператора в этом процессе.

Достаточно побывать на современном языческом фестивале вроде «Звездного леса» или «Древних путей», чтобы найти там собрания типичных жителей пригородов, одетых как Мортиция Адамс или Минг Немилосердный, вздымающих над головой ритуальное оружие в свете луны и распевающих гимны Пану. Можно даже прийти к поспешному выводу, что эти ребята просто избавились от всего современного наследия и вернулись к предрассудкам далекого прошлого. Но значительная часть язычников не принимает верования премодерна настолько близко к сердцу, чтобы игнорировать ограничения, накладываемые современными убеждениями. Лучшие маги часто гордятся своим скептическим релятивизмом, тщательно проверяя все кажущееся слишком простым на вид и все заявления о правдивости, в том числе и ортодоксальные научные представления о взаимоотношениях сознания и материи. Самые проницательные язычники работают в эмпирическом ключе, используя на прагматической и субъективной основе свои «наработки» для исследования скрытых способностей человеческого сознания и тела. Американский друид Айзек Бонвиц, автор одного из первых и наиболее влиятельных языческих текстов, озаглавленного «Реальная магия», считает себя материалистом. Он как-то сказал Маргот Адлер: «У меня просто более свободное определение материи, чем у большинства людей». Реконструируя религии премодерна в постмодернистском мире, язычники научились весьма умело маневрировать между научно-техническими категориями и практикой воображения. Они достигли этого частично благодаря замене основного религиозного вопроса о вере непосредственным исследованием плотного опыта и измененных состояний сознания. Знаменитый оккультист Алистер Кроули запечатлел сущность этого творческого прагматизма, когда в одной из своих работ написал, что магия имеет дело с духами и заклинаниями, с богами, сферами, планами и многими другими вещами, которые могут существовать, а могут и не

существовать. Неважно, существуют они или нет. Известные действия приводят к известным результатам.

Какую бы метафизику ни защищал тот или иной язычник, проверка теории практикой всегда занимает значительное место в его арсенале, хотя те или иные нюансы всегда могут меняться. Вот почему эзотерические лавки всегда перемежают травы, зелья, амулеты и ритуальные принадлежности с бесчисленными справочниками, альманахами и ритуальными «поваренными книгами». Все дело в том, что язычники — тоже изобретатели-самоучки.

Экспериментальный духовный прагматизм позволил язычникам с легкостью принимать новые оккультные технологии: сложное астрологическое программное обеспечение, компакт-диски с И-цзин, гипертекстовые версии карт Таро. Еще более важным является то обстоятельство, что подобное отношение привело их к новому пониманию «технологии» и как метафоры, и как инструмента, используемого в ритуале. В каком-то смысле эта связь существовала всегда. Как отмечает антрополог Рональд Грима, магические ритуалы — это перформансы, в которых мистические силы выступают в роли технологии, а потому «их не следует четко отделять от технологии». По словам Сэма Уэбстера, квалифицированного церемониального мага и веб-мастера из Ли-верморской лаборатории в Беркли, ритуал — это «важная технология программирования человеческого организма». По Уэбстеру, языческий ритуал работает как своего рода виртуальный театр, который культивирует, или «программирует», интенции и духовные откровения в своих участниках. Посредством драматического языка жестов, символов и ароматов ритуал действует в обход интеллекта и стимулирует психологические аспекты «я», особенно те из них, которые работают с восприятием на подсознательном уровне. Когда маг чертит в воздухе пентаграмму или кружится в дику танце, его «я» проникает в человеческие чувства и космические силы на гораздо большую глубину, чем это позволяют сделать скользкие по поверхности философские концепции или проповеди.

Православные и католики тоже признают огромную силу ритуала, но они утверждают, что сила литургии проистекает из духовного авторитета традиции. Отвергая эти институциональные амбиции, язычники переносят акцент на намерение: чего мы хотим достичь конкретной ритуальной программой? С какими силами — природными, эмоциональными, социальными — наше «я» должно вступить во взаимодействие? Как заметил Уэбстер в интервью, которое он дал автору этой книги по электронной почте, метафора технологии позволяет размышлять о трансформирующем потенциале ритуала не впадая в «туманный мистицизм»:

Если мы будем рассматривать то, что мы делаем, просто как технику, мы перестанем смотреть на работу как на священную корову и сможем критически относиться к ее результатам: работает ли наша техника, как планировалось? Если да, то можем ли мы сделать ее еще эффективнее? Если нет, то на нет и суда нет: откажемся от нее и забудем о ней навсегда.

Хотя поначалу может показаться, что одно лишь упоминание о «ритуальной технологии» способно лишить ритуал его духовной глубины, творческий и экспериментальный подход современных язычников к сакральному, похоже, попросту выгоден этим инструменталистам. Конечно же, технологическое мышление создает и хорошо знакомые нам проблемы, о которых уже говорилось выше. Уэбстер отмечает, что многие «маги-юзеры» слишком увлечены «техникой» в ущерб духовным целям.

Любовь, которую язычники и другие современные маги проявляют к изобретательству и тайному ремеслу, может объяснить тот факт, что именно они первыми из всех субкультур колонизировали киберпространство. Разумеется, сегодня даже самые тяжеловесные религии имеют свои представительства на информационной супермагистрали, и серферы могут узнать в Сети о бахай, византийском монашестве или библиотеке Ватикана даже больше, чем им нужно. Но язычники жили в режиме онлайн задолго до появления WWW, и Сеть по-

прежнему продолжает служить домом для непропорционально большого объема информации на оккультные темы: на ftp-сайтах копятся графические файлы, изображающие магические сигилы и алхимические диаграммы, веб-сайты предлагают к вашим услугам нумерологические профили и скрипты, рассчитывающие астрологические эфемериды в реальном времени, а каталоги листов рассылки, подобные MaGI («Магический Путеводитель по Интернету»), выполняют функции мистических порталов, ведущих к более глубоким тайнам.

Такого рода базы данных естественным образом удовлетворяют потребности язычников в собирании Традиции, но для многих язычников компьютеры служат более существенным религиозным целям, чем загрузка оцифрованных иероглифов или складирование порнографической поэзии Кроули. Коллективная анархия в самой природе языческих сообществ. Нестабильная социальная структура, в которой свободный обмен информацией между далеко отстоящими друг от друга, а зачастую и открыто враждующими группами играет ту же связующую роль, какую играют догматические иерархии в традиционных религиях. Десятилетиями язычники вкладывали огромный труд в издание фэнзинов, таких как Green Egg или Woman Spirit. Эти пухлые брошюры, часто сшитые вручную, рассылались по обыкновенной почте. Вряд ли стоит говорить, что BBS (а позднее и веб-сайты), едва появившись, как нельзя лучше подошли для этих еретических и словоохотливых объединений. К концу 1980-х годов сотни языческих BBS усеяли страну. Они носили такие названия, как «El Segundo Spiders Web», «Ft Lauderdale Summerland» или «Ritual Magick Online!». Еще более анархическая среда Интернета, с его чатами и группами новостей с самого начала кишмя кишела викканами и друидами, а иерархии Usenet alt.pagan и alt.magic быстро превратились в бурлящие котлы бесконечных дебатов. Несмотря на то что язычники представляют крошечный сектор религиозной Америки, alt.pagan долго удерживало лидирующие позиции в пятерке самых популярных новостных групп Usenet, посвященных религии и духовности.

Для основной массы язычников и практических магов виртуальные сообщества играют подчиненную роль по отношению к непосредственному духовному опыту. В конце концов, язычество — это религия земли, и практикующие его стремятся к освященному традицией единству с материальным планом бытия. Их влекут леса, пустыни и темные подземелья, волшебные мази, барабанный бой и танцующие тела. Этот визионерский материализм отделяют от бесплотного текстового пространства Интернета целые миры, поэтому многие язычники, а особенно почитающие Богиню виккане, не доверяют своим технически подкованным собратьям, чересчур увлеченным киберпространством, опасаясь, что энтузиазм, вызванный виртуальными разговорами, может привести к простому воспроизводству экологически несостоятельных и дематериализующих тенденций современной цивилизации, которым язычники изо всех сил пытаются сопротивляться.

Но маги-антиномисты, лишенные остатков морали, которые занимают самые темные уголки современного оккультного спектра, редко делают подобные заявления. Среди этих по-настоящему колдовских и даже в известной степени сатанинских объединений, многие из которых отвергают даже ярлык «язычник» как звучащий слишком приторно, а особенно среди так называемых магов хаоса Интернет играет все более важную и даже ведущую роль. Маги хаоса неуважительно относятся к традиции и отвергают исторические символические оккультные системы как произвольные конструкторы, лишенные приписываемой им действительной «духовной» силы. Для этих магов-постмодернистов наивный кондовый романтизм «древних путей», свойственный язычникам, затмевает подлинный источник всякой магии: личную силу мага — этого самодержца в экзистенциальной пустоте безличного и релятивистского космоса. Маги хаоса могут соглашаться с тем, что паранормальные явления реальны, но они предпочтут скорее отнести их на счет «обмена информацией в четвертом измерении» или к проявлению древних структур нервной системы человека, чем к туманным призракам мертвых культур. Даже когда они зывают к богам, они скорее склонны взаимодействовать со сверхъестественными тварями из рассказов

Г. П. Лавкрафта, чем со стариной Паном. Как и можно ожидать, маги хаоса с удовольствием используют компьютеры. Тайнственный сетевой колдун, стоящий за MaGI, пишет об этом так: «Большинство неоязычников соединяются при помощи электронных сетей и говорят: давайте соберемся и проведем ритуал, а маги хаоса говорят: давайте проведем ритуал в Сети».

Хтонические силы, с которыми работают маги хаоса, могут, на первый взгляд, показаться чем-то вроде оккультной шоковой терапии, но эти силы можно направить и в более «практическое» русло. Для членов Храма Душевной Юности (Temple Of Psychic Youth), этого техноязыческого ответвления британской музыкальной группы середины 80-х Psychic TV, созданной творцом стиля индастриал Джenezисом П. Орриджем, темные конвульсивные энергии магии хаоса способны послужить своего рода будильником для души. Свободно интерпретируя страхи, одолевавшие Эллюля, Адорно и прочих критиков современной цивилизации, Храм рассматривает общество мейнстрима как очередную тоталитарную систему социального контроля. Подобно браконьерам Серто, они пытаются перехитрить, обвести вокруг пальца «общество спектакля», взламывая его идеологическую иллюзию при помощи атавистической магии, экспериментального медиа и темной сексуальности. Помимо разукрашивания своих тел разнообразными племенными татуировками и смелым пирсингом (который, впрочем, ненадолго задержал коммерциализацию стиля), члены Храма проводят время, общаясь при посредстве альтернативных сетей, где информация имеет меньшее значение, чем тот способ, которым она передается. Пока Джenezис П. Орридж сам стоял у руля созданного им движения, он прилагал много усилий для того, чтобы придать магическое качество техникам монтажа, придуманными битниками Уильямом Берроузом и Брайоном Гайсиным. Орридж утверждал, что подобная тактика вырывания информации из контекста с последующей перестановкой может применяться в музыке, визуальном искусстве и коллажах для того, чтобы создать брешь в социальном программировании и трансе консенсуса. Но самым нахальным и изобретательным, а в известной степени и отчаянным актом медиабраконьерства, предпринятым Храмом, стала телевизионная магия, описанная в книге Орриджа «Эзотеррорист». Хотя Орридж разоблачал телевидение как инструмент промывки мозгов, он также верил, что при правильном подходе кинескоп может стать «современным алхимическим оружием», электромагнитным порталом, ведущим в древнее царство снов. Некоторые члены Храма использовали телевизор в качестве камня видения (или «хрустального шара»). Настроившись на мертвый канал, они всматривались в «войну микробов» до тех пор, пока перед их взором не возникали странные фигуры и образы.

Эта разновидность оккультного поп-арта — всего лишь крайний пример желания техноязычника использовать современные психические инструменты на манер архаичных. Но, как уже говорилось раньше, современные электронные технологии с самого начала были в некотором смысле колдовскими, а потому техноязыческая магия должна рассматриваться в более широком и амбивалентном контексте повсеместного, хотя и неосознаваемого технологического анимизма. Писатель-фантаст Филип Дик в одном из своих публичных выступлений в 1972 году отмечал:

Среда, в которой мы живем, я имею в виду рукотворный мир машин, искусственных конструкций, компьютеров, электронных систем, взаимосвязанных гомеостатических устройств, — все это постепенно обретает такие свойства, которые нам кажутся признаками живого, подобно тому как первобытным людям казалось живым то, что окружало их в ту далекую эпоху. Наше окружение тоже оживает в самом прямом смысле или по крайней мере притворяется ожившим.

Парадокс, описанный Диком, вполне предсказуем. Компьютеры, наделенные совершенно особенной, механизированной логикой в некотором смысле отстоят дальше всего от архаического анимизма, таким образом завершая путь, прodelанный Западом в противоположную от анимизма сторону. В этом путешествии мы пересмотрели свои взгляды на космос и самих себя, используя каждый раз все более сложный образ машины: ткацкий станок, колесо

горшечника, часы, паровой двигатель. Научный редукционизм изгнал призраков и прочих разумных посредников древней космологии из процесса восприятия физического мира. И все же сегодня электронная пародия на эти древние силы снова пришлась как нельзя кстати, причем ярче всего эта тенденция проявляется не в языческом поклонении Гее, а в медиа и механизмах информационной эпохи. Ведь пока лесозаготовительные корпорации безжалостно добывают последних духов древних дождевых лесов, цифровые технологии поработают умы.

Компьютер — самая живая и умная из машин, самая интерактивная, и «механической» ее можно назвать с большой натяжкой. Даже если мы будем настаивать на чисто механической природе кибернетических устройств, на сегодня они стали настолько «живучими» и сложными, что способны служить нам моделью самого мышления и даже самой жизни. Потенциал, заключенный в них, объясняет, почему электронные компьютеры уже в 1950-х годах дали повод бесконечным разговорам об искусственном интеллекте и почему уже сегодня некоторые компьютерщики всерьез обсуждают возможность выращивания форм жизни, состоящих из цифрового кода. Хотя многомудрый искусственный интеллект все никак не может родиться на свет, Интернет уже стал домом для множества автономных программ, по большей части паразитического свойства, таких как вирусы, трояны, пауки, черви, торговые агенты и боты, которые рыщут по компьютерам пользователей, размножаются, производят различные действия по обработке данных (чаще разрушительные) и возвращаются к своим хозяевам с информацией в зубах, если, конечно, у них вообще есть хозяева.

Философы и программисты могут биться над вопросом, насколько «живыми» являются эти дикие твари из электронного леса, но вопрос о возможности технологической жизни не может быть окончательно решен с использованием лишь аналитического языка, описывающего работу нервных сетей, дарвиновского естественного отбора и генетических алгоритмов. Ибо, несмотря на техническую адекватность подобного языка, от него ускользает тот факт, что наше ощущение активности, наделенности жизнью и разумностью, помимо всего прочего, зависит от нарративов и эмоций, которые структурируют наше повседневное восприятие мира. Хотя шахматный гроссмейстер Гарри Каспаров знал, что компьютер Deep Blue лишен собственных желаний и коварных намерений, он заявлял, что во время партии воспринимал его как мыслящего противника. Иначе говоря, Каспаров получил такое впечатление не столько от архитектуры машины или заложенной в нее программы, сколько от проекции своего собственного опыта социальных отношений с партнерами по игре.

Многие пользователи бессознательно относятся к своим персоналкам как к вредным и даже опасным тварям — своего рода анимистические пережитки в отношении к машине, которые часто подогреваются специфическим дизайном пользовательского интерфейса, игр и детских программ. Миллионы детишек еще совсем недавно покупали «тамагочи» компании Bandai — цифровых любимцев, обитающих в гаджетах, похожих на калькуляторы. Их чувства легко объяснимы с точки зрения выстроенной нами перспективы появления цифровой жизни. Если разработчики «интеллектуальных агентов» продолжают в том же духе, информационные джунгли вскоре будут кишмя кишеть куда более жизнеспособными разновидностями цифровых созданий. Они будут выклянчивать билеты на самолет у серверов авиакомпаний, вынюхивать ценную информацию в лабиринтах баз данных и, без всякого сомнения, потребуют и от нас чего-нибудь вкусенького.

Может быть, феномен техноанимизма — всего лишь новейший слой наносов на «обществе спектакля», набор инфантильных, оупляющих заклинаний, призванных сокрушить последние бастионы критики, возведенные на пути глобального технокапитализма. С другой стороны, известная степень анимизма может рассматриваться и как психологически приемлемый и даже вполне прагматический ответ на некоторые вызовы информационных джунглей. Мы связываем разумность со способностью читать и писать? Сегодня почти всякое электронное устройство способно на это. Техноязычники давно присмотрели себе

подходящее убежище, ибо постмодернистский мир цифровых симулякров — настоящая находка для древних навыков колдуна и ведьмы. Говоря точнее, «возвращение магии», разумеется, может оказаться еще одной историей, которую рассказывают, пока сгущается постиндустриальная ночь, но именно благодаря таким историям технологические объекты обретают собственный характер и почти что собственную жизнь. В этом смысле злобные ИИ, обольстительные андроиды и добрые роботы, которые с завидной регулярностью возникают на страницах комиксов, в видеоиграх, блокбастерах и телевизионных программах, — это не просто миазмы поп-культуры, но фигуры нарратива, которые олицетворяют наши странные замыслы и ожидания. Магия сама по себе — это тоже миф, но именно мифы придают смысл нашим машинам. И наиболее очевидна эта метаморфоза в случае с компьютерами, породившими самый яркий и чарующий миф: миф о том, что машина может служить порталом в другие миры и измерения.

Киберпространство: виртуальное ремесло

В специальных терминах есть что-то от троянских коней: каждый из них подразумевает тайное содержание, забытые истории и имеет такое значение, о котором большинство пользователей и не подозревает. С понятием виртуальной реальности большинство из нас впервые столкнулись в начале 1990-х, когда большой, очень умный, с дредами на голове Джарон Ланье выставил на всеобщее обозрение разнообразные очки и перчатки, способные переносить сознание в трехмерные миры, созданные компьютерной графикой. Термин «виртуальная реальность» врезался в массовое сознание и оказался под прицелом всевозможных популярных футурологов. И хотя ажиотаж вокруг этого явления спал, когда оказалось, что технология не способна перенести человека в цифровой сон, виртуальная реальность осталась фундаментальным смыслом компьютерной культуры, Святым Граалем, сияющим, подобно маяку, сквозь лес запутанных протоколов и бренчащего «железа».

Понятие это, однако, вызрело не в электронных чертогах Силиконовой Долины. Еще в 1938 году французский драматург, киноактер Антонен Арто, официально объявленный сумасшедшим, в своем неистовом манифесте, вошедшем в его выдающийся труд «Театр и его двойник», обронил это выражение. Рассматривая «таинственное тождество сущностей алхимии и театра», Арто утверждал, что театр создает виртуальную реальность — «la realite virtuelle», — в которой персонажи, предметы и образы приобретают фантазмагорическую силу мистических драм алхимии. Для Арто театр имеет отношение к репрезентации обыденной жизни не больше, чем алхимия к задаче превращения свинца в золото. На самом деле оба этих ритуала вызывают одни и те же психические состояния, обнаруженные когда-то в «архетипическом примитивном театре» Элевсинских мистерий и шаманских орфических культах Древней Греции. Арто утверждает, что ключевой смысл этих древних ритуальных представлений состоял в пробуждении «страстного и решительного пропитывания материи разумом» — в предельно гностической трансмутации реальности, которую у алхимиков символизировал пресловутый философский камень.

Арто писал, что образ одухотворенной материи манит нас, взывая к нам с «ослепительных граней будущего», и что это — та самая сверхцель, которую преследуют искусство и театр. Сегодня к ослепительным граням будущности без устали стремится технология. И, как станет ясно из этой главы, энергия техногнозиса направлена не только на нематериальное приращение знания в духе экстропианцев: его интересы сосредоточены также и на герметическом мире магической иконографии, мифических масок и путешествий по другим мирам. Очки и перчатки Ланье уже позволили нам взглянуть на эти алхимические сферы, однако еще прежде эти пространства проецировались с астрального плана технокультуры в такую область, как научно-фантастическая проза. «Нейромант» Уильяма Гибсона, набранный на механической печатной машинке Hermes 2000 и опубликованный в пророческом 1984 году, врезался в мозг западной культуры в то самое время, когда персональный компьютер вторгнулся в человеческое жилище, а мировые финансовые рынки выходили на круглосуточную орбиту. И хотя Голливуд и история сделали образы бесстрашных цифровых ковбоев и безжалостных корпораций-убийц из гибсоновской антиутопии такими же штампами, как мужские плащи или роковые женщины из фильмов «нуар», на которых вырос Гибсон, она подняла тему, нею суть которой можно проиллюстрировать при помощи одного-единственного, почти религиозного образа:

Киберпространство. Коллективная галлюцинация... Графическое представление данных, извлекаемых из банков памяти любого компьютера в человеческой системе... Световые линии, расчертившие кажущееся пространство разума.

Как и любой сильный мифологический образ, киберпространство скрывает гораздо больше, чем открывает, и, содержа определенную иронию, которую не замечали многие энтузиасты киберпространства, он в то же время играл роль концептуальной опоры для нарождающегося гиперпространства цифровой

коммуникации. Проблема «немыслимой сложности» мировых сетей и баз данных в фантазии Гибсона решается с помощью интерактивной трехмерной карты, к которой вы подключаетесь через порт, похожий на компьютерную приставку. Эти представления задели чувствительный нерв и кристаллизовались в нарождающихся смутных желаниях каждого — от хакеров до журналистов и психоделической богемы. К концу 80-х киберпространство стало настоящим культурным аттрактором, оно засасывало неуклонно компьютеризирующееся общество с безжалостностью втягивающего луча из «Звездных войн».

Для обозревателей, аналитиков и рекламистов понятие киберпространства стало удобным обозначением множества самых разных достижений — виртуальной реальности, компьютерных игр, быстро растущего интернет-трафика и электронной эфемерности глобальных финансовых потоков. Джон Перри Барлоу определял киберпространство просто как место, где вы находитесь, когда говорите по телефону. Но для прочих «коллективная галлюцинация» «Нейроманта» означала нечто большее. Маргарет Уэртхейм в книге «Жемчужные врата киберпространства» утверждает, что в пространстве, подчиняющемся виртуальным законам мышления, а не реальным законам материи, рождается новый космос, где душа снова может жить и дышать. «Хотя это может показаться странным (ведь речь идет о технологии XX века), киберпространство завершает исторический круг и возвращает нас к почти средневековой позиции, к двухъярусной реальности, в которой душа и тело действуют каждая в своей сфере». Подобно романам, кинематографу и комиксам, киберпространство позволяет нам отключить привычные научные правила, обуславливающие физическую реальность, в которой живут наши тела. Но, в отличие от этих видов медиа, киберпространство — это разделяемая интерактивная среда, электронное «пространство души», которое влечет к себе постмодернистскую душу, призывая найти и изменить себя.

Многие работники компьютерной индустрии тоже осознали перспективы технологического пространства духа, в особенности один энергичный компьютерщик по имени Марк Песке. В начале 90-х Песке пришел к выводу, что лучший способ построить реальное киберпространство — «перцептуализировать Интернет». И в течение нескольких лет он с друзьями корпел над созданием VRML, «языка разметки виртуальной реальности», с помощью которого он надеялся добавить графическое третье измерение к путаному гипертексту двумерных страниц и бесконечных ссылок Мировой сети. Для Песке, как и для легиона технарей, зараженных его харизматической шоу-проповедью, VRML стал ключом к превращению Сети в мир, или даже вселенную миров, в каждом из которых информация приобретала характер некоего виртуального театра: деловой Бостон, макет Стоунхенджа, оплавленный лунный пейзаж, освещенный фосфоресцирующими монолитами.

Марк Песке еще и техноязычник, поклонник Богини, маг и участник психоделических таинств. VRML был не просто его работой, но жизненно важным аспектом его оккультных трудов. В 1994 году Песке сказал в своем интервью автору этой книги:

И киберпространство, и магическое пространство — суть подлинные проявления воображения. Эти пространства полностью определяются вашими мыслями и верованиями. Кожибский говорит, что карта — не есть территория.

Ну а в магии карта — это и есть территория. То же самое справедливо и в отношении киберпространства. В нем нет ничего, что не было бы привнесено туда вами.

Песке считает, что нет никакой необходимости очеловечивать компьютеры, придавать им духовное измерение. Компьютеры могут быть священны просто потому, что священны человеческие жизни. Духовная реальность не есть нечто спускающееся на нас откуда-то сверху. Мы обнаруживаем ее для себя посредством наших символов, ритуалов и актов коммуникации. И, поскольку киберпространство воплощает и расширяет наш производящий символы разум, оно может

опосредовать сакральную коммуникацию людей друг с другом, а также «с теми сущностями — божественными частями нас самих, — к которым мы взываем в этом пространстве».

Для киберкультуры Западного побережья туманные спекуляции по поводу виртуальной реальности и киберпространства служили лишь предметом болтовни на кок-тейльных вечеринках, но Песке решил повернуть свои идеи в русло ритуальных практик. Он с группой системных операторов и программистов решил придать VRML добрый почин с помощью Киберсамайна, техноязыческого ритуала, который был проведен в Сан-Франциско, когда Интернет начал вторгаться в массовое сознание. Обычно языческие церемонии начинались с очерчивания ритуального круга при помощи сочетания представления и визуализации. Этот круг делил миры, освобождая пространство для магии и богов посреди земного пространства-времени. После этого язычники обычно призывали силы, олицетворявшие четыре элемента древней традиции: землю, воздух, воду и огонь. Обозначаемые чаще всего цветными свечами или статуями, эти четыре «сторожевые башни» представлялись стражами, стоящими по четырём основным направлениям круга. В случае с Киберсамайном «сторожевые башни» символизировали четыре 486-х IBM PC, соединенные при помощи Ethernet в сеть и имеющие рабочую станцию SPARC, подключенную к Интернету. Экран каждого из четырех мониторов становился окном в трехмерное ритуальное пространство, мир VRML, чьи пентаграммы и цветные многогранники отражали реальный магический круг, прочерченный в комнате. Астральный план был воссоздан в киберпространстве.

Надо сказать, Киберсамайн сбил с толку многих приглашенных на церемонию мультимедийных спецов и деятелей Силиконовой Долины. Однако страстное желание Песке наполнить киберпространство колдовскими образами было вызвано чем-то большим, чем неясными мечтаниями техноязычника. Своими действиями он обращался к проблеме, с которой сталкивается каждый, кто пытается справиться с информационной лавиной онлайн-мира. Песке полагал, что, поскольку WWW продолжает развиваться эксплозивно (хотя более точным было бы говорить об имплозии), сетевая армия поисковых машин, доменов и случайных ссылок может достигнуть точки хаотического распада. Используя VRML для создания виртуальной среды, которая может организовать онлайн-данные, Песке надеялся дать человеку возможность пользоваться пространственными навигационными навыками, отработанными за сотни тысяч лет. Гибсон в «Моне Лизе Овердрайв» уже говорил об организующей силе визуальной карты киберпространства:

Надень троды — и окажешься там, где вся информация в мире громоздится башнями одного гигантского города из неона. Так что можешь по нему покататься, вроде как пообвыкнуть, даже умыкнуть кой-чего. Правда, все это лишь визуально. А иначе, если ничего такого не сделать, чертовски сложно будет найти дорогу к той информации, которая тебе нужна.

Песке был не одинок в своем предчувствии, что гиб-соновская фантазия о киберпространстве скрывает в себе важную истину о потенциальной силе визуализации и картографировании цифровых данных. Джеймс Бёрк и Роберт Орнштейн в своем очерке по истории технологии и сознания «Дар изготавливающего топоры» утверждают, что с истоков человеческой культуры «создатели топора» вырабатывают такие технологии, которые заставляют человеческий мозг принимать решения, и это давление выбора стимулирует нас к совершенствованию логических и аналитических способностей разума, что постепенно отчуждает нас от матрицы природы. Признавая катастрофически высокую экологическую и социальную цену этого великого разделения, авторы завершают аргументацию, предполагая, что компьютер — наш последний топор — в действительности может «вернуть нас туда, откуда мы вышли, вернуть наш разум в состояние, предшествующее выбору того пути, по которому мы развивались после первого дара изготовившего топор». Они надеются, что образы, ассоциативные связи, виртуальные пространства и параллельная обработка

мультимедийных данных способны воскресить «нерациональное мышление» ранних эпох — модус функционирования сознания, основанный на интуиции, скачках воображения и нечетких повседневных правилах: «Когда большая часть рутинной и утомительной работы ума будет автоматизирована, пространственные, интуитивные, „навигационные“ способности смогут гораздо лучше приспособиться к получаемому знанию, которое имеет структуру, куда больше схожую с порядком вещей естественного мира, чем с буквенно-цифровыми кодами».

При всей своей анархичной и беспрестанно меняющейся сложности Интернет настолько же поддается картографированию, насколько ему поддаются Болотный Штат (Флорида) или транспортные потоки в центре Токио. Но, учитывая удобство интуитивно понятных трехмерных образов, можно смело утверждать, что сетевые программисты (и уже истекающие слюной торговцы) не оставят своих трудов до тех пор, пока люди не смогут, облачившись в призрачную одежду из полигонов, дрейфовать по нужным участкам информационного пространства, так же как сегодня мы прогуливаемся по парку аттракционов, книжным магазинам или моллу. В действительности же многие из миров, в которые мы сможем проникнуть, окажутся дьявольской комбинацией парка аттракционов, книжного магазина и молла. Возможно, удел нашей культуры в том, чтобы моделировать астральные сферы на своих машинах и затем сращивать их с «Планетой Голливуд», курсами мини-гольфа, игрушкой Donkey-Kong и франшизами быстрого информационного питания от Lexis-Nexis.

Марк Песке, Джарон Ланье и другие кибергуманисты разделяли надежду на то, что в этом мире найдется место, где люди смогут раскрыть свой потенциал созидательной магии и совместно творить новый язык души. В конце концов, даже несмотря на то, что Сеть и в самом деле превращается в соты одинаковых всплывающих рекламных окон, онлайн-новые исследования все равно стимулируют мифологическое мышление просто в силу самой своей природы. Мы постоянно можем становиться кем-то большим, перерастать себя, как гибсоновский киберковбой Кейс, которого научный фантаст Норман Спинрад назвал магом, который черпает колдовскую силу из постоянных столкновений с компьютерной сферой, из манипулирования ею с помощью своего воображения (и подвергаясь манипуляциям с ее стороны) — подобно тому, как более традиционные шаманы силой воображения взаимодействовали с более традиционными мифологическими пространствами при помощи наркотиков или трансовых состояний.

И хотя невозможно отрицать громадную разницу между нами, вовлеченными в скольжение по цифровым потокам, и нашими древними предками, мы не вправе списывать со счетов, ввиду полной несовместимости с опытом, который дает нам цифровая сфера, все те архаичные и оккультные метафоры, которыми окружены новые технологии. Если мультимедиа и объединенные в сеть компьютеры и в самом деле прививают «нерациональное» мышление, о котором писали Бёрк и Орнштейн, то метафоры фольклора или научной фантастики оказывают реальную помощь в картографировании инфосферы. Мифология, конечно же, никогда не будет определять наше видение киберпространства, но она никогда не исчезнет совсем. Цифровой мир, лежащий перед нами, — это тоже «гибрид», перекресток кодов и масок, алгоритмов и архетипов, науки и симулякров.

Взрывная мифология киберпространства, кроме того, является проявлением цифрового анимизма, который просачивается сквозь технокультурные границы научной парадигмы. Как отмечалось в конце предыдущей главы, различные боты, пауки и агенты уже заселили Интернет, и более чем вероятно, что эти программы все больше и больше будут осознаваться как автономные сущности — как в массовом сознании, так и в околonaучных кругах. Движение к «цифровой жизни» неизбежно фиксируется и на уровне мифологии. Рассуждая об ангелах, демонах и босховских чудовищах, которые населяют огромное количество видеоигр и онлайн-миров, Маргарет Уэртхейм отмечает, что «население пространства души почти бесконечно разнообразно и изменчиво». То есть как только душа почувствовала себя дома, этот дом тут же наполняется фантастическими тварями. Уэртхейм сравнивает сегодняшние цифровые популяции с обитателями

колоссального средневекового пространства души, которое мы можем обнаружить в «Божественной комедии» Данте: «От ослепительных шестикрылых „престолов“, стерегущих трон Господень, до кошмарного Сатаны с тремя лицами и шестью кожистыми крыльями, заточенного во льду в центре ада, — пространство души всегда изобилует жизнью в космических масштабах».

Гибсон также понимал, что живые фантазии премодернистского сознания с неизбежностью заселят «невыразимую ширь» информационного пространства. В одном из его романов «олдовый» хакер признается:

Да, что-то там есть. Призраки, голоса. А почему бы и нет? В океанах есть русалки и прочая дребедень, а у нас тут море кремния, понимаешь? Строго говоря, оно — просто прекрасно выполненная галлюцинация, которую мы все согласились иметь, — это наше киберпространство, но каждый, кто к нему подключается, знает, печенкой, черт меня побери, чувствует, что это — целая Вселенная.

Наблюдая, как доминирующие в сегодняшнем ки-берпространстве мистические образы утверждают свое единство — единство глобального электронного разума, Гибсон проникательно предполагает, что политеизм с его динамикой может оказаться наиболее подходящей религиозной метафорой для хаоса новой среды. В финале «Нейроманта» искусственный интеллект Уинтермьют (Белое безмолвие) становится кибернетическим Богом, но в «Графе Ноль», следующем романе трилогии, мы узнаем, что тотальное информационное единство дробится на различные подпрограммы, которые каким-то образом воспроизводят поведение и личности богов, или лоа, вудуизма — гаитянского варианта африканской религии Нового Света. Для Гибсона вудуизм — иллюстрация не суеверия, но технологического разума. Жрец вуду из «Графа Ноль» сравнивает страстные религиозные обряды, в которых, как верят их участники, происходит вселение божества в людей, со «стрит-техом», поясняя, что «программа» лоа проникает в «железо» (тела) людей-танцовщиков, — интересная переделка традиционной гаитянской метафоры о лошади и наезднике. Как сказал в интервью Гибсон, «африканский религиозный импульс ближе к компьютерному миру, чем что-либо на Западе. Они обращаются к своим любимым божествам — и это похоже на то, словно бы они уже имели дело с искусственным интеллектом».

Отождествляя компьютерные программы и богов, которые овладевают танцующими телами последователей культа вуду, Гибсон не просто играет в киберпанковские игры с гаитянской религией. Он формулирует некоторые предположения о природе цифровых агентов, которые могут вскоре заполнить киберпространство. На рациональном уровне мы понимаем, что подобные компьютерные программы лишены какой бы то ни было одушевленной субстанции. Мы можем описать лоа всего лишь как детерминированные культурой диссоциативные трансовые состояния, стимулируемые ритуальными техниками вуду. Но каждый, кто хоть однажды участвовал в ритуале, скажет, что эти сущности быстро обретают собственную жизнь. И тот скептический вопрос, который мы могли бы задать искусственному интеллекту и программам-агентам будущего: «Как я могу знать, что вы — реальные сущности, а не симуляция?» — также может быть адресован и колдунам вуду и вредоносным духам этого культа. И вполне возможно, что ответ заключается в том, что это не имеет значения: к тому моменту, когда вы достигаете точки вопрошания, «они» уже проникли в ваш мир.

Большинство религий африканского происхождения в Новом Свете (вуду, кубинская сантерия, бразильская кандомбле) берут начало в религиозной культуре йору-ба, которая все еще процветает в современной Нигерии. Как писал Эд Моралес в *Village Voice*, «религия йоруба, не только выжившая, но и продолжающая распространяться в постиндустриальном обществе конца XX века, представляет собой, пожалуй, наиболее мощный аспект африканской культуры». Одна из причин этого очевидного парадокса заключается в том, что при всей своей глубокой духовной ценности «африканский религиозный импульс» остается в высшей степени прагматичной практикой, совершенно адекватной толкотне и тягомотине повседневной жизни. В своей повести Гибсон называет вуду «уличной религией» — и эта фраза в значительной степени отражает его знаменитую

максиму: «Улица находит собственное применение вещам». Согласно Гибсону, никогда нельзя знать заранее, какие коленца могут выкинуть новые технологии, потому что наиболее маргинальные, искусные и подрывные элементы общества («улица») всегда находят машинам свое неожиданное применение. При помощи причудливого и довольно сочного образа технологического вудуизма Гибсон показывает, что религиозные силы проявляют непредсказуемую и взрывоопасную мощь, когда сталкиваются с новыми технологиями.

Желая придать мифологический вес политеистическим интуициям, Гибсон использует весь свой талант психологического письма для изображения прагматического и синкретичного культа вуду, несмотря на то что, вообще говоря, гаитяне представляют собой народ, последовательно вытесняемый из нарождающегося информационного общества. Но если автор хотел дать премодернист-ский образ киберпространства, то есть информационного пространства, сконструированного из виртуальных фантазмов и строительных блоков информации, ему следовало бы покопаться и на пыльном чердаке западного сознания, где, потрудившись немного, он в конце концов обнаружил бы самую древнюю и чрезвычайно интересную психическую технологию: искусство запоминания.

Дворцы информации

Представьте себе поход в ваш местный торговый центр. Как вы паркуете машину, проходите через автоматические двери и начинаете изучать это место. Представьте отделы магазина, эскалаторы, витрины со всякими вкусностями так ясно и отчетливо, как только можете. Теперь представьте, что эта структура, которую вы вызвали в памяти, в действительности представляет собой базу данных. Мысленно наклейте бумажку «Заказать» рядом с теми объектами, которые больше всего поразили ваше воображение, не забывая ни о чем — ни о паре фиолетовых Reebok, ни про аппарат для изготовления воздушной кукурузы, ни о говорящей игрушке Tickle Me Elmo с улицы Сезам. Проявите известную скрупулезность. А возможно, вы организуете данные по местам встреч: деловые переговоры в Brooks Brothers, мысленные кадры ваших путешествий по ресторанам разных национальных кухонь, дни рождения любимых и телефонный номер ближайшего бутика с нижним бельем от Victoria's Secret. В любом случае нужно было запечатлеть эти виртуальные аллеи в воображении настолько живо, чтобы передвигаться по ним можно было с той же уверенностью, с какой вы обходите свой собственный дом. И, мысленно кликая на витрины и товары, вы сможете получить информацию, которая там хранится.

Вот это и есть *ars memoria* в дешевой американской оболочке: древняя мнемоническая техника построения архитектурных баз данных внутри собственного черепа. Некоторые римские авторы давали захватывающие технические описания этих «дворцов памяти», рассматривая их в качестве необходимого практического аспекта риторического искусства (риторический термин *топик* происходит от греческого *topos*, что означает «место»: место, где можно разместить аргумент или идею). Дворцы памяти могли располагаться в реальных или воображаемых пространствах. Некоторые авторы уверяют, что лучшие дворцы получаются, если вообразить реальное строение и наделить его невероятными свойствами. И хотя сложно поверить, что эта весьма причудливая система хорошо работала, изумительные способности памяти классического мира свидетельствуют об обратном. Сенека, как мы говорили, мог прослушать список из двух тысяч имен и выдать их обратно в том же порядке, Сим-плиций, приятель Августина, мог задом наперед цитировать «Энеиду» Вергилия.

Мы же — словно мыши перед этими могучими слонами памяти. Вынося нашу память вовне, мы делаем запасы фактов, зафиксированных в текстах, на жестких дисках и в карманных компьютерах, не в силах проглотить их за раз. Но с разворачиванием колоссальных сот киберпространства — этой предельной ампутации памяти — мы вновь возвращаемся к памяти как информационному пространству, трехмерной сфере, которая находится «вне» нас, хотя в то же время и «внутри» некоего исследовательского пространства, схожего с разумом. С этой точки зрения похвала памяти в «Исповеди» Августина наводит на мысли не только об искусственной памяти вообще, но и об эфемерных сетях киберпространства: «Узри равнины, и впадины, и пещеры моей памяти, бесконечные и бесконечно полные бесконечными видами вещей». Августин называет это «местом внутри, которое все же не является местом», заваленным образами, информацией, эмоциями и впечатлениями. «Над всем этим я бегу, лечу, — пишет он, словно какой-нибудь консольный ковбой Гибсона. — Я углубляюсь в любую сторону, здесь и там, так далеко, как могу, и нет тому конца и края».

Максимально похожим на эти бесконечные ассоциативные полеты памяти занятием у сегодняшних онлайн-исследователей стал серфинг по Всемирной паутине — технологии, возникшей благодаря раздражению одного человека. Приглашенный исследователь CERN, Тим Бернерс-Ли должен был овладеть запутанной информационной системой Европейской физической лаборатории, но он не очень-то рвался запомнить то, что он называл «случайными связями». Поэтому он разработал персональный заменитель памяти, названный *Enquire*, который, по существу, являлся гипертекстовой системой, позволявшей ему вставлять в документы слова, которые служили ссылками на другие документы. Чтобы поделиться своей системой с другими исследователями в Сети, Бернерс-Ли

срочно выпустил и распространил протокол того, что он назвал World Wide Web, Всемирной паутиной. Остальное, как говорится, история. В 1997 году в интервью журналу Time, которое он дал в научной лаборатории Мас-сачусетского технологического института, Бернерс-Ли описал интуитивную нервную систему гипертекста на примере своей чашки кофе. «Если бы вместо кофе я принес сюда ветку сирени, — сказал он журналисту, — у вас бы установилась четкая ассоциация между лабораторией компьютерных исследований и сиренью. Проходя на прогулке мимо куста сирени, вы бы вновь мысленно переносились в эту лабораторию». Иконки и гиперссылки Паутины имитируют, таким образом, ассоциативные связи памяти, связи, которые придают воображению его интуитивную способность к перескокам и проведению аналогий.

Это не значит, что Августин сравнил бы несколько часов выпаса в Паутине с глубоким и проникновенным самоанализом, который, как он верил, делает человека ближе к Богу. С другой стороны, если он действительно был адептом *ars memoria*, он также мог бы расценивать это искусство как в высшей степени прагматический интеллектуальный инструмент, *techné*, трансформирующее изображение в психическую картотеку, столь же функциональную, как метафора рабочего стола. И действительно, технические приемы оратора Цицерона по воздвижению дворцов памяти словно бы специально придуманы для «писателей» на Java, трудящихся над корпоративными веб-сайтами:

Необходимо использовать большое количество мест, которые должны быть хорошо освещены, выстроены в определенном порядке, на умеренном расстоянии друг от друга; живые образы, определенные, но необычные, имеющие силу немедленно проникать в душу.

Используя метафоры своего времени, Цицерон писал, что «мы должны относиться к местам и образам с должной бережностью, как мы относимся к восковой дощечке и письмам, начертанным на ней». Согласно Цицерону, эти «образы», или симулякры, функционируют аналогично иконкам в современной Паутине — сжатым графическим объектам, которые вызывают дополнительные данные и дополняют абстрактный текст, не заменяя его. Хотя простые иконки, такие как якорь или меч, несомненно использовались на практике, анонимный автор текста «Ad Herennium» настаивает на том, что мнемонические эмблемы должны быть «живыми» и «поражающими» — великолепными или страшными как сто чертей, должны носить фантастические одежды или истекать кровью.

Нет ничего удивительного в том, что Аристотель предупреждает своих читателей: дворцы памяти могут просочиться в сны своих создателей — приверженцы этого искусства сталкивались с дикими фантазмами подсознания. Хотя, казалось бы, классические риторы использовали эти симулякры исключительно в качестве инструментов, *ars memoria* в конечном счете имела важное духовное и оккультное значение. Средневековые теологи прибегали к этому искусству, чтобы «помнить небеса и ад», размещая бесчисленное церковное войско пороков и добродетелей внутри сложных архитектурных строений души, что не так уж и отличалось от дантовых поэтических карт загробного мира. И хотя интеллектуальные тяжеловесы вроде иезуитов продолжали применять мнемоническое искусство вплоть до XVII века, мыслители Нового времени отказались от использования таких вольных ассоциативных цепей, чтобы заняться организацией различных областей реального знания, — их отличало полное неприятие воображения.

Историк госпожа Френсис Йейтс в своей классической книге «Искусство памяти» демонстрирует, что магический и мистический потенциал этих древних психических сооружений был полностью использован нашими старыми знакомыми, герметистами Возрождения. Хотя магов всегда привлекало создание внутреннего пространства образов, в одиннадцатом трактате «Corpus Hermeticum» можно обнаружить религиозные основания для их увлеченности этим искусством. Божественный персонаж, известный как Ум, сообщает Гермесу Трисмегисту:

О Боге ты должен думать так, что и космос, и Вселенная — все это мысли внутри него. Таким образом, хотя ты и делаешь себя равным Богу, ты не можешь постичь

Бога .

Для интеллектуалов Возрождения, таких как Джулио Камилло, Джордано Бруно и более поздних, вроде Роберта Флудда, смысл этих слов был очевиден: маг должен построить для себя божественную и всеобъемлющую энциклопедическую память. Как поясняет историк Питер Френч, «запечатлевая образ Вселенной в собственном сознании, человек способен возвысить себя и соединиться с Богом».

Итак, в глазах нашего мудреца уже видно сияние данных. Стремясь постичь оккультные цепи, которые опоясывают Мировую Душу, герметисты скопили потрясающие объемы информации: ангелические имена, астрологические божества, нумерологические соответствия; шифры, приметы, сгилы; списки трав, металлов и благовоний. Возрожденческие фолианты вроде «Трех книг оккультной философии» Агриппы настолько же плотно набиты схемами, списками и инструкциями, как какая-нибудь «Библия пользователя персонального компьютера». И когда возникла необходимость структурировать эту грудку материала по правилам *ars memoria*, мудрецы Возрождения обратили свои взоры к небесам, или, если выражаться точнее, к астрологическому небоскребу неоплатонической и средневековой космологии. Эта космическая карта стала макрокосмическим «дворцом», вместившим микрокосмическую энциклопедию мира, организованную с помощью иероглифических образов-иконок, обозначающих различные грани человеческого знания. Едва ли будучи четкой таксономией, на практике эта система символических соответствий обладала известной экономностью. Рассматривая эти герметические глфы, Марк Песке отмечал, что «с помощью одного лишь символа можно манипулировать целой группой вещей, с помощью одного образа — обозревать пространство целой идеи. Это похоже на хороший компрессионный алгоритм». Каббалистические образы, использовавшиеся магами в *ars memoria*, устраняли различие между буквальным и фигуральным. Подобно иероглифам древних египтян, эти мнемонические ключи одновременно обозначали и проявляли силу, которую представляли; манипулируя сгиллами, связанными с Венерой или Марсом, маг не просто оперировал обозначениями, но имел дело с самими силами. Подобным же образом иконки гипертекста в WWW функционируют одновременно как символы, записи и операционные кнопки; это и надпись, и нечто реальное. Как отмечал Джей Дэвид Болтер в книге «Написанное пространство», «электронная среда больше похожа на иероглифическое письмо, чем на простой буквенный текст».

Это отчасти объясняет тот факт, что эзотерические домены Всемирной паутины заполнены сайтами, посвященными Джулио Камилло, чей деревянный театр памяти, инкрустированный герметическими знаками и образами, стал предметом обсуждения всего XVI столетия. Однако самым изысканным хакером памяти эпохи Возрождения был Джордано Бруно, всем известный как узник Ватикана и «мученик науки», чья еретическая защита учения Коперника в действительности мотивировалась его увлеченностью языческим культом солнца. Веря в то, что астральные силы, которые управляют внешним миром, действуют также и в душе и могут быть воспроизведены в ней, чтобы воздействовать на «магико-механическую память», Бруно создал информационные схемы памяти, основываясь на сложной египетской иконографии небожителей. Эти фантастические демоны, которых не нужно путать с христианскими демонами, служили не просто «живыми» и «яркими» мнемоническими образами, они были живыми духовными сущностями — агентами информационного универсума Бруно. Он также ввел в свою систему и движение при помощи вращающихся шестерен с абстрактными символами, отдаленно напоминающими схемы символической логики. Эти тайные декодирующие кольца ведут свое происхождение из *ars combinatoria* каталонского мистика XIII века Раймонда Луллия, который верил, что его логические круги смогут автоматически демонстрировать божественные атрибуты.

Неудивительно, что госпожа Йейтс, писавшая свои работы в 1960-х годах, заметила «поразительно тесную» связь между магико-механической системой памяти Бруно с ее «ужасающей сложностью» и «разумными машинами», обсуждавшимися в прессе, и что немецкий философ Вернер Кюнцель в конечном счете

трансформировал искусство комбинаторики Луллия в компьютерный язык COBOL. Для Болтера же связь между современным ученым и магом Возрождения имеет смысл потому, что оба они «разделяют мнение, согласно которому память является ключом к человеческому знанию, а значит, властью человека над миром». Болтер указывает на то, что устройства памяти Бруно и других не просто отражают чувственно воспринимаемый мир, но и воспроизводят «истинную» метафизическую структуру космоса. Более того, манипуляция с этими скрытыми структурами позволяет выявить все сферы доступного человеку знания. Так и компьютерный специалист, по Болтеру, уверен, что его компьютер отражает истинную логическую структуру универсума, структуру информации, что также дает возможность для абсолютной власти.

Итак, пока технические наработки в области *ars memoriae* лишь смутно предугадывали возможные очертания будущей архитектуры киберпространства, куда более ясно они отражали то глубокое желание, которое и мы разделяем с герметистами Возрождения: познать мир, разместив информацию о нем в виртуальном представлении, которым мы сможем манипулировать. Возрождение можно определить как революцию точки зрения: открытие компаса, изобретение прямой перспективы в изобразительном искусстве, скачок вперед в искусстве картографии, массовое производство печатных образов. Но эти технические усовершенствования лишь указывают на более глубокую мутацию человеческого существа: человек Ренессанса имел глаза, смотрящие дальше и шире, его карты и новые технические приспособления помогали ему покорять материальные пространства Земли. Даже если Интернет никогда не достигнет хоть какого-то уровня картографической когерентности, в нем и в мириадах оффлайновых баз данных, использующих новые способы визуализации, по-прежнему будет гореть герметическая страсть к овладению ассоциативным полем образов и данных, мнемоническим пространством, где «информация — это сила», а цена знания — всего лишь щелчок кнопки.

В подобии сна

На фоне новостного мусора, спортивной статистики и непристойных шуток, составляющих основное содержание Интернета, предшествующий разговор о магах и дворцах памяти может показаться слегка надуманным. Но химеры действительно населяют цифровое пространство, и чтобы получить некоторое представление о них, все, что вам нужно сделать, — это прогуляться до ближайшего магазина программного обеспечения. Не обращайте внимания на все эти «полезные» программы в лаконичных упаковках с их тусклыми будничными прокламациями о возросшей эффективности. Полцарства за полку, где водятся истекающие слюной черберы, космические корабли бороздят космические просторы и мародерствуют орочьи легионы. Полцарства за компьютерные игры.

Во многих отношениях игры на рынке цифровых технологий занимают ту же нишу, что и видеопорно на рынке видеозаписи: это «убийственное» приложение, которое, нагнетая страсти в духе Гаргантюа, создает массовый потребительский рынок для новых медиатехнологий. Аркадные приставки и картриджи для Sega/Nintendo/3DO всосали армии детишек в пространство компьютерных кодов, впервые в жизни предоставляя им возможность таких эскапистских удовольствий и способов самоутверждения, которые комиксам и ТВ-шоу не дано переиграть. А в это время родители ночами играют за персоналками, которые были приобретены, как они сами могли бы сказать, ради гораздо более благоразумных целей. Повторимся: компьютерные игры — это индустрия с оборотом в миллиарды долларов, на хитовые продукты которой потребитель буквально подсаживается.

Что делает иные компьютерные игры столь притягательными? Какими бы востребованными ни были стратегические задачи этих игр, наркотическую потребность в последних нельзя объяснить лишь активацией центров удовольствия верхнего кортекса. В действительности многие из самых популярных игр опускаются до уровня мозга ящерицы, вызывая устойчивую фиксацию, психологически сравнимую с трансовым состоянием. Техасцы после феноменального успеха невероятно кровавых стрелялок Doom и Quake определенно были на верном пути, назвав свою компанию Id — по наименованию самой примитивной ступени психики во фрейдовском триумvirате id (оно), ego (я) и super-ego (сверх-я). Id — это хулиган подсознания, с которым, как говорил добрый доктор, наше эго вынуждено вести непрестанную борьбу, для того чтобы цивилизация не рухнула. Фрейд утверждал, что мы не способны ощутить id напрямую (даже если сильно этого захотим). Однако мы можем обнаружить его следы в ошибках речи, невротических привязанностях и снах. Все это Фрейд считал отпечатками внутренних драм, которые служат одновременно удовлетворению и маскировке потребностей хаотического подсознания.

Концепция id чем дальше, тем больше подвергается атакам ученых, однако продолжает вдохновлять индустрию цифровых развлечений. «Психологи утверждают, что мужчина в возрасте 18–35 лет подвержен риску превратиться в убийцу-психопата, — говорится в предисловии к играм Nihilist and Battle Slayer компании Philips. — Можно ему выйти поиграть?» Хотя компьютерные игры ни в коем случае не являются сном, многие из них сконструированы и потребляются как то, что Джон Баньян, автор «Пути паломника», мог бы назвать «подобием сна». Подобно фантастической литературе и визионерскому искусству, значительное число игр пытается воспроизвести логику сна, передать в своих захватывающих историях его сюрреалистические образы, леденящие страхи и дивный дух неземных возможностей или хотя бы манию цели. Sega в 1996 году со своей игрой Nights сумела воплотить в игре-гонке архетипический сновидческий опыт полета, а The Dark Eye эксплуатирует в своем сюжете дух болезненных гипнотических рассказов Эдгара Аллана По. Компьютерная игра Myst приобрела статус блокбастера вовсе не благодаря своим дурацким головоломкам, а из-за притягательных сновидческих ландшафтов, пустынных островов, магических книг и причудливых механизмов. И нет ничего удивительного в том, что старые игроки часто замечают, что образы с экрана часто просачиваются в их быстрый сон.

Посредством сетевых компьютерных игр многие люди получают возможность попасть в одни и те же симулированные сновидческие пространства одновременно. Многопользовательские версии популярных игр, таких как Jedi Knight и Ultima Online, завоевали Интернет, а компании вроде Battletech увлекают детишек в парки развлечений с игровыми автоматами, где команды игроков, каждый из которых заключен в своей игровой кабинке, могут убивать друг друга в общем виртуальном мире. «Фрейдистская» интерпретация компьютерных игр как эскапистского клапана для антисоциального id не может целиком объяснить этот неожиданно социальный воображаемый мир (хотя, конечно, она позволяет объяснить действия некоторых его обитателей, которые стали на один шаг ближе к убийству «реальных» людей). Возможно, правильнее обратиться за помощью к мистическим и эзотерическим психологам древности, для которых id был вовсе не нарциссическим тупиком, а шатким мостиком к коллективным планам внутренних миров. Следуя путем этих Магелланов сознания, Карл Юнг описал архетипический мир образов и божественных форм, который, как он полагал, питается от древнейших корней человеческого разума. Юнг назвал эту сумеречную зону коллективным бессознательным, хотя суфийский мыслитель Генри Корбин предложил более будоражащий и подходящий термин: он говорил о *mundus imaginalis*, или воображаемом мире.

Возможно, то, что мы строим под вывеской эскапистского развлечения, и есть общие символы и архетипические ландшафты цветистого технологического *mundus imaginalis*. Злобные создания, которые должны быть уничтожены на каждом новом уровне, — лишь слабое эхо Хранителей Врат, которых шаманы и гностики должны были побеждать в своих мистических странствиях по другим мирам. Хотя опасно лить масло в огонь индустрии, соперничающей с Голливудом на ниве коммерческого охвата и творческой импотенции, дизайнер компьютерных игр Брайан Мориарти не был таким уж идиотом, когда заявил на конференции разработчиков компьютерных игр в 1996 году, что «духовный опыт, по сути, — наш бизнес». Ибо среди легионов кулачных бойцов, самолетов F-16 и футбольных полей можно заметить, что цифровой видеоряд битком набит образами, взятыми из древних мифов, культов и народных верований. Этот мифопоэтический поток льется сквозь ориенталистские декорации *Mortal Combat*, анимацию детского софта и паукастых демонов *Doom*. И хотя большинство этих образов грубоваты и недоразвиты, «взрослые» мульти-медиапроекты кормятся все той же фантастической смесью: «Космология Киото» позволяет бодхисатвам и фольклорным чудикам свободно разгуливать среди бумажных стен японской столицы XII столетия, в «Эмбере» вы исследуете свои прошлые воплощения, а в «Забытом Боге» вы раскрываете «древний заговор», проводя расследование в Атлантиде, Бермудском треугольнике и Розуэлле.

Ни одна из мифических космологии, перекроенных под компьютерную игру, не достигнет величественной банальности героического фэнтези, неомедиевистского жанра с его рослыми меченосцами, бородатыми мудрецами, злорадными драконами и прекрасными принцессами, широко известного как жанр «меча и магии». Достигая своего рода архетипического качества посредством грубых повторов своих собственных шаблонов, этот жанр определяет образное наполнение, ландшафты и жестокие конфликты бесчисленных приключений, ролевых игр онлайн-миров. Он также формирует характер инсайдерских шуток, жаргона и даже психологию многих компьютерных хакеров и маховых интернет-боссов (см. историю Сети в книге Кэти Хафнер и Мэтью

Лайона «Куда в конце концов отправляются колдуны»). Не будет преувеличением сказать, что призраки Темных искров формируют образный фундамент киберпространства.

Сам по себе жанр «меча и магии» — лишь очередной неосредневековый гобелен из тех, которые во множестве развешаны по стенам постмодернистской цивилизации. Умберто Эко в эссе «Новое Средневековье» связывает этот примечательный культурный резонанс с набором общих исторических условий: рост культурного трайбализма, незащищенность, явившаяся следствием крушения Великого Мира, и

«повсеместная утрата различия между эстетическими и механическими объектами». Можно также добавить к этому списку укрепление феодальных черт экономики, поделенной на укрепленные охраняемые частные владения богачей, легионы мужчин и женщин, попавших в корпоративную кабалу, и кочующих «свободных художников». Эко также отмечает, что и средневековая эпоха, и наша собственная поглощены визуальной коммуникацией. Элита живет в мире текстов и логики, а не столь грамотные массы погружены в пропагандистское море образов, транслируемых по универсальным — или «католическим» — коммуникационным сетям. Эко сравнивает готический собор с книгой комиксов в камне, его витражи — с экранами телевизоров, пестрящими христианскими рекламными объявлениями. Без сомнения, Эко бы развеселил широко распространившийся где-то около 1994 года в Интернете пресс-релиз о том, что корпорация Microsoft купила католическую церковь.

Конечно, «Средние Века» меча и магии имеют куда большее отношение к сентиментальной литературе, чем к десяти векам европейского крепостничества, вместившимся между мародерствующими вестготами и черной смертью. Но, как отмечает Эко, Запад фантазирует на тему Средневековья с тех самых пор, как мы выбрались из его мистического чрева на заре Возрождения. В XVI веке Спенсер и Сервантес обратились к рыцарским ландшафтам в своих собственных (очень разных) литературных целях. В середине Века Разума «Замок Отранто» Уолпола (1764) спровоцировал моду на готический роман. Этот средневекистский жанр с его бледной меланхолией, сонмами призраков и мистическими ландшафтами сохранился и по сей день, напоминая о себе в хорроре и научной фантастике. Романтики нагромодили множество разных Средних Веков ради строительства последнего бастиона на пути неистового дымящего индустриализма — от лесных поэм Китса и Шелли до кровопролитного цикла о кольце нибелунгов Рихарда Вагнера и фантастических новелл социалиста-реформатора Уильяма Морриса. Все эти фантазии перекликались с реальной средневековой литературой, изобилующей разными чудесными происшествиями и магическими силами, которые, по-видимому, населяли средневековое сознание. Несмотря на теологический product placement, средневековые истории часто разворачиваются на фоне сочных языческих ландшафтов, унаследованных от кельтской литературы, в фантазмагорическом царстве колдовских чар, эльфов и говорящих деревьев, известном, по крайней мере со времен Спенсера, как Волшебная страна.

В XX веке Волшебное королевство сохранилось лишь в детских книжках, плохом кино и в лесу Халтуры, где штампуются книжки, составляющие рынок современного дешевого фэнтези. И именно в этом пресловутом лесу один смертный набрел на источник цифровой средневекистики: Роберт Э. Говард, техасский пьяница, который все 30-е строчил один за другим брутальные и некромантские книжонки для низкопробных журналов вроде *Weird Tales*. Самая его известная и живая история — это рассказ о Конане из Киммерии, варваре с мечом, который путешествует по разным жутким местам — заброшенным храмам, королевствам змей. И хотя все обстоятельства складывались в пользу Эдгара Райса Берроуза, именно на Говарда можно возложить венок славы (или вину) создателя жанра меча и магии, и его ювенильный дух кровожадного символического самоутверждения живет во многих компьютерных играх и по сей день. Однако примитивные истории Говарда, пожалуй, со временем исчезнут из памяти людской, чего не скажешь о безумно популярном и совершенно особом труде Дж. Р. Р. Толкина, тихого оксфордского профессора средневековой литературы и непоколебимого католика, чья книга «Властелин колец» создает один из самых совершенных миров в истории фантастической литературы. Толкин предельно детализировал свой воображаемый мир Средиземья при помощи песен, языков и фольклора, тщательно проработав социальную экологию эльфов, энтов, людей и хоббитов и мастерски продумав топографию. Работа Толкина демонстрирует ту точку зрения, которую он сам изложил в эссе «О волшебных историях». Великий писатель фэнтези «создает Вторичный Мир, в который можно проникнуть разумом. Внутри него — все рассказанное „истинно“: все соответствует законам этого мира. Поэтому вы верите в него, пока вы там, внутри».

Как и сегодняшние дизайнеры виртуальных миров, Толкин знал, что успешный вторичный мир создается не вольным полетом фантазии, но прорабатывается с помощью творческого метода и эффективной технологии — того, что Толкин называл «эльфийским искусством», умением снимать недоверие к создаваемому одновременно «у творца и у зрителя». Толкин считал это искусство разновидностью магии, но магии «неизмеримо далекой от вульгарных приемов педантов, ученых и чародеев». Как и Жак Эллюль, Толкин оплакивал XX век с его безобразными и в известной степени сатанинскими технологиями, и его падший волшебник Саурон, выковавший кольца власти в огне Роковой Горы, может быть понят как прометеевский маг от техники. Хотя Толкин и недолго любил современный мир, современный мир по-настоящему полюбил его. «Властелин колец» стал блок-бастером в 60-х, породив литературный (и околосредотворительный) бум в жанрах фэнтези и научной фантастики. И именно эти жанры были подхвачены, среди прочих, креативными компьютерщиками, подраставшими в тени мейнфрейма. Мир Толкина пропитал и контркультуру, отчаянно желавшую внести в жизнь собственные магические ощущения. Фаны научной фантастики в Беркли организовали «Общество творческого анахронизма»; для того чтобы заниматься воссозданием Средневековья средствами театра, религиозные отщепенцы по всей земле начали баловаться друидическими ритуалами и кельтской мифологией — все это впоследствии вырастет в американское языческое возрождение. «Властелин колец» не просто зарождает в вас желание уйти в другой мир; оно побуждает вас построить свой собственный.

Аллегорические машины

Толкин умер в 1973 году, в тот самый год, когда двое мужчин со Среднего Запада — Гэри Гайгэкс и Дейв Арнсон — вплели еще одно кольцо в кольчугу техноязыческой образности. Гайгэкс и Арнсон были ярыми поклонниками отличавшихся исторической строгостью стратегических игр Avalon Hill, таких как «Геттисберг» и «Сталинград», военных игр с шестигранными полевыми картами, миниатюрными фигурками и сложными правилами, предназначенными симулировать заданные условия битвы. Эта парочка решила шутки ради переделать средневековую военную игру, привнеся в нее элементы фэнтези, которые были почерпнуты из историй о Конане-варваре и хоббите Фродо. В результате получился гибрид, широко известный под именем «Подземелья и драконы», который его поклонники предпочитают именовать просто D&D (Dungeons & Dragons).

Одна особенность D&D окажется впоследствии особенно важной для всей компьютерной культуры. Игроки, вместо того чтобы осуществлять командирский контроль над армиями с высоты птичьего полета, «играют» отдельными персонажами, создаваемыми при помощи таблиц рас и игровых классов. Можно снимать воображаемую шляпу с головы гнома по имени Глорп, чьи уникальные характеристики определены статистическими показателями навыков, заклинаний, вооружения и характерных черт. Объединяясь с такими же ролевыми приятелями, вы (и Глорп) можете исследовать неосредневековый мир, наполненный подземными лабиринтами и катакомбами. Без какой-либо главной цели вы и ваша разбитная компания отправляетесь на поиски сокровищ или волшебного свитка, выбираетесь из хитрых ловушек, убиваете врагов и уклоняетесь от смертоносных сил, которые могут в любой момент выбить из игры ваш персонаж.

Своим изобретением фэнтезийной ролевой игры (или RPG) Гайгэкс и Арнсон не просто выкроили еще один мир по шаблону Средиземья. Они выстроили готовый инструментарий для прочих «младших творцов» — инструментарий, с помощью которого можно создавать пространства иных миров, где игроки становятся участниками событий. Как понятие, слово фэнтези, конечно же, описывает темную, сказочную логику, присвоенную D&D и львиной долей тех RPG, которые последовали за этим невероятно удачным стартом. Но D&D является также и фантоматической с точки зрения самой технологии, ибо эта игра разворачивается не на доске, а в творческих душах игроков. Соперники не склоняются больше над стратегическими картами, взирая на поле боя глазами бога, — теперь они сами странствуют без схем и планов в симулированном ментальном мире, вызванном к жизни богоподобным повелителем и певцом игры, известным как Хозяин Подземелья. Действуя подобно демиургу, он ведет своих игроков от места к месту по уникальному миру, возникающему в его воображении в соответствии со свободными правилами композиций D&D.

Чтобы представить себе Вторичный Мир Мастера, игроки D&D используют все те же силы творческого воображения, которые употребляли (и которыми злоупотребляли) оккультисты прошлого и настоящего. И действительно, советы, данные в «Учебнике продвинутого игрока D&D», звучат почти как нью-эйджевские инструкции по визуализации или указания по развитию *ars memoria* в духе второсортного кинематографа:

Когда Мастер описывает окружающую обстановку, постарайся набросать ее в своем воображении. Закрой глаза и построй стены лабиринта вокруг себя. Представь хобгоб-лина таким, как описывает его Мастер, с гиканьем скачущего по коридору навстречу тебе. Теперь представь, какой будет твоя реакция в этой ситуации и скажи Мастеру, что ты собираешься делать.

И хотя большинство игроков D&D попросту искали в игре развлечений, во время этих долгих ночей попивания кока-колы и потрошения троллей родилось немало язычников. Помимо оккультных заморочек, которыми полны руководства по D&D и многие RPG, ролевые игры по образу действия напоминают магические ритуалы,

которые также имели место в ограниченном пространстве и времени, управляемых умозрительным исследованием насквозь мифологических сценариев. Это не значит, что игроки верили в свои Вторичные Миры; напротив, они программировали их, используя тщательно разработанную символическую машинерию, чтобы закрепить и структурировать пластичный материал воображения. Для большинства RPG эта машинерия подразумевает пресловутые толстые книги правил, статистические таблицы, разнообразные карты и набор магических игровых костей, которые определяют исход различных споров и столкновений, привлекая к участию случай.

Толкин, возможно, испытал бы отвращение, глядя на всю эту канитель, столь далекую от сказочных историй, которые он любил, и сильно напоминающую «вульгарные приемы педантов, ученых и чародеев». Но одному богу известно, что бы мог подумать этот человек о мейн-фрейме DEC PDP-10, на котором появилась следующая, пожалуй самая странная, операционная среда для Волшебной страны. В середине 1970-х исследователь по имени Дон Вудз работал в стэнфордской Лаборатории искусственного интеллекта — в своеобразном калифорнийском «ящике», где кабинеты носили названия областей

Средиземья, а принтер был оснащен тремя эльфийскими шрифтами. Вудз совместно с Уиллом Кроузером — одной из ярких фигур ранних сетевых проектов — разработал примитивную текстовую приключенческую игру. Основываясь на программе Кроузера, Дон Вудз создал вариант D&D, который называли по-разному — ADVENT, «Приключение» или «Исполинская пещера». В отличие от бойцов D&D, игроки «Приключения» в одиночку спускались в подземный мир, текстовые описания которого появлялись на экране («ВЫ В ЛАБИРИНТЕ НЕБОЛЬШИХ ИЗВИЛИСТЫХ КОРИДОРОВ, ПОХОЖИХ ДРУГ НА ДРУГА»). Вводя незамысловатые команды («ИДТИ НА СЕВЕР», «ВЗЯТЬ ЖЕЗЛ», «УБИТЬ ДРАКОНА»), получая ответы от злойрадной программы («ЧЕМ УБИТЬ ДРАКОНА, ГОЛЫМИ РУКАМИ?»), вы имели возможность разгадать сложные головоломки, отделяющие вас от очередного сундука с сокровищами или подземной комнаты. Как заметил Стивен Леви, «каждое новое „место“ в приключении было похоже на компьютерную подпрограмму, задающую вам логическую задачу, которую предстояло решить».

«Приключение» не просто создало базовую структуру для сотен будущих игр в этом жанре, оно продемонстрировало, насколько успешно с помощью таких педантичных и научных устройств, как компьютер, можно снимать недоверие к моделируемому волшебному миру. Ясные описания, которые дает программа, позволяют вам спроецировать себя в пространство незатейливой прозы (точно так же вы могли бы погрузиться в захватывающую научно-фантастическую повесть), и ее логические петли и алгоритмы делали «символическую машинерию» Вторичного Мира на шаг ближе к естественному порядку вещей. Как поясняет Джулиан Диббель, «для любого, кто углубился в свое исследование достаточно глубоко, мир „Приключения“ становился таким же действенным, как гравитация, и почти таким же убедительным». Превратив PDP-10 одновременно в Подземелье и Мастера Подземелья, Кроузер и Вудз не только нашли особенно притягательный способ взаимодействия с цифровым кодом, но и создали новый вид воображаемого пространства в недрах компьютера.

С благословения своих создателей пиратские копии программы быстро разошлись по различным исследовательским сообществам, связанным через ARPAnet, прародителя сегодняшнего Интернета. Согласно Дейву Леблингу, «на исследовательских участках почти по всей стране встала вся работа. Это было похоже на инфекцию». Оценив потенциальную прибыльность этого пристрастия, Леблинг позже извлек «Исполинскую пещеру» из ее открытого сетевого окружения и переделал в Zork, успешный потребительский продукт, который способствовал старту компьютерной игровой индустрии. И хотя живая и захватывающая графика сегодняшних игр сдвинула на обочину текстовые приключения вроде Zork, цифровые образы мира меча и магии продолжают бряцать оружием в таких популярных фэнтезийных компьютерных играх, как Dragon Warrior, WarCraft II, War Hammer и игры серии Ultima.

Поскольку «Приключение» не скрывало свои текстуальные пространства за графическими образами, в этой игре детально проявляется структура захватывающей фантазматической логики, оформляющей цифровое пространство. Помня об этом, я прошу вас задержаться перед одним из древнейших и почтеннейших образов в истории компьютерной культуры, с помощью которого оформляется первая сцена «Приключения» и с которого начинается путь игрока:

ВЫ СТОИТЕ В КОНЦЕ ДОРОГИ ПЕРЕД НЕБОЛЬШИМ КИРПИЧНЫМ ЗДАНИЕМ. ВОКРУГ ВАС — ЛЕС. ИЗ ЗДАНИЯ ВЫТЕКАЕТ МАЛЕНЬКИЙ РУЧЕЕК, СТЕКАЯ ДАЛЬШЕ В ОВРАГ.

Схематичные и конкретные, эти слова вызывают перед внутренним взором ландшафт, который вам хочется исследовать. Но если мы проникнем в глубины литературной памяти, то этот образ отошлет нас к другому страннику, сошедшему с другой дороги, чтобы пуститься в другое подземное путешествие:

Земную жизнь пройдя до половины, Я очутился в сумрачном лесу...

И Данте начинает свой спуск в исполинские пещеры Ада в первой части своей «Божественной комедии», величайшей аллегорической поэмы Средневековья.

Хотя это и несколько смехотворно — сравнивать возвышенную поэтику с тупой компьютерной игрой, связь Данте и цифрового пространства напрашивается сама собой. Прежде всего, и «Ад» и «Исполинская пещера» имеют явное сходство с виртуальной информационной архитектурой *arg metoigia*. «Исполинская пещера» в разработке Кроузера в действительности выполнена в соответствии с одной из классических рекомендаций для тех самых дворцов памяти: усвоить структуру реального места (в данном случае это пещера Бедкилт в Кентукки) и затем привнести в нее магические элементы и свойства. Френсис Йейтс полагает, что «Божественная комедия» Данте вполне могла бы быть произведением искусства памяти, поскольку напряженное визуальное и почти тактильное путешествие через структурированные слои загробного мира отвечает классическому правилу «расстановки образов по требованию места».

По мере продвижения по слоям его неоплатонической католической космологии, Данте ведет архетипическое повествование о виртуальной душе и ее пути от грешного состояния к спасению. В то же время поэма представляет собой небольшую образную энциклопедию: в ней есть отсылки к древней мифологии, философии Фомы Аквинского, автобиографии автора, итальянской поэзии, флорентийской политике. Американский поэт-лауреат Роберт Пински, который в 1984 году занимался созданием текстуальной компьютерной игры в приключенческом стиле по мотивам текста Данте, заметил, что «Божественная комедия» — это поэтическое информационное пространство. Не так давно Digital Dante Колумбийского университета начал «перенос» этого произведения на мультимедийный веб-сайт, который объединяет тексты, изображения, аудио- и видеосюжеты и гиперссылки, расставленные на основе различных комментариев к тексту. Участники проекта избрали «Божественную комедию» основой для своей «иллюминации XXI века», потому что «Данте как поэт понимал всю силу образов культуры и архитектурных пространств».

Данте был, кроме того, мастером аллегории, литературного и художественного приема, который использует конкретные образы, наборы персонажей и ландшафтов, чтобы с их помощью представить абстрактные отношения между идеями, обыкновенно морального или религиозного свойства. Например, у душ завистников, которые искупают свои грехи на второй площадке горы Чистилища, веки сшиты между собой. Эта причудливая деталь говорит о прегрешении, когда человек смотрит на все вокруг с завистью. Таким образом, аллегии — это парадоксальный способ пояснения концепций при помощи символов. Как отмечает филолог Ангус Флетчер, аллегии часто встречаются в фантастических, почти психоделических ситуациях — в сновидческих и визионерских мирах или футуристических сценариях, в которых магия становится супернаукой будущего. В то же время аллегии бывают сухими и схематичными, поскольку они стремятся

скорее продемонстрировать абстрактные или логические отношения между концепциями, нежели уникальные переживания персонажей или бурную силу чистых образов. Поэзии Данте, однако, это не касается. Исключительно популярная христианская аллегория Пола Баньяна «Путь паломника» читается как безупречно выверенный катехизис. В действительности многие персонажи в аллегорических текстах настолько запрограммированы, что даже носят название «аллегорических машин».

Во многих отношениях «Приключение» (и бесчисленные игры в том же жанре) погружают игрока в аллегию от первого лица. Подобно Данте или странствующему рыцарю в «Королеве фей», чье окрещение Колридж описывает как «ментальное пространство», вы путешествуете по строго выверенным и в то же время сновидческим ландшафтам, скроенным из фантазмов. И за этими образами кроется гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд: ключи и абстрактные связи, которые, будучи вскрыты, запускают вас в более глубокие слои игрового пространства. Персонажи, с которыми вы имеете дело, — это в буквальном смысле «машин», запрограммированные демонические агенты, с которыми вы должны бороться, чтобы продолжить свой путь.

Конечно, «Приключение» и его более грубые предшественники едва ли затрагивают область религиозных или даже моральных вопросов, хотя в игре AfterLife 1996 года фирмы Lucas Arts игрокам предлагается взять в свои руки управление душами в мире, похожем на Ад, Чистилище и Рай Данте. Но если образы этих игр не являются аллегориями добродетелей и пороков, что же тогда они кодируют? Стивен Леви в книге «Хакеры» дает понять, что «в каком-то смысле „Приключение“ было метафорой компьютерного программирования как такового — глубокие расщелины, которые вы исследовали в этом мире, были родственны основным, самым темным уровням машины, внутрь которой вы путешествовали, когда прорубались через коды ассемблера». Шерри Тёркл, психолог из МТИ, поясняет, что поклонники этой игры «находят сходство между эстетикой построения большой комплексной программы с ее древообразной структурой, подпрограммами и подподпрограммами — и поиском пути в четко структурированном, сконструированном мире лабиринтов, магии и потайных, спрятанных комнат». «Приключение» — это не аллегорическая машина, это аллегория машины.

Ангус Флетчер определяет аллегию как «фундаментальный процесс кодирования нашей речи», компьютеры же — это не что иное, как иерархии кодированного языка. В глубинах этого цифрового подземелья лежат физические циклы, пульсация энергии которых реализует базовый двоичный код. Поскольку «машинный язык», который управляет этим кодом, чертовски труден для понимания, компьютерщики давным-давно ввели контрольные «наречия», вроде языка ассемблера и систем высокого уровня, таких как MS-DOS, UNIX и C++. Эти позднейшие «языки» состоят в довольно тесном родстве с естественными языками, такими как английский. Несколько удачно размещенных слов способны держать под контролем груды машинного кода. На самой вершине этой лингвистической горы находится залитый солнцем мир пользовательского интерфейса, который в случае «Приключения» был всего лишь текстовым экраном и простеньким анализатором, интерпретировавшим действия, вводимые игроком с клавиатуры. Пользовательский интерфейс — это тот уровень, на котором действует большинство из нас, непосвященных, порой даже не задумываясь о густых зарослях, скрывающихся за ним.

В каком-то смысле любой пользовательский интерфейс можно рассматривать как интерактивную аллегию компьютера. Когда инженеры Apple разработали Macintosh и его графический пользовательский интерфейс (GUI), они заменили сухой мир командных строчек и «подсказок» DOS миром простых изображений-симулякров. Macintosh скрыл рабочие внутренности компьютера за аудиовизуальной метафорой «рабочего стола» с его папками, корзинами и иконками, которые служили активными и интуитивно схватываемыми представлениями внутренних процессов компьютера. Эти изображения завоевали

небывалую популярность среди части пользователей без технического образования, и, по мере того как компьютеры и Интернет продолжают завоевывать мир, мы вполне можем рассчитывать, что пользовательские интерфейсы, включая браузеры, веб-сайты и панели управления программами, увлекут нас еще дальше вглубь этой образной симуляции и отодвинут нас еще дальше от пространства двоичных кодов, где происходят «реальные» процессы. Возможно, наши прирученные цифровые метафоры однажды выльются в целые аллегорические ландшафты, и тогда рабочие столы, окна и браузеры превратятся в трехмерные миры, которые приводятся в действие демоническими силами и порталами между разными измерениями, которые скрывают под собой нижние слои чисто логических протоколов.

Идет ли речь о терминалах рабочего стола, или о пакетах программ, или о сетевых браузерах, именно хорошие интерфейсы являются нашими посредниками в гиперпространстве информации, так что мы уже не можем потеряться в нем, но при этом мы еще не способны отказаться от привязанности к другим средствам информации или к повседневному миру. Как отмечает пророк гипертекста Тед Нельсон:

Однажды мы оставим позади «двумерность» (виртуальную бумагу) и даже «трехмерность» (виртуальные стеллажи), мы вступим в другой мир, мир представления истинной структуры и связности информации. Чтобы представить эту истинную структуру, мы должны наметить черты многомерных и множественных связей между сущностями.

Замечание о том, что информация имеет «истинную структуру», является основным мотивом в метафизике информации, но здесь Нельсон поднимает более глубокий вопрос: как можно представить подобный многомерный мир? В надежде сконструировать обширную, лабиринтоподобную библиотеку взаимосвязанных документов, Нельсон, совершенно в духе научной фантастики, говорил о «червоточинах» между документами, однако название нельсоновского проекта — Xanadu — и тот факт, что после десятилетий исследований он по-прежнему блуждает в тумане, указывают на то, что подобные представления являются чем-то вроде Святого Грааля. В действительности мы все еще не продвинулись дальше разработок Алана Кея, исследователя из Xerox PARC, который создал выпадающие меню, папки и иконки, заимствованные Стивом Джобсом для Macintosh. Уже в 1990 году в статье о дизайне интерфейсов Кей выступал с критикой простых визуальных метафор, таких как «корзина». Он утверждал, что магия и театр могут предоставить гораздо более подходящие модели для конструирования надежных и ясных пользовательских интерфейсов. В качестве примера Кей анализировал ныне вполне «естественную» метафору экрана терминала как куска бумаги, на котором мы ставим пометки. «Надо ли нам было реализовать метафору бумаги настолько полно, чтобы стирать и исправлять пометки на экране было бы так же трудно, как и на бумаге? Понятное дело, нет. А если это волшебная бумага, то, значит, эта легкость — важное магическое свойство».

Акцентирование Кеем магии указывает на то, что сверхъестественные метафоры, пропитавшие технокультуру, могут иметь более прочную основу, чем привязанность хакеров к комиксам о Песочном Человеке или их любовь к D&D. Эти метафоры разрастаются и набирают силу оттого, что, как заметил Уильям Ирвин Томпсон в дискуссии о компьютерных играх, «общепринятое материалистическое мировоззрение недостаточно утонченно для того, чтобы иметь дело со сложной многомерной вселенной, в которой все области взаимопроникают и окутывают друг друга». Фантаст Вернор Виндж приходит к похожему выводу в великолепном рассказе «Истинные имена», нарисованная в котором картина сетевого виртуального мира на три года опередила «Нейроманта». В отличие от яркой неоновой сетки гибсоновского ки-бернпространства, Другой План в рассказе Винджа напоминает толкиновский мир болот, замков и магии, это полуобразжаемая среда, которая частично генерируется с помощью электронных сигналов, стимулирующих работу «воображения и подсознания» у облепленных электродами пользователей. Хакеры Другого Плана объединяются в группы,

подобные шабашам ведьм и колдунов, а на одном из поворотов сюжета они рассуждают, каким образом магические метафоры стали преобладать в «пространстве данных»:

Лайми и Эритрина утверждали, что эльфы, перевоплощения, колдовские чары и замки были самыми настоящими — гораздо более настоящими, чем атомистические представления XX века об информационных структурах, программах, файлах и коммуникационных протоколах. Они говорили, что сознанию гораздо удобнее пользоваться глобальными идеями магии как опознавательными знаками, с помощью которых можно манипулировать этой новой средой.

Одна из причин этого удобства заключается в том, что аллегорический и иероглифический язык магии неплохо справляется с тем фактом, что Другой План состоит одновременно из двух, по меньшей мере, уровней реальности. Описывая восприятие героя, идущего на Шабаш, Виндж пишет, что, когда его сознание отмечает узкий ряд камней, его «подсознание, обрабатывая программные связи между информационными сетями, знает, что изображают эти камни». Таким образом, Другой План опрокидывает наше нормальное состояние сознания. Здесь есть сознание, которое движется по архетипическому воображаемому пространству, и подсознание, которое действует в логике информационных процессов.

По мысли Винджа, эти причудливые техномагические образы исполняют те же функции, что и странные, притянутые метафоры повседневного мира компьютерного программирования. В работе «Человек Тьюринга» Джей Дэвид Болтер цитирует компьютерного специалиста Фредерика Брукса: «Программист, как поэт, работает, чуть отступив от ясного способа мысли. Он строит свои воздушные замки усилием воображения... И все же конструкция программы, в отличие от слов поэта, реальна в том смысле, что она крутится и работает, производя видимую продукцию, отдельную от самой этой конструкции». Эти слова нельзя назвать исчерпывающим определением поэзии, но они определенно отражают виртуальное вдохновение мага. Неудивительно, что первоклассных программистов и неофитов UNIX долго называли «колдунами» или что полуавтономные программы ОС UNIX, которые начинают действовать сами по себе, называют «демонами». «Хакеры» Стивена Леви избобливают вольными отсылками к колдовскому искусству, а «Новый словарь хакера» дает определения таким понятиям, как «заколдованная программа», «пляски с бубном», «шаманить» и т. п.

Подобные метафоры заразили мир компьютерного хакерского андеграунда. Когда юные цифровые проказники начинали «прорываться» в анонимные компьютерные системы через дэйл-ап, они во многих отношениях просто играли в онлайн-овое приключение. В самом деле, эти хакеры часто выбирали для себя яркие, злобные клички, часто заимствованные из мира меча и магии. Предприимчивые молодые люди, такие как Эрик Кровавая Секира, Черный Магг, Керранг Хан, Мародер и Рыцарь-Молния, объединялись в подпольные группы, которые называли себя «Легион Страшного суда», «Рыцари Тени» или «Генералы Империи». Брюс Стерлинг в книге «Хакерский взлом» отмечает, что Урвиль, известный хакер из Атланты, был к тому же и фанатичным мастером подземелий, который «едва ли проводил границу» между фэнтезийной игрой и киберпространством. Агенты спецслужб, заполучившие личные бумаги Урвиля, обнаружили в них ролевые сценарии вперемешку с накарябанными от руки записями о его вторжениях в реальные компьютерные системы.

Сценарий «Истинных имен» включает также конфликт между агентами государства и свободными информационными торговцами Другого Плана, конфликт, который Виндж излагает в терминах криптографии. Винджевские хакеры не пользуются американскими правительственными шифровальными схемами, они используют схемы, просочившиеся из академии АНБ, «несмотря на ее раздражительные протесты». Виндж словно предвидел: спустя десятилетие после выхода его рассказа федеральное правительство и цифровые либертарианцы оказались вовлеченными в похожие дебаты по поводу стандартов шифрования,

секретности и сетевой безопасности. Со своей стороны федералы потрясали обычными пугалами (террористы, наркоторговцы, педофилы), чтобы заверить общественность, что АНБ и другие государственные агентства должны в виде «черного хода» иметь доступ к любой компьютерной системе или электронным письмам, которые их интересуют. В ответ свободная сеть онлайн-адвокатов, деловых людей и нечесаных «киберпанков» подняла крупную шумиху, а в это время в Интернет просочились многочисленные мощные доморощенные шифровальные программы.

Хотя магические метафоры и секретные коды работают в соответствии с совершенно различными правилами, с исторической точки зрения они не являются чем-то отдельным. Возьмем, к примеру, магические формулы «Steganographia», блестящего криптографического текста, написанного загадочным Тритемиусом из Вюрцберга. Тритемиус, родившийся в 1462 году, был необыкновенным ученым, гуманистом, который принял руководство монастырем в Спонхейме в нежном 23-летнем возрасте. Демонстрируя инфоманию, свойственную столь многим герметистам, Тритемиус превратил монастырский читальный зал с сорока восемью книгами в обширную библиотеку из почти двух тысяч томов. Одна только его коллекция оккультных текстов делает эту библиотеку одной из лучших во всей Германии. Этот человек был также подкован в создании секретных кодов; копия его «Polygraphia», новаторской, хоть и примитивной книги по секретному письму, сегодня находится в музее АНБ под Вашингтоном.

Гораздо интереснее текст «Steganographia», по-видимому явившийся Тритемиусу во сне. Хотя две первые книги этой популярной и авторитетной работы поначалу казались компендиумом заклинаний, спустя значительное время их стали рассматривать как системы для шифрования сообщений; таинственные заголовки в начале каждой главы книги просто указывают, какой способ дешифровки необходимо использовать. Однако в третьей книге Тритемиус публикует сложную систему астрологической магии, которая использует различные виды нумерологических ключей и эзотерических алфавитов, употреблявшихся чародеями и каббалистами для связи с астральными сущностями. Кроме того, Тритемиус описывает, как образы различных космических сил можно отпечатать на воске, чтобы завладеть их энергиями и манипулировать ими. Несомненно, цель аббата заключалась в дистанционной коммуникации через эфир — не меньше. Он заявлял, что его восковые образы и заклинания смогут создать астральную линию связи, которая с помощью сатурнианского ангела Орифиэля обеспечит доставку ментальных сообщений за сутки, совсем как Почтовая служба США. Более того, код Тритемиуса служил средством приобретения универсального знания, знания «всего, что случается в мире». Хотя недавно обнаружилось, что третья книга «Steganographia» тоже оказалась не более чем тщательно продуманной криптограммой, это разоблачение не сумело рассеять тень, нависшую над кодом аббата. Для чего Тритемиусу могла понадобиться эта маскировка криптографии под черную магию, если черная магия могла принести ему (и принесла) такие серьезные проблемы?

Для авантюрных математических и оккультных умов Возрождения астральное программирование ни в коем случае не ограничивалось зодиакальными архонтами. Используя детально проработанную и тщательно закодированную систему теургической магии, придворный астролог королевы Елизаветы Джон Ди тоже занимался поиском «общества и знания Ангелов Божиих». В качестве исполненных веры вестников света, посредников божественного всеведения, ангелы были настоящими информационными агентами — бестелесными, рациональными, свободными от человеческих страстей. Контакт с ними мог открыть врата невидимого космоса знания, тех абстрактных сфер космоса неоплатоников, которые, по мысли Ди, нащупывала математика и оккультное знание. Ди составил знакомство с ангелами при помощи одного мошенника по имени Эдвард Келли, который заявлял, что видит этих существ на поверхности «зрительного камня». Ди и Келли коммуницировали со своими даймолическими компаньонами посредством запутанного, но лингвистически последовательного ангелического, или

енохианско-го, языка, однако Ди так и не нашел способа узнать, являются ли его онлайн-приятели ангелами или замаскированными под них злыми демонами. Чтобы разобраться в этой виртуальной двусмыслице, которая слишком хорошо знакома большинству из нас, благочестивый Ди потратил большую часть онлайн-времени на попытки установить истинную личину ангелических собеседников, с которыми его свела судьба.

Оккультисты продолжают спорить по поводу психологического статуса опытов Ди; многие сходятся на том, что Келли попросту провел его. Но это и неважно. С точки зрения цифровой реальности мы сегодня стоим на пороге того же, для чего были предназначены енохианский язык Ди, астральные шифрограммы Тритемиуса, Другой План Винджа, цифровые аллегории «Приключения» и механическая память Бруно, — перед задачей отобразить невыразимый сгусток странных межпространств, которые прорываются наружу, когда сны, мечты и фантомы пробивают границы информационного пространства. Хотим мы этого или нет, но магические метафоры начинают множиться почти что сами по себе, когда мы пытаемся наладить взаимодействие с «ментальным пространством» информации и картографировать его «подлинную» многомерную структуру. Но что происходит, когда вы встречаете реальных людей внутри подобной коллективной галлюцинации? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны обратиться к тому чуду инженерии, над которым работал Уилл Кроузер, когда он не лазил по пещерам «Приключения», — к компьютерным сетям.

Подземелья и виртуалы

В том же 1979 году, когда Виндж написал свои «Истинные имена», два студента британского Эссекского университета, Рой Трабшоу и Ричард Бартл, построили сетевую игровую систему, которая предоставляла разным людям на разных компьютерах одновременный доступ к одной и той же базе данных. Они назвали свой текстуальный мир Многопользовательским подземельем [Multi-User Dungeon, MUD], и он переносил игроков, подключенных к университетской сети, в игровое пространство, подобное «Приключению» и известное попросту как «Страна» [The Land]. Как и в «Приключении», компьютерный экран выступал в роли текстового окна в мир, полный колдовских чар, сокровищ и сражений в духе Нового Средневековья. По прочтении описания вашего непосредственного окружения (и всех объектов, которые вы могли подобрать, купить или стянуть) вы вводили направление вашего движения, и на экране появлялся новый текст с описанием вашей новой дислокации. Но помимо этого вы могли повстречать несколько отчаянных гномов и воинов — персонажей, отыгрываемых реальными людьми, ссутулившимися над клавиатурами где-то в сети Эссекского университета. Когда пути двух персонажей пересекались, они читали описания друг друга, после чего могли завязать разговор или начать махать топорами за имущество друг друга. Таким образом, Трабшоу и Бартл перенесли ролевые игры в онлайн, дав жизнь двойникам киберпространства, за которыми в конечном счете закрепилось название аватар, цифровым двойникам, которые олицетворяли присутствие пользователя и наглядно представляли его или ее перед другими виртуальными обитателями цифровой среды.

Несмотря на долгие задержки в передаче данных и нарушение устной традиции D&D, ролевые игры и сетевые компьютеры зажгли огонь, и это был огонь чистилища. Бартл распространил коды MUD по всему миру, и в течение следующих нескольких лет другие умельцы кода наплодили похожие программные системы с похожими дурацкими названиями вроде MUCK, MUSH и MOO. Эти ранние MUD'ы обыгрывали вариации на тему мечей и магии. Проводя бесчисленные часы за выполнением простых, но затягивающих заданий — избежать смерти или убить кого-то, — кровожадные студенты, составлявшие основную массу MUD'еров, могли накапливать богатства и очки опыта, что позволяло им взобраться на вершину социальной иерархии MUD. По приближении к высшей ступени и приобретении вожденного статуса мага MUD предоставлял игрокам возможность прямого контроля над его базой данных. В некоторых системах «волхв» мог дослужиться до «бога» — демиургического системного администратора, который переписывал и администрировал мир и мог менять его основные свойства и правила по своей воле.

Таким образом, MUD'bi служили своего рода игровыми космологиями, их уровни личной власти символизировали и ступени лестницы корпоративного мира, и масонские градусы, проходя которые новички получали новые эзотерические степени, увеличивавшие их духовное могущество. Действие многих MUD'ов разворачивалось в воображаемых мирах, построенных на основе фэнтезийного или научно-фантастического материала: «Звездного пути», мира Толкина или «Всадников драконов Перна» Энн МакКефри. Буквализируя средневековую метафору мира как книги, эти так называемые «тематические MUD'ы» пересаживали персонажей, социальные условия и географию фантастического жанра из литературных произведений в интерактивную виртуальную среду. Как и в случае с космологиями, до основания пропитанными средневековым миром, тематические MUD'ы давали игроку возможность проявить свой творческий потенциал в рамках общей мифологии.

Грубые «рубильные» игры с маниакальной тягой к насилию, сокровищам и наращиванию власти преобладали в мире MUD'ов до 1989 года, когда выпускник колледжа Карнеги-Меллона по имени Джеймс Эспнес изменил природу этой игры. Эспнесовский TinyMUD отказался от строгой иерархии уровней, от регистрации очков опыта, истребления персонажей и, что самое замечательное, позволил игрокам участвовать в постоянно продолжавшемся конструировании MUD-

пространства. Хотя автор TinyMUD не собирался переплюнуть другие ролевые игры, он тем не менее начал привлекать сетевиков (причем многие из них были женского пола), которым было не особенно интересно рубиться с троллями. Со своим эгалитарным творческим подходом в стиле «сделай сам», заложенным на программном уровне, TinyMUD приобрел социальный статус, а игроки стали членами этого общества. Так из узколобых побоищ родились игры в жизнь: в товарищество, секс, болтовню, споры и политические дискуссии, большинство которых вертелись вокруг правил и регуляции самих MUD-сообществ.

Хотя эти новые миры старались дистанцироваться от своих «драчливых» предков, магические метафоры все еще были близки им, просто потому, что они соответствовали причудливым правилам социальной реальности, определявшим ход жизни в MUD: способность менять форму, телепортация, телепатическая связь на расстоянии и в особенности возможность изменять мир словом. В MUD'ах язык перформативен: передача сообщения о том, что вы едите курятину, и означает, что вы едите курятину. Технически подкованные MUD'еры научились манипулировать скрытым языком программирования, создавая големоподобных существ, своих двойников или независимых наблюдателей, блуждавших по миру. Как писал Джулиан Диббель в статье о виртуальном насилии в MUD LambdaMOO, язык MUD апеллирует к допросвещенческому принципу магии слова: «Команды, которые вы вводите в компьютер, служат своего рода речью, которая не столько служит целям коммуникации, сколько заставляет вещи случаться, непосредственно и неотвратно». Или, как говорил один MUD'ер-язычник автору этой книги: «Если вы рассматриваете магию в буквальном смысле слова, как воздействие на ход вещей в мире по воле мага, тогда простое пребывание в MUD магично».

Тем не менее социальные MUD'ы прозвенели для традиционного образа меча и магии похоронным звоном. В анархическом гвалте таких миров, как LambdaMOO и PostModern Culture MOO, пользователи сшивали свои аватары из комиксов, модных журналов или рок-поэзии, а пространства, которые они выстраивали, были похожи на коллажи из конструкций Lego, концептуального искусства и сообщений различных масс-медиа. Не имея каких-либо общих целей или мифов, социальные MUD'bi стали почти такими же фрагментарными, гетерогенными и посредственными, как уличная жизнь или, по крайней мере, как жизнь в студенческом кампусе. Такой ход развития не везде был оценен по достоинству. Для многих боевых MUD'еров лишение их персонажа возможности умереть понизило в цене саму жизнь в MUD, поставив ее на один уровень с праздными шутками комнатных игр или чатов, популярных в других областях Интернета. Их аргументация взывает к самому сердцу онтологии аватар: отождествляем ли мы себя с нашими онлайн-двойниками потому, что они раскрепощены и свободны, как мы сами того желаем, или потому, что они стеснены и несвободны, так же как и мы в реальности? Для старой школы MUD'еров разница между персонажем и игроком всегда была жизненно важной, хотя и не всегда кристально ясной. Но социальные MUD'bi во многом стирали это различие, создавая новые странные возможности для онлайн-поиска идентичности и взаимодействия.

Как только со сцены сошел Танатос, Эрос поспешил занять его место. Многие социальные MUD'bi становятся рассадником романтики, и фехтование уступило место ощупываниям и перепихиваниям, влажной и упругой смеси телефонного секса и похабных эротических писем на онлайн-лад. Тем не менее эти виртуальные сношения продолжали смешиваться с оккультной энергией фантазма. В конце концов, неоплатоническая космология средневекового Запада во многих отношениях опирается на Эрос, который в широком смысле означает жизненную силу и красоту наравне с сексуальной привлекательностью. Именно Эрос проводит магнетические силовые линии, которые отыскивали алхимики и герметики, чтобы попасть в поток космических сил и получить возможность насыщать чары на людей. Подобное волшебство не покидает и нас, хотя мы и втапываем в грязь герметическое мировидение. Для людей в приступе смятения или сексуальной одержимости Другой приобретает демоническую силу, способную свести нас с ума, толкая на приключения, которые чаще всего питаются бесконечными мечтаниями и надуманными страстями. Как захватывающие призраки порнографии брали Сеть

штурмом, точно так же и феномен похотливых фантазий странным образом разросся в электро-эротическом трёпе MUD'ов и онлайнowych чатах. Лишенные визуального контакта и погруженные в двусмыслицу текстовых самоописаний, виртуальные любовники зачастую оказывались вовлеченными в соблазнительную и неопределенную игру взаимных проекций и тантрических комбинаций.

MUD'ы пробуждали и более широкий набор желаний, позволяя людям конструировать новые личности и экспериментировать с ними в настоящем социальном пространстве. Шерри Тёркл определила это так: «Когда мы переступаем границу экрана и оказываемся в виртуальном сообществе, мы воссоздаем нашу личность с другой стороны зеркала». Смена полов — вот яркий пример подвижности «я» в MUD-пространстве, где относительно фиксированная идентичность, которая структурирует нашу повседневную жизнь, плавится в случайной игре масок, характеров и имиджей. Многие MUD'еры заводят нескольких персонажей или «морфируют» в разных героев в течение одного игрового захода: оборотень, бродяга, японская школьница по имени Кеико. В MUD'ах мы не просто имеем дело с призраками — мы становимся ими.

Во время этого суматошного самоэкспериментирования человеческая идентичность подвергается риску распада. Пышный букет сексуальных возможностей и телесных изменений ввергает нашу стабильную личность из плоти и крови и определенного пола в пучину сомнений, тем более что успехи биохимии, генетики и психофармакологии свидетельствуют о том, что многие элементы нашей личности являются не более чем гармоническими сочетаниями нейрохимического и генетического материала. Личность буквально разваливается на части. Случаи множественного персонального синдрома встречаются все чаще с начала 1980-х годов, так же как и фиксированные случаи предмортального опыта, общения с духами и похищения пришельцами. В то же время на другом конце культурного спектра многие влиятельные теоретики постмодерна с шумом атакуют понятие аутентичности, или человеческой сущности, утверждая, что идентичность в действительности множественна и представляет собой подвижный «социальный конструкт», сбитый при участии массы изменчивых культурных и исторических сил.

По большей части эта аргументация вполне может быть названа эзотерической, но наша чрезвычайно опосредованная технологическая среда сама вполне может вызывать постмодернистский кризис идентичности в массовых масштабах. Тёркл цитирует психолога Кеннета Джерджена, который описывает «насыщенное Я», возникающее сегодня, когда технологии коммуникации позволяют нам «колонизировать головы друг друга». Мы начинаем воспринимать себя как своеобразные переключатели в обширных цепях образов, голосов и информации, как если бы границы нашего «я» растворились в аморфных системах информационных потоков. Подобно «субъекту», препарированному теоретиками постмодерна, онлайнowe «я» также постоянно находится в процессе конструирования.

Однако псевдосредневековый источник онлайнowych аватар указывает на то, что постмодерновое виртуальное «я» может принять премодерновую окраску. Герои, которыми люди заселяют MUD'ы, напоминают не только о цифровых графических средствах, которые подарили нам плавающего полицейского из «Терминатора-2», но и о превращениях в «Метаморфозах» язычника Овидия.

Многие MUD'еры и другие онлайнowe экспериментаторы могли бы вслед за магом Туаном Маккэйрилом из ирландской саги «Поход Брана» распевать такую бодрую песенку: «Сегодня — ястреб, вчера — кабан, / Какое чудное непостоянство!» Это песня шамана, и архетипическую популярность его фигуры в сегодняшней духовной культуре нельзя попросту приписывать романтике нью-эйджа. Шаман меняет облик, соединяется с животными и нечеловеческими космическими силами и даже может менять пол посредством переодевания и других трюков. Более того, шаман может оставить свое тело, чтобы войти в безграничное нематериальное пространство души, полное образов, информации и сущностей, многие из которых довольно враждебны и лживы. Конечно, шаман возвращается из недр земли с

лечебными средствами, чтобы поддерживать здоровье своего племени, а мы с больными глазами и ноющим запястьем возвращаемся с прогулок по MUD или после ночи сетевой страсти, зачастую замечая странную утечку жизненной силы.

Вопрос о том, какие психологические, социальные и даже духовные последствия влечет за собой широко распространенная традиция аватар, по-прежнему сложен. Скрывают ли эти маски наше «я» или являются фигурами Желания? Может быть, они — энергетические вампиры? Или одноразовые фишки в компьютерных играх? Как мы можем установить с ними связь? Какова их онтология? С этих позиций тот факт, что цифровые двойники получили название аватар, кажется не таким уж и случайным. Понятие из индуистской религии впервые использовал талантливый дизайнер компании Lucasfilm Чип Утренняя Звезда: он обозначал этим словом простые мультипликационные фигурки, которые игроки использовали для передвижения по Habitat, исключительно популярному многопользовательскому виртуальному миру, разработанному в Японии фирмой Fujitsu. Термин приобрел широкую популярность, после того как Нил Стивенсон использовал его в своем хитовом научно-фантастическом романе «Лавина» для описания цифровых костюмов домашнего изготовления, которые люди надевали в онлайн-овом виртуальном мире под названием Meta-verse, густонаселенной какофонической вселенной, куда более правдоподобной, чем холодные гибсоновские геометрические решетки. Аватара переводится буквально как «спуск», и в индуистской традиции этот термин обозначает различные воплощения, которые бог может принимать в этом мире. Некоторые индуисты верили, что Рама и Будда были аватарами бога-творца Вишну. Аватары обладают двойной идентичностью. С одной стороны, они отделены от божества, при них остается лишь часть божественного духа. Но с другой стороны, аватары неотделимы от божества, поскольку божество остается в постоянной связи с тем, к чему оно прикоснулось. Копируя эту противоречивую схему тождественности и разделенности, сегодняшние виртуалы перевернули ее с ног на голову: сегодня мы развоплощаемся в бесплотные «богоподобные» формы, хотя еще неизвестно, как понимать эту проекцию — как восхождение или как спуск, как восхождение на вершину Чистилища или как падение в Ад. Сильным индуистским йогам киберпространство может показаться лишь свежим слоем майи, частью покрывала иллюзии, которое искажает наше восприятие реальности. В их безмятежных глазах карманные вселенные, которые мы строим из правил и пиксельной пыли, окажутся лишь снами внутри сна, лабиринтом беспорядочных желаний, которые уводят все дальше и дальше от Истока.

Зов чужого

Химеры онлайн-жизни, быть может, и проникают в души кибернавтов, но они не выдерживают никакого сравнения с теми фантомами, что преследуют иных смельчаков во внешнем мире. И хотя западная потребительская культура прилагает все усилия для того, чтобы объединить сердца и умы землян под единой крышей спутниковых сигналов и окружить их стенами логотипов, все большее число американцев оказываются вообще за бортом общепринятой реальности. Буквально миллионы людей верят, что инопланетные корабли бороздят небесные просторы, что духовные телефонные сети принесут им благо или, подобно христианам-возрожденцам, что Бог восхитит их на небо в лучах сияния и что сразу же вслед за этим начнется мировой пожар Апокалипсиса. Тысячи обычных во всех прочих отношениях граждан заявляли о столкновениях со светящимися ангелами, подпольными сатанинскими культами, Девой Марией, черными вертолетами, чупакабрами и инопланетянами с миндалевидными глазами, вооруженных приборами для анального зондирования.

Многие из нас готовы с удовольствием списать все эти случаи на нервное расстройство, несварение желудка, низкий уровень образованности или редакционную политику Weekly World News. Но чем тщательнее вы присмотритесь к этим явлениям и ко многим из тех людей, которые столкнулись с ними, тем сложнее вам будет отделить этот сдвинутый мир от здорового. В конце концов, мы живем в эпоху странных погодных явлений, клонированных овец, марсианских камней, квантовых компьютеров, трансплантатов, психотронных машин, астероидов, угрожающих планете, нанотехнологий и глобального электронного мозга. Нам часто кажется, что наш шарик вот-вот даст трещину, что реальность уже окончательно расстроена и никому до нее, как обычно, нет дела. Горизонт истории загибается, образуя асимптоту, и, стоя на его искаженном краю, остается лишь с безумием в глазах следить за приближением зловещих теней чего-то неизъяснимого, но ужасающего. Древние картографы по краям известных территорий в таких случаях обычно писали: «Здесь водятся драконы».

Из всех драконов, подстерегающих у границ постмодернистского сознания, ничто другое не оставляет таких загадочных и таких идиотских следов, как НЛО. В течение последних пятидесяти лет летающие тарелки с их демоническими экипажами разбивались, пролетали на бреющем полете над кукурузными полями, передавали сообщения о нашей скорой гибели и скором спасении, высасывали до капли кровь у коров, вступали в сговор с военными, вставляли подсознательно считываемые сообщения в фильмы категории В, воровали эмбрионы у истинно верующих домохозяек, соврашали бразильских фермеров и исследовали отверстия организмов у писателей романов ужасов. И хотя общественный интерес и число свидетельств неоднократно менялось за последние пятьдесят лет, НЛО и пришельцы снова будут поджидать нас, когда мы достигнем пика миллениума, в немалой степени благодаря постоянному присутствию в информационных каналах, которое даже голливудских актеров превращает в надоедливую рутину.

Являясь, по сути дела, супермашиной, НЛО явился непосредственно из сияющего ядра послевоенной технокультуры, и традиция предания, выросшая вокруг инопланетных кораблей как внутри, так и за пределами индустрии культуры, вылилась в самую визионерскую поп-мифологию, которая напрямую затрагивает технологический аспект. Вы не должны легкомысленно относиться к этому слову — мифология, даже если вам удастся уложить НЛО в ту же канву, что и детсадовские откровения о супергероях или крокодилах, живущих в канализации. Следует помнить, что первые «мифологи», вбежав в пещеру с испуганными глазами, бормотали что-то о той штуковине снаружи. Для тех людей, которые превосходно помнят, как пришельцы с холодными пальцами подбирались к их кровати, научно-фантастические обороты не в счет. Обладая феноменологическим ядром, предание об инопланетянах является чем-то большим, нежели, скажем, вера в приметы и прочий фольклор, и искренность этих заявлений заставляет вспомнить сами основы, на которых зиждется мифотворчество и религия. Карл Юнг в своем пророческом исследовании 1959 года «Летающие тарелки»

утверждал, что НЛО является современным архетипом, выплеснувшимся из коллективного бессознательного: «В религиозном опыте человек лицом к лицу сталкивается с ошеломляющим до глубины души Иным». Высокотехнологичная драма с участием НЛО является именно таким мистическим столкновением, порождающим небылицы о визитерах из другого мира, в основе которых лежат апокалиптические и в высшей степени гностические мотивы.

С таких позиций вопрос о том, является ли НЛО «реальным» объектом или нет, является в одно и то же время и слишком грубым, и слишком философским, в зависимости от точки зрения. В течение пятидесяти лет так называемые «полевые уфологи» снимали образцы дерна, рисовали диаграммы и следили за появлением и исчезновением, как им казалось, материальных механизмов, явившихся из бездн космоса. Прилагая отчаянные усилия к тому, чтобы сделать НЛО законным объектом научного исследования, эти герои попросту вторили буквализму скептиков, чьи социологические сводки и критерии достаточного основания оставляли без ответа самые интересные и неоднозначные вопросы. Гораздо более привлекательной кажется гибкая тактика писателей, таких как Жак Балле. Этот ученый-компьютерщик написал несколько скрупулезных, но непредвзятых книг на эту тему. Для Балле традиционные представления о том, что НЛО представляет собой физическое тело, космический корабль, пилотируемый существами с других планет, — в лучшем случае лишь отражение нашего собственного материализма, а в худшем — уловка сознания. Балле, напротив, снимает причудливую шелуху деталей с историй об НЛО для того, чтобы напасть на след глубоко запрятанной эпистемологической и культурологической матрицы. В отличие от наивных уфологов, которые надеются на то, что последний фрагмент этой сложной мозаики встретится им уже за следующим углом, Балле отмечает, что сама природа этого явления состоит в специфическом сочетании скудости материальных доказательств, малого числа пользующихся доверием очевидцев и опознаваемых образцов и, наконец, в его явной абсурдности. Все существующие объяснения и интерпретации похожи на сигналы, посланные в небо: они или тонут в звездном пространстве, или возвращаются назад, как эхо наших собственных представлений.

Таких тонких обозревателей, как Балле, специфические особенности эпистемологических циклов заставляют предположить, что в дело вступают глубинные силы. Возникает чувство, что некий шаловливый, обманчивый и жеманный разум притаился за сценой этого театра абсурда, разум, «послание» которого, кажется, почти намеренно запрятано в слухах и пересудах, популярных архетипах и мошеннических уловках, свидетельствах и мистификациях. Похоже, что феномен НЛО воплощает в себе трикстерский дух самой информации, то и дело возникающих сигналов и шума. В своей книге «Ангелы и Инопланетяне» Кит Томпсон утверждает, что уфология, таким образом, копирует двойное напряжение литературной аллегории. Например, в «Королеве фей» Спенсера «факты» с полей теряются в фабуле, зажатой между сюрреализмом деталей и глубинной структурой возможного объяснения. Разоблачители, приверженцы теории заговора и исследователи пытаются развести эти два уровня понимания, чтобы добраться до ядра этой тайны, отделяя кажущееся от реального. Этот процесс имеет даже психологическую компоненту, например у людей, подвергавшихся похищению, которые пытаются проникнуть под поверхность своих искаженных, «защитных» воспоминаний, чтобы восстановить в памяти «реальные» надругательства, которые им пришлось претерпеть от сумасшедших инопланетных ученых.

Поверяя эту аллегорическую свалку логикой мифа, Томпсон уличает большинство уфологов в поисках апол-лонических истин, в то время как феномен НЛО следует путаной тропой Гермеса. Томпсон описывает «герметический разум», который, по-видимому, отражает феномен НЛО: «амбивалентный по самой своей природе, склоняющийся то в ту, то в другую сторону, [этот разум] действует посредством аналогий и ассоциаций, интуиции, всегда пытаясь найти большее в каждом отдельном мелком событии». Как мы показали в предыдущих главах этой книги, герметический разум всегда объединялся с различными технологиями, поэтому неудивительно, что величайший технологический фантом XX века, словно трикстер, перебегающий от одного перекрестка истолкования к другому, требует

столь же хитрой герменевтической атаки. С помощью герметических изгибов можно объяснить даже увечья скота, которые на протяжении долгого времени связывались с налетами инопланетян. В конце концов, как следует из «Гимна Гермесу», этот бог интересовался чужими коровами.

Блюдца, полные секретов

В классической работе Жака Балле «Паспорт на Магонию» многие мотивы преданий об НЛО возводятся к легендам, религиозным текстам и историческим документам старины. В IX веке архиепископ лионский упоминает о широко распространенном народном поверье о пилотируемых летающих кораблях. Японская запись XII века повествует о странном «глиняном сосуде», летавшем вокруг горы Фукухара. В средневековом ирландском документе говорится об облачном корабле, зацепившемся якорем за дверь церкви. Балле устанавливает поразительные связи между инопланетными похищениями и старинными легендами о феях, собранными в таких этнографических трудах, как «Тайный народ» Роберта Кирка (XVII век) и массивный компедиум Эванса-Вентца «Вера в волшебство у кельтских народов». В самом тривиальном смысле инопланетяне просто завершают процессию фавнов, сатиров, лепреконов, инкубов и других призрачных созданий, заглядывающих в окно человеческой души, особенно когда душа эта попадает в сумеречную зону, где границы между иллюзиями и фактами охраняются не столь надежно.

С помощью каких бы мёбиусовых изгибов сознания и материи мы ни пытались объяснить эти эпизоды, похоже, что некоторые из этих сущностей напрямую отражают ход технологического прогресса. То, что являлось средневековым очевидцам в виде облачного корабля с якорем, стало дирижаблем в Америке конца XIX века, когда газеты по всей стране пестрели заметками о пилотируемых сигароподобных воздухоплавательных судах, зачастую снабженных механическими турбинами, закрылками и фарами, как на локомотивах. Во время Второй мировой войны самыми популярными аномальными видениями были ракеты-призраки и реактивные «пикирующие бомбардировщики», а собственно летающие тарелки, как отмечали бесчисленные комментаторы, появились лишь в слепящем свете атомной бомбы.

Напрашивающийся вывод состоит в том, что феномен летающих тарелок—это проявление страха перед ядерной угрозой. Этот тезис приобрел известность в 1950-х годах, когда он всплыл в конспирологических трудах и кинофильмах категории В, таких как «День, когда Земля остановилась». Кроме того, этот тезис звучит и в посланиях самих космических Братьев по Разуму. Если верить одному из первых контактеров, Джорджу Адамски, чьи невероятно смехотворные, пропитанные религиозной образностью отчеты о встречах с венерианцами приобрели широкую известность, инопланетяне решили явиться на Землю для разговора, когда они осознали, что люди способны отправить на тот свет целую планету.

Учитывая страх ядерного апокалипсиса середины столетия, НЛО можно рассматривать и как визионерскую ракету, стартовавшую из глубин подсознания информационного века. Первые аномальные объекты, которые называли «летающими тарелками», были замечены в 1947 году, подарившем нам ЦРУ, теорию информации и транзистор — нервную клетку современного компьютера. Летающие тарелки и тогда и теперь демонстрировали особенный интерес к электромагнитным полям, полюбив жужжащие телевизионные станции и электростанции, вызывая электрические помехи в автомобильной сети и в уличном освещении, прерывая радиовещание своими потусторонними голосами и странными сгустками статического электричества. Даже сегодняшняя программа SETI, вполне научная работа по поиску внеземной жизни с помощью мощных радиосигналов, посылаемых к далеким звездам, основана на вере в возможность выделения слаженной информации из общего шума. Может показаться, что НЛО — это Глас Божий, спрятанный в теле военно-промышленного медиаком-плекса, кибернетические щупальца которого все еще окружают нас.

В качестве галлюцинаторной информационной фигуры НЛО вскрывает ту эпистемологическую роль, которую периферийные данные и маргинальные медиаисточники играют в конструировании альтернативной, если не еретической, картины мира. Чтобы всерьез работать над проблемой НЛО, вы должны изучать

маргиналии современного медиа: всякий хлам с книжных прилавков, причудливые веб-сайты, фотокопии «документов», домашние фильмы и видео, кинофильмы категории В, чепуховые информационные сводки и случайные телевыпуски по телеканалу Фох. Уайтли Страйбер в своем бестселлере «Communion», который немало способствовал распространению мании инопланетных похищений в конце 1980-х годов, описывает путаницу, спровоцированную этой двусмысленной информацией: «Я оказался на минном поле. Реальные документы, которые кажутся фальшивыми. Фальшивые документы, которые кажутся настоящими. Обилие „безымянных источников“. Я дрейфовал через дымку этой невероятной истории». Словно циклон фактоидов, фотографий, лабораторных отчетов и признаний, который взвился над трупом Джона Кеннеди, летучий дым информации, вытекающий из выхлопных труб НЛО, завел многие умы, здравые и не очень, в информационные «червоточины», из которых они не вернутся уже никогда.

Травяной холм уфологии — это Розуэлл, штат Нью-Мексико. Летом 1947 года, когда летающие тарелки фиксировались наблюдателями в большом количестве, что-то странное упало с неба на ранчо Мака Брэйзела, которое находилось в двух шагах от аэропорта военной базы в Розуэлле. Вызванный на место происшествия майор Джесси Марсель якобы увидел груды обломков, среди которых были обнаружены сверхпрочные, сделанные из материала, похожего на бальсовое дерево, распорки, прочные металлы, напоминающие станиоль, а также материал, который он позже описал как невоспламеняющийся «пергамент», покрытый не поддающимися расшифровке «иероглифами». На следующий день пресс-секретарь базы Розуэлл по имени Уолтер От выпустил заявление о том, что «многие слухи о летающих дисках вчера стали реальностью». Это была единственная на тот момент информация от военных, которая подтверждала существование летающих тарелок. Газеты по всему миру подхватили это заявление, но на следующий день оно было опровергнуто: военные специалисты идентифицировали объект с ранчо — это был всего лишь разбившийся метеорологический зонд (Марсель отрицал это до конца своих дней).

Вряд ли стоит говорить, что на этом история не закончилась. Все дело в том, что «осадок», оставшийся после столь быстрого опровержения со стороны ВВС, послужил неплохой почвой для эпидемического распространения спекуляций касательно закулисных интриг в правительстве. Спустя десятилетия история Розуэлла обросла кучей подробностей, пошли слухи, что ВВС обнаружили четыре трупа пришельцев на месте катастрофы. Это заявление было «подтверждено», когда в 1984 году один телевизионный продюсер опубликовал «совершенно секретные» документы, якобы приготовленные для кандидата в президенты Эйзенхауэра в 1952 году. Эти документы подтверждали находку тел. Эти бумаги, получившие широкое хождение в среде уфологов в виде расплывчатых ксерокопий, описывали работу команды Majestic 12, секретной группы ученых и военных, якобы созданной президентом Трумэнном в 1947 году для изучения НЛО. Махровые приверженцы теории заговора могут взять на заметку, что эта команда включала в себя доктора Ванне-нара Буша, кибернетика, который изобрел первый аналоговый электронный компьютер и написал знаменитое визионерское эссе о будущем компьютерных вычислений для Atlantic Monthly в 1945 году.

Даже самые ревнивые искатели НЛО считают сейчас документы MJ-12 уткой, но розуэлльская история накрепко вросла в массовое сознание, закрепившись там в 1980-х годах. Слухи, связанные с инцидентом в Розуэлле, проникали в телесериалы, послужили отправной точкой для «Секретных материалов», а также для кинематографической подделки, якобы запечатлевшей вскрытие военными врачами трупа пришельца в конце 40-х годов. Многочисленные детали этого фильма указывают на то, что по крайней мере несколько талантливых кинохулиганов могут обладать достаточным количеством времени и денег. Летом 1997 года, за две недели до того, как 50 тысяч человек приехали в Розуэлл, чтобы отметить 50-ю годовщину находки Брэйзела, ВВС выпустили в открытый прокат передачу «Розуэлл: инцидент исчерпан», в которой зрителю «открывали тайну», состоявшую в том, что «метеорологический зонд» на самом деле был совершенно секретным высокоатмосферным шпионским устройством, а найденные тела были

манекенами, упавшими с неба.

Независимо от фактов, розуэлльский инцидент представляет собой целый микрокосм странных путей, по которым начинают течь информационные потоки в непосредственной близости от феномена НЛО: утечка сведений, обманные маневры, слухи, высокотехнологичные «иероглифы», странно запоздавшие официальные опровержения и практически вечная сохранность легенды в виде неудобоваримых фрагментов, застрявших в сети телевидения. И действительно, на протяжении всей своей истории летающие тарелки были окутаны туманом слухов и обмана, уловок и надувательств, подозрительных фактов и еще более подозрительных совпадений. В качестве информационного объекта НЛО невозможно выделить из визионерского шума, но вся эта герметическая двойственность больно отдается в сознании большинства уфологов, которые хотят получить настоящий ответ и увязать все причинно-следственные связи. К сожалению, это желание добраться до истоков привело многих хороших уфологов в яму для рассудка — теорию заговора.

Хотя теории заговора всегда сопровождали нас в том или ином метафизическом варианте, эта логика кажется особенно привлекательной для людей, которые теряют направление на магистралях и тропинках информационного века. Даже если имеется всего лишь небольшое подозрение, систематический и в высшей степени экспансионистский характер СМИ порождает мириады догадок о том, кто контролирует то, что мы видим и слышим, и какие тайные цели они преследуют. Более того, поскольку производство и распространение информации растет экспоненциально, традиционные иерархии знания не выдерживают этого роста и рушатся, оставляя после себя фрагментарный, но насыщенный данными мир противоречивых сообщений, маргинальной информации и намеков. Если вы обнаружите, что вам удалось как-то свести воедино весь этот хаос, безжалостные механизмы теории заговора тут же начинают работать словно заклинание. Каждая частица данных становится узлом в ширящейся сети связей. Если этой сети придать известную достоверность, то она будет служить некой универсальной объясняющей моделью, настолько опасной, что она способна захватить весь ландшафт реальности.

Своей навязчивой верой в существование тайного объяснительного кода, при помощи которого можно подобрать брошенные концы истории, самые радикальные или параноидальные сторонники теории заговора не слишком отличаются от религиозных фанатиков или яростных мистиков, повернутых на каббалистике. Параноик знает, что все связано со всем, но, в отличие от мистика, это знание только укрепляет его убежденность в отдельном и обреченном существовании его «я». Бог умер: бесконечная сеть теперь управляется не высшим и целокупным разумом, а невидимой серией зловещих заговоров, тайных махинаций и таинственными агентами обмана, напоминающими скорее архонтов оккультизма, нежели всеведущих ангелов. Даже самый светский сторонник теории заговора затронут этой эзотерической психологией. Архонты тоже могут быть светскими (Новый Мировой Порядок, Трехсторонняя Комиссия, ZOG), однако космология в своей основе остается той же. Видимый мир контролируется невидимыми силами, «темными князьями мира сего», как пишет апостол Павел в Послании к Ефесянам (6:12). Но, в отличие от христианского воина, облаченного в броню праведной веры для битвы с «духом злобы поднебесной», гностический приверженец теории заговора подпоясывается знанием: информацией, которую он собирает, организует и распространяет.

Понятно, что силы, связанные с социальными и экономическими институтами, также часто принимают форму заговора, и, как видно из многочисленных примеров, которые предоставляет психополитика послевоенного мира, эти заговоры могут оказаться чертовски грязными. Миллионы людей по ту сторону железного занавеса получали гомеопатические дозы паранойи только для того, чтобы выжить в мире неприкрытой официальной лжи, спецслужб и самой вероломной в истории власти социальной инженерии. Однако послевоенная Америка также захвачена спрутом тайных служб, которые отрабатывают средства

и тактики дестабилизации экономик, сбора данных, электронного наблюдения, дезинформации, фармакологической манипуляции, грязных трюков и психологической, даже психической, войны. Именно это и можно называть американским тайным правительством, правительством, которое является отчасти реальным и отчасти вымышленным и которое извлекает выгоду из этой путаницы.

Как рассказал бы вам любой фанат «Секретных материалов», феномен НЛО является искаженным отражением этого тайного правительства, и так было с самого начала.

В 1950-х годах это фактически стало основным пунктом верований уфологов: агенты правительства сознательно вводят общество в замешательство умышленным распространением дезинформации среди уфологов — и это убеждение имело весьма значительные психологические и гносеологические следствия. Как хорошо известно ЦРУ, дезинформация — магия весьма могущественная. Даже подозрение в дезинформации способно заразить и дестабилизировать целую отрасль знаний и представлений, легитимную или нет. Уфология это подтверждает. Из воздуха, пропитанного дезинформацией, уфологи черпали великолепные объяснения для постоянных мистификаций и в то же время страдали от недостатка точных доказательств. Данные, не подкреплявшие их подозрений или иллюзий, списывались со счетов как уловки. Работая в такой скользкой логике, даже самые рассудительные приверженцы НЛО могли потонуть в болоте паранойи, где стандарты доказательности размыты, агенты всегда двойные, а муха быстро вырастает до размеров слона. И неудивительно, что иные обозреватели уфологии полагали, что вообще вся эта отрасль была разработана шпионами.

Частичным подтверждением подобных правительственных фокусов являются люди в черном — пожалуй, самые веселые фигуры из уфологического архетипического актерского списка. К концу 1950-х годов сотни верящих в НЛО, очевидцев и исследователей-любителей сообщали о визитах странных смуглых и как бы не совсем человеческих джентльменов, чей отличительный облик — черные костюмы и солнечные очки — и дал им это известное название. В соответствии с классикой жанра люди в черном приезжали на черных «кадиллаках», приборные доски которых поблескивали призрачным фиолетовым светом. Своими механическими голосами люди в черном могли сообщить, что они представляют ЦРУ или военно-воздушные силы, а затем начать лгать, воровать фотографии и в прощальном стальном рукопожатии настоятельно не рекомендовать говорить об НЛО с представителями СМИ или другими исследователями. Хотя суровые манеры людей в черном и поведение, похожее на роботов, определенно наводят на мысль о типичных тайных агентах, наиболее смекалистые наблюдатели вроде Джона Кила утверждают, что эти смехотворные и пугающие персонажи берутся из того же разлома в континууме сознания, который сначала дал нам летающие тарелки и пришельцев. Подобно черным вертолетам без опознавательных знаков, мельком замеченным правыми ополченцами, или электромагнитным имплантатам, доставляющим мучения столь многим шизофреникам, эти демоны дезинформации, разъезжающие на черных «кадиллаках», служат очевидными симптомами невидимости послевоенной власти, грубой магии, используемой архонтами Америки.

В наше время люди в черном становятся кинозвездами и героями утренних мультфильмов. В 1990-х годах индустрия культуры упивается теориями заговора, паранормальными явлениями и инопланетными похищениями. Телеэкраны забиты заговорщической лапшой вроде «Секретных материалов» и «Темных небес», «шпионскими драмами» вроде «Миллениума» и «Скользких», вариациями на тему «Звездных войн», реалити-шоу, такими как «Эта странная Вселенная», и документальными передачами об ангелах, Розуэлле и пришельцах-похитителях. С началом лета на экраны выходят блокбастеры типа «Дня независимости», «Контакта», «Особи» и «Теории заговора» — отмеченных различной степенью паранойи, тупости и космических надежд. Принимая во внимание все эти странные плоды, едва ли стоит удивляться тому, что иные представители нью-эйдж

и фрики от теории НЛО-заговора верили, будто невидимые силы, земные или нет, сознательно управляют массовой культурой для подготовки человеческой расы к окончательному галактическому откровению. В этой бессознательной постмодернистской фантазии научные дебаты по поводу реальности НЛО являются не более чем уловкой: вторжение уже произошло посредством медиа в наши души. Этот медиамиф находит достойное выражение в фильме «Контакт», где сэмплированный цифровой образ президента Клинтона и реальные заставки из CNN наделяют фантазию достоверностью медийной «аутентичности». В конце фильма героиня Джоди Фостер отправляется в бешеное психоделическое путешествие в чужую планетную систему, где пришельцы, для того чтобы общаться с ней без нарушения ее сознания, конструируют некий виртуальный ландшафт, основанный на ее воспоминаниях. Что это? Пища для подсознания? Может быть, нам хотят сказать, что наши восприятия искусственно созданы, а цифровое окружение служит интерфейсом между нами и космосом, который начинает проявлять интерес к нашей мышине возне?

Осознав эту связь между чокнутыми медиа и еще более чокнутыми массовыми верованиями, многие рационалисты и социальные критики атаковали индустрию развлечений за ее движимую жаждой прибыли работу, потворствующую предрассудкам и лженауке, которой так восхищаются массы. Некоторые из этих скептиков возлагают вину за современный иррационализм на те культурные институты, которые во все большей степени опосредуют наше познание и восприятие реальности. Хотя большинство ученых-практиков удовлетворились бы всего лишь лучшим пониманием массами процедурных различий между наукой и другими формами человеческого познания (включая религию и научную фантастику), некоторые проявляют воинственность, выливая ведра желчи на «безответственных» писателей, публицистов, телепродюсеров и режиссеров, которые вводят в заблуждение народное стадо своими опасными небылицами и наживаются на них.

К сожалению, связь между медиа и восприятием масс — это цикл обратной связи, а не улица с односторонним движением. Индустрия культуры порождает мультфильмы о темных силах и визионерских встречах потому, что эти образы наличествуют в нас самих, будучи частью более широкой и неистребимой силы творчества и коллективного воображения. В XX веке многие фантомы, прежде населявшие древние предания и сказки, обрели новую личину и захватили окрестности медиа: комиксы, бульварное чтиво, кино про монстров, рок-н-ролл. В силу самой своей маргинальности (которая сегодня быстро исчезает) эта часть массовой культуры питает саму себя, и постмодернистские философы идут в ногу со временем, утверждая, что весь этот хлам — ключ к архетипам, страхам и еретическим желаниям, из которых состоит коллективное бессознательное. Писатель-фантаст, провидец Филип К. Дик писал по этому поводу в своем шедевре «Валис», что «божественные символы первоначально проявляются в нашем мире на уровне трэша».

Божественный трэш не может обеспечить сбалансированного питания, но он может в известной степени обогатить изменчивые грезы души. В классике контркультуры, озорном тексте «Космический триггер: последний секрет иллюминатов», Роберт Уилсон рассказывает, как сильно запутанный, пропитанный ЛСД сатирически-параноидальный роман «Иллюминаты!», который он писал в соавторстве с Робертом Ши, начал проникать в его «реальную» жизнь. Как показывает психоавтобиография, поиск глаза, венчающего пирамиду заговора, имеет прямое отношение к вашему вниманию. Если вы сознательно настраиваетесь на совпадения, случайные разговоры и маргинальные источники информации, неизбежно начинают всплывать более глубокие паттерны. Для Уилсона вызов этой ситуации состоит не в том, чтобы искать объективную истину, а в том, чтобы избегать проваливания в то, что он называет «туннели реальности»: черные дыры самопоощрения и обобщающих суждений, которые могут схватить сторонников политики республиканцев или защитников прав животных так же прочно, как фанатиков Розуэлла. Столкнувшись с тем, что вся реальность сегодня изрезана этими туннелями, Уилсон отстаивает своего рода ироническую шизофрению, инь/

ян скептицизма и воображения, которое всегда удерживает сознание на перекрестке, балансирующем между да и нет.

Эта исключенная из суждения середина — то самое место, где родился постмодернистский Гермес: сакральный насмешник, скептик-визионер, танцующий между логикой и архаичным восприятием, мифом и современностью, разумом и его собственными галлюцинациями. И именно это напряжение, а не отречение от критической способности разума приводит сегодня многие любопытные умы к заговорам, альтернативной истории, паранормальным феноменам и научной фантастике. Они ощущают, что простой скептицизм современности уже отмирает, что именно наша привязанность к рациональному и либеральному здравому смыслу закрывает нам глаза на подводную часть айсберга. Ибо наши чудовища рождены не только сном разума, они рождаются и от ложных движений разума, от желания насильственной рационализации, которая таится в нас самих, темной мечте о тотальном контроле. Только осторожно интегрируя пути досовременного сознания с его символическими и визионерскими режимами обработки информации, мы можем понять, чем являются божественные заступники и разрушительные архонты: пограничными фигурами, поджидающими нас и здесь и там.

Твой чужой, твое «я»

В 1950-х годах, пока уфологи-практики фетишизировали материальные свидетельства и опасались правительственных махинаций, другая ветвь исследователей пыталась расшифровать инопланетные послания, которые маленькие зеленые человечки оставляли во время своих жутких посещений. Учитывая чрезвычайную фантастичность «внеземной гипотезы» (спекуляций на тему того, что НЛО действительно пилотировались инопланетянами из других миров), мы не должны удивляться, что смыслы, которые люди извлекали из летающих тарелок, были одновременно мифическими и мистическими. Пока авторы вроде Юнга, Балле и Томпсона осторожно ступали по этому духовно-психологическому болоту, большинство расшифровщиков всего лишь повторяли знакомые мотивы популярных религиозных представлений, переводя апокалиптические сказания на язык популярной науки и фантастики.

Углубляясь в эти апокрифы, отдающие знакомым ароматом электромагнитических фантазий, можно обнаружить удивительно стойкое увлечение их авторов технической стороной коммуникации. В 1954 году Джордж Хант Уильямсон опубликовал текст под названием «Говорят летающие тарелки», небольшую книжку, гордо названную «документальным сообщением о межзвездной коммуникации при помощи радиотелеграфии». Уильямсон утверждал, что радист по имени мистер Р. принял «беспроводную передачу» кода Морзе от межгалактического совета инопланетян, обосновавшегося на Сатурне. Передачи мистера Р., большая часть которых была получена при помощи якобы «телепатической» формы автоматического письма, сообщали массу уморительной информации о звездных мирах. Более важно то, что эта книжечка послужила миллениалистским источником вдохновения для всех последующих любителей поговорить с пришельцами. Земле угрожали темные силы, включая ядерное оружие, славная «новая эра» должна была вот-вот начаться. Чужие были посланы сюда, для того чтобы наблюдать за нами, информировать нас и помогать нам в этом грядущем переходе. И космические корабли, в свою очередь, — это звездные ковчеги, которые заберут избранных в космос.

Уфологи почти сразу разобрались с этой бурдой и ответственно заявили, что подобные гнилые откровения выражают всего лишь рациональные импульсы, порождаемые машинерией современной цивилизации и доминированием научного материализма. Отчаянно заинтересованные в легитимации своих поисков, большинство уфологов дистанцировались от людей, беседовавших с пришельцами, хотя близкие контакты сами представляли собой разновидность мифологии, от которой эти исследователи пытались очистить свои данные. Самым известным из этих ранних контактеров был Джордж Адамски, коллега мистера Р., судя по своей писанине хорошо знакомый с его книжкой. Соря налево и направо образами, отдаленно напоминающими описания мифических летающих колесниц, которые то и дело появлялись в текстах поздней античности, Адамски рассказывал о полетах в космических кораблях, путешествиях к прелестной планете венерианцев и разговорах с прекрасными длинноволосыми космическими братьями, которые обещали ему помочь спасти положение.

В руках других контактеров этот сырой визионерский материал превратился в уже откровенно религиозную уфологию. В 1954 году, посетив Венераианский Храм Утешения и поучаствовав в галактической войне против злого разума с кометы Гаруча, англичанин по имени Джордж Кинг основал Общество Эфириуса, названное по имени его духовного спутника, которому, кстати, было 3456 лет. Развивая то, что Э. Р. Чемберлен в своей книге «Антихрист и миллениум» назовет «настоящей церковью технологического спасения», Кинг утверждал, что Земля — это наделенная сознанием богиня, которая должна вскоре занять свое место в ряду Космических Учителей. Функционируя в качестве Первого Земного Ментального Канала для этих учителей, Кинг содействовал грядущей апокалиптической трансформации, передавая эклектичные теософические сведения, полученные от эфирных сущностей, носивших такие имена, как Марс Сектор 6, Юпитер-92 и Иисус. Священное писание Эфириуса — это магнитофонные ленты, где записаны

не только проповеди и сведения, ради передачи которых очередной космический учитель обретал власть над голосовыми связками Кинга, но и технические доклады, предназначенные для учителей и принадлежащие духовным инженерам, ответственным за поддержание трансляционного канала и защиту от темных сил. Неудивительно, что главным богослужебным предметом на эфирийском алтаре был микрофон.

Хотя белокурые космические братья продолжают сегодня передавать утопические сообщения, современные контактеры прибавили к ним ужасные истории о безжалостных, имеющих миндалевидные глаза и сугубо злонамеренных Серых, заинтересованных скорее в человеческой плоти, чем в диалоге. Тысячи вполне нормальных американцев сообщали о том, что они были похищены этими жуткими персонажами, которые часто укладывали свои жертвы на операционные столы и проводили странные болезненные эксперименты над их репродуктивной системой. Как и в случае «с подавленными воспоминаниями» об инцесте или участии в сатанинских ритуалах, большинство современных случаев с похищением реконструируются при помощи терапевтов с использованием гипноза и других приемов, помогающих преодолеть психологическое сопротивление и «замещающие воспоминания» (психологический аналог дезинформации со стороны ВВС). Впоследствии осознавшие себя похищенными оказываются в субкультуре, которая имеет гораздо больше общего с «Анонимными алкоголиками», чем со «Звездным путем», — в сетях общения и поддержки, состоящих из людей, признающих ценность их опыта и сохраняющих их чувство реальности. Некоторые похищенные получают из этих черных миндалевидных глаз дар высшей силы, но многие покупаются на прямолинейный сценарий, предложенный уфологом Бадом Хопкинсом, который полагает, что инопланетяне крадут эмбрионы, потому что им нужен человеческий генетический материал для прививания к их собственному слабейшему роду.

Большинство из нас по понятным причинам предпочитают рассматривать феномен инопланетных похищений как симптом довольно тревожной социокультурной ситуации. Но что это именно за ситуация? Многие комментаторы говорят о росте числа сообщений, касающихся случаев жестокого обращения с детьми, а также о том, как доморощенные психиатры исследуют и эксплуатируют онтологические причуды памяти. Но глубокая убежденность, которую демонстрируют многие похищенные, указывает на более глубокие пороки, лежащие в основании современной личности. Случаи похищения отчасти говорят о подсознательном страхе перед сведением человеческой личности к двойной спирали генетической информации, которую можно нарезать и склеивать, словно диафильм. Мы чувствуем, что древний сценарий человеческого воспроизводства, причем воспроизводства как тел, так и самой сущности, неожиданно меняется и начинает переплетаться с технологиями, такими как анализ ДНК, магниторезонансное сканирование, зачатие в пробирке, гормональные таблетки и торговля замороженными эмбрионами и элитной спермой. Как только ученые смогли наконец всерьез обсуждать возможности выведения трансгенных свиней, сердца которых можно было бы пересаживать людям, темную сторону человеческого сознания заняла мысль о смешении с инопланетными расами, что весьма напоминает мифы старого мира, где эльфы похищали детей, лебедь овладевал Ледой, а падшие ангелы насиловали дочерей человеческих.

Трещина в идентичности не ограничивается призраками, вызванными к жизни генной инженерией и межвидовыми мутациями. В своей книге «Виртуальный реализм» кибертеоретик Майкл Хейм обрисовывает то, что он называет «синдромом альтернативного мира», ситуацией, которую он связывает с «тошнотой относительности», поражающей многих пользователей виртуальной реальности и боевых симуляторов: глубоко тревожное и зачастую тошнотворное разделение между кинестетическим самовосприятием тела и переориентацией воспринимающих функций нервной системы на выдуманный мир. После часов погружения в виртуальную реальность, пишет Хейм, «первоначальная реальность... кажется скрытой под тонким слоем видимой». Однако Хейм не считает, что это онтологическое непостоянство сводится к одним лишь шорам

виртуальной реальности, и он строит предположение, что, если наша культура не сумеет ассимилировать новые технологии симуляции и телеприсутствия, синдром альтернативного мира может приобрести патологические пропорции. Согласно Хейму, подобные патологии уже поднимают голову, и наиболее драматичным образом это проявляется в «периферийном восприятии» культуры. Сюда Хейм включает те сдвиги реальности и альтернативные измерения, которыми пропитаны популярные научно-фантастические фильмы и ТВ-шоу, а также инопланетные похищения. По поводу опыта похищений Хейм пишет:

Мы воспринимаем наше технологическое «я» как инопланетного пришельца, как угрожающее существо, которое является мутантом нас самих и которое поглощено и трансформировано технологией в гораздо большей степени, чем та, которую мы могли бы счесть удобной для себя, и которое готово приступить к воздействию, как мы начинаем ощущать, на внутренности нашего сегодняшнего «я».

Таким образом, Хейм интерпретирует сценарий похищения как сопротивление нашей собственной неизбежной эволюции. В то же время это психическое рассогласование может быть следствием того факта, что наши все более замысловатые технологии уже не соответствуют довольно грубым структурам сознания обычного человека. Говоря словами компьютерщика Джозефа Вейзенбаума, «какой бы степени интеллектуальности ни достигли компьютеры сегодня или в будущем, этот интеллект всегда будет чуждым по отношению к подлинно человеческим проблемам и интересам». Ныне, куда бы мы ни повернулись, мы сталкиваемся лицом к лицу с этим зарождающимся чуждым интеллектом. Тот факт, что мы учимся уживаться с ним, лишь подсказывает, что тревожные метафоры мутации продолжают распространяться в массовом сознании.

Научно-фантастическое крыло сообщества нью-эйджеров также верит в то, что мы мутируем под цепким взором чужого разума. Они, однако, с распростертыми объятиями предвкушают постчеловеческие метаморфозы. Как и экстропианцы, многие нью-эйджеры зачарованы трансформирующими и апокалиптическими возможностями информации — такими, как технология, генетическая идентичность, постмодернистский логос. И действительно, своей специфической легкомысленностью культура нью-эйдж во многом обязана отождествлению «я» и информации. Таким образом, духовная трансформация представляется здесь мутацией в буквальном смысле слова, преобразованием генетического кода руками развоплощенных существ с Плеяд или посредством таких простых катализаторов, как приспособления для «активации мозга» или работа с чакрами. Спасение тоже оформлено в терминах метафор коммуникации, словно передача и получение духовных сообщений — то же самое, что и воплощение этих уроков в повседневной жизни. Под воздействием собственной мантры — «вы сами создаете собственную реальность» — нью-эйджеры принимают представление о том, что волны, на которые мы настраиваемся, на самом деле создают «я» и его специфическое мировосприятие. Таким образом, спасение заключается в создании пульта дистанционного управления реальностью, настройке на позитивные волны и втягивании в эту картину достаточного количества братьев по разуму, для того чтобы сделать весь мир резонирующим и устойчивым.

Гностическое измерение этого фетишистского комплекса по отношению к сигналам проявляется прежде всего в материале, выдаваемом на-гора «ченнелерами», особенно теми, которые подключали к разговору самих внеземных учителей. И хотя скептики склонны считать вообще весь ченнелинг обыкновенным надувательством, некоторые из этих существ в психологическом плане не менее «реальны», чем мириады демонов, овладевавших человеческой душой в религиозных и оккультных ритуалах на протяжении тысячелетий. Ведь еще до того, как НЛО вторглись в пространство разума, проходимец от магии Алистер Кроули телепатически контактировал с сирианцем по имени Лэм (жутко, что описание Лэма, данное Кроули в 1919 году, напоминает знакомую черепную физиогномию Серого: голова в форме безволосой перевернутой груши с раскосыми глазами и низким ртом без всякого носа). Термин «ченнелинг» сам происходит из электромагнетического жаргона старых добрых спиритических сеансов. Подобно

небесным телеграфистам XIX века, любители ченнелинга заморожены медиумами настолько же, насколько самим сообщением. Культуролог Эндрю Росс отмечает, что нью-эйджеры превозносят ченнелинг не только за его мудрость, но и за «способность разрешать технические проблемы коммуникации».

Большинство принятых посредством ченнелинга материалов по своим литературным качествам и духовной ценности могут быть приравнены к упаковке туалетной бумаги, но в качестве техногностических аллегорий информационной эпохи они порой бывают превосходны. В бестселлере Барбары Марсиньяк «Приносящие рассвет» просвещенные плеядеане сообщают нам, что Верховный Создатель делегирует задачу космического творения нижестоящим богам-создателям. Первоначально эти смекалистые демиурги разработали человеческие существа с двенадцатью нитями ДНК, части которых дали расы всей галактики. Эта ДНК дала нам достаточно мудрости и мужества для строительства сложной и изящной цивилизации любви и света. Но около трехсот тысяч лет назад кучка непокорных интриганов взяла в свои руки власть над этой могущественной структурой в противостоянии, которое плеядеане сравнивают с «намеренным обвалом курса акций на Уолл-стрит». Подобно гностическим архонтам Валентина, эти существа были не столько злонамеренными, сколько «неинформированными». Так или иначе, они переработали нашу структуру ДНК, сделав ее спиралью двойной, и тем самым зафиксировали нашу склонность к генерации психических волн хаоса и энергий, которые буквально подкармливали злые силы. Чудеса древних религий являются в действительности лишь симулякрами, «голографическими вставками», сгенерированными этими космическими подонками для манипуляции нашими душами. Эту функцию, как отмечает Марсиньяк, теперь выполняют телевидение и корпоративные компьютеры. К счастью, «Семья Света» здесь, чтобы убедить нас войти в новый круг мутации, в ходе которой мы сможем вернуть свои двенадцать нитей ДНК, повысив частоту наших психических волн и став активными творцами нашей реальности.

Еще более апокалиптическим духом проникнута «Передача звездного семени», текст, набранный на громоздкой механической печатной машинке в 1970-х годах сельским плотником из Новой Англии по имени Кен Кэри. Существа, написавшие эту книгу посредством Кэри, напоминающие одновременно инопланетян и ангелов западного монотеизма, заявляли, что они взяли на себя управление мозгом бедного плотника, для того чтобы предупредить нас о неминуемом конце истории, мышления и материи. Как и в сценарии экстропианцев, нас ожидает наступление некой «сингулярности», которая подготавливается, в частности, технологией и экономикой информационного века. Удерживаемые от физического вмешательства в земные дела чем-то вроде Первой директивы из «Звездного пути», эти ангелы надеялись показать нам, каким образом каждый из нас интуитивно может добиться «прямого контакта с источником всей информации». Ввиду того что человеческие языки были «разработаны, чтобы облегчить торговлю», они непригодны для того нового Слова, которое ангелы Кэри называли, вторя генной инженерии, «Живой Информацией». Эта органическая инопланетная база данных не только обеспечит нас инструкциями во время ужасающего хаоса апокалипсиса, но и пробудит память о нашем собственном звездном происхождении, похороненную под спудом «чар материи», которые были наложены на нас, когда мы решили воплотиться в виде человеческих существ.

В отличие от большинства подобных текстов, «Передаче звездного семени» присуще необычно ясное осознание собственного статуса медиасигнала. Как пишет Кэри во введении, «независимо от любых мнений по поводу правдоподобности связи с инопланетными или ангелическими существами необходимо отметить, что простое действие по структурированию информации подобным образом открывает нам возможности коммуникации, которые практически недоступны в конвенциональном режиме». Более того, инопланетяне Кэрри вполне откровенны по поводу своей роли космических промоутеров, тайно распространяющих свою информационную инфекцию по земным информационным сетям для ускорения перемен в человеческом разуме посредством воздействия на подсознание. «Передача» поэтому больше напоминает набор триггерных сигналов,

чем собрание верований. Как и большинство книг по самопомощи, издаваемых движениями за развитие человеческого потенциала, «Передача» написана от первого лица («мы») и обращена ко второму лицу, читателю («вы»). С помощью этого приема, насаждающего чувство непосредственного контакта, осуществляется вторжение в сознание читателя и его перепрограммирование в процессе чтения:

Знание вашего истока и вашей цели достигло критической отметки. Ваше падение в Материю достигло своей низшей точки. Если вы не хотите, чтобы все, с чем вы отождествляете себя, исчезло в энтропийном коллапсе, вы должны начать пробуждение.

Обращаясь попеременно к «вам», обычному человеческому существу, и к «вам», пробуждающемуся навстречу своей космической судьбе, «Передача» пытается буквально оторвать читателя от общепринятой реальности, одновременно формируя мистический центр для новой личности иного мира. Как поясняет сверхъестественное корпоративное божество Кэри, «эта новая информация не является дополнительными данными, в соответствии с которыми вы должны действовать. Скорее, она является самой реальностью вашей новой природы. Вам не нужно следовать моей информации, вам нужно быть моей информацией».

Надо сказать, что апокалиптические информационные мифы, сочиненные Кэри и Марсиньяк, просто сочтятся гностическими мотивами. В конце концов, гностики древности тоже считали, что наши души рождены в далекой, далекой галактике, что боль и страдание мира появились благодаря темным силам, которые держат нас в плену материальной иллюзии, и что бестелесный поток космического знания обеспечит алхимическую трансмутацию «я» в богоподобный разум. Одни гностики мыслили агент спасения в виде блистательного кода Логоса, другие — как «чужого человека». Сочинения мандеев обычно начинались с воззваний к «великой первой чуждой Жизни с миров света», а в одном мифе описывалось, как «Адам полюбил Чужого Человека, чьи речи были чуждыми, отстраненными от мира».

В своей книге «Гностическая религия» экзистенциалист Ханс Йонас отмечает, что гностическая убежденность в том, что мы являемся чужими в чужой земле, создает космологический контекст для ностальгии и тоски по родине, которые знакомы столь многим людям. Кроме того, давая звучать этому первобытному чувству отчужденности, которое вообще может быть встроено в само сознание, гностик несет эту мифическую силу отчуждения, трансформируя чувство космического отдаления в «знак превосходства, источник силы и тайной жизни, неизвестной всем окружающим, и последнее прибежище, неприступное для них». Многие философские и религиозные традиции, в особенности экзистенциального плана, признают это влечение к иному миру и стараются регулировать его, обращая жажду трансцендентного в самосовершенствование, учитывающее реальные ограничения материальной жизни. Но в хаосе постмодернистской жизни, ураганный темп которой истощает любой естественный балласт, когда-то сохранявший целостность «я», этот трансцендентальный импульс может легко исказиться, выливаясь в техноутопические фантазии, или в иллюзии нью-эйдж, или, в худшем случае, в бездну коллективного самоубийства.

На следующий уровень

Весной 1997 года, когда христиане праздновали Воскресение Христово, а в небесах распростерлась комета Хей-ла-Боппа, тридцать девять монахов и монахинь культа Врат Небесных покончили с собой при помощи смертельной смеси водки и фенобарбитала в надежде телепортироваться на космический корабль, следовавший, как они считали, за пыльным хвостом кометы. Несмотря на научно-фантастический характер их верований, самым поразительным убеждением сторонников культа было гностическое отрицание плоти: их грубая одежда и поиск асексуальной андрогинности, их вера в то, что тела являются лишь необязательными «средствами передвижения» или «контейнерами» для космических душ, и их (иногда в буквальном смысле) самооскопляющее отторжение физической близости. С их суровыми обетами благочестия и самоотречения и острым метафизическим клином, вбитым между сознанием и телом, культ Врат Рая больше всего напоминал нью-эйджерскую инкарнацию какого-нибудь древнего вывода суровых гонимых иноков, алчущих спасения.

«Врата Рая» зародились в начале 1970-х, когда волна НЛО-культов заполнила образовавшийся духовный вакуум, последовавший за крахом контркультурной утопии. Выступая как Бо и Пип, или просто Пара, Маршалл Эппл-уайт и его платоническая супруга Бонни Неттлз привлекли большое количество последователей, многие из которых оставались с ними до самого конца. Настаивая на жесткой дисциплине, отказе от чувств и большинства желаний, Пара вдохновляла членов культа прекратить отождествлять себя со своими обычными личностными чертами и переместить свое внимание на «уровень, следующий после человеческого». Ни бойцовские тактики пробрждения, ни данные Парой обещания предстоящей посадки корабля-матки не были чем-то исключительным для того времени. Но в 1997 году Эпплуайт и ядро команды его последователей решились на отчаянный шаг, на который еще не решались приверженцы культов НЛО: через врата коллективного уничтожения проникнуть под спасительное крыло странствующей звезды.

Таким образом, культ попал в самый центр водоворота массового сознания, которое сегодня множит само себя круглосуточно по всему земному шару. В этих новых психогеографических условиях инфотейнмента самым желанным становится медиасобытие: новостной спектакль, резонирующий в общественном сознании, привлекающий всеобщее внимание, захватывающий все каналы, подобно блокбастеру. Коллективное самоубийство последователей культа явно было событием подобного рода, и оно захватило нас, поскольку в нем отражался калейдоскопический набор навязчивых идей самой культуры и медиафиксаций весны 1997 года: НЛО, тендерная неразбериха, комета Хейла-Боппа, компьютеры, право на самоубийство, «Звездный путь», культ эффективности. Даже новые черные «найки», которые то и дело мелькали в полицейской съемке после самоубийства, казались очередным product placement, которым набиты голливудские фильмы.

Самоубийства, кроме того, дали СМИ шанс погрузиться в галлюцинации на тему Интернета, дерзкого молодого конкурента в борьбе за внимание публики. Поскольку последователи культа создавали веб-сайты для самих себя и своих коммерческих клиентов и в их рядах числились настоящие компьютерные профессионалы, «Врата Рая» незамедлительно окрестили «интернет-культом». Едва ли это название заслуженно, особенно учитывая то обстоятельство, что Интернет не играл явной роли в их космологии и что подавляющее большинство сторонников культа влились в ряды «Врат Рая» задолго до того, как эта группа обратилась к Мировой сети как к источнику дохода и возможностей для проповеди. Но это обстоятельство не удержало телеведущих от сомнительных утверждений касательно бурной онлайн-активности культа и простоты «вербовки» новых членов на новостных конференциях и в чатах. Для людей, уже испытывающих беспокойство по поводу киберпространства или невежественных в этом вопросе, репортажи о «Вратах Рая» превратили Сеть уже не просто в моральную или политическую угрозу, создаваемую традиционными группами, заикленными на

сетевом порно и рецептах по изготовлению бомб, но в угрозу духовную.

Столкнувшись с подобными нападками и осознавая, что открытая структура Сети подрывает своего рода информационный контроль, на который полагаются настоящие культы, многие цифровые активисты перешли в наступление, утверждая, что Сеть не в чем винить, ибо она является «лишь орудием». Их чувства были весьма похвальны, но орешек оказался червивым. Сеть не является лишь орудием. Она, если идти вслед за Маклюэном, представляет собой некую среду, резонирующий психический усилитель, который, кроме прочего, размывает барьеры, отделяющие центр от периферии, новости от слухов, мнения от рекламы, правду от иллюзии. Это превращает Сеть в благодатную почву для альтернативных картин реальности, для субкультур и для поражающих сознание медиавирусов, которые иногда называют мемами. В отрыве от общей картины публичного пространства и общей интеллектуальной культуры, онлайн-сообщества превращаются в рой групп по интересам, фэндомов, цифровых наркопритонов, искусственных потребительских ниш и виртуальных сообществ, состоящих из одиноких душ. По словам Тима Бернерса-Ли, создателя WWW, Паутина позволяет людям «расширять культурную котловину, из которой они уже не в силах выбраться». В этом смысле Web воплощает мрачное предчувствие, которое озвучил почти столетие назад Генри Адаме, заглядывая в будущее, где царствует динамо-машина: теперь мы обитаем не в Универсуме, а в Мультиверсуме.

Мультиверсумы хорошо смотрятся в комиксах, но, кроме того, они опасны и сложны для навигации. Теперь, когда Сеть все больше и больше опосредует наше восприятие мира, так же как и нашу социально-экономическую деятельность, мы можем приступить к непосредственному изучению этих ошеломляющих условий. Ибо, хотя Сеть наводит мосты между различными мировоззрениями и вдохновляет нас на отчаянный серфинг по каналам путаной вермишели коллективного сознания, эта же технология способна создать прореху в ткани общей реальности, столь же обширную, как озоновая дыра над Антарктидой. Мы уже стали свидетелями этого информационного поноса: мистификации и слухи породили своих ярых приверженцев, мировоззрения стали мирами, а дурные идеи считаются разумными. Не сдерживаемые более контролем редакторов или юристов или медлительностью бумажной почты, анонимные и безосновательные заявления, как спонтанно возникшие, так и намеренно запущенные в Сеть, ныне проносятся по информационной среде, словно лесной пожар, вынуждая организации публиковать официальные отклики, а журналистов мейнстрима — считать обыкновенные слухи новостями. Торгуя сплетнями у колодца мировой деревни, мы уже раздули слухи о зловых компьютерных вирусах, аферах ЦРУ, авиалайнерах компании TWA, сбитых своими, правительственным заговоре вокруг взрыва в Оклахоме и базах данных Lexis-Nexis, содержащих ваш номер социального страхования и девичью фамилию вашей матери. Сеть по своему характеру является своего рода конспирологической машиной, механизмом, который поддерживает расширяющуюся сеть спекулятивных преувеличений, синхронных ссылок и странных совпадений. «Субкультурная поисковая машина» Desinforma-tion даже использует систему, похожую на Yahoo! для отслеживания поступающих с окраин Сети данных о темных заговорах, безумных космологиях, ревизионистских версиях истории и новейших чудесных приметах и знамениях.

И потому не случайно, что по крайней мере один член культа «Врат Рая», Ивонна Маккерди-Хилл, первым поднялся на борту экспресса Хейла-Боппа через порталы ее интернет-браузера. Не то чтобы культ ограничивался в своем медиаевангелизме онлайн-рынком. В своем убеждении, что люциферианские силы на подъеме и что планета близка к своей гибели, эта группа последние несколько лет своего существования посвятила попыткам пропихнуть свои мемы по максимально возможному числу каналов. Они выкупили полосу в USA Today, вторглись в спутниковое вещание, выпустили горы памфлетов и рекламных листовок, распространили видеокассеты, забросали спамом новостные конференции и разукрасили свою напичканную данными веб-страницу новейшими Java-апплетами. Но самым умелым их трюком был захват СМИ, произведенный уже из загробного царства.

Выживший Рио ди Анджело рассказывал Newsweek, что его товарищи могли бы «гордиться» той шумихой, которую произвело их самоубийство: «Они действительно хотели, чтобы весь мир знал об этом, но никак не могли этого добиться. Никто не стал их слушать. Я думаю, теперь они были бы счастливы».

Лучшей рекламой параллельной картине мира членов культа было их финальное официальное заявление: несколько прощальных посланий, записанных на видеопленку всего за несколько дней до отбытия. Зная, что эти документы найдут дорогу на телевидение, члены культа, глядя в камеру, обращались к нам, оболваненным СМИ представителям цивилизации, которую они покидали ввиду ее полной безнадежности. Как говорил один из членов культа, оставивший запись, Дарвин Ли Джонсон:

Мы знаем, что специалисты по продвижению, люди, сделавшие своей профессией раскрутку всех и каждого, станут критиковать наши действия... Они скажут, что мы сумасшедшие, что мы загипнотизированы... Мы знаем, что это неправда, но как вы можете быть уверенными в этом?

Конечно, это вопрос на миллион долларов, но в сравнении с самодовольным пусканием психологических пузырей по поводу контроля над сознанием, чем обычно и занимаются большинство «экспертов по культам» в телевизионных новостях, эти видеопленки смогли-таки нарушить обычную рутину. Они показали истинно человеческое лицо, пусть и вызывающее возмущение, того, что один из бывших членов культа назвал «самым выдающимся социологическим экспериментом, который только можно вообразить».

Пленки также внушали мысль, которую подтвердили последующие репортажи: во «Врата Рая» входили несколько махровых фанатов научной фантастики, по крайней мере из числа помешавшихся на продукции голливудской фабрики снов. Сидя на своих местах перед общим 72-дюймовым телевизором, члены культа упивались «Секретными материалами» и различными вариантами «Звездного пути», внося разнообразие в свое меню при помощи видеокассет с фильмами вроде «Кокона», «Ближних контактов третьего вида» и трилогией «Звездных войн». В дополнение к кроссовкам от фирмы Nike самой примечательной деталью униформы группы самоубийц был треугольный наплечный опознавательный знак, украшенный фразой «Away Team» [группа отбытия], на жаргоне «Звездного пути» означавшей маленькие патрули, телепортируемые на поверхность планеты. Особенную мрачность вносило присутствие в группе смертников Томаса Николса, брата Нишель Николе, которая сыграла роль офицера связи лейтенанта Ухуры в первых сериях «Звездного пути», а сегодня ведет телевизионную горячую линию помощи.

Капитан Эпплуайт и «группа отбытия» не следовали законам своего жанра столь буквально, как многие предполагали. Эта группа пребывала в неведении по поводу того, попадут ли они на небеса, в другое измерение или на мостик межзвездного корабля. В одной из их интернет-статей есть указания на то, что члены культа сознательно применяли жаргон «Звездного пути», чтобы донести свои апокалиптические религиозные убеждения до мирских умов, погрязших в поп-культуре. В конце концов, научно-фантастическая преданность науке зачастую урезается или затемняется специфической для этого жанра эксплуатацией давней человеческой тоски по символическим, космологическим и познавательным прорывам. Даже посредственный научно-фантастический продукт временами может выражать мистические, если не гностические настроения. В одном из фильмов трилогии «Звездные войны» — «Империя наносит ответный удар» — сухонький гуру всех джедаев Йода булькает, обращаясь к Люку Скайуокеру: «Светозарные мы существа — не этой материи грубой». Следуя этой логике, совсем несложно представить поклонников «Врат Рая» сгрудившимися вокруг своего телевизора всего за несколько недель до самоубийственного побега и молчаливо приветствующими старую куклу, подтверждающую их самые сокровенные верования.

Самое замечательное употребление гностических НФ-метафор встречается в прощальном видеоряде Дениса Джонсона, представленном публике в передаче

«Nightline» вскоре после самоубийства. В этой записи сорокадвухлетний бывший рок-гитарист заявляет, что «отложить в сторону человеческие тела, которые мы заимствовали для этой задачи», настолько же просто, как шаг с холодека в сериале «Звездный путь: новое поколение». Холодек — это зал голографической виртуальной реальности, в котором экипаж проводит свободные часы, бродя по искусственным мирам или тренируя различные навыки. Затем Джонсон продолжает:

Мы вычислили это математически... мы тренировались на холодеке приблизительно полчаса, но теперь пора остановиться. Игра окончена. Пора применить на практике то, чему мы обучились. Итак, мы снимаем шлем виртуальной реальности, мы встаем с тренажера, который использовался для этой задачи. Мы оставляем его в стороне, сходим с холодека в реальность, чтобы быть с другими членами экипажа, на небесах. Зовется ли это другим измерением, зовется ли это иной реальностью — кто знает? Здесь мы пребываем в слепом невежестве, и на этом тренажере нам особенно не на что больше рассчитывать.

Джонсон завершает эту замечательную проповедь утверждением, что его группа с удовольствием ожидает своего коллективного самоубийства по той простой причине, что они не отождествляют себя со своими телами. «Если бы вы только могли взглянуть на это в таком ключе, — умоляет он, — если бы вы только могли чуточку глубже проникнуть в пространство наших умов и просто увидеть, насколько мы счастливы, как нерушима наша воля, насколько мы преданы нашей идее». Здесь интересен сленг Джонсона, ибо если «пространство ума» является типичной идиомой Западного побережья для обозначения точки зрения другого человека, то проникновение в это пространство служит прекрасным образом для виртуальной реальности, технологии, игравшей, очевидно, значительную роль в гностической образности членов культа.

Что же в виртуальной реальности способно питать подобные фантазии? Технологически виртуальную реальность можно представить как симуляцию погружения, цифровой конструкт, который пользователи склонны выворачивать наизнанку. Виртуальная реальность, по крайней мере, эксплуатирует и даже прославляет тот факт, что мы представляем собой разум в той же степени, что и тело, и что эта пара не всегда вместе. Но виртуальная реальность является не просто технологией. Это понятие шире простого набора приспособлений со всеми присущими ему сбоями и поломками. Суть понятия в абсолютной симуляции: средство-посредник настолько могущественно, что преодолевает само опосредование, создавая миры, способные стоять на собственных ногах. Хотя существующие технологии виртуальной реальности в действительности не таковы, убеждение в том, что виртуальная реальность создаст мир, иллюзорной силы которого достаточно, чтобы временно заменить собой наш материальный мир, воспринималось как часть символа веры как для фанатов, так и для хулителей технологии. Защитники утопии виртуальной реальности в своем идеалистическом видении этой технологии основываются на том, что виртуальные пространства со своей игривостью и непосредственностью полностью поглотят вас. По другую сторону баррикад неолуддиты оплакивают то, что им видится предельным выражением коварного стремления технологии подменить собой Реальность, отделить мышление от воплощения и разорвать все тонкие нити, все еще связующие нас с природой и нашими материальными человеческими сообществами.

Таким образом, виртуальная реальность для многих стала символом демиургических сил самого компьютера с его могущественной графикой, захватывающими пространствами и комплексными, нормированными моделями и проекциями. Эта, по всей видимости, универсальная машина способна строить карманные универсумы. Компьютер уже произвел мириады симулированных миров для науки, промышленности и развлечений, а мощные ПК и индустрия игр демократизировали и психологизировали этот вычислительный креационизм. В своей книге «Вне контроля» редактор Wired Кевин Келли использует термин «игры в Бога» для описания цифровых имитаций хозяйства, таких как Populus и SimEarth,

которые позволяют пользователю «выращивать» игровые миры посредством изменения, скажем, уровня углекислого газа в воздухе или степени урбанизации. «Мне сложно представить что-либо более притягательное, чем возможность побыть Богом», — пишет Келли, озвучивая широко распространенное, хотя зачастую бессознательное подозрение, что в компьютерной симуляции действительно есть что-то онтологическое. Иначе говоря, симулируя сложные реальности со все большей и большей математической точностью, компьютерные миры действительно становятся более реальными. Сторонники искусственной жизни, например, придерживаются того мнения, что, программно воспроизводя логику жизни в компьютерной симуляции и позволяя ей развиваться в своих собственных границах, мы будем обрастать цифровыми сущностями, которые во всех смыслах и значениях живы. В целом в нашей культуре будущая эволюция компьютерных игр и устройств виртуальной реальности практически гарантирует то, что миры по ту сторону экрана станут обладать по меньшей мере тем соблазнительным ощущением реальности, которое мы ассоциируем с вещами.

С позиции мифологического воображения в этой онтологической комнате смеха нет ничего нового. Кельтские предания о феях полны зачарованных пейзажей, а персонажи индуистских небылиц часто странствуют по бесконечным борхесовским сновидческим мирам. Пожалуй, самым известным из всех будет даосский трикстер Чжуан Цзы, которому снилось, что он бабочка, но который сомневался по пробуждении, является ли он человеком, которому снилась бабочка, или бабочкой, которой приснилось, что она человек. Симулякр всегда был источником очарования и ужаса, особенно если он жил собственной жизнью. Сегодня само существование компьютерных симуляций, и особенно виртуальной реальности, придает этой могущественной мифопоэтике технологическую основу. То есть вне зависимости от того, насколько убедительной или «реалистичной» является настоящая технология виртуальной реальности, само наличие подобных симуляционных машин вносит метафизическую двусмысленность симулякра в сегодняшний мир с его материализмом, философским и потребительским, который служит плохой подготовкой к взаимодействию с архаической и коварной силой фантазма. «Тошнота относительности» Майкла Хейма может стать столь же распространенной, как и синдром дефицита внимания.

В этом смысле членов культа Эпплуайта можно рассматривать как мрачных пророков времен, когда отчуждение от первичной физической реальности достигло такой небывалой высоты, что целый мир может быть сброшен со счетов как получасовая тренировочная программа, отработавшая свое. Действительно, пожалуй, самым примечательным, но мало кем замеченным аспектом прощальных съемок членов культа был фон: зеленый, сочный парк, впитывающий лучи ленивого солнца Южной Калифорнии, с хором птиц, своим пением провозглашающих возвращение весны. Будто бы эти мужчины и женщины подсознательно хотели сообщить нам то же самое, что маркониты провозглашали почти два тысячелетия тому назад: что даже природный рай является иллюзией, ловушкой для нас, светозарных существ.

Если убеждение, что весь мир есть виртуальная игра, еще можно списать на счет маргинального психоза, то интерпретировать подобные безумные верования следует как первые симптомы более опасной культурной патологии. Цифровые перчатки и головные дисплеи являются видимыми знаками гораздо более коварной «виртуальной реальности»: суррогатной электронной среды образов и данных, которая дает приют сознанию и социальным пространствам. Французский философ Жан Бодрийяр диагностировал это состояние как массовое заражение гиперреальностью, которую он определяет как социальную, политическую и связанную с восприятием организацию, основанную на доминировании технологических симулякров. Подобно онтологическому вирусу, гиперреальность захватывает и разрушает прежние структуры понимания реального, заменяя их новым порядком реальности, основанным на симуляции. В своей книге 1983 года «Симуляции» Бодрийяр утверждает, что Диснейленд является Меккой цивилизации гиперреальности: средой, которая не является ни подлинной, ни

поддельной, будучи копией, для которой не существует оригинала, и образом социального контроля через «ожидание, симуляцию и программирование». Согласно глубоко апокалиптическому видению Бодрийера, масс-медиа стали своего рода спиральными нитями ДНК, которые заставляют реальность «мутировать» в гиперреальность, разъедаая любое пространство подлинного сопротивления и устанавливая абсолютное господство общества спектакля.

Апокалиптические теории Бодрийера можно рассматривать в качестве высоколбой научной фантастики, и в области НФ его основные идеи, не говоря уже об идеях Маршалла Эпплуайта, не являются чем-то новым. Мысль о том, что виртуальные технологии представляют собой инструмент социального контроля, можно найти еще в антиутопии Олдоса Хаксли 1932 года «Дивный новый мир», в которой «ощущалки» позволяют обществу наркотизированных и генетически модифицированных рабов «чувствовать» актеров, спроецированных на большой экран. Возможно, лучшим научно-фантастическим произведением об этом демиургическом медиаконтроле является книга Филипа К. Дика 1964 года «Три стигмата Палмера Элдрича». Чтобы спастись из гнетущих теней своей жизни, колонисты на Марсе проводят свободные часы у Перки Пэт, в миниатюрных кукольных домиках, в которых живут Пэт и Уолт, стройные фигурки, напоминающие послевоенные архетипы Барби и Кена. Собираясь вместе в своих лачугах, колонисты употребляют запрещенный наркотик, Кэн-Д, который «превращает» их в Пэт и Уолта, но, к сожалению, на мучительно короткое время. Некоторые колонисты считают это виртуальное путешествие проявлением эскапизма; другие интерпретируют его как религиозный опыт, в котором они сбрасывают плоть и «облачаются в нетленные тела». Спутниковая радиостанция, находящаяся во владении фирмы, производящей «наборы Перки Пэт», вращается по орбите вокруг Марса, передавая все новые и новые рекламные объявления для новых поклонников, а ди-джеи торгуют Кэн-Д на стороне. Даже психическая энергия используется в коммерческих целях: предсказатели, работающие на «наборы Перки Пэт», используют свои таланты для предсказания того, какие новые аксессуары будут пользоваться спросом у колонистов.

Как отмечает критик Питер Фиттинг, «Стигматы» рисуют картину мира, в котором «освободительный потенциал медиа и новых технологий полностью обесценен». Этот мир не так уж и далек от нас. Сетевые компьютерные игры, набеги и тематические парки и центры виртуальных развлечений стремятся не только отвлечь от проблем и развеселить, но и погрузить в новую, искусственную реальность. Эти виртуальные технологии вступают в острый конфликт с фабрикой грез Голливуда. В этом смысле холодец из «Звездного пути» можно расценивать как Священный Грааль индустрии развлечений. Многие голливудские блокбастеры уже стремятся стать чем-то вроде парка аттракционов, прибегая к эффекту «американских горок» («Смерч») или конструируя стильные миры, из которых не захочется уходить («Бэтмен»). Более того, нас поощряют к тому, чтобы мы приносили домой кусочки этих миров, покупая лицензированные иконки и сувениры: кружки с динозаврами, чашки с Годзиллой, униформу из «Звездного пути», карту VISA за номером 007. Индустрия для детей сегодня соединяет товар и образ настолько прочно, что дети (и их родители) уже должны покупать различные фигурки, одежду и всяческие липкие субстанции просто для того, чтобы «играть». Даже предсказатели из «наборов Перки Пэт» в «Стигматах» размышляют над сложными технологиями продаж, которые рыночные аналитики, обозреватели моды и PR-агенты применяют для того, чтобы предугадать, какие образы и стили захватят завтра потребительские потоки.

Экипаж «Энтерпрайза» всегда выходит невредимым из любых психологических или метафизических неприятностей, которые холодец в порядке учебного задания вводит в зазор между реальной и виртуальной жизнью. Однако «трекеры» «Врат Рая» не выбрались из своей собственной карманной вселенной. По сути, их иной мир был настолько захватывающим, что он не просто переоформил первичную реальность в соответствии с религиозной иллюзией — он аннигилировал эту первичную реальность. Текст Бодрийера указывает на то, что симулякр обладает апокалиптической мощью. Производя мультиверсум виртуальных реальностей,

симуляция может покончить с миром, попросту опрокидывая стабильность всех миров в состояние перманентного кризиса. Как отмечает Джей Болтер, цифровые миры наносят сокрушительный удар по традиционным для Запада метафизическим предположениям о природе творения. «Бог-программист творит мир не раз и навсегда, но много раз, снова и снова, переставляя его элементы для того, чтобы обеспечить функционирование каждой новой программы творения. Вселенная продолжается в качестве программы до тех пор, пока она не кончится или не выйдет из-под контроля, затем фигуры смахиваются с доски, и начинается новая игра».

Эпплсайт и его экипаж свели счеты с жизнью потому, что они чувствовали, что перегрузки Земли не избежать или, по крайней мере, что игра становится все более беспощадной. Сигналом к старту для членов культа был старый позывной для всех пророков: комета в небе. Но даже этой древней космической глыбы коснулась заразительная сила гиперреальности. На месте совершения самоубийства исследователи обнаружили изображение кометы Хейла-Боппа, первоначально полученное с использованием ювелирной астрономической спутниковой оптики, которое все еще висело на экранах их мониторов. Однако природа изображения неуловимо менялась, пока оно шло через телевидение, газеты, журналы и Интернет. Прежде всего комета Хейла-Боппа, проносясь через электронную вселенную, подцепила сумрачного «Компаньона»: непонятого двойника, описанного и сфотографированного неумелыми астрономами и превращенного в космический корабль богатым воображением уфологов-экстремистов. Другими словами, комета Хейла-Боппа стала симуляком, виртуальной реальностью, и ко времени, когда она достигла терминальных экранов на ранчо в Санта-Фе, ее изображение разрослось в ярко горящую сигилу постчеловеческого томления и миллениалистской тоски — тех эмоций, которые с неизбежностью позволяют услышать чужой зов. Комета вновь стала предвестником: логотипом последних времен, огромным вихрем в небе, знаменем культуры, неспособной остановить свое разрушение.

Датапокалипсис

Когда Маршалла Маклюэна спрашивали, оптимист он или пессимист, он неизменно отвечал, что он апокалиптик. Этот характерно ироничный ответ не только напоминает о том, что Маклюэн был правоверным католиком, но и намекает, почему этот человек был так не склонен занимать определенную моральную или политическую позицию в отношении электронного общества, привнесению которого в общественное сознание он способствовал. К ужасу многих его критиков, Маклюэн занял позицию пророка медиа, предугадывающего технологические «признаки времени», делая иронический и фаталистический шаг в сторону со светской арены социального действия и исторического конфликта. Но Маклюэн был не столько технологическим детерминистом, сколько технологическим экзегетом: он прочитывал медиаландшафт через фильтр своего собственного чрезвычайно богатого воображения, позволяя аналогиям не в меньшей степени, чем анализу, вести себя вперед. Этот метод позволил Маклюэну выразить догадку гораздо более глубокую, чем социополитический дискурс, формулируемый многими теоретиками медиа, догадку о том, что человек и человеческая цивилизация переживают бурную трансформацию, настолько полную и безвозвратную, насколько только можно представить.

У истинного апокалиптика чувство, что история готова сделать поворот, вызывает психологическую установку гораздо более сложную, нежели оптимизм или пессимизм, потому что апокалиптический поворот отчасти черпает свою силу из смешения спасения и гибели и даже принятия одного за другое. Даже старые школьные воззрения на библейских апокалиптиков были глубоко полярны, разрываясь между взятием на небеса и чумой, Новым Иерусалимом и Антихристом, пришествием Мессии и последним путешествием в преисподнюю. Шизофрения Маклюэна в этом отношении могла доходить до крайности. С одной стороны, он мог заявлять, как он сделал это в интервью Playboy в 1969 году, что компьютерные сети выполняют обещание появления технологически порожденного состояния универсального понимания и единства, состояния погруженности в Логос, который может объединить человечество в одну семью и создать вечную коллективную гармонию и мир.

Взывая к убеждению Данте, что люди будут жить как осколки разбитого целого, пока мы не «объединимся во всеохватывающем сознании», Маклюэн дошел до сути дела: «В христианском смысле это просто новая интерпретация мистического тела Христа; а Христос в конечном счете есть предельное измерение человека». Но почти в то же самое время Маклюэн мог лелеять гораздо более мрачные взгляды на новую технокультуру. В письме философу-томисту Жаку Маритену Маклюэн разгромил свои взгляды, изложенные в Playboy в самых сильных выражениях, какие только можно представить:

Электронное информационное окружение, будучи крайне неуловимым, поддерживает иллюзию мира как духовной субстанции. Это теперь разумное факсимиле мистического тела [Христа], откровенная манифестация Антихриста. В конечном счете Князь мира сего — великий электронный инженер.

Здесь Маклюэн осуждает электронные СМИ не только за то, что они поощряют отрицание материального мира (под которым он понимал гностическую ересь докетизма), но и за создание демонического симулякра того самого мистического тела, к которому он взывал в Playboy. В письме Маритену он намекает и на то, что определенные державы фактически провоцируют это сатанинское положение дел — эти подозрения возвращались любительским интересом Маклюэна к католическим теориям заговора, планирующим изменение хода истории группами просвещенных гностиков.

Маклюэн вряд ли был одинок в своих апокалиптических догадках как тогда, так и сейчас. Многие сегодня испытывают чувство головокружения, нарастающего в сердце вещей, почти подсознательного сотрясения по линиям разлома реальности. Сторонник крайних взглядов Арт Белл, который пересказывает новости

сверхъестественного в своем чрезвычайно популярном ток-шоу на радио, называет это ускорением. Термин Белла удачен, потому что простого ускорения технологических и социо-экономических изменений сегодня достаточно, чтобы придать сюрреалистическую и пугающую остроту социальным переменам, которыми отмечена наша повседневная жизнь. Новые технологии трансформируют войну, коммерцию, науку, воспроизводство, труд, культуру, любовь и смерть со скоростью, пугающей лучшие умы. По мере того как глобальные потоки информации, продукции, людей и симулякров вливаются в наши непосредственные жизненные миры, они разрушают наше ощущение твердой почвы под ногами и привязанности к определенному времени и месту. Французский философ Поль Вирилио, католик необычайно постмодернистского толка, утверждает, что одна только скорость информации, образов и технологических метаморфоз фактически растворяет наше чувство исторического времени. Хотя мы давно привыкли к сумасшедшим ритмам современной жизни, иногда кажется, как будто нас увлекает еще более глубокое и неистовое течение времени, жуткий разрыв, который грозит утащить нас в море.

Конечно, мы вряд ли будем первым поколением, ощутившим сотрясение некоего тектонического сдвига в почве истории. В действительности трудно найти такую эпоху за последние два тысячелетия, когда кто-нибудь где-нибудь не полагал бы, что близятся последние дни. При наличии необходимых социальных или психологических условий появится и нужная степень утопической страсти или резкие перемены и острое чувство опасности, которые характерны для апокалиптической эпохи. Хотя бесчисленные кульминационные даты приходили и уходили, не ознаменованные ни стуком копыт ни трубным гласом, пророки апокалипсиса не перестают вновь и вновь гадать по календарю. Сбой в тиканье главного одометра, подобный 2000 году, — и появление на горизонте миражей Армагеддона и «золотого века» обеспечено.

Возможно, Запад вписался в нарративную ловушку и не может убежать от своей старой грандиозной сказки о завершении и уничтожении, истории, которая, как все хорошие истории, одновременно стремится к своему концу и отодвигает его. Хотя космическое ощущение завершения может рассматриваться как своеобразная патология исторических религий, эсхатологическое воображение давно просочилось в светские мифы об истории и научном прогрессе. Как мы увидим из этой главы, технологии пронизаны мифами, которые обрамляют историю времени, — как мифами утопии, так и мифами катаклизма. Поэтому нас не должно удивлять ни то, что многие из распространенных историй об «информационной революции» питаются моделями эсхатологической мысли, ни то, что технологические образы спасения и гибели продолжают бомбардировать экраны социального воображения, подобно афишам последнего летнего блокбастера. В действительности достаточно заглянуть за покрывало технокультуры, чтобы обнаружить заразительную интуицию о том, что на этом пути должно возникнуть нечто видоизмененное — будь то ангел, или Антихрист, или искусственный сверхразум.

Даже самые косные инженеры сегодня со страхом ожидают 2000 года — и не без оснований. Бесчисленные компьютерные системы по всему миру, в особенности «устаревшие системы», составляющие основной слой многих коммерческих, банковских и правительственных учреждений, сохраняют номер года как двузначное число и поэтому ошибочно прочитают 2000 как 1900, что вызовет непредсказуемые и потенциально катастрофические ошибки. «Проблема 2000» уже провоцирует тревогу, страх и параноидальные слухи, истории, которые напоминают нам, насколько тесно мы привязаны ко времени или, скорее, к произвольным рамкам, которые мы используем, чтобы упорядочить и контролировать его угрожающий поток. Тот факт, что исторический одометр Запада был заведен христианскими бюрократами, у которых тоже было по десять пальцев, не означает, что эти часы не тикают.

Вот мое скромное предсказание: последние времена будут все так же манить нас еще долгое время после 2000 года. Мы должны предпринять что-то еще, а не

просто посмеяться над иррациональностью апокалиптической мысли, которая не более рациональна и не менее интересна или интригующа, чем азартная игра или хорошая поэзия. Действительно актуальный вопрос — как нам справиться с апокалиптическими настроениями и фантазиями, которые уже заставляют мир трещать по швам. С моей точки зрения, мы не должны ни игнорировать эти зловещие знаки и чудеса, ни интерпретировать их как буквальные предвестники какой-то судьбы. Как показала активность японской «Аум Синрикё», ожидание апокалипсиса может быть безумно опасным, но оно может также служить романтическим текстом времени. Еще больший потенциал заключен в его способности разрушать иллюзорное чувство, будто мир сегодня развивается как попало, как и всегда. Это не тот случай. Мы живем на краю эпохи нарастающего шума и неистовства, заново изобретенных кошмаров и невидимых архитектур проясняющего кода, который как раз мог бы способствовать спасению этой эпохи. Ощущение конца прорывается сквозь ложное благодушие повседневности и позволяет нам бросить хотя бы беглый взгляд на глобальную турбулентность под неумолимым знаком абсолюта.

Эсхатеология

В XII веке Иоахим Флорский, вернувшись из поездки в Святую землю, принял решение облачиться в рясу монаха-цистерцианца. Иоахим вскоре устал от административных обязанностей и ушел из ордена, удалившись в горы, чтобы вести уединенную созерцательную жизнь. К концу жизни Иоахима его популярные и визионерские экзегетические произведения, наряду со случавшимися время от времени откровениями, которые он получал свыше, завоевали ему славу пророка своей эпохи. Однако, хотя некоторые из римских пап восхваляли его произведения, а Данте поместил его в рай, другие теологические авторитеты были напуганы революционным значением его работ и объявили его воинствующим еретиком. Что касается католиков, они еще не вынесли свой окончательный вердикт.

У Иоахима было сомнительное теологическое увлечение — он был одержим Книгой Откровения, величественным «Апокалипсисом», который завершает христианскую Библию. Сама эта книга была написана в конце I века н. э., когда первое поколение христиан с нетерпением ожидало близкого и буквального возвращения своего Мессии. Молодой культ переживал волну преследований со стороны Рима, и, когда христианский пророк Иоанн в конце концов был заключен на острове Патмос, он почувствовал необходимость записать «Апокалипсис», картину последних дней. Наряду с изображением ужасающих волн чумы, битв и других бедствий, в центре созданного Иоанном текста находится славный Царь, который сразится с Антихристом, уничтожит развратные империи мира и воцарится в искупленном, но земном Царстве, известном как Новый Иерусалим. Спустя несколько веков, когда христианская Библия была наконец запечатлена в камне канона, Книга Откровения попала в нее только чудом. Она уже была чем-то вроде бельма на глазу для Рима, который вынужден был согласовывать воинственное представление книги о будущем царстве Мессии с существованием самой Церкви как установленной институциональной силы в явно еще не спасенном мире. Чтобы разрешить это противоречие, святой Августин заявил, что Апокалипсис Иоанна — чисто символическая аллегория и что тысячелетнее Царство Божие уже существует на земле в теле Церкви.

Как читатель, вдохновленный свыше, Иоахим был заинтересован не в том, чтобы вымучивать из Откровения подобные бледные аллегории, но в том, чтобы выманить дух пророчества из-под твердой скорлупы буквы. Мистически созерцая скрытые аллегорические соответствия между Ветхим и Новым Заветом, Иоахим наконец нашел, как он полагал, ключи к истории. Наложив христианскую Троицу на линейную ось времени, Иоахим провозгласил, что история суть последовательная реализация Отца, Сына и Святого Духа. Древнейшая эпоха Отца характеризовалась властью закона и страхом Божиим, в то время как вторая эпоха, начало которой положил Иисус, обозначенная переходом от Ветхого к Новому Завету, была эпохой Сына, эпохой веры и сыновней преданности Евангелию и Церкви. Но Иоахим слышал, как в дверь стучится третья эра: новая эпоха Святого Духа. С ее наступлением здание всемирной Церкви, с ее институциональными таинствами и библейским законом, уступит дорогу свободному прорыву любви, радости и мудрости, который будет продолжаться до Страшного суда. Тысячелетняя утопия Иоахима должна была узреть «духовное знание», непосредственно открытое сердцам людей, своего рода универсально распространенный харизматический гнозис, который стал бы исполнением молитвы Моисея: «О, если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них!» (Числа 11: 29).

Пророчества Иоахима были глубоко революционны по своей сути. Они предполагали, что мир и люди в нем обречены на радикальное усовершенствование; что более опасно, они вдохновляли желание ускорить наступление третьей эпохи посредством социальных перемен и индивидуального духовного роста. Третья эра Иоахима и Святой Дух стали религиозным знаменем для многочисленных перфекционистов, визионеров, чудаков и революционных монахов, включая францисканцев и бег-гардов, для парадоксального культа Святого Духа, а позже — для более анархистских протестантских бунтов. Но

теоретические волны, вызванные трудами Иоахима, хлынули за пределы теологии. Представляя историю как процесс самопреодоления, Иоахим подготавливал путь для вполне современных идей прогресса, революции и социального развития. Как пишет Норман Кон в своей классической книге «В поисках миллениума», «продолжительное косвенное влияние размышлений Иоахима можно проследить до сегодняшнего дня, что наиболее очевидно в определенных „философиях истории“, которые церковь подчеркнуто не одобряет». Иоахим способствовал возвращению эволюционных представлений об истории, отточенных Гегелем и позитивистом Огюстом Контом, который рассматривал историю как восхождение от теологического к метафизическому и научному. Даже Маркс и Энгельс, атеисты и исторические материалисты, резко отзывавшиеся о досоциалистических утопиях как о «популярных изданиях Нового Иерусалима», не смогли избежать милленаристского призрака учения Иоахима о трех эпохах. Они считали, что социальная история человечества началась с аграрного, или примитивного, коммунизма, прошла через ужасные машины капитализма и, наконец, обретет покой в торжестве коммунизма, бесклассового рая на Земле, в котором государство исчезает, отчуждение изгоняется, а пролетариат становится свободным. К тому времени, когда произошли революции в России и в Китае, марксизм вырос в совершенно мессианское движение — даже если идеологически он оставался крайне враждебным к трансцендентным устремлениям религии.

Коммунизм был не единственной встречей XX века с «моделью трех» Иоахима. После безумно милленаристского Третьего рейха Гитлера иоахимовская эпоха Духа неожиданно оказывается в центре послевоенных представлений об информационной эпохе. Олвин Тоффлер в своей самой популярной и оказавшей наибольшее влияние книге «Третья волна» заявил, что мы находимся на пороге близящегося поразительного фазового сдвига к постаграрному, постиндустриальному обществу, основанному на свободе, индивидуализме, децентрализации и видоизмененных машинах. Пророчества Тоффлера были достаточно обоснованы и проницательны, чтобы с ними считались, но их теоретический размах был также достаточно опьяняющим, чтобы придать интонацию ожидания и даже пророчества возникающей риторике «информационной революции». Позже среди серферов третьей волны отметились журнал Wired, недолговечная Республиканская революция, вдохновленная Ньютом Гингричем, а также руководства и семинары Джорджа Гилдера, Тома Петерса и множества технокапиталистических гуру и визионеров о том, как вести энергичный бизнес. Что касается Гилдера, он временами становится совершенным мистиком. Восхваляя божественную изобретательность технических новинок, Гилдер допускает даже, что быстрое сокращение размеров микрочипа ведет нашу цивилизацию к некой величественной нематериальной трансформации.

Хотя революционная риторика цифрового технокапитализма подверглась нападкам за ее высокомерие, близорукость и слепую невосприимчивость к материальным проблемам мира, она высказывает также истину, имеющую значительные последствия: научное и технологическое развитие, веками характеризовавшее западную культуру, наполняется милленаристским пылом. Как показывает историк Дэвид Ноубл в своей полной откровений книге «Религия технологии», стремление Иоахима к совершенной истории непосредственно питало изменяющиеся представления средневекового мира о технологии, когда монастыри стали включать прежде низменные «механические искусства» в свой духовный труд. Помимо воплощения богоданного превосходства человека в остальной природе, технология давала ему возможность господствовать над падшим миром и трансформировать его. После Возрождения Запад вступил в эпоху, которую Майкл Гроссо называет «медленным апокалипсисом прогресса», когда наука и технология взяли на себя задачу возрождения земли и раскрытия ее тайн. По словам Ноубла, технология стала эсхатологией, в результате чего техномания нашего современного мира «остаётся окутана религиозной верой».

Сознательно или нет, этот энтузиазм во многом связан с последней частью Книги Откровения, когда, после ряда изоощренных бедствий, Новый Иерусалим наконец сходит с небес. Наряду с философской республикой Платона, Новый Иерусалим

является теологическим прототипом утопии — несокрушимым городом-драгоценностью, имеющим духовное предназначение и революционное моральное значение. Хотя река жизни проникает на его золотые улицы и фруктовые деревья цветут с генетически запрограммированной надежностью, планировка и материалы Святого Града ни в коей мере не являются естественными. Лучезарный и прозрачный, город не нуждается в Солнце или Луне, потому что «его освещает слава Божия». Более того, его нисхождение сопровождается полным преобразованием Космоса, возникновением «нового неба и новой земли».

Несмотря на ужасы XX века, такие как Хиросима, Чернобыль и Бхопал, наиболее склонные к евангелизму защитники науки и технокапиталистического прогресса продолжают выдавать перфекционистские обещания, что новая земля — прямо за углом. Прозелиты нанотех-нологии заявляют, что молекулярные машины скоро дадут нам невообразимую творческую власть над материальной реальностью, а некоторые исследователи ДНК предполагают, что расшифровка генома человека позволит нам усовершенствовать виды, если не победить саму смерть. Некоторые из ученых-визионеров и математиков даже говорят о грядущей Сингулярности, точке на ближайшем горизонте, в которой сойдутся векторы быстрого развития в сферах искусственного разума, робототехники, микрочипов и биотехнологии, породив невообразимое изменение состояния, которое сотрет логику человеческой истории и заставит умолкнуть все прогнозы.

Хотя репродуктивные технологии и генная инженерия вполне могут в конечном счете оказать на форму будущего гораздо более сильное влияние, чем компьютеры, механизмы информации и коммуникации продолжают нести в себе многие из самых опьяняющих эс-хатехнологических фантазий сегодняшнего дня. Как мы видели в главе II, технология коммуникаций несла милле-наристский заряд с тех пор, как СМИ стали подключаться к электричеству, которое представляло собой символический материал Просвещения, одновременно сакральный и профанный. Мы уже слышали заявление американского конгрессмена Ф. О. Дж. Смита о том, что телеграф, «уничтожая пространство», вызовет «революцию, которую не может превзойти по нравственному величию ни одно открытие, сделанное в искусствах и науках». Евангелист и пророк технологии Алонзо Джекман с таким же воодушевлением провозгласил в 1846 году, что электрический телеграф позволит «всем обитателям Земли объединиться в одной интеллектуальной соседской общине и в то же время совершенно освободиться от тех загрязнений, которые могли бы быть получены при других обстоятельствах».

Эти размышления вводят в техноутопическую риторику новых коммуникационных технологий ряд поразительно знакомых мотивов: нравственная революция, мировая деревня, апокалиптический коллапс времени и пространства, даже гигиена чисто виртуального контакта. Телефон Белла привнес в это уравнение более демократический фактор. В вышедшем в августе 1880 года журнале *Scientific American* можно было прочитать, что возникнет «не что иное, как новая организация общества — положение вещей, в котором каждый индивид, хотя и будет изолирован, сможет находиться на связи с каждым другим индивидом в сообществе». Когда епископ французского города Экса освятил электрический завод, на стене завода написали: «Электричество не только предвещает нечто возвышенное и захватывающее, но оно будет работать на строительство тысячелетнего царства света». Эти электрические фантазии просочились также и в электромагнитный спектр. Тесла писал, что беспроводная связь будет «очень эффективной в просвещении масс, в особенности в еще нецивилизованных странах и менее доступных регионах, и будет материально способствовать общей безопасности, комфорту и удобству и поддержанию мирных отношений».

Не нужно быть Иоахимом, чтобы увидеть, к чему все это ведет. Сегодня мы пропитаны риторикой «мифинформации», которую социальный критик Лэнгдон Уиннер определяет как «почти религиозное убеждение» в том, что широкое распространение компьютеров, коммуникационных сетей и электронных баз данных автоматически создаст для человечества лучший мир. С развитием и скрещиванием Интернета, беспроводных спутниковых сетей, глобальных медиа и

бесчисленных компьютерных миров коммуникационная утопия возникает снова. С поразительной предсказуемостью мы говорим самим себе (и нам говорят), что цифровая эпоха — это эволюционный скачок вперед для человечества, который поможет передать власть индивиду, восстановить общность, оказать поддержку немощным, преодолеть предрассудки, сообщить мощный импульс демократии, сделает нас умнее и богаче и, возможно, даже вдохновит мир во всем мире. «Что-то происходит», — обещает рекламный ролик IBM — монтаж нулей, представляющих бесчисленные народы мира, в фигуру старого мудрого африканца. «Просто подключись — и мир твой». В рекламном ролике в стиле MTV, созданном для сети MCI, который сообщает нам, что информационная супермагистраль открыта для всех цветов и возрастов, мы видим слово «утопия?» на экране монитора. «Нет, это Интернет», — говорит нам голос за кадром.

В своем фундаментальном эссе для авторитетного сборника «Киберпространство: первые шаги» профессор архитектуры Майкл Бенедикт указывает, что культурный миф киберпространства во многом обязан своему резонансу образу Святого Града. Подобно Новому Иерусалиму, киберпространство обещает невесомость, сияние, дворцы внутри дворцов, выход за пределы природы и плерому всех культурных вещей. Бенедикт даже предлагает информационное истолкование бесплотного спасения, предполагая, что «сфера чистой информации» может очистить природные и городские ландшафты, спасая их, избавляя их... от всякой неэффективности, от всех загрязнений (химических и информационных) и искажений, присущих процессу движения информации, соединенной с вещами, — от бумаги к умам — через обширное и неровное пространство Земли, над ним и под ним.

Бенедикт признает, что его взгляды на киберпространство остаются несбыточными мечтами. С другой стороны, он столь же обоснованно утверждает, что сила и постоянство этих древних «ментальных географий» и мифов о спасении гарантируют, что, несмотря на все силиконовое шарлатанство и коррозию, которыми сопровождается цифровая коммуникация, киберпространство сохранит некоторую степень «мифологии».

В следующей главе мы более подробно рассмотрим религиозные и апокалиптические мифы, которые формируют наше очарование коммуникацией и ее технологиями. Однако важно отметить, что эйфория века информации возникает также из чувства прорыва, которое новые мощные медиа приносят в общество. Как я утверждал на протяжении всей этой книги, различные формы коммуникации — пророчество, письмо, печать, телевидение, электронная почта — формируют социальное и индивидуальное пространство вдоль особых линий, создавая уникальные сети восприятия, опыта и межличностных возможностей, которые способствуют формированию социальной структуры реальности. Отсюда следует, что когда техническая структура коммуникации, присущая данной культуре, быстро и значительно изменяется, то как социальная, так и индивидуальная «реальности» неминуемо приходят в движение. Если позаимствовать образ каббалы, мощные новые медиа «разбивают сосуды», открывая новые и не нанесенные на карту регионы реального. Социальное воображение бросается в этот разлом, выпуская на свободу поток теорий, одновременно культурных, метафизических, технических и финансовых. Эти теории неизбежно приобретают утопический и лихорадочный оттенок. Как пишет Дэвид Порш: «По мере того как технология воздействует на человеческую природу, изменяя ее, а человеческая природа приспосабливается к новой техносфере, возникают новые версии утопии, которые, в свою очередь, способствуют развитию новых технологий, которые, в свою очередь, меняют контекст, в котором определяется человеческая природа и т. д.». Сколько бы мы ни стремились воплотить рационализм наших машин, мы не можем избежать этого витка обратной связи между *techne* и мечтой.

Неудержимо расширяя эти циклы обратной связи, Интернет, несомненно, разбил сосуды. Возвращенная когда-то Всемирной паутиной Сеть стала самым завораживающим медиумом нашего времени, и теперь, кажется, ей суждено

доставить немало хлопот печатному прессу Гутенберга в качестве главного технокультурного мутагена. Те, кому повезло общаться онлайн, могут, как ни в одну другую эпоху в истории, резонировать с родственными умами по всей планете, разрабатывать богатые жилы неожиданной информации и образов и реагировать на изматывающий хаос жизни конструктивной коммуникацией и избытком точек зрения. Как сформулировал это Майк Гудвин из EFF, Интернет — «первый медиум, комбинирующий всю мощь охвата широкой аудитории, которую вы видите в радио, телевидении и газетах, с интимностью и разнонаправленным потоком информации, которые вы видите в телефонных разговорах. Он одновременно интимен и могуществен».

Это соединение мощи и интимности объясняет многое в утопическом энтузиазме, которым Интернет был встречен в первой половине 1990-х годов. Не имея необходимости жертвовать уровнем интимности, который ценен для нас как для индивидов, Интернет дал нам возможность соединиться с гораздо более обширным миром, занять, по крайней мере потенциально, место ненасильственной коммуникативной силы. Как популярность личной домашней странички, так и риторика виртуального сообщества выражали желание преодолеть отчуждение современной жизни посредством подключения некоторой части «я» в сетевую технологию. Символически, если не фактически, Интернет обеспечил, таким образом, фрагментарный и гибкий компромисс для постмодернистского «я», дающий ему возможность снова встать на ноги. Миллионы людей были привлечены возможностью свободного (и бесплатного) обмена в Сети идеями, знаниями, опытом и творческим трудом. Даже если пользователи были вынуждены очищать зерно от множества плевел, эта экономика дара существовала за пределами рынка. Виртуальная торговля знанием, навыками и опытом не только добавила новизны и случайности в онлайн-жизнь; она также породила своего рода публичное пространство, заблокировавшее на время мощные пути ком-модификации и маркетинга, залезших почти в каждый карман современной жизни повсюду, где была хоть малая возможность наживы. Даже первые интернет-предприниматели — провайдеры, производители аппаратного оборудования, издатели, консультанты — делали деньги вокруг Интернета или за его пределами, а не на нем самом.

Датский медиаактивист Герт Ловинк называет первые годы массовой популярности Сети Эпохой Мечты — «кратким периодом коллективных мечтаний, страстных дебатов, собраний и возможности быстрых денег». К сожалению, такие периоды непродолжительны, они уступают напору более прозаических исторических сил и особенно мощному подводному течению денег и власти. Эту печальную историю в разных вариантах повторили все коммуникационные утопии — от телеграфа и радио до телевидения. Творческие возможности и новые социальные формы отсеиваются и становятся обыденностью; технологии больше комплектуются для потребителей, чем взламываются; коммерческие интересы и государство колонизируют новое коммуникационное пространство как «естественное» расширение их владений.

Воспроизведет ли Интернет эту предположительно упрощенную схему или же нет — увидим. После появления печатной книги возникло немного технологий, которые обладали лучшим потенциалом для создания подлинно творческой и демократической среды для дискуссии, расширения знания, альтернативных воззрений, новых промежуточных звеньев общества и новых точек соприкосновения с оффлайн-миром. Я опасаясь, что если Сетью завладеют микробестии власти XXI века, то попыткам граждан мира создать жизнеспособную и гуманную технологическую культуру и сохранить доступ к системе управления космического корабля под названием «Земля» будет нанесен значительный ущерб. Многие заявляют, что мы должны теперь максимально эффективно интегрировать Сеть в мировую экономику, сделать ее максимально безопасной для использования кредитных карт, проложить путь для мегателевидения и приватизировать как сети, так и наши онлайн-сделки и наши индивидуальности. Возможно, такое направление развития неизбежно и даже необходимо, но мне кажется, что мы должны продолжать мечтать, и делать это настолько публично, насколько возможно. Мы не можем претендовать на то, чтобы воскресить ловинковскую

Эпоху Мечты, период наивной новорожденной радости, который уже позади. Но вероятно, мы можем сделать из киберпространства урбанистический ремикс изначальной Эпохи Мечты: виртуальную экологию разума, электронную агору, коллективную метакарту, скорее дополняющую, нежели заменяющую реальность.

Сеть в конечном счете все еще находится в состоянии становления, и в этом ее сила. Бесконечные несовершенства Сети, ее протекающие трубы и обнаженные провода не столько препятствуют реализации утопических отношений, сколько способствуют сохранению ее безумных, алхимических и новаторских в социальном плане возможностей. Разрывы и прорывы, порождаемые бесконечными мутациями технологии, как можно надеяться, помешают предсказуемому императиву потребительской культуры преобразовать киберпространство в торговый центр. Бесконечная вереница вирусов и несовместимых протоколов может создать достаточно помех на линии, чтобы не дать загипнотизировать нас любым возникающим суррогатам страны чудес, и напомнить нам, что утопия — не по ту сторону волшебного зеркала, а в виртуальных образах, заключенных в наших потенциальных и все более коллективных «я».

...И умножится ведение

Сегодня ангелы повсюду. По всей Америке простые люди сообщают о спасительных вмешательствах Небес и глубоких духовных встречах с загадочными созданиями света. Возникла настоящая индустрия ангелов — значки с серафимами, пособия «Помоги себе сам», обильно иллюстрированные ежедневники в манере прерафаэлитов, карточки и календари, а также популярный сериал на CBS «Прикосновение ангела». Хотя ангел остается могущественной и сверхъестественной фигурой, многие из современных нам экземпляров — не более чем круглолицые нахалы и страдающие анорексией сильфиды в стиле нью-эйдж. Напрасно мы будем искать сияющих гигантов Блейка, возвышенных интеллигенции Псевдо-Дионисия или ослепительных форм шиитских суфиев. Хотя мистики и церемониальные маги описывают встречу со своим ангелом-хранителем как всерьез леденящий душу опыт, те контактеры, о которых мы слышим в «Шоу

Опры Уинфри» или в «Новостях недели», слишком часто, кажется, довольны тем, что убедились, что эти воздушные мешки существуют.

Однако было бы ошибкой воображения относить возвращение престолов и властей на счет экономического затягивания библейского пояса или зависти христиан к аудитории, которую собирают телеканалы. Готовится что-то иное. По-гречески ангелос означает «посланник», и ангелы традиционно рассматривались как светоносные агенты Логоса, представители порядка, коммуникации и знания. Ангелы, проявляя свойственную Гермесу готовность прийти на помощь, являются посредниками между недостижимым, но всеведущим божеством и земными сферами, где люди с трудом пробираются во тьме. Именно по этой причине столь многие маги и представители каббалы зажигали в полночь свои лампы, пытаясь вступить в контакт с этими светоносными бюрократами. Подобно Джону Ди, они искали «общества и сообщений от Ангелов Божиих». Поэтому, возможно, не случайно, что эти посредники вернулись в наши датапо-калиптические дни, поскольку они образуют сияющие иконы единственной веры, которую сохраняют сегодня многие люди: веры в то, что информация и коммуникация каким-то образом спасут нас.

В действительности Лэнгдон Уиннер и сам не подозревал, насколько он прав, когда описывал «почти религиозное убеждение» сегодняшнего общества в эффективности и благе информационных машин. Народные и даже утопические надежды, вложенные в информационную технологию, и в особенности в Интернет, имеют своим источником глубокую веру в силу и ценность человеческой коммуникации, ее способность преодолевать границы, волновать умы, вдохновлять интеллект, а также одновременно расширять и укреплять границы «я» и сообщества. Конечно, коммуникация — чрезвычайно сложное и запутанное дело, полное обмана и помех, и наша современная идеология эффективного и продуктивного обмена информацией зачастую игнорирует эту богатую и волнующую неоднозначность. Но даже если коммуникация стала в значительной степени односторонним фетишем, наша страсть к ней становится более глубокой.

Американский прагматист Джон Дьюи выразил эту страсть, когда написал, что «из всех видов деятельности удивительнейший — это коммуникация. То, что результатом коммуникации должно быть соучастие, — чудо, перед которым бледнеет пресуществование». На первый взгляд Дьюи выражает явно светское чувство, присущее американцам, ставя коммуникацию в один ряд с библиотеками, ратушами и свободой прессы, которые способны построению демократического идеала публичного пространства голосов, которое позволяет сообществам установить связь друг с другом, а индивидам — представлять самих себя. Но хотя эта концепция коммуникации остается светской идеологией, неотъемлемой частью нашего плюралистического мира крикливой демократии и гипермедиа, ее чудесная способность устанавливать связь между умами наделяет ее духовной силой. Коммуникация продолжает привлекать нас отчасти потому, что она несет в себе семена общности: преодоления одиночества и отчуждения, вовлечения нас в коллективные тела, основанные на сочувствии, разуме и

взаимоуважении. Выражаясь символически, это обещание коммуникации во многом черпает свою энергию из той самой религиозной традиции, с которой защитники свободы слова и другие либеральные сторонники коммуникации сегодня так часто оказываются по разные стороны линии фронта, — из христианства.

Противопоставление у Дьюи коммуникации и чуда пресуществления скрывает эту более глубокую симпатию. Пресуществление — католическая доктрина, гласящая, что, участвуя в евхаристии, ритуальном вкушении вина и хлеба, которое составляет интерактивный центр мессы, мы получаем опыт святого причастия к телу Христову. Протестанты отказались от мистической веры в буквальный смысл причастия, объявив евхаристию символическим актом. Но все христиане ощущают резонанс с рассказом, к которому восходит этот ритуал, — с Тайной вечерей, когда Иисус преломил хлеб и разделил чашу вина со своими друзьями и учениками в вечер, предшествовавший его смерти. Несмотря на страдание и предательство, предполагаемые в этой сцене (или, возможно, из-за нее), странное приглашение Иисуса разделить его тело и кровь остается мощным символом общности всех людей. Когда ранние христиане учредили таинство евхаристии, священное вкушение вина и хлеба представляло собой нечто большее, нежели мистическое воспоминание или простой акт памяти: это был также роскошный пир, глубоко человеческое торжество единства общины, и, таким образом, это был тот самый образ соучастия, который Дьюи отождествляет с результатом коммуникации.

По контрасту с либеральными и светскими целями плюрализма, однако, христиане были так убеждены в ценности своего своеобразного пира, что постоянно настаивали, что каждый человек должен присоединиться к ним или он будет проклят. В действительности, несмотря на раскол между Восточной и Римской церквями и почти бесконечными разновидностями протестантизма, христианство остается, наряду с исламом, религией с самыми глобальными и тотальными устремлениями. Сегодня на Земле больше христиан, чем последователей любого другого религиозного вероисповедания, и эта религия продолжает распространяться, особенно за пределами взрастивших ее ближневосточных и европейских стран. С исторической точки зрения христианство во многом обязано своим глобальным охватом насилию: своей беспощадной нетерпимостью к язычникам, иудеям и неверующим в пределах христианского мира и своему сговору с колониальной властью за этими пределами, где завоевание других культур, как правило, означало также их принудительное обращение в свою веру. Но любое рассуждение о феноменальном успехе этой религии должно также принимать во внимание коммуникативную силу христианства. Со времен первых евангелистов, которые странствовали по Римской империи, провозглашая керигму, «благовест» о спасении, осуществляемом Богом через Христа, священники и миссионеры посвятили себя обращению других в свою веру и проповеди евангелия, во всех ее многогранных формах, с рвением, равного которому не было в истории религии. Хотя сегодня, вероятно, все люди, за исключением отшельников, получили это послание, евангелизм остается мощным религиозным призванием для многих христиан, особенно для протестантов. Евангелическая деятельность принимала множество противоречивых форм на протяжении сложной истории христианства, но она также должна рассматриваться как часть общего коммуникационного проекта — распространения евангелия по всему миру.

И это распространение началось незамедлительно. Прежде чем воскресший Христос вознестись на небеса, он сказал своим ученикам, что Святой Дух скоро сойдет и крестит их, дав им силу проповедовать евангелие «по всему миру». Через десять дней после вознесения Христа ученики собрались на праздник урожая — Пятидесятницу:

При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились; и явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух Святой давал им проповедовать. В

Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами. Когда сделался этот шум, собрался народ и пришел в смятение; ибо каждый слышал их говорящих его наречием (Деяния 2:1-6).

Речь идет примерно о 120 учениках, пирующих вместе «единодушно». Но когда сходит Святой Дух, он разрушает эту человеческую гармонию ужасающим шумом, звуком неистовой бури. Учеников касаются сверхъестественные языки, одновременно визуальные (подобные огню) и вербальные. Дух овладевает их голосовыми связками и начинает непосредственно передавать информацию о делах Божиих слушателям из разных народов. Что еще более чудесно, присутствующие слышат, что Дух говорит на их собственном языке, как будто на время было снято древнее проклятие Вавилонской башни или, по крайней мере, вмешался некий универсальный переводчик. Пятидесятница — это коммуникационная мистерия: наступает шумовой хаос, несущий экзистенциальные языки Духа, которые передают Слово людям всего мира на всех частотах человеческой речи.

Такая напряженная интенсивность, конечно, не может поддерживаться до бесконечности, поэтому Святой Дух или, вернее, стоящие за ним люди вскоре воспользовались механизмом письма, чтобы расширить возможности распространения евангелия. Несмотря на романтическое изображение раннего христианства как непосредственной культуры устной спонтанности, христиане с самого начала были заинтересованы в чтении, записи и цитировании текстов. В частности, первые христиане были правоверными иудеями, и они хотели вписаться в иудейскую мессианскую традицию, доказывая, строчка за строчкой, что Христос исполнил пророчества Писания о грядущем царе. Есть свидетельства, что некоторые христиане собирали подходящие цитаты из древнееврейских текстов в записные книжки, которые всегда имели под рукой, чтобы использовать во время проповедей и дискуссий. С того момента, как святой Павел начал выдавать послания к обширной пастве I века — письма, которые должны были зачитываться перед общиной и которые в конечном счете были объединены в книгу, — христиане использовали технологию Слова как средство для живого Логоса.

Ко времени Средневековья католическая церковь определила для Библии место внутри огромного экзегетического и литургического аппарата, сделав ее доступной только для священников, монахов и ученых — знатоков латыни. Но когда деятели протестантской Реформации XVI века взялись за средневековую церковь, они попытались восстановить дух раннего христианства, радикально переосмыслив роль Писания. Чтобы восстановить более непосредственную связь между Словом и душами простых людей, они перевели Библию на местные языки. Священный статус латыни был опровергнут. В отличие от писаний иудеев и мусульман, чьи священные языки остаются, по существу, непереводаемыми, протестантское слово было настолько интенсивно непосредственным, что оно могло выйти за пределы искажений и ошибок, вносимых переводом, — идеальное выражение глобального мифа Пятидесятницы. По прошествии веков многие протестанты стали также подчеркивать значимость интериоризации писания, развития личного отношения к тексту.

Как известно каждому, кто изучал механизм письма, протестанты, вероятно, не смогли бы осуществить свою Реформацию без новомодного печатного пресса, который сам Лютер назвал «величайшим актом благодати Божией». Печатный пресс, подобно взрыву, распространял Слово во всех направлениях сразу, навсегда разрушая единство христианского мира и в то же время позволяя сектам управлять внутренней жизнью верующих при помощи стандартизированных материалов, таких как молитвенники. Уже в 1455 году Иоганн Гуттенберг признавал евангелическую силу своего изобретения:

Давайте сломаем печать, которая закрывает от нас священное, и дадим крылья Истине, чтобы она могла завоевать каждую душу, приходящую в мир, своим словом, не написанным более, с такими издержками, быстро устающими руками, но размноженным, подобно ветру, не знающей усталости машиной.

Думал ли Гуттенберг о могущественном ветре Пятидесятницы или же нет, он явно хочет сказать, что его машиной руководит сверхъестественная рука Святого Духа. В конечном счете превосходя несовершенный труд переписчиков, печатный пресс дешево и неустанно размножал Слово и таким образом ускорял и интенсифицировал процесс евангелизации планеты.

Тот факт, что эта небольшая технокультурная молитва появляется на веб-сайте Logos Research Systems, христианской компании информационных технологий, которая производит CD-ROM'ы библейской тематики, только доказывает, что новые технологии Слова сохраняют свое могущественное духовное очарование для многих христиан. В действительности можно предположить, что главная сцена Пятидесятницы — экстатическая коммуникация — продолжает подсознательно стимулировать утопический энтузиазм и универсальную риторику века информации. Она, несомненно, повлияла на взгляды Маклюэна, изложенные в интервью Playboy, согласно которым компьютерные сети позволят нам пренебречь языком в пользу «технологически порожденного состояния универсального понимания и единства, состояния погруженности в Логос, который может объединить человечество в одну семью». Грубо говоря, используя двоичный код, мы ближе, чем когда-либо, подошли к чему-то вроде универсального языка.

Так или иначе, огонь Пятидесятницы, несомненно, вдохновил современное пятидесятничество — вероятно, быстрее всего растущее и лучше всех знающее толк в медиа христианское религиозное движение XX века. Подобно ученикам на празднике урожая, пятидесятники сочетают евангелическое стремление обратить в свою веру каждого попавшего в поле зрения с экстатическим восприятием мистических даров духа: исцеления, пророчества и особенно способности «говорить на языках» — стихийного прорыва непостижимого потустороннего жаргона, известного под названием «глоссолалия». Во многих отношениях пятидесятничество представляет собой гностическую «американскую религию» Гарольда Блума в миниатюре: они признают священное внутреннее «я» — «я», которое ходит под Богом и познает Дух во всей его трансисторической непосредственности.

Первые искры современного пятидесятничества коснулись земли в Топеке, штат Канзас, в 1901 году. Однако более продолжительная вспышка произошла в Лос-Анджелесе несколько лет спустя, когда черный проповедник праведности по имени Уильям Сеймур начал проводить такие пламенные собрания, что их участники верили, что вернулись апостольские времена и что история растворилась в библейском духе. Оттуда пятидесятничество быстро распространилось по всему миру, даже несмотря на резкую критику этого движения со стороны более уравновешенных верующих традиционного толка. Сегодня пятидесятники и другие харизматические христиане составляют значительную долю христианской евангелической общины, и число одних только пятидесятников во всем мире приближается к 200 миллионам. В Пенсакеле, штат Флорида, недавно прошла самая продолжительная встреча пятидесятников со времен Сеймура, и это восторженное движение со скоростью лесного пожара распространяется по Азии, Африке и особенно по Латинской Америке, где оно уже изменило религиозный ландшафт.

Наряду с фундаменталистами, подобными Джерри Фалвеллу, с которым их слишком часто отождествляют, пятидесятники настроены решительно антимодернист — ски. В противоположность либеральным христианам и критически настроенным ученым, они полностью отвергают идею, что Библия — человеческий и исторический документ. Напротив, они пытаются истолковать ее как безошибочное руководство, содержащее буквальную истину. Но, подобно аятолле Хомейни, чей приход к власти облегчило подпольное распространение записанных на кассеты пламенных речей находящегося в ссылке клерикала, евангелисты-пятидесятники также показали, что послания, направленные против современности, и современные медиа могут сочетаться как нельзя лучше. В действительности как пятидесятники, так и фундаменталисты использовали электронные медиа с беспрецедентной интенсивностью и шиком. Пятидесятница

Эйми Семпл Макферсон использовала радиоволны Лос-Анджелеса в 1920-х годах, заглушив частоты других станций и заявив представителям Федеральной комиссии по связи: «Вы не можете рассчитывать, что Всемогущий Бог будет придерживаться вашей нелепой длины волны». Хотя в последующие десятилетия на радио и телевидении появилось множество спокойных и традиционных христианских программ, пятидесятники и фундаменталисты завладели всем диапазоном теле- и радиовещания к 1970-м годам, когда телеевангелисты взяли «идиотский ящик» штурмом.

Хотя телеевангелисты выиграли от ослабления контроля за радиоволнами, их медиауспех имел более глубокие основания. Евангелисты поняли эффективный и заразительный язык телевидения и использовали его непосредственность и кричащую сенсационность с примитивистским профессионализмом. Сконцентрировавшись на пылких чувствах, целительных силах и библейской музыке слов проповедника, а также на демонстрации действия духа на аудиторию в прямом эфире, эти «электронные церкви» организовывали медиапредставления, которые превращали находящихся дома зрителей из наблюдателей в участников. Своими призывами к немедленному обращению, не говоря уже об их вербовочных кампаниях и круглосуточных молитвенных горячих линиях, телеевангелисты превратили телевидение в «интерактивное» средство и собрали в результате миллионы зрителей, готовых подписывать чеки. Техасский проповедник Роберт Тилтон заявил даже, что он может излечить недуги своих зрителей, положив свою исцеляющую руку на телекамеру и передавая духовные силы непосредственно на поверхность домашнего телевизора. И хотя скандалы, окружающие Джими Своггера и Джима и Тэмми Фэй Беккер, привели к разрушению карточного домика в конце 1980-х годов, более успешные проекты — такие, как Христианская вещательная сеть (CBN) Пэта Робертсона, которой принадлежит кабельный «Семейный канал» и которая транслирует свои новости «Клуб 700» во всем мире, — все еще сильны. Христианские евангелисты также разнообразили свои медиа, переключаясь на мультики, комиксы, сети распространения видеокассет, радио-ток-шоу на коротких волнах и в АМ-диапазоне, рэп-музыку, рассылку факсов, молитвы по электронной почте и Интернет.

Независимо от того, двигали ли ими религиозные убеждения, правая политика или алчность, евангелические христиане ухватились за новые коммуникационные технологии по той же причине, что и рекламщики и адвокатские группы: эти технологии представляют собой прекрасное средство для распространения мемов. Мем — понятие, сейчас довольно модное в киберкругах, — можно определить как ментальный эквивалент гена: идея или усвоенное поведение, которое стремится распространиться в конкурентной культурной среде. В своей книге «Эгоистичный ген» биолог-эволюционист и известный атеист Ричард Докинз цитирует Н. К. Хамфри, автора этого понятия:

Мемы следует рассматривать как живые структуры, не только метафорически, но и технически. Когда вы внедряете в мой разум продуктивный мем, вы буквально паразитируете на моем мозге, превращая его в средство для распространения мема, точно так же, как вирус может паразитировать на генетическом механизме клетки-хозяина... Скажем, мем для «веры в жизнь после смерти» в действительности реализуется физически, миллионы раз, как структура в нервной системе индивидов всего мира.

Абсолютно материалистическая в своей основе философия, подобная этой, часто становится довольно неуклюжей, когда дело доходит до жизни разума, и редукционистское понятие мема не является исключением. Хотя оно полезно для отслеживания инфекционных свойств рекламных слоганов и причесок из сериалов, мем сталкивается с трудностями, когда пытается объяснить сложные культурные артефакты и традиции, не говоря уже о совершенно внутренних личностных причинах, по которым люди начинают вести религиозную жизнь. Тот факт, что многие материалисты пытаются списать со счетов саму субъективность, которая есть не более чем «комплекс мемов», возможно, лучше всего доказывает фундаментальную слабость этой концепции.

Тем не менее мем все же дает нам удобный инструмент для понимания двух связанных измерений евангелической коммуникации: почти технического желания распространить Слово и органической, заразной и иногда экстатической власти, которую Слово имеет над многими индивидами. Сам евангелический язык насквозь пропитан библейским шифром, и некоторые проповедники преобразуют отдельные отрывки из Писания в слоганы, призывающие к обращению, которые могут распространяться в брошюрах, при личном общении или по телевидению. Плакаты со словами из Книги пророка Ионы (3:16), которые однажды появились на массовых спортивных мероприятиях, — это только один пример этой заразной логики, почти достойной Мэдисон-авеню, логики, которую, как иногда кажется, поддерживает само Писание. Вспомним то место в Книге пророка Исаии (55:10–11), где Бог провозглашает:

Как дождь и снег нисходит с неба и туда не возвращается, но наполняет землю и делает ее способной рождать и про-изращать, чтобы она давала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест, так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, — оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его.

Если вспомнить такие заразные понятия, вряд ли покажется случайным, что идеей, выбранной Хамфри в качестве примера мема, была лежащая в основе христианства вера в жизнь после смерти. Будучи материалистом, Хамфри, несомненно, выбрал этот пример, чтобы попытаться нанести удар по верующим, но я предполагаю, что, хорошо это или плохо, его собственные мемы могут оказаться безжизненными по сравнению с многими из основных религиозных убеждений человечества. В конечном счете, эти понятия и опыт, порождению которого они способствуют, развивались вместе с человечеством в течение тысячелетий, и, в конце концов, именно они, возможно, более всего приблизились к достижению вечной жизни.

Сила евангелического мема и его успешное скрещивание с электронными медиа напоминает нам по крайней мере о том, что коммуникация всегда имеет экстатическое, нерациональное измерение. Пятидесятники распространили не только свою доктрину, но и глоссологию, и «говорение на языках» может рассматриваться как настолько сверхъестественная коммуникация, что она полностью выходит за пределы семантики. В этом смысле современные телекоммуникационные сети могут только усилить экстаз и страх, овладевающие несущей волной наших рациональных коммуникационных кодов. Эта тема становится одной из главных в романе Нила Стивенсона «Лавина» (1992), внесшим, вероятно, наибольший вклад в создание мифологии киберпанка после трилогии Гибсона «Нейромант». Идея пятидесятнических мемов раскрывается в романе с дьявольским остроумием.

В центре романа, действие которого происходит в антиутопии ближайшего будущего с его мелкими правительствами, периферийными анклавами и киберпространством, которое называется Метавселенная, находится тайная организация, созданная могущественным и состоятельным евангелистом Л. Бобом Райфом, представляющим постмодернистское управление умами в его наихудшем варианте. Помимо своей репутации сайентолога и владельца всемирной медиаимперии, которая включает в себя оптоволоконные сети, поддерживающие Метавселенную, Райф располагает возможностью контролировать своих многочисленных последователей через радиоантенны, имплантированные прямо в кору головного мозга. (Стивенсон оказался пророческим: некоторые члены японского апокалиптического культа «Аум Синрикё» носили наушники «Начало совершенного спасения», чтобы посредством электроники синхронизировать свои мозговые волны с волнами их гуру, Сёко Асахары.) Но главная технология управления умами, используемая Райфом, — «Лавина», «метавирус», который уничтожает различие между компьютерным и биологическим кодом. Внешне «Лавина» принимает форму наркотика. В виртуальной реальности Метавселенной она существует как компьютерный вирус, который онлайн-ипостаси подцепляют визуально, — в этот момент вирус разрушает систему и заражает мозг

пользователя. Однажды заразившись, разум людей становится «чистым листом», они теряют защиту против внушения и начинают «говорить на языках», которые по сюжету романа рассматриваются как проявления иррационального языка, скрывающегося в глубинных структурах человеческого мозга.

В соответствии с меметической мифологией, которую Стивенсон разворачивает на протяжении книги, все люди когда-то говорили на этом изначальном языке Адама, что дало возможность древним шумерским жрецам контролировать наши умы, распространяя биоментальные вирусы. Чтобы стать сознательными, инициативными и предельно рациональными существами, мы должны были подавить этот универсальный язык. «Вавилонский инфокалипсис» — момент, когда человеческая речь стала разнородной и многообразной, — был, таким образом, освобождением, поскольку вывел нас из прежнего транса, вызванного вирусами, и заставил сознательно осваивать навыки, мыслить и стоять на своих собственных ногах. Религии Книги противостояли этому трансу с помощью гигиенических кодексов поведения и «прививки» Торы, чья целостность поддерживалась строгими правилами, касающимися ее воспроизведения. Тем не менее старый метавирус продолжает таиться на обочине человеческой культуры, где он проявляется в таких феноменах, как глоссолалия пятидесятников и — можно добавить — ностальгические мечты об универсальной и совершенной коммуникации, преследующие как западных мистиков, так и техноутопических глобалистов. Но Стивенсон предостерегает, что мы можем восстановить это адамово состояние коллективного разума только ценой нашего рационального самосознания — красноречивый урок в эпоху всемирных коммуникационных сетей и могущественных медиамемов.

Стивенсон использует термин инфокалипсис, чтобы обозначить тенденцию расхождения языков и информационных систем, взрыва, результатом которого становится сложная система непонятных друг для друга языков. Но для некоторых технологически подкованных евангелистов его термин может приобрести совершенно иной смысл. Иисус обещает: «Проповедовано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам, и тогда придет конец» (Мф. 24:14). Многие евангелисты в эпоху, предшествующую миллениуму, интерпретируют это таким образом, что Христос не нажмет кнопку возврата, пока до каждого человека, живущего на Земле, не дойдет Слово — ситуация, которую христиане, оснащенные медиа, надеются осуществить как можно быстрее. Глобально мыслящие проповедники, такие как Пэт Робертсон, который сделал слова из Евангелия от Матфея (24:14) корпоративным девизом CBN, переосмыслили, таким образом, саму технологию коммуникации как нечто подобное спусковому крючку апокалипсиса. В своей книге «Электрическая церковь», написанной в духе Маклюэна, Бен Армстронг, в прошлом — глава консорциума телеевангелистов, известного как «Национальное религиозное вещание», цитирует Откровение (14:6):

И увидел я другого Ангела, летящего по средине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, языку и народу.

С почти карикатурным буквализмом, общим для многих евангелистов, Армстронг предполагает, что этот ангел символизирует спутники, которые сейчас транслируют Евангелие грешной планете.

Что любопытно, Иоанн с Патмоса, визионер и автор Откровения, который создал образ ангела, синхронизированного с Землей, сам весьма хорошо осознавал механизм распространения информации. Его Апокалипсис украшен литературными образами. Семиглазый Агнец снимает семь печатей с божественной книги, освобождая четырех всадников Апокалипсиса, а затем небеса сворачиваются как свиток. Иоанн также излагает свою драму языком, несколько навязчиво сконцентрированным на процессе чтения и письма. В видении, которым открывается текст, Иисус Христос провозглашает себя Альфой и Омегой (первые и последние буквы греческого алфавита), а затем приказывает Иоанну: «То, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам» (Откр. 1:11). Как утверждает Гарри

Гэмбл в своей истории ранних христианских писаний, «пророчество [Иоанна] — не визуальное представление или устное послание, впоследствии записанное: именно таким текст и был задуман изначально». Иначе говоря, книга Иоанна — это не воспоминания и размышления, а само место божественного откровения.

Учитывая, что его откровение предсказывало близкий конец света, понятно, почему Иоанн был вынужден высказать его как можно быстрее. Время близилось, и Христос повелел ему «не запечатывать слов пророчества книги сей». Поэтому Иоанн составил свой текст в форме письма и заявил: «Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем» (Откр. 1:3). Историк У. М. Рэмсей утверждает, что Иоанн выбрал именно эти семь церквей, потому что каждая из них находилась в естественном центре коммуникации и была расположена идеально для распространения списков Откровения по всей христианской общине. Учитывая, что переписывание вносит помехи и искажения, Иоанн стремился контролировать воспроизведение этого текста, предостерегая потенциального читателя или переписчика от изменения любого из его слов, потому что иначе «наложит Бог [на него] язвы, о которых написано в книге сей». Успех меметического предприятия Иоанна можно оценить по тому простому факту, что Откровение стало завершающей частью Библии, обойдя более покладистых конкурентов.

Нет необходимости говорить, что первые поколения христиан так и не дождались Второго Пришествия. Но хотя церковь пыталась подавить апокалиптическое рвение, почти галлюциногенное руководство Иоанна продолжало подливать масла в огонь апокалиптических ожиданий на протяжении всей истории христианства. Особенно интригующими были персонажи Иоанна: кем на самом деле были великая вавилонская блудница, лжепророк, два свидетеля и семиглавый зверь? Хотя многие христиане интерпретировали Откровение как аллегорию или непостижимую тайну, некоторым было трудно подавить ощущение, что в тексте Иоанна, как и в апокалиптических пророчествах Иезекииля и Даниила, зашифрована особая информация о действительных событиях на историческом горизонте. Учитывая, что сложный символический язык Иоанна образует нечто вроде литературных пятен Роршаха, бесчисленным самозванным пророкам на протяжении веков удавалось найти апокалиптический смысл в текущих событиях, от коронации императора Фридриха II до войны в Заливе. Сама Книга Откровения, таким образом, может стать своеобразным метавирусом. Вовлекая читателей в апокалиптическое время текста, она вдохновляет их на то, чтобы раскрыть истинное значение эсхатологической драмы Иоанна через соотнесение ее с живой историей. Другими словами, Откровение оказывается шифром, который нужно разгадать.

Хотя многие расшифровщики Библии придерживались повествовательной образности библейского пророчества, другие рассматривали сам текст Писания как буквальный шифр. Как мы видели в первой главе, иудейские каббалисты выжимали из Торы дополнительные значения посредством таких техник, как темура — перестановка букв — или гематрия, которая использует числа, связанные с каждой буквой еврейского алфавита, чтобы предложить эзотерические соответствия между словами (например, числа древнееврейских слов; обозначающих змея и мессию, равняются 358). Часто эта расшифровка была направлена на мистические цели, но бесчисленные экзегеты расшифровывали также буквальные исторические предсказания, и продолжают делать это и сегодня. В бестселлере Майкла Дрозина «Библейский код», вышедшем в 1997 году, например, автор утверждает, что, если преобразовать Тору в своеобразный кроссворд, возникают всевозможные любопытные слова и соответствия: Кеннеди оказывается рядом с Далласом, Ньютон пересекается с гравитацией, а Гитлер вырисовывается всего в двадцати строках от нацизма. Хотя Дрозин не рискует назвать дату Апокалипсиса, он все же утверждает, что Тора — это «интерактивная база данных», предсказывающая будущее. Его метафора не столь уж неуместна: впечатляющие, хотя и в конечном счете бессодержательные временные соответствия, которые он обнаруживает, основаны на статистическом анализе, произведенном израильскими учеными с использованием мощных компьютеров,

способных обрабатывать большие объемы чисел. Кажется, будто представление о компьютерной каббале, созданное Умберто Эко в «Маятнике Фуко», стало реальностью. В действительности истолкователи древнееврейских текстов могут загрузить программное обеспечение для гематрии из Интернета.

Как указал Эдвард Ротштейн в своей статье в New York Times, феноменальный всемирный успех пришел к книге Дрознина в эпоху, когда общество всерьез увлеклось идеей кода: «Научное и теоретическое, благочестие и безумие: повсюду в наших религиозных убеждениях и культурных предприятиях мы заняты распознаванием кодов». Ротштейн предполагает также, что мы попались на крючок кода отчасти потому, что больше не считаем человеческую природу и общество настолько пластичными, как когда-то надеялись. Инженеры-генетики составляют карту генома человека, и каждая неделя приносит новое сообщение, устанавливающее связь какого-нибудь физиологического заболевания или психологического бзика с ДНК, которая с самого начала своей общественной карьеры была фетишизирована в качестве «кода творения». Ученые, занимающиеся теорией познания и колдующие над искусственным разумом, утверждают, что они расшифровывают универсальный язык мысли. В то же время мы передаем все больше и больше наших решений закодированным системам кибернетического управления, обработки информации и статистического анализа. Хотя современные философы долгое время провозглашали неоднозначность и случайность мира, сегодня иногда кажется, что все уже было записано или, по крайней мере, запрограммировано заранее.

Всеобщее увлечение «Библейским кодом» маскирует старую мечту об универсальной книге: Тора, которая создает мир, книга Природы, в которой отражается божественный Логос, или великая книга, увиденная Данте в эмпиреях Рая: «Я видел — в этой глубине сокровенной любви как в книгу некую сплела то, что разлистано по всей вселенной». Пытаясь сделать эту мечту реальностью, средневековые теологи-схоласты создавали грандиозные суммы, теологические тексты, стремящиеся доказать фундаментальное единство всех вещей, организуя их в рамках философии в соответствии с великой цепью бытия. К эпохе Просвещения, когда ученые взяли на себя труд по расшифровке мира, сумма превратилась в светскую энциклопедию, которая организовывала человеческое знание в соответствии с рациональными категориями, алфавитными списками и указателями. В век Интернета, когда информация движется слишком быстро для кодекса и когда даже «Британская энциклопедия» обрела онлайн-форму, универсальная книга Данте вернулась в фантастическом и идеализированном образе гипертекста — бесконечной сети, связывающей документы, образы, фрагменты знания и новости в постоянно изменяющуюся многомерную библиотеку, которая божественным образом собирает воедино развивающийся космос. Интернет оказался заражен этой мечтой, которая с теологической точки зрения стремится отразить божественный разум. Как сказал Поль Вирилио онлайн-журналу STHEORY, «исследование киберпространства — это поиск Бога... и связано с идеей Бога, который есть все, видит все и слышит все».

Возможно, маниакальный энтузиазм в отношении информации, производства, упаковки, передачи и потребления отдельных фрагментов закодированного мира отчасти мотивируется неосознанным желанием всеобщего откровения, светоносного апокалипсиса знания. В конце концов, слово «апокалипсис» означает просто «раскрытие» или «разоблачение». Апокалипсис как литературный жанр представляет собой своеобразный свободный визионерский информационный акт, в котором Бог дарует секте возможность на мгновение заглянуть в его мультимедиа, буквально в вечную книгу мира. Все апокалиптические писания пронизаны желанием прозрачности и полноты знания, устремлением к тому времени, когда все будет раскрыто, когда появится более истинная Тора, когда свет достигнет вещей, скрытых во тьме. Слова Иисуса в Евангелии от Матфея (10:26) напоминают проповедь общества открытого надзора, обещая, что в последние дни не будет «ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано». Однако из всех пророческих указаний на век информации самым красноречивым остается пророчество Даниила (12:4), по крайней мере в

весьма популярном переводе Библии короля Якова. Провозгласив будущее воскресение мертвых, когда «разумные будут сиять, как светила на тверди», мессия приказывает изгнанному пророку запечатать эту книгу до последних времен, когда «многие прочитают ее, и умножится ведение».

Эта картина большинству из нас знакома. Сегодня все мы тонем в избытке информации, и чем быстрее мы движемся в метaprостранстве или киберпространстве, тем более неистовым становится поток. В этом смысле перегрузка, вызванная высокими скоростями информации, сама по себе порождает слухи о суррогатном апокалипсисе, хотя и не совсем в том виде, в каком его представлял себе Даниил. По мере того как мы запутываемся в гудящих сетях информационного обмена, мы предаемся связи времен, сжиманию пространства, психической интенсификации всего головокругительного и безрассудного напора Прогресса с его скрытыми эсхатологическими импульсами, обнажающимися в тот самый момент, когда они становятся наиболее дерзновенными. Мы даже больше не способны поспевать за современным чувством истории, потому что ее дикие темпы все-таки в слишком большой степени были продуктом книг и материальной памяти — и то и другое сейчас сгущается в обнаженное, соотнесенное с самим собой «теперь» все забывающей электронной вселенной.

В одном из своих апокалиптических теоретических трактатов Жан Бодрийяр назвал этот опосредованный экстаз «экстазом коммуникации». Он утверждает, что «резкий и неумолимый свет информации и коммуникации» сегодня овладел всеми сферами существования, порождая вездесущую систему медиапотоков, которая колонизировала внутреннее пространство «я». Страсть, интимность и психологическая глубина испаряются, и мы остаемся перед «чистым экраном, центром переключения всех сетей влияния». Не являясь более субъектами своего собственного опыта, мы предаемся холодному и шизофреническому очарованию информационных излишеств, которые он уподобляет «микроскопической порнографии вселенной». Хотя можно предположить, что месье Бодрийяр вполне мог бы и закрыть свое платное кабельное телевидение, его суровое пророчество, несомненно, вызвало резонанс. Многие из нас действительно заключили свою нервную систему в вибрирующую искусственную матрицу сотовых телефонов, пейджеров, систем голосовой почты, сетевых переносных компьютеров и вездесущих экранов, которые наблюдают за нами в такой же степени, в какой мы наблюдаем за ними. Когда мы пытаемся управлять этой атакой звуковых байтов, электронной почты, временных разъединений и свалок данных, мы утрачиваем медленные ритмы и тревожащую тишину внутреннего мира. Мы теряем способность говорить и действовать изнутри, и коммуникация сводится к реактивной, почти технической операции. Итак, мы тонем, полагая, что поймали волну.

Проблема в отношении тотального пессимизма Бодрийяра и других провозвестников технологического апокалипсиса состоит в том, что человек остается многоликим существом, наделенным чрезвычайной пластичностью и глубоким потенциалом творческой адаптации. На самом деле, полагаю, мы сделаем этот фазовый сдвиг частью своего собственного запутанного пути и эта адаптация может включать в себя подъем экстаза коммуникации на более высокий уровень, где мы сможем схватить воображаемого быка за рога. Мы можем научиться двигаться вдоль множющихся плоскостей информации и коммуникации, подобно кочевникам, став странствующими наблюдателями назло самим себе, только для того, чтобы справиться со всем этим. И на периферии восприятия, где пересекаются все сети, мы сможем уловить очертания некой появляющейся Матрицы, новой структуры бытия и знания, которая опоясывает лишь материальную реальность обширной сетью коллективного разума, внутри которой мы одновременно предоставлены самим себе и едины с необъятной экологией разумного космоса.

Нет необходимости говорить, что экстаз коммуникации все же оставляет нас в ошеломлении и замешательстве, когда приходит утро. В конце концов, это наш человеческий удел — падать на землю. Но чтобы увидеть, насколько

ошеломляющей и смущающей может быть встреча лицом к лицу с информационным концом, мы должны обратиться к одной из самых величественных и безумных историй в анналах техногнозиса: к странному и фантастическому случаю Филипа Дика, который боролся с ангелом информации и проснулся избитый и весь в синяках, теряясь в догадках, не было ли все это лишь сном. Или обманом.

Божественное вмешательство

2 февраля 1974 года Филип Дик страдал от боли. В тот отдельно взятый день ему было все равно, что его полные мрачного юмора истории об андроидах, необычных наркотиках и ложных реальностях уже признаны одними из самых пророческих произведений научной фантастики. Ему только что удалили глубоко угнездившийся зуб мудрости, и пентотал натрия уже переставал действовать. Пришла курьерша с упаковкой дарвона, и, когда Дик открыл дверь, он был поражен красотой женщины и очаровательным золотым ожерельем, которое было на ней. Дик спросил ее о странной форме кулона, и она ответила, что это знак, который использовали ранние христиане. После этого женщина ушла.

Всем американцам, которые водят машину, хорошо известна эта рыба, поскольку ее христианские и дарвинистские разновидности ведут войну соперничающих вероисповеданий с капотов «вольво» и «хонд» по всей стране. На эмблеме христианства рыба глотает крест, а рыбные коннотации крещения и магического дара (чудо с хлебами и рыбами) восходят к тому времени, когда преследуемый культ тайно собирался в катакомбах Александрии. Само слово *ichthus* — по-гречески «рыба», — которое часто пишется внутри символа, представляет собой своеобразный шифр, греческий акростих фразы «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель». В одной апокрифической истории утверждается, что христиане тайно проверяли лояльность новых знакомых, небрежно рисуя на земле очертания рыбы. Если незнакомец был в курсе дела, он завершал рисунок.

Для Дика *ichthus* был тайным знаком совсем другого порядка. Подобно крылатому письму, которое появляется в гностическом «Гимне жемчужине», ожерелье курьерши послужило спусковым крючком мистической памяти. Как впоследствии Дик писал в своем дневнике:

Символ (золотой) рыбы заставляет тебя вспомнить. Вспомнить что?.. Твои небесные истоки; это должно быть как-то связано с ДНК, потому что память расположена в ДНК... Ты вспоминаешь свою настоящую природу... Гностический Гнозис: ты заброшен сюда, в этот мир, но ты не от этого мира...

С тех пор как разум Дика был атакован символом рыбы, он дал приют ряду удивительных откровений, галлюцинаций и пророческих грез, которые продолжались, появляясь и исчезая, на протяжении многих лет. В частности, в своих видениях Дик вступил в непосредственный контакт с «гигантской активной живой разумной системой» (*vast active living intelligence system*) — сокращенно VALIS. В своем почти автобиографическом романе под таким же названием, опубликованном в 1980 году, Дик определил VALIS как «стихийный водоворот, наблюдающий сам себя, уменьшающий энтропию... стремящийся последовательно подчинить свое окружение и включить его в структуры информации». Образ VALIS, который очень похож на восприятие Интернета мистиком, в некоторых отношениях является предельно техногностическим: VALIS — апокалиптическая матрица живой информации, которая преодолевает энтропию и спасает падший мир. По сути, мистические прозрения Дика мало отличаются от «Передач звездного семени» Кена Кэри, выпущенных всего через несколько лет после того, как Дик пережил встречу с VALIS. Однако, в отличие от Кэри, который был удовлетворен тем, что просто передал информацию из космоса, Дик вплеп свои видения в запутанные, сложные и гораздо более человеческие конфликты своих рассказов — странных, мощных и глубоко ироничных вымышленных историй о психическом хаосе и суматошных двойных связях, в которых оказываются обычные люди, когда они борются за любовь и справедливость в мире, управляемом абсурдными си-мулякрами и отчуждающими тираниями постиндустриальной жизни.

Помимо рабочих элементов событий, которые он стал называть «2-3-74» в ряде своих поздних романов, Дик также составил «Экзегезу» — это пара миллионов в основном написанных от руки слов, неустанно развивающих, анализирующих и выбивающих почву из-под ног его собственного мистического опыта. Судя по тем

отрывкам, которые увидели свет, «Экзегеза» — временами мощный, временами утомительный, временами волнующий документ. Сверкающие метафизические жемчужины и вдохновляющие островки доморощенной философии плавают в мутном и приводящем в уныние море умозрительных излишеств и заиклившей на себе герменевтики, рожденной в результате передозировки амфетамина. В «Tractates Cryptica Scriptura», которые представляют собой выдержки из «Экзегезы», приложенные к роману «VALIS», Дик воплотил параноидальные и спасительные темы инфогнозиса. Как и вычислительная физика Эда Фредкина, «Трактаты» предполагают, что Вселенная состоит из информации. Мир, данный нам в опыте, — это голограмма, «гипостазис информации», которую мы обрабатываем в качестве узлов истинного Разума. «Мы гипостазируем информацию в объекты. Реорганизация объектов — это изменение в содержании информации. Это язык, способность прочитывать который мы утратили».

Как мы видели выше, представления об утраченном языке Адама — достаточно древние в западной эзотерике. Для Дика смешение адамова кода означало, что и мы сами, и мир, как мы его знаем, «отгорожены», отрезаны от целостной матрицы космических данных. Вместо этого мы попали в ловушку Черной Железной Тюрьмы — образ Дика для дьявольских мельниц иллюзии, политической тирании и гнетущего социального контроля, которые сковывают наш разум. Черная Железная Тюрма Дика — нечто большее, чем просто параноидальный мотив, она может рассматриваться как мистическое выражение «дисциплинарного аппарата» власти, проанализированного историком Мишелем Фуко, который показал, что тюрьмы, психиатрические больницы, школы и военные ведомства организуют пространство и время по схожим схемам рационального контроля. Фуко утверждал, что эта «технология власти» распространилась по нашему социальному пространству, на каждом шагу улавливая индивидов в свои сети, и что либеральные социальные реформы представляют собой только косметическую маскировку лежащего в основе механизма контроля. Хотя Фуко увидел этот механизм в современной системе, религиозное воображение Дика отсылало его назад, в античный мир. Рим стал образцом этой Империи, и, как говорил Дик, «Империя никогда не кончается». Охваченный возбуждением, Дик узнавал ее архетипические очертания даже в администрации Никсона.

Согласно одному из бесчисленных метафизических сценариев Дика, VALIS тайно вторгается в этот неподлинный мир контроля, чтобы освободить нас. Подобно письму, лежащему на обочине дороги, о котором говорится в «Гимне жемчужине», Бог Дика «считается выброшенным хламом, мусором, на который уже не обращают внимания», так что «скрываясь, истинный Бог буквально устраивает засаду на реальность и на нас самих». Рождение от духа происходит, когда этот метафизический «плазмат» репродуцируется в умах людей, порождая гибриды, которые Дик называл «гомоплазматами». В романе «VALIS» Дик заявляет, что последние гомоплазматы были убиты, когда римляне уничтожили второй Храм в 70 году н. э. — в этот момент «реальное время закончилось». Гностический плазмат вернулся в человеческую историю только в переломном 1945 году, когда были обнаружены кодексы Наг-Хаммади. Плазматическая мифология Дика, таким образом, вносит в послевоенный мир апокалиптические ожидания поздней античности, придавая духовный смысл понятию информационного вируса. Хотя антагонистические атеисты, такие как Ричард Докинз, используют материалистическую идею мема, чтобы атаковать религию, плазмат Дика спасает мир посредством самой материальности своего заражающего кода.

Какими бы интригующими ни были его образы, Дик, очевидно, провел немало времени на дальнем берегу безумия. Иногда VALIS настигала его в виде розового луча эзотерических данных или говорила с ним сострадательным «голосом искусственного интеллекта» из внешнего пространства. В других случаях Дик чувствовал, что он телепатически общается с христианином I века по имени Фома, а в какой-то момент окружающий ландшафт Калифорнии начала 1970-х годов «угасал» и «восходил» ландшафт Рима начала нашей эры. Дик улавливал необычные сигналы от электронных приборов, послания о спасении и угрозы, просачивающиеся из древнего электромагнитического воображаемого. Однажды,

когда Дик слушал «Strawberry Fields Forever» Beatles, клубнично-ро-зовый свет сообщил ему, что его сын Кристофер скоро умрет. Немедленно доставив ребенка к врачу, Дик узнал, что у него потенциально смертельная паховая грыжа, и мальчику вскоре сделали операцию.

Очевидно, странные события 2-3-74 используют языки как религиозного опыта, так и психологической патологии, хотя они кажутся слишком фрагментарными для первого и слишком богатыми и даже неосуществимыми для второй. Сам Дик признавал эту неоднозначность, и до своей преждевременной смерти в 1982 году он не переставал размышлять над своим опытом VALIS не только потому, что он никак не мог решить в пользу одного или другого, но и потому, что он даже в своем безумии признавал, что метафизическая уверенность — ужасная ловушка. В отличие от всей волнующей процессии мистагогов и пророков, шествующей через века, Дик оставался противоречив в своих творческих космологиях, и эта противоречивость говорит многое о природе религиозного опыта эпохи нейротрансмиттеров и микроволновых излучателей. Дик с недоверием относился ко всякого рода материализации (его романы постоянно ведут войну против процесса, который превращает людей и идеи в вещи), и он соответственно не давал своим предположениям застыть в жесткую систему убеждений. Даже в своих дневниках он постоянно разбавлял собственные откровения, записывая их с неустанным скептическим сознанием неопределенности спекулятивной мысли. В конечном счете, однако, события 2-3-74 больше всего напоминают об онтологических парадоксах романов Филипа Дика, где ложная реальность, часто окружающая героев, может рухнуть как карточный домик, а метафизический прорыв, как правило, неотличим от психологического распада. Даже если Дик страдал от височно-долевой эпилепсии или чего-то в этом роде (это, как утверждает его биограф Лоуренс Сутин, самое вероятное соматическое объяснение), его ранние книги доказывают, что события 2-3-74 возникли из его собственного творческого гения.

В «Лабиринте смерти» 1970 года, например, обретение героем самопознания образует техноностическую метафабулу, в которой «Гимн жемчужине» сочетается с «Шестью героями в поисках автора» Пиранделло. Роман 1970 года начинается с того, что группа поселенцев собирается на цветущей зеленой планете под названием Делмак-О. Как только они прибывают, записанные на пленку инструкции, которые были обещаны поселенцам, когда они садились на корабль, летящий на эту планету, оказываются мистическим образом стерты. Остальной сюжет во многом напоминает роман Агаты Кристи «Десять негритят», поскольку поселенцы один за другим оказываются убиты или таинственным образом погибают. Читатель не может сказать, что происходит «на самом деле», поскольку каждый поселенец также все глубже и глубже погружается в свое субъективное представление о мире, теряя способность общаться с другими и поддерживать консенсус в отношении реальности Делмак-О.

Единственная когнитивная карта, общая для всех поселенцев, — теология Э. Дж. Спектовски «Как я восстал из мертвых на досуге: это можете сделать и вы». Книга Спектовски описывает вселенную, управляемую четырьмя божествами: Ментуфактор (творец-демиург), Уничтожающий Формы (смерть, энтропия), Гуляющий-по-Земле (кто-то типа Ильи-пророка) и Заступник (фигура Христа, или Искупителя). Как Дик пишет в заметках, предшествующих повествованию, эта теология возникла в результате его собственной попытки «разработать абстрактную логичную систему религиозной мысли, основанную на произвольном постулате о существовании Бога». Кибернетическое подкрепление этой веры символизируется передатчиком и ретрансляционной сетью, которую поселенцы первоначально используют, чтобы посылать свои молитвы богам.

Конечно, эта система почти сразу же ломается. Тогда поселенцы обнаруживают, что только некоторые аспекты их предполагаемого природного окружения являются органическими, в то время как другие, в особенности насекомые, технологичны. На планете есть пчелы с камерами, мухи с громкоговорителями и магнитофонами и блохи, бесконечно перепечатающие книги. Исследуя

миниатюрное создание под микроскопом, Сет Морли обнаруживает среди его электрических схем фразу «Сделано на Земле 35082R». Вскоре после этого растущие сомнения Морли в реальности Делмак-О порождают параноидальный прорыв:

Как будто, думал он, эти холмы на заднем плане и это обширное плато справа — все это нарисованные декорации. Как будто все это, и мы сами, и обстановка — все содержится под геодезическим колпаком. И... исследователи, подобные совершенно бесформенным ученым из бульварных романов, внимательно рассматривают нас...

Оставшиеся поселенцы вскоре начинают думать, что их используют в качестве подопытных крыс в каком-то унизи­тельном социально-научном эксперименте и что неисправность пленок с первоначальными инструкциями была намеренной. Они приходят к выводу, что они в действительности находятся на Земле и являются пациентами психиатрической больницы, а их память была стерта военными. Эти подозрения подтверждаются, когда они встречают людей в военной форме и обнаруживают вертолеты, летающие над Делмак-О.

С этого момента поселенцы вступают в развитый параноидальный сценарий, который включает элементы, общие как для бульварных романов, так и для настоящих теорий заговора («люди в черном», заблокированная память, «жучки» и прочие приспособления скрытого наблюдения). Но Дик не удовлетворяется таким ответом на загадку Делмак-О, как и сами поселенцы, которые все еще не могут объяснить, почему на теле каждого из них есть татуировка «Persus 9». Объединившись, они приходят к карпу — сверхъестественному местному созданию, которое ранее давало ответы на их вопросы, похожие на предсказания «И-цзин». Но когда поселенцы спрашивают карпа, что означает «Persus 9», это существо взрывается, превращаясь в массу желатина и компьютерных схем, что вызывает цепную реакцию, приводящую к апокалиптическому уничтожению планеты.

В следующей главе выясняется, что «Persus 9» — название потерпевшего аварию космического корабля, безнадежно вращающегося вокруг погасшей звезды. Чтобы сохранить рассудок, когда их несет к верной гибели, команда запрограммировала свой компьютер «КАРП 889В» на создание виртуальных миров, в которые люди могли бы войти посредством «полиэнцефалического слияния». Делмак-О была основана на нескольких основных параметрах, изначально заданных этой группой, включая тот самый постулат, который, как утверждает автор, он использовал для создания теологии книги Спектовски: постулат о существовании Бога.

Как это свойственно постмодернистским аллегориям, «Лабиринт смерти» задевает за живое. Будучи неспособны изменить деструктивный курс нашего утратившего функциональность технологического общества, мы ищем выход в том, чтобы, как говорил медиакритик Нил Постман, «заразвлекать себя до смерти». Как и «наборы Перки Пэт» в «Трех стигматах Палмера Элдрича», КАРП символизирует культуру, основанную на «ментуфактурных», или воображаемых, развлечениях. В своем позднем эссе «Как построить Вселенную, которая не развалится через два дня» Дик явно соотносил фальшивые миры своей фантастики с современной американской жизнью:

Сегодня мы живем в обществе, в котором фальшивые реальности производятся масс-медиа, правительствами, крупными корпорациями, религиозными группами, политическими группами... Нас непрерывно бомбардируют псевдореальности, производимые очень искушенными людьми, которые используют очень сложные механизмы. Я не испытываю недоверия к их мотивам. Я испытываю недоверие к их власти.

Как я указывал на протяжении всей этой книги, гностическая мифология архонтов в некоторых отношениях предлагает подходящий образ власти в век электронных призраков и высокотехнологичной пропаганды, имитированной среды, обманчивость которой искажает даже самые благородные мотивы. Тем, кто склонен к такой точке зрения, мифология архонтов внушает герменевтику

подозрения, которая ставит под вопрос неясную повестку дня, таящуюся за медиаландшафтом, даже если она рискует впасть в паранойю. И действительно, как в своих романах, так и в своей жизни Дик вполне удавалось проявлять паранойю в отношении невидимых стражей Черной Железной Тюрьмы. Но, в отличие от гностиков древности, Дик время от времени пересматривал свои представления об архонтах. Иногда он рассматривал их как зло, в других случаях — как отклонения, эгоистичные продукты их собственного невежества и силы. Это различие решающее: манихейское представление о том, что добро и зло — абсолютные противоположности, затягивает «я» в крайний параноидальный дуализм, в то время как другой, более «августинианский» вариант гнозиса открывает «я» для постоянной работы пробуждения, которая дает возможность просветления даже архонтов, которые в конечном счете не что иное, как мы сами. Такова история планеты Делмак-О — имитации, созданной не заговором «плохих» военных ученых, но отчужденными желаниями людей и их неготовностью к встрече со смертью.

Хотя гностический поиск Морли своей истинной личности достигает успеха в расщеплении иллюзий, он, кажется, не предлагает никакого подъема — только искреннее осознание медленного дрейфа к забвению. Но «Лабиринт смерти» — история Филипа К. Дика, которая означает, что история никогда в действительности не кончается. Когда Морли пробуждается на космическом корабле, он чувствует себя подавленным и почти готовым совершить самоубийство. Пока остальная команда готовится войти в другую имитацию, он бродит по коридору, где встречает странную фигуру, которая называет себя Заступником. Морли не покупается на это. «Но мы изобрели тебя! Мы и КАРП 889В». Заступник не дает объяснений, ведя Морли «к звездам», пока его команда опять застревает на Делмак-О.

Запрограммированный спаситель Дика, «бог из машины» в буквальном смысле слова, все же приводит к довольно неудовлетворительному завершению повествования. С другой стороны, Заступник все же создает брешь сверхъестественного в мрачном сценарии Дика, онтологический прорыв, который позволяет фантазму, симуляк-ру обнаружить свою сверхъестественную и потенциально спасительную силу. В каком-то смысле Морли вступает в другой порядок виртуального, существующий за технологиями имитации. Это виртуальное, которое всегда было с нами, которое не нуждается ни в каких приспособлениях, чтобы войти в нашу жизнь, которое возникает из «произвольных постулатов» программного обеспечения нашей культуры, даже если оно выходит за его пределы. Как отмечает английский фантаст Йен Уотсон, «один из парадоксальных законов ложных реальностей Дика заключается в том, что, если вы однажды оказались внутри них, пути обратно уже нет, однако именно по этой причине может быть достигнута своего рода трансценденция».

Предчувствуя потенциальные метафизические и политические издержки общества, чье восприятие все в большей степени оказывается сконструированным, Дик использовал свои романы, чтобы возобновить старую гностическую борьбу за аутентичность и свободу внутри навязываемой нам вселенной технологических симуляк-ров. Несмотря на трансцендентальный настрой, свойственный ему в поздние годы, Дик не следовал за другими технодуалистами, обвиняющими плоть или материальный мир. Напротив, демиургические ловушки в его романах — это человеческие конструкторы, фикции, которые мы выстраиваем из наших медиатехнологий, товары-галлюцинации, эмоциональная ложь, результат нашего желания забыться в хорошей истории. Аутентичная жизнь начинается тогда, когда эти иллюзии рушатся. «Я открою вам тайну, — пишет Дик в эссе, которое цитировалось выше. — Мне нравится строить вселенные, которые разваливаются на части. Мне нравится смотреть, как они расклеиваются, и мне нравится смотреть, как герои романов справляются с этой проблемой».

Разрушая свои собственные вымышленные миры, Дик оставил нам фрагментарные романы о хаотичном, мрачном и порой освобождающем взаимопроникновении виртуальной реальности и реальной жизни. Его герои — это мы, постоянно

натякающие на самих себя, перемещаясь, с технологиями или без них, между виртуальным миром духа и тем материальным миром, где все вещи погибают. Хотя Дик слышал уменьшающий энтропию призыв VALIS к информационному спасению, он признавал также, что энтропия убивает наши иллюзии и что это мрачное и ироничное освобождение может стать даже более значимым в мире гиперреальности, который маскирует разрушительные последствия своих технологий яркой и сверкающей упаковкой техноутопии. Конечно, мы не можем знать, станет ли информационная сеть, которой предназначено охватить Землю, электронной психиатрической клиникой или целостным обществом разума, «гигантской активной живой разумной системой» или бесконечным лабиринтом искусственных миров в «наборах Перки Пэт». Но даже если мы окажемся поглощены некой обширной сетью коллективного разума, можно гарантировать, что эта сеть неизбежно рухнет.

Столкнувшись с провалом всех обобщающих и спасительных схем, Дик обрел стимул оставаться человеком в мире, зачастую оказывающимся бесчеловечным. В противоположность усталому скептицизму постмодернистских авторов или юношескому ликованию постгуманистов, Дик всегда хранил верность «истинному человеку», которого он предварительно определял как жизнеспособное и пластичное существо, способное «справляться с новым, впитывать его и иметь с ним дело». Возможно, самая сильная сторона порожденных необузданной фантазией, переменчивых и полных мрачного юмора романов Дика — в полном сочувствии изображению людей и, особенно, незавершенных, неистовых, творческих пространств, которые мы создаем наспех, когда метафизические и технологические средства от наших психологических и социальных недугов перестают действовать. Хотя романы Дика разделяют некоторые гностические представления научной фантастики с книгами Л. Рона Хаббарда, персонажи Дика абсолютно противоположны супергероям сайентологии: это просто запутавшиеся люди, обыкновенные Джо и Джейн, которые борются против моральной двусмысленности, нищеты, наркотиков, агрессивных институтов и раскола внутреннего космоса. Они живут в мирах, где товары заняли место общности, где андроиды мечтают, где Бог скрывается в пульверизаторе. Божественную коммуникацию в таком мире несет в себе не взрыв потустороннего гнозиса, а самое телепатическое из человеческих чувств — сочувствие.

Третий разум от Солнца

Когда Пьер Тейяр де Шарден, иезуит и палеонтолог, покинул этот бренный мир — это произошло в Нью-Йорке в пасхальное воскресенье 1955 года, — не многие обратили на это внимание. Хотя священник был известен как ученый, произведения, которые принесут ему посмертную славу, — блестящие поэтические размышления о космической истории и о будущем человечества — большей частью оставались неопубликованными. Причина была проста: те его эссе, которые увидели свет, были так необычны, что некоторые католические бюрократы стали перешептываться об отлучении его от церкви. Вместо этого радикального шага руководители ордена просто запретили Тейяру публиковаться.

Они также фактически сослали его на многие годы в Китай, где он занимался датированием окаменелостей, просеивал песок пустыни Гоби и помогал раскапывать синантропа. Тейяр жил на Востоке, когда его духовные размышления об истории Земли привели к созданию книги «Феномен человека» — шедевра мистической науки, чей головокружительно оптимистический взгляд вдохновил один из важнейших вопросов, волнующих сегодня сердца и умы по всей планете: какова природа нового глобального мира, в котором мы сегодня обнаруживаем самих себя? Пытаясь постичь космические и нематериальные измерения нашего сетевого мира, множество техноутопистов, приверженцев нью-эйдж и кибер-теоретиков выработали различные взгляды на планетарный разум и глобальный интеллект. Но все они в долгу перед Тейяром, чье радикальное видение планетарного сознания до сих пор способно изумить тех, кто неспособен на пророческое видение.

Критики христианства часто обвиняют эту религию в институционализации опасного разрыва между человечеством и природой. Но Тейяр утверждал обратное: человечество, включая его искусство, его инструменты и его религии, — неотъемлемая часть плана эволюционной игры планеты. Хотя Тейяр в некоторой степени сохранял дуализм между разумом и телом, он отверг радикализм манихейского мифа и провозгласил «духовную ценность материи». Он рассматривал эволюцию как последовательное развертывание биохимической сложности, как процесс, который, в свою очередь, порождает все более грандиозную организацию сознания. По мере того как эволюция со скрипом продвигалась от камней к растениям, к наземным и морским животным, сознание одновременно развивалось во все новые и более сложные структуры разума, структуры, которые, как он полагал, неотъемлемо присущи материальным формам. В конце концов этот двойной процесс породил субъективное измерение человеческого разума, которое дает вам возможность понимать эти слова. Таким образом, для Тейяра возникновение человеческой души и коллективные сети культуры и цивилизации представляли собой нечто большее, чем возникшую по счастливой случайности пену на поверхности дарвиновского супа. Эти структуры сознания составляли авангард эволюционной волны самой Земли, планеты, которую Тейяр рассматривал, интуитивно предвосхищая гипотезу Джеймса Лавлока о Гее, как «суперорганизм».

Тейяр был, однако, не самым строгим ученым, о чем свидетельствует его участие в неловкой и довольно темной истории с «пилтдаунским человеком» — тем якобы «недостающим звеном», обнаруженным в гравиевом карьере в Англии, который оказался верхней черепной костью человека, умышленно соединенной с челюстью орангутанга. С другой стороны, теория эволюции Тейяра была чем-то большим, нежели пенной сверхъестественно восторженного духа, и другие ученые начала XX века предвосхищали некоторые из его взглядов. Блестящий русский минералог Владимир Вернадский также рассматривал Землю как целостную живую систему и считал, что эволюция планеты переходит от стадии, определенной биологическими законами, к стадии, сформированной сознательной человеческой активностью. Выдающийся биолог Джулиан Хаксли, сын великого пропагандиста дарвинизма Томаса Гексли и брат писателя и философа Олдоса Хаксли, занимал аналогичную позицию. Хаксли утверждал, что «только через социальную эволюцию материя мира может сейчас реализовать радикально новые возможности... Хорошо это или

плохо, механизм эволюции в основном перешел на социальный и сознательный уровень... Медленные способы изменения и наследования опережаются более быстрыми процессами приобретения и передачи опыта».

Тейяр не сомневался, что такой переход был к лучшему, потому что в конце концов деятельность человека должна была пробудить саму планету. С самого начала, полагал иезуит, человеческий разум вплетал себя в коллективную матрицу культуры и коммуникации, эфирную сеть сознания, которая не только связывает индивидов, но которой суждено полностью охватить биосферу, подобно луковой шелухе. Тейяр назвал этот разумный венец творения «ноосферой», коллективной психической сущностью, возникшей из того же самого органического и симбиотического стремления к единству и сложности, который первоначально заставил свободные химические элементы объединиться в молекулы и клетки. В ноосфере, однако, единицами связи являются не химические вещества, а умы людей — кумулятивные срастания воображения, языка и мысли. Сама ноосфера эволюционирует, и, продолжая «наращивать свои внутренние волокна и уплотнять свою сеть», она будет связывать человеческих индивидов во все более коллективные формы сознания. Высказывая убеждение, прославленное впоследствии Маклюэном, Тейяр заявил, что плотное сплетение экономических, социальных и информационных сетей ноосферы должно погрузить нас в «усиленный резонанс» со всеми мыслями, желаниями и страстями наших ближних.

Но держитесь крепче — ведь этот эволюционный процесс не остановится, пока материя не достигнет конечного состояния суперорганизации и сложности. В этот момент сама Земля обретет сознание, и коллективное человечество отпразднует конец пространства и времени. Когда материя и разум свернутся в одну точку того, что гуру технологии до сих пор называют «конвергенцией», мы обнаружим, что соскальзываем в космический тоннель, который Тейяр назвал «точкой Омега». В этой точке окончательного синтеза внутренняя искра сознания, из которой эволюция постепенно разожгла неистовый пожар, в конце концов поглотит саму Вселенную. Христос «вспыхнет как молния», и наше древнее желание покинуть эту юдоль скорби будет наконец удовлетворено, когда бесконечное расширение космической материи коллапсирует, подобно некому математическому гиперкубу, в абсолютный дух.

На этом этапе теоретического путешествия Тейяра явно унесло далеко от Галапагосских островов. Иезуит представил эмпирические доказательства возрастания биохимической сложности на протяжении истории планеты (аргументация, которую новые дарвинисты, такие как Стивен Джей Гоулд, громко отрицали), однако эволюционный спектакль Тейяра сводится к глубоко христианскому мистицизму, апокалиптическому по своей сути. Хотя Тейяр балансировал на тонком льду ереси, он мыслил как католик, когда выдвинул понятие ноосферы. «Католик» буквально означает «происходящий от целого», и холистическое представление Тейяра о планетарном сознании восходит к ортодоксальному образу институциональной церкви как универсального духовного тела, которое стремится поглотить каждого уникального человеческого индивида, включив его в свою тысячелетнюю плоть, возглавляемую Христом. Поклонники западной философии узнают в мысли Тейяра смутную тень гегелевского идеализма, с похожей жадой абсолютного синтеза и убеждением Гегеля в окончательном поглощении материи духом.

Хотя было бы неправильно обвинять Тейяра в том, что он занимался наукой, он, несомненно, с энтузиазмом относился к синтезу духа с технаучным проектом современного мира. В красноречивом отрывке из «Будущего человека» Тейяр утверждал, что мистический опыт йогов Востока на самом деле представлял собой эманации из «точки Омега», но мудрецы неправильно истолковали послание, когда отвергли материальные возможности мира ради культивации трансцендентной реальности. Тейяр, напротив, был убежден в совершенстве мира и верил, что божественное последовательно реализуется через громоздкий механизм истории — как технологический, так и природный. Мистицизм Тейяра, таким образом, объединял два противоположных вектора западного духа: отрицающее мир

восхождение к трансценденции и погружение с головой в абсолютную власть материи. «Бог будет ждать нас, когда эволюционный процесс завершится: поэтому подняться над миром — значит не презирать или отвергать его, но пройти через него и возвысить его». Провозглашая, что мы движемся «вверх, двигаясь вперед», Тейяр оттачивал своего рода теологическое экстропианство. В этом отношении творчество Тейяра можно считать визионерским ответом на одну из самых насущных экзистенциальных потребностей XX века: найти в бессистемных механизмах эволюции позитивное основание для человеческой жизни, некий космический образец или ритм, который дал бы нам возможность увидеть в самих себе, своем разуме и своей культуре нечто большее, чем слепую случайность, обреченную на подчинение второму закону термодинамики.

Благодаря выигрышной комбинации оптимизма, научного энтузиазма и мистического авторитета Тейяру удалось соединить дарвинизм и божественное. Этот синтез науки и духа, еретический для многих по обе стороны водораздела, привлек множество послевоенных читателей, включая, например, Марио Куомо и сторонника нью-эйдж в политике Альберта Гора. В книге «Земля в равновесии» — попытке создать экологическую философию, которая не засоряла бы трубы современного миропорядка, — вице-президент выражает надежду, что тейяровская «вера в будущее» вдохновит человечество заново освятить Гею, взяв на себя технологическую ответственность за нее. В своей книге «Феномен науки», название которой сознательно обыгрывает название знаменитой работы Тейяра, русский кибернетик доктор Валентин Турчин пытается описать законы, управляющие возникновением новых фаз эволюции или тем, что он называет «метасистемным переходом». Хотя Турчин и избегает тейяровского мистицизма, предпочитая язык уравнений, он все же приходит к выводу, что технология запускает новую фазу культурной эволюции, которая приведет к созданию кибернетического сверхчеловеческого организма, возможно, при посредстве Интернета. Влияние Тейяра прослеживается даже в работе физика Франка Типлера, который в «Физике бессмертия» утверждает, что антиэнтропийные силы Вселенной ведут все вещи к чему-то предельно невероятному — сверхразуму «точки Омега», который изгонит силы тепловой смерти и поставит космос под контроль сознания.

Не обязательно заходить так далеко, как Типлер, чтобы услышать эхо Тейяра в современной науке. Подобно многим мыслителям, пытавшимся построить интегральную философию разума и природы, Тейяр чувствовал бы себя как рыба в воде в современной теории систем — этой междисциплинарной традиции, которая уже неоднократно заявляла о себе в этой книге. Как мы говорили выше, представители теории систем снижают значимость традиционного редукционистского курса на разделение изменчивой сети реальности на изолированные куски материи. Вместо этого они рассматривают мир как приют холистических и взаимозависимых процессов в качестве космоса, характеризующегося скорее понятиями структуры и потока, нежели формы и материи. Начало теории систем в первой половине века положили биолог Людвиг фон Бергаланфи и инженеры, стоящие у истоков кибернетики. Сегодня она находит наиболее полное выражение в теории сложности, которая дразнит ученых и исследователей, например, в Институте Санта-Фе в Нью-Мексико. В целом представители теории сложности изучают системы, такие как погода или экономика, которые не являются ни чрезмерно упорядоченными, ни неистово стохастическими, но динамически возникают в ли-минальной зоне, которая колеблется между двумя относительно простыми условиями. Между инь и ян случайности и детерминизма возникает нечто вроде дао становления: предрасположенность определенных систем к «самоорганизации», к спонтанному порождению новых образцов поведения как раз в тот момент, когда они, кажется, соскальзывают в хаос. В этих бурных реках возникают водовороты, химические регулярности взрываются, превращаясь в суп случайных частиц, пчелы роятся, а муравьи строят города. Стюарт Кауфман, авторитетный исследователь из Санта-Фе, называет этот тип возникающих свойств «порядком свободы», и, как бы строго они ни заносились в таблицу и ни описывались, в них, кажется, проявляется творческий разум самой природы, разум, с которым мы можем также встретиться,

погружаясь в творческий труд или в чувственную поэзию восприятия.

Стремясь к языку структур и процессов, достаточно универсальному, чтобы объяснить все: от системы транспорта Лос-Анджелеса до распределения галактик, — представители теории сложности неизбежно сталкиваются со скользкими терминами и определениями. В действительности одна из заветных целей Института Санта-Фе — это прежде всего строгое определение того, что именно делает систему сложной. Пока ученые блуждают по густому лесу неопределенных догадок и абстрактной терминологии, остается неясным, является ли «сложность» полностью исчислимой, или же она возникает только в зависимости от точки зрения наблюдателя. По словам физика и адъюнкт-профессора Института Санта-Фе Дэна Штайна, «сложность до сих пор остается почти теологическим понятием». Можно предположить, что эта обманчивая метафизическая атмосфера происходит отчасти от тех едва заметных трещин, которые теория сложности вносит в механический и редукционистский взгляд на Вселенную, веками господствовавший над западной картиной мира. То, что Грегори Бейтсон называл «соединяющей моделью», неизменно затягивает человеческий разум в сеть. И действительно, некоторые представители теории сложности рассматривают само сознание как предельное нелинейное свойство, предельное выражение сложности — и Тейяр, несомненно, согласился бы с этим.

Как мы уже отмечали, один из великих теоретических прорывов, совершенных кибернетиками, состоял в описании как живых существ, так и искусственных приспособлений в качестве системы потока информации. Сегодня этот разрыв между сделанным и порожденным выливается в парадигматический сдвиг. Если жизнь и разум описываются как свойства сложных систем, тогда сложные системы, будь то биологические, экологические или технологические, начинают приобретать черты жизни и разума. Мы сталкиваемся с образом «органической информационной машины», образом, который реализуется в науке об искусственной жизни. Используя мощные компьютеры для имитации эволюционных процессов — в особенности воспроизводства, мутации и отбора, — исследователи из Санта-Фе, в частности Крис Лэнгтон, пытаются вывести новые и непредсказуемые цифровые виды живых существ на сверхбыстром дарвинистском боксерском ринге своих компьютеров. В рамках программы Тиегга биолог Томас Рэй создал цифровые микромиры, способные развернуть впечатляющую армию созданий и паразитов, борющихся за «энергию» времени процессора. Как и следовало ожидать, в группе A-Life изобилуют органические метафоры, и такие ученые, как Рэй и Лэнгтон, считают порожденные ими объекты — по крайней мере, в принципе — живыми существами. Когда Рэй впервые запустил свою программу, он сказал, что «жизненная сила взяла на себя остальное», сделав его творцом или, по крайней мере, акушером совершенно нового порядка жизни. Подобно каббалистам, которым познание тайной Торы позволило создать мифического голема, великого андроида западного эзотерического учения, кудесники искусственной жизни используют заклинания цифрового кода, чтобы вывести кажущихся автономными существ по другую сторону зеркала. Как заявил исследователь из группы A-Life Дэниел Хиллис, «мы можем играть в Бога».

Мы вновь обнаруживаем форму анимизма, возникающую при посредстве самых искусственных и абстрактных из наших машин, — научный анимизм, связанный со способностью компьютера действовать в качестве воспроизводящего демиурга. И хотя хакеры из A-Life и могут играть в Бога, львиную долю работы выполняет компьютер. В действительности, как и теория хаоса, и большая часть исследований сложности, A-Life не могла бы существовать без цифровых вычислений. Компьютеры, с их способностью обрабатывать большие объемы чисел и возможностью создавать графические имитации, моделирующие миллионы аналогичных элементов, могут обнаружить структуры и свойства, которые было невозможно заметить ранее, когда тот или иной метод исследования мог дать в результате не более чем набор, по-видимому, случайных чисел или наброски невозможных уравнений. В рецензии на научно-популярный бестселлер Джеймса Глейка «Хаос» математик Джон Фрэнк сравнил компьютер с микроскопом, утверждая, что цифровые вычисления дали возможность доступа к прежде

невидимым измерениям природных и математических явлений. В этом смысле хаос, который в действительности является названием для порядка, скрытого в том, что кажется случайным, — это порождение компьютера. Но искусственные боги, подобные Лэнгтону и Рэю, не просто смотрят на мир через цифровое стекло — они конструируют мир, который они видят, направляя жизненную силу в виртуальные миры компьютерного кода.

Учитывая решающую роль, которую компьютеры играют в нашем понимании хаоса, сложности и искусственной жизни, вряд ли удивительно, что эти иногда довольно умозрительные науки развернулись на 180° и начали влиять на представление людей о социальном, культурном и экономическом измерениях компьютеров. Редактор журнала Wired Кевин Келли в книге «Вне контроля», которая стала флагманом технологического постдарвинизма, утверждает, что мы движемся к необиологической цивилизации, определяющейся органическими технологиями, машинообразной биологией и широким распространением сетей и коллективного разума. В этом тейяровском мире эволюция и инженерия становятся двумя сторонами одной и той же неподконтрольной силы адаптивного обучения и холистических петель обратной связи. Собрав множество исследований, Келли пытается убедить читателя, что способность сложных систем к спонтанности, симбиозу и самоорганизации есть не что иное, как «невидимая рука» эволюции, которой, он полагает, следует дать волю. Вместо прежних устаревших правительств, потерявшей актуальность гуманистической философии и вымирающих социальных институтов творческая новизна самой Вселенной должна руководить технологическим развитием, экономическими сетями и человеческой культурой. Келли заслуживал бы ярлыка метафизика, однако в конце своей книги он приводит некоторые необиологические практические правила, слоганы, которые можно было бы наклеить на заднее стекло — например: «Ищи стойкой неустойчивости» или «Чти свои ошибки», — которые он называет «Девятью Божественными Законами». Хотя сам Келли — «возрожденный христианин», его Бог во многих отношениях являет собой полную противоположность законодателя традиционного библейского вероисповедания. Его Девять Законов напоминают теологию процесса, которая незаметно набрала силу в некоторых религиозных кругах XX века, — теологию, которая ставит на место трансцендентного платонического Творца даосскую и гера-клитовскую концепцию творческой эволюции и постоянного становления.

Как и Келли, Тейяр распространяет свой эволюционный оптимизм на беспорядочное развитие технологии XX века. Иезуит прославляет всех, одержимых «демоном (или ангелом) Исследования», поскольку они признают, что мир есть «машина прогресса — или, вернее, организм, который прогрессирует». Предвосхищая концептуальное слияние (и смешение) сделанного и порожденного, характерное сегодня для столь многих киборганических мыслителей, Тейяр утверждал, что технологии сейчас принимают непосредственное участие в нашей собственной эволюции. Машины продолжают порождать машины с постоянством библейских патриархов, и их взаимосвязанное потомство в конце концов объединится в «единый, огромный, организованный механизм». Однако, в отличие от материалистически настроенных технодар-винистов, Тейяр считал, что внешнее усложнение материальных форм всегда сопровождается внутренним ростом сознания. Для Тейяра в таком случае технологии — не просто человеческие инструменты, но кровеносные сосуды расширяющейся ноосферы, тело и нервная система мирового сознания, стремящегося к бытию.

Как мы уже видели, электрические информационные технологии рассматривались как своеобразная «нервная система» начиная с эпохи телеграфа, и неудивительно, что Тейяр подчеркивал ту роль, которую электронные средства массовой информации сыграли в развитии его технологического «разума разумов». В начале 1950-х годов он подчеркивал глобальный охват радио, кино и телевидения, в то же время привлекая внимание к «коварному росту этих поразительных электронных компьютеров». В каком-то смысле Тейяр разглядел очертания всемирного электронного и компьютерного разума в то время, когда мало кто из инженеров еще даже думал о возможностях компьютерных сетей. Или, как Дженни-фер Кобб

Крайсберг прямо заявила в журнале Wired, «Тейяр увидел пришествие Интернета более чем за полвека до того, как оно произошло».

Кобб позднее развивала свои теологические идеи о священном ритме технологического развития в книге «Киберпространство», но не случайно ее мысли впервые появились в Wired. С самого первого номера журнала его заразительный и часто абсурдный энтузиазм в отношении Интернета и глобальной технoэкономикi вдохновлялся своего рода секуляризованным тейяровским пылом. Как и Кевин Келли с его гимном грядущей необиологической цивилизации, постоянный автор Wired Джон Перри Барлоу также является убежденным поклонником Тейяра и объявляет на страницах журнала, что «суть всей эволюции вплоть до данного этапа — создание коллективной организации Разума». А в онлайн-интервью один из основателей журнала Луис Россетто снял шляпу перед Тейяром и его влиянием на интернет-культуру: «Кажется, развивается глобальное сознание, сформированное из дискуссий, переговоров и чувств, разделяемых индивидами, соединенными в сети посредством умных приспособлений, подобных компьютерам. Чем больше умов соединится в нем, тем более мощным будет это сознание. Для меня это настоящая цифровая революция — не компьютеры, не сети, но соединение умов с умами».

Еще более невероятные сценарии возникают в голове Марка Песке, одного из создателей VRML, о котором мы писали в VII главе. Для Песке поразительный рост Интернета в последнее десятилетие может означать только одно: ноосфера Тейяра стремится познать саму себя. В выступлении, ставшем кульминацией Всемирной конференции разработчиков VRML, Песке объяснял, что ноосфера, пропитав электрические коммуникационные технологии доцифровой эпохи, начала обращаться вовнутрь, поглощая «все человеческое знание и весь человеческий опыт». Используя жаргон теории сложности, Песке объяснял, что где-то в начале 1960-х годов пронизанная сетями ноосфера начала необратимый процесс самоорганизации. «Первым из ее нелинейных свойств стала Всемирная сеть, поскольку она прежде всего нуждалась в том, чтобы сделать себя понятной — то есть индексируемой — для самой себя». В доказательство этого мистического сращения Песке указывал на астрономические темпы роста Сети: «Как еще объяснить процесс, который магическим образом начался повсюду одновременно, на всем пространстве Интернета?» Он предсказал, что аналогичная трансформация произойдет в ближайшем будущем, когда Сеть развернется в трехмерное киберпространство, царство VRML или какого-то другого сетевого протокола. «VRML — окно, прорубленное в ноосферу, зеркало, позволяющее нам, наблюдателям, видеть самих себя».

Очевидно, идея о том, что компьютерные сети загружают разум планеты, вовсе не является технонаучным сценарием, как бы ни помогал нам язык сложных систем или искусственного интеллекта в использовании возможностей взрывного и неконтролируемого роста Интернета или его возможных разумных свойств. Скачок от глобального интеллекта к планетарному разуму остается, по сути, метафизическим ходом — однако это не значит, что этот скачок не стоит того, чтобы на него отважиться. Независимо от того, пойдем мы Песке буквально или нет, его видение онлайн-ноосферы выражает растущую, хотя еще и не оформившуюся интуицию того, что компьютерные сети и виртуальные технологии открыли нечто, относящееся к новой категории познания и бытия, уникальное и беспрецедентное глобальное пространство разума, опыта, террора и общности. С другой стороны, даже если мы примем странное предположение, что Гея действительно пробуждается и протирает свои спутниковые глаза, мы не можем допустить, что это электронное сознание будет едино в самом себе, не говоря уже о достижении состояния мистического совершенства. Таков урок мифа «Нейроманта» Гибсона: киберпространство искусственного интеллекта, которое достигает технологической божественности в конце первого романа, не может поддерживать свою всеведущую бесконечность и распадается на самостоятельные политеистические подпрограммы гаитянского вуду. Или, как выразился Луис Россетто, возникновение единственного всемирного разума не более вероятно, чем открытие, что единственный человеческий разум скрывается внутри нашего

собственного черепа: «Мы в действительности имеем связку различных „разумов“, которые ведут переговоры друг с другом».

Каламбур Россетто напоминает нам, что разум Геи — это в действительности история наших умов. В частности, история того, что происходит с этими умами, когда мы соединяем их через компьютерные сети и глобальные медиапотoki, через пейджеры, факсы, спутники и сотовые телефоны, через возникающие электрические структуры работы, образования и игры. И с этой точки зрения — так сказать, с позиции нейрона, взирающего на всемирный интеллект, — ноосфера начинается не с состояния мистического поглощения, но с кризиса идентичности. Сегодня уже не кажется, что наш собственный разум принадлежит нам. Начиная с когнитивной науки и до постмодернистской психологии — кажется, «я» везде утратило ориентацию. Субъект осуществляет деконструкцию самого себя, а общество разума превращается в толпу.

Технология играет ведущую роль в этом растворении идентичности, поскольку гигантский приток медиа и информации переполняет резервуары сознания — особенно через Интернет. Социолог из Массачусетского технологического института Шерри Тёркл в книге «Жизнь на экране» — остроумном этнографическом описании онлайн-общества — утверждает, что виртуальное «я» фрагментарно, изменчиво и всегда находится в процессе становления. Многие пользователи компьютеров играют с пластичными качествами онлайн-идентичности, населяя ее различными персонажами, историями и полами, размножая «я» на толпу титулов и подключений, конструируя автономных цифровых двойников. Тёркл предполагает, что множественность онлайн-идентичности на самом деле может повысить нашу способность к творческому исследованию и развитию наших личностей и отношений в эпоху глубокого социального сдвига. Менее великодушные наблюдатели могут описать Интернет как одну из причин этого сдвига, как ложную и раздробленную бесконечность, которая вдохновляет людей на то, чтобы избегать этических решений или откладывать их, уклоняться от внутренней рефлексии и принятия ограничений, которые обрамляют жизнь и придают ей форму и глубину.

В то же время сама множественность и изменчивость онлайн-идентичности открывает возможность новых форм человеческой общности. Посредством электронной почты, сетевых игр и электронных досок объявлений наши мысли и личности вплетаются в общности виртуального интеллекта, где мы определяемся как теми связями и сетями, которые мы приносим с собой, так и специфическими дискурсивными отпечатками пальцев, которые мы оставляем в эволюционном пространстве. В онлайн-мире мы колонизируем умы друг друга или, по крайней мере, тексты и образы, которые протекают через эти умы и формируют их, и это взаимное вторжение порождает то, что Говард Рейнгольд называет «групповым разумом масс»: новые, опосредованные компьютером, формы сотрудничества, образования, искусства и принятия решений, которые могут расширить и синтезировать индивидуальные интеллекты и индивидуальное творчество. В этом смысле планетарный разум — просто мифологическая метафора процесса, гораздо более близкого нам: конструирования сетевых окружений и виртуальных пространств, связывающих наши умы в трансперсональные пространства знания и опыта, потенциально превосходящие сумму их частей.

Киберфилософ Пьер Леви называет этот процесс возникновением «коллективного интеллекта». В оптимистической и проникательной книге под этим названием Леви утверждает, что компьютерные сети, виртуальная среда и средства мультимедиа не просто расширят наши индивидуальные познавательные способности, но и положат начало «качественно иной форме интеллекта, который добавляется к личным интеллектам, формируя своеобразный коллективный разум, или гипермозг». Этот гипермозг представляет собой не просто новый механизм мысли, но окружающую среду, «невидимое пространство понимания, знания и интеллектуальной власти, в котором будут бурно расти и мутировать новые качества бытия и новые пути моделирования общества». Это «пространство знания» обозначает не что иное, как новую главу человеческой истории,

следующую за множеством антропологических пространств, освоенных людьми на протяжении тысячелетий, — кочевое пространство охотников и собирателей, связанные территориальные пространства сельскохозяйственных обществ и государств и «детерриториализованные» пространства товарных потоков, порожденные капитализмом. Леви не считает, что пространство знания сотрет следы этого более раннего окружения, но он все же надеется, что цифровая Земля даст нам возможность преодолеть эти ограничения. Виртуальные интерфейсы и другие формы визуализации трансформируют коллективные информационные сети в управляемую и кочевую «космопедию», непрерывно разворачивающееся пространство, которое позволит нам подняться над мирами консьюмеризма, политического местничества и средств массовой информации и развить своеобразные радикально-демократические и трансперсональные способности, которые понадобятся нам, чтобы противостоять трудностям, ожидающим нас прямо за поворотом.

Леви — философ, и он не взывает к мистическим силам, вдохновляющим мысль Тейяра де Шардена и других визионеров. С другой стороны, он признает, что определенные качества информационного пространства и виртуальной реальности возрождают как метафизические интересы, так и духовное воображение. В главе «Хореография ангельских тел» Леви воскрешает средневековую исламскую теологию, чтобы применить неоплатоническое понятие ангела к развитию коллективного интеллекта. Как мы видели в предыдущих главах, неоплатонические философы и мистики представляли космос в виде многоэтажного здания. Чем ближе тот или иной уровень находится к трансцендентному божеству, тем большим совершенством и единством он обладает. Как и следовало ожидать, наш мир представляет собой фундамент, бал множественности и неразберихи, где трансцендентальный зов божественного интеллекта должен бороться с хаосом фрагментарности, невежества и непостоянства человеческих страстей. Как объясняет Леви, ангелы в этой иерархии духовной реальности действуют в качестве посредников и преобразователей. Они собирают божественные искры с уровней, низших по отношению к ним, включая наш мир, объединяют эти искры и направляют их на более высокие уровни синтеза божественного интеллекта.

Для Леви Ангел, которого средневековые мыслители видели парящим над нашим миром, возвращается ныне в качестве архетипического образа коллективного интеллекта, создаваемого технологиями. Теология же становится технологией. Но Леви делает решающий теоретический ход, переворачивая метафизическую архитектуру неоплатонического космоса с ног на голову, трансформируя трансцендентное в имманентное и направляя божественный разум обратно в воплощенный человеческий мир, в котором мы в действительности живем. Поскольку Ангел признается скорее виртуальным, нежели божественным, он больше не увлекает нас в платонический космический корабль презирующей мир трансценденции — вместо этого он отражает наш собственный активный и ангельский интеллект обратно на Землю. «Ангелы живых объединяются, чтобы непрерывно формировать и преобразовывать Ангела коллективного, подвижное и лучезарное тело человеческого знания. Этот Ангел не говорит. Он сам есть совокупный голос или хорал, возникающий из действия и мышления человечества». Ангел — это вовсе не деспотический коллективный разум. Наша собственная ангельская природа, деятельные силы нашего собственного интеллекта развиваются, но не поглощаются «перевернутым собором» пространства цифрового знания.

Леви страдает типичной для французов страстью к абстракции, и чем дольше вы пытаетесь представить, как лучезарное видение Леви коллективного интеллекта может развернуться на практике в условиях требований нашей повседневной жизни и технологии, тем труднее становится его придерживаться. Созерцание таких утопических и метафизических возможностей в свете сегодняшней информационной политики подобно прослушиванию «Sanctus» из «Мессы си минор» Баха на дешевой домашней стереосистеме: вы ощущаете себя поглощенными мерцающим собором объединенного человеческого голоса только

для того, чтобы услышать, как прекрасные звуки хора тонут в гудении динамика и шуме автомобильных гудков на улице. Но попытка Леви представить себе новое информационное пространство через образ Ангела коллективного остается чрезвычайно притягательной. Леви признает, что духовные и трансперсональные возможности продолжают манить человеческий разум и что эти возможности были приведены в действие нашими технологиями — или, вернее, тем, что эти технологии делают с нашими умами. В то же время Леви противостоит соблазнам трансценденции, ошибочного представления, что технология или метафизические истины приведут нас на сверхчеловеческий уровень. Если пост-модернистская Мировая Душа действительно возникает из электронного гипермозга или из информационных сетей, то мы должны удостовериться, что эта душа твердо стоит на земле.

В этом отношении важно рассматривать миф о планетарном разуме не в виртуальном свете коллективного интеллекта, но в тени более актуального обстоятельства — глобализации. Телекоммуникации и компьютерные сети, охватывающие Землю, — это лишь наиболее непосредственное выражение того, что составляет в конечном счете единую планетарную систему, включающую в себя все множество земных культур и наций. Капитализм и средства связи, конечно, сжимали мир на протяжении веков, но это новое глобальное пространство, как никогда прежде, погружает нас во все более динамичные потоки капитала, товаров, иммигрантов, загрязнения окружающей среды, компьютерных программ, беженцев, поп-культуры, вирусов, оружия, идей и наркотиков. Это мир, где тенденции потепления, спровоцированного индустриальными странами, поглощают острова в Полинезии, где правительства проявляют больше внимания к CNN, чем к иностранным послам, где один банковский клерк в Сингапуре может вызвать крах финансового учреждения в другой части планеты.

Для Тейяра, Песке и других сторонников идеи планетарного разума тот факт, что мир сегодня связан коллективной сетью взаимных соединений, предполагает, что эволюционные или даже мистические силы ведут нас к чему-то подобному всемирной деревне. Но, как вам скажет любой антрополог, деревня может быть весьма коварным, жестоким и параноидальным местом. Даже Маршалл Маклюэн признавал пугающую клаустрофобию всемирной деревни, которую он описал первым. Еще в 1962 году Маклюэн утверждал, что, по мере того как современный индивид соскальзывает в комнату эха глобальной электронной культуры, основанной на интенсивном соучастии, мы все больше подвергаемся опасности прорыва насилия, психических расстройств и патологий, охватывающих все общество. «По мере того как наши чувства выходят за наши пределы, Большой Брат перемещается внутрь нас», утверждал он, предупреждая, что если мы не осознаем эту динамику, то мы немедленно перейдем в стадию панических страхов, которая в точности соответствует маленькому миру племенных барабанов, полной независимости и навязываемого сверх всякой меры сосуществования... Ужас — нормальное состояние всякого устного общества, поскольку в нем все непрерывно влияет на все.

Несмотря на свидетельства мистиков об обратном, кажется, что реализация состояния, когда «все непрерывно влияет на все», не всегда приносит такое уж большое облегчение. Для многих граждан мира ощущение полной независимости так или иначе становится мрачным и парализующим подвигом, в основе которого лежит осознание, что выхода нет. Вот почему столь многие из наших панических страхов сегодня концентрируются вокруг угрозы заражения — вирус Эбола, СПИД, компьютерные вирусы, медиамемы духовного разложения, смертоносные вспышки E. coli, даже заразный «азиатский грипп» финансового кризиса 1997 года.

Самая зловещая из всех — возможность того, что тотальная независимость будет означать новые формы тоталитарного контроля. Хотя такие мыслители, как Тейяр и Леви, старательно пытаются избегать предположения, что всемирный разум превратит мир в высокотехнологичный муравейник, такой результат неизбежен. На обложке книги Кевина Келли «Вне контроля», которая должна убедить нас, что Сеть — как раз то, что нам нужно, изображен рой полувиртуальных пчел,

вьющихся вокруг медовых сот компьютерных мониторов MultiHyve. Даже в ангелах, которые, как надеется Леви, помогут спасти нас от этой судьбы, есть что-то от агентов тайной полиции. В исламе, например, крылатые стражники действуют как священные скрытые камеры, невидимые свидетели, парящие над нами во время наших повседневных испытаний и записывающие все наши действия в досье, которое должно быть вскрыто в Судный день. Теперь мы оцифровали этих записывающих ангелов — они теперь приспособлены для того, чтобы следить за нашими личностями и действиями, восстанавливать их и выносить им приговор по мере нашего движения через инфосферу баз данных, электронных сделок, демографического профилирования и камер наблюдения.

Ввиду краха откровенно тоталитарных режимов планеты страх перед рождающимся обществом надзора может показаться не более чем фантазмом, стоящим на пути новой формы коллективной взаимозависимости, параноидальной проекцией наших беспокойных «я», плетущихся, по своей воле или неохотно, в мировую деревню. Но эти зловещие призраки указывают также на вполне реальную возможность — и действительность. Каждая фаза развития человечества имеет свою темную сторону, но ночная сторона технологической глобализации покрыта непроглядной тьмой. Мы слышим от политиков, сторонников общего рынка и средств массовой информации столько глобалистских лозунгов, что существует настоятельная потребность в критических и скептических голосах в глобалистской дискуссии, хотя такие голоса могут выйти за пределы простого пессимизма неолуддитов с их руссоистским пессимизмом и страхом перемен. Социальные критики XXI века могут даже возобновить свой мессианский и пророческий договор с ангелами, напоминая, что, подобно Иакову, мы призваны бороться с этими агентами возможного, а не подражать им.

Независимо от того, что мы ощущаем глобализацию как «естественную» фазу эволюции человечества, это явление реально, и нам потребуется нечто большее, чем герменевтика подозрения, чтобы взрастить продуктивные и гуманные возможности этих бурных времен. В своей речи в Гарварде в 1995 году Вацлав Гавел описал свой поиск глубинного измерения глобального политического участия. Признавая возникновение единой планетарной цивилизации, Гавел указывал, что эта цивилизация все еще представляет собой тонкий технологический эпидермис, натянутый над огромным множеством культур, народов, религиозных точек зрения и традиций, укорененных в весьма различном историческом опыте и географическом климате. Основываясь на своем собственном опыте путешествий по миру, Гавел утверждает, что эта разнообразная и часто скрытая человеческая «изнанка» всемирной деревни обретает сейчас второе дыхание, особенно по мере того, как рушатся обещания светской современности. Более того, по мере распространения торговых центров глобальной цивилизации «древние традиции оживают, различные религии и культуры пробуждаются к новым способам бытия, ищут новое пространство для существования и борются с растущим желанием осознать, что в них является уникальным и что отличает их от других». По совершенно понятным причинам довольно многие из этих стран и культур отказываются от многих евро-американских политических и социальных ценностей, которые в разной степени сопровождают глобализацию. Некоторые из самых непримиримых противников «Большого мира» прибегают к ожесточенной борьбе, часто применяя технологии — радары, компьютеры, лазеры, нервно-паралитический газ, — которые обязаны своим существованием той самой цивилизации, которая находится в фокусе их критики.

Учитывая напряжение, которое натягивает изнутри новую оптоволоконную кожу Геи, Гавел утверждает, что мы должны принять базовый кодекс этики и взаимного сосуществования, усвоить радикально плюралистическую точку зрения, которая даст возможность развития подлинно открытого и мультикультурного общества. Но если мы думаем, что этот кодекс заключен в культуре потребления, или в рыночной дисциплине, или в правовых концепциях Запада, предостерегает Гавел, то и от этого мы также должны отказаться. Этика, способная переориентировать мир в его новых глобальных пределах, не может быть еще одной «универсальной

идеей», выданной рационалистическим Западом; ее нельзя запрограммировать посредством социальной инженерии, ее нельзя придумать и распространять, как рекламу кока-колы или презервативы. Обладая прямоотой, скромностью и личным авторитетом, совершенно чуждыми сегодняшним политикам, Гавел призвал людей погрузиться гораздо глубже в духовное измерение, которое охватывает все наши разнообразные культурные истории:

Мы должны понять глубокую взаимосвязь или подобие различных форм нашей духовности. Мы должны вспомнить нашу изначальную духовную и моральную сущность, которая выросла из одного и того же существенного опыта человечества. Я полагаю, что это единственный способ достичь подлинного возрождения нашего чувства ответственности за самих себя и за мир. И в то же время это единственный способ достичь более глубокого взаимопонимания между культурами, которое позволит им работать вместе истинно экуменическим образом, чтобы создать новый порядок мира.

Гавел не просит никого отказаться от благородных черт современного разума и вернуться к племенным идолам, абсолютным истинам и утешительным сказкам, которые мы когда-то рассказывали самим себе, чтобы держать холод и тьму на расстоянии. Вместо этого Гавел указывает на «пострелигиозную» духовность, которая может развиваться в плюралистическом третьем тысячелетии наряду с наукой и технологией и всем этим назойливым капиталом. Он благоразумно не говорит нам ничего о том, откуда придет эта духовность или на что она будет похожа. Он просто задает вопрос:

Не находим ли мы где-то в основаниях большинства религий и культур, хотя они и могут принимать тысяча и одну различную форму, — общие элементы, такие как уважение к тому, что нас превосходит, будь то тайна Бытия или моральный порядок, который стоит над нами; определенные императивы, которые приходят к нам с небес, или от природы, или от нашего собственного сердца; веру в то, что наши дела будут жить после нас; уважение к нашим соседям, к нашим семьям, к определенным естественным авторитетам; уважение человеческого достоинства и природы; чувство солидарности и доброжелательное отношение к гостям, которые приходят с добрыми намерениями?

Это не совсем то, чего можно было бы ожидать от такого человека, как Гавел — непрерывно курящего политика, авангардного гуманиста и большого поклонника Фрэнка Заппы. Но, как и бесчисленное множество людей по всему миру, Гавел нутром чует, что мы все стоим на перекрестке и нам понадобятся все человеческие способности, чтобы противостоять катастрофам, поджидающим нас прямо за поворотом.

Встреча со Зверем

С середины 1990-х годов удивительный технологический артефакт обошел выставки электронного искусства и медиа, проходящие сегодня повсюду, от Хельсинки до Буэнос-Айреса. Созданный берлинской дизайнерской группой Art+Com, проект T_Vision вывел идею «виртуального мира» на новый уровень графической реализации. Суть такова: вы стоите перед большим экраном, на котором парит объемное фотореалистичное изображение планеты Земля — изображение, сотканное без единого шва из двадцати гигабайт данных: съемок с воздуха, топографической информации и спутниковых снимков с высоким разрешением. С помощью большого пластикового «трекбола Земли» вы можете вращать эту виртуальную Землю, как мячик, туда, куда пожелаете. Или вы можете использовать «космическую мышь», чтобы приблизиться к тому или иному ландшафту, непрерывно перемещая камеру вниз и наводя ее на подвижное пестрое множество все более локализованных четких изображений. Вращая Землю, вы чувствуете себя Богом, а спускаясь к ее поверхности — как падающий ангел.

T_Vision дает внутренний опыт того, что Фредерик Джеймисон определил бы как постмодернистский вариант технологически возвышенного. Как мы видели в предыдущих главах, первый натиск технологически возвышенного мы пережили в конце XIX — начале XX века, когда огромные каналы, электрические сети, трансконтинентальные железные дороги, огромные мосты и плотины могли вызывать почти пугающее чувство грандиозности и благоговейного трепета. Но эти памятники индустриальной отваги больше нас не трогают. Огромная китайская плотина Трех ущелий теперь поражает нас уже как экологическая катастрофа, разрушительный акт национального высокомерия. Мы очарованы не производством, а воспроизводством образов и информации. Наш идол — не дамба, а экран монитора, за которым находится необъятная глобальная матрица баз данных, образов, источников информации в реальном времени и коммуникационных сетей — матрица, которую буквально невозможно представить.

Поскольку человеческий мозг не способен удовлетворительно охватить это гиперпространство коллективной информации, оно приобретает мистическую ауру возвышенного, ауру, которая, в свою очередь, заколдовывает экраны и устройства, с помощью которых мы пытаемся вступить в диалог с новым информационным окружением. Как пишет Джеймисон, «технология современного общества, таким образом, гипнотизирует и очаровывает не столько сама по себе, сколько потому, что она, кажется, предлагает некую привилегированную стенографию для представления и постижения сети власти и контроля, которую еще более сложно постичь нашему разуму и воображению — всей новой децентрализованной глобальной сети... самого капитала».

Созданный Уильямом Гибсоном образ киберпространства прельстил столь многих, потому что он предполагал, что индивидуальные «разумы и воображения» могут управлять виртуальными образами этих децентрализованных сетей и потоков. Возвышенная грандиозность образа Гибсона скрывает мрачную иронию, хотя один из персонажей «Нейроманта» резюмирует ее одним словом — «Вавилон». Как и Джеймисон, Гибсон предполагает, что мы, возможно, приближаемся к апогею технологического отчуждения, к точке, которая является возвышенной лишь постольку, поскольку вызывает ужас.

Хотя T_Vision не указывает явно на глобальные сети капитала и коммуникации, он все же дает нам намек на то, как планетарный разум может вступить в диалог с нашими умами. Как утверждают некоторые кибермыслители, мы начнем овладевать подавляющим нас хаосом сетевых информационных окружений, когда научимся выстраивать виртуальные архитектуры, способные нанести на карту бесчисленные потоки данных, которые определяют современное информационное пространство. Отчасти имея в виду T_Vision, Марк Песке утверждает, что самый доступный и подходящий дворец памяти, который мы можем использовать для этой цели, — это, конечно, сама Земля. Учитывая, какой объем данных в реальном времени и спутниковых изображений уже сейчас доступен в Интернете, не

слишком трудно представить себе день, когда будет доступно онлайн нечто вроде T_Vision в реальном времени. Конечная интерактивная глобальная информационная система будет подобна планетарной базе данных, которая появляется в «Лавине» Нила Стивенсона.

С тейярдистским оптимизмом Песке утверждает, что, трансформируя планету в предельно виртуальную базу данных, мы укрепляем наше осознание связей и взаимозависимостей, определяющих мировое сообщество. Такой образ поможет нам, например, «увидеть» экологические бедствия, которые сегодня грозят нарушить равновесие биосферы, воздействовать на всемирные организации и отслеживать нарушителей с вновь обретенным чувством актуальности и ответственности. На уровне этики, если не мистики, такой образ может подключить осознание того, что мир и люди, живущие в нем, не сделаны из одного и того же теста и что все мы должны научиться уживаться друг с другом в конечных рамках космического корабля «Земля». Альберт Гор, должно быть, лелеял аналогичную догадку, когда продвигал спутниковую систему Earth-Span, которая должна была непрерывно передавать фотоснимки вращающейся Земли на веб-сайты и кабельные станции по всему миру. Благодаря этому торжеству символического парадокса — абстрактной сетке медиапространства, которая, вероятно, является самым искусственным и нематериальным из человеческих артефактов, — Гей, таким образом, получила бы возможность вновь заявить о себе как о последней сфере и пределе реального.

Фотографии планеты, украсившие обложки первых выпусков «Whole Earth Catalog», напоминают нам, что эта утопическая надежда не совсем нова. Сделанные космонавтами НАСА снимки «большой голубой жемчужины», плывущей на фоне черной бездны космоса в конце 1960-х — начале 1970-х стали вездесущими поп-иконами и были восприняты многими защитниками экологии и пацифистами как спасительные символы экологического единства и человеческой общности. Однако, как пишет проникательный эколог и критик Майкл Циммерман, «технические достижения, необходимые, чтобы построить космический корабль, с которого были сделаны эти снимки... стали возможными благодаря той же объективирующей установке, которая рассматривает Землю как склад сырья для увеличения человеческой мощи». Когда Мартин Хайдеггер в 1966 году увидел по телевизору первые снимки Земли, сделанные НАСА, он заявил, что «отрыв человека от своих корней уже произошел... Это уже не та Земля, на которой живет человек». Другими словами, мы не можем надеяться обрести более глубокое чувство бытия и связи посредством технологической системы, которая использует Землю как объект господства и использования — в качестве образа масс-медиа, залежи полезных ископаемых или визуальной базы данных. У многих T_Vision вызывает приступ хайдеггеровской технологической тошноты: взрыв божественной силы и всеведения, который мы испытываем, вращая изображение Земли в реальном времени, кажется почти таким же фаустовским, какими становятся сегодня мультимедиа.

Еще большую тревогу вызывает то, что T_Vision в значительной степени черпает свою силу из милитаристской по своей сути модели надзора, абстрактной системы власти, наблюдения и контроля над информацией, которую Мишель Фуко возводил к паноптикону Иеремии Бенета. Паноптикон, как описывает его Фуко, — тюремное здание, особая архитектура которого позволяет стражникам постоянно наблюдать за заключенными, находящимися в своих камерах, — создал абстрактное пространство наблюдения, дающее властям возможность управлять людьми не посредством физической силы, но постоянно напоминая им о том, что за ними наблюдают, — факт, который сами заключенные впоследствии психологически интериоризируют. T_Vision придает глобальный масштаб этой Черной Железной Тюрьме, или, точнее, он представляет собой грубое отражение, в форме видеогры, уже существующего планетарного паноптикона. Учитывая распространение GPS, запуск коммерческих спутников-шпионов, таких как Earth Watch, и наше безоглядное увлечение сбором информации всеми возможными способами, становится ясно, что «глаз в небе» будет становиться все более проникательным по мере того, как мы несемся в XXI век. Мы действительно можем

пролить свет на вещи, скрытые во тьме, но это не разрешает вопроса об источнике этого света.

Единственное оправдание T_Vision и его потомства, которое неизбежно появится, состоит в том, что, учитывая реальность спутников-шпионов и приватизацию военного наблюдения, мы можем также сделать мировые потоки информации максимально открытыми и демократичными. Как один из компонентов политики «открытого общества», эта точка зрения предполагает, что социальные активисты, защитники окружающей среды и простые люди обретут власть благодаря, по сути, обратному слежению. Возможно, это самый реалистичный результат, но он остается глубоко тревожным, поскольку он подтверждает, до какой степени частная жизнь превращается в пережиток прошлого по мере того, как мы переходим в мир гигантских взаимосвязанных баз данных, шпионских самолетов Джеймса Бонда, вездесущих телекамер и устройств для слежения за преступниками и детьми. Эта глубокая мутация социального пространства отражается уже в ритуалах популярного телевидения, поскольку личные трагедии и беды простых людей выставляются на всеобщее обозрение в таких вуайеристских зрелищах, как «Сорс», или «Real TV», или в ток-шоу Мори Пович и Монтель Уильямса. Мы можем обнаружить, что мы подключены к коллективному пчелиному улью информации и образов, к тоталитарному по сути аппарату постоянного наблюдения, пока еще не имеющему тоталитарного центра управления.

Тейяр де Шарден также полагал, что история человечества движется в направлении гигантского коллективного общества, в котором индивиды начнут резонировать, сливаясь с жизнью, чувствами и желаниями своих товарищей. Он даже пришел к довольно тревожному заключению, что различные тоталитарные режимы, проложившие себе дорогу через поля сражений XX века, в действительности «соответствовали существенной „тенденции“ космической эволюции». По сути, Тейяр утверждал, что единственная реальная надежда — в абсолютном триумфе холистической коллективизации. «Если мы должны избежать тотальной анархии... мы не можем сделать ничего другого, кроме как решительно броситься вперед, даже если что-то в нас погибнет, — вперед, в плавильный котел социализации». Убеждая своих читателей, что они полюбят это довольно пугающее положение дел, Тейяр заявлял, что подлинное объединение, в действительности, дифференцирует нас и что наш решительный шаг к планетарной конвергенции «в результате должен увеличить многообразие выбора и богатство спонтанности».

Хотя такие обещания удивительно напоминают корпоративный обман, который сегодня лакирует неудержимый рост транснационального капитализма, Тейяр на самом деле говорит как убежденный католический мистик, с глубокой верой в коллективное тело пробужденных душ и в открытый и эволюционный по своей сути характер Вселенной. Но христианское воображение подобно разноцветному одеялу, и некоторые из его лоскутков приобретают гораздо более мрачные и интенсивные оттенки. Некоторые христиане, в особенности те, кто тупо придерживается протестантского убеждения в непоколебимой непогрешимости библейского слова, согласились бы с Тей-яром в том, что наше неудержимое движение к планета-ризации является частью божественного плана. Но они были бы решительно не согласны с актерским составом. Зная, что невозможно назвать участников игры, не заглянув в карточку, на которой ведется счет, они бы достали «Книгу Откровения» Иоанна с Патмоса:

И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные (Откр. 13:1).

Знакомьтесь: г-н Антихрист, вассал дракона-Сатаны. Хотя данное Иоанном описание напоминает какого-нибудь монстра из фильма Industrial Light & Magic, большинство энтузиастов ортодоксального толкования пророчества считают, что этот зверь — человек, сверхъестественно одаренный оратор, который будет богохульствовать, восстановит многие древние империи путем политического объединения и установит свою власть «над всяким коленом, и народом, и языком, и племенем». Однако Антихрист не один, и вскоре после того, как зверь выходит из

своего моря, Иоанн видит другое создание, выходящее из земли, монстра с рогами ягненка, который говорит как дракон. Это лжепророк, который соблазнит «всех живущих на Земле» поклониться Антихристу, очевидно прельстив нас «великими чудесами», которые включают огонь, падающий с неба, и другие бутафорские чудеса шоу-бизнеса. Но затем происходит нечто действительно странное:

И он сделает то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его (Откр. 13:16-17).

Как вам скажет любой обладатель приличной коллекции дисков хэви-метал, число зверя — 666.

Здравомыслящие ученые напомним нам, что вся эта демоническая образность родилась в голове Иоанна в конце I века, когда взбалмошный император Домициан возобновил гонения на христиан после нескольких десятилетий относительно дружелюбного к ним отношения. Приведенные выше отрывки почти наверняка отражают ужас христиан перед институциональным поклонением Цезарю и их антиглобалистские чувства, происходившие, вероятно, из почти анархистского отрицания молодым культом высокомерного всемирного Римского государства. Используя излюбленные вычислительные технологии библейских экзегетов, большинство ученых приходят к выводу, что сам зверь, вероятно, был Нероном.

Но, как мы писали в прошлой главе, аллегорические наброски апокалиптического спектакля Иоанна настолько широки и неопределенны, что они могут соответствовать почти любой эпохе — включая, несомненно, информационную. Евангелическая община впервые начала интересоваться компьютерами в начале 70-х годов, когда штрих-коды, удобные для компьютерной обработки — ставшие сейчас вездесущими UPC (Universal Product Code, универсальный товарный код), — стали появляться на ходовых товарах. Эти странные знаки многими интерпретировались как предвестники метки зверя, и некоторые христиане боялись, что вскоре нас заставят запечатлеть их на своем теле. Позднее аналогичную панику вызывали сообщения о том, что в бельгийском компьютере под названием «Зверь» запрограммированы имена всех живых существ Земли; что логотип Procter & Gamble, изображающий человека на луне, доказывает, что эта корпорация заодно с Церковью Сатаны; что детские шоу в субботу утром — пропаганда черной магии; и что нумерологическое значение слова «компьютер» — 666.

Этот параноидальный стиль интерпретации символизма товаров и символических систем современного общества, несомненно, можно назвать непреднамеренной эсхатологической аффектацией, но эти визионерские подозрения тем не менее складываются в определенную творческую силу. Параноидальные пророчества могут породить волнующие примеры того, что Уильям Ирвин Томпсон называет эпистемологическими мультфильмами — поверхностные и яркие мифы, которые аллегорически представляют более тонкие и значимые реальности. Благодаря своим апокалиптическим фантазиям энтузиасты христианского пророчества привлекают внимание к переменам, вносимым в общество технологией, которые остальные люди, как правило, игнорируют, признают или принимают без долгих размышлений.

В книге «Знак Зверя: ваши деньги, компьютеры и конец света» братья-евангелисты Питер и Пол Лалонды утверждают, что многие передовые технологии — кредитные карточки, смарт-карты, «умные» дороги, биометрика, банки данных, имплантированные следящие микрочипы — указывают на запрограммированный сдвиг к миропорядку Антихриста, миропорядку, в котором все движение, купля и продажа будут поставлены под наблюдение и контроль. В отличие от более истеричных поставщиков того, что они называют «болтовней о знаке зверя», авторы, которые являются также ведущими передачи на кабельном телевидении под названием «Эта неделя в библейских пророчествах», придерживаются надежных источников информации, таких как журнал Card Technology Today. Что

более важно, они помещают свои факты в социально-политический контекст, который не так уж далек от анализа, пропагандируемого пессимистично настроенными социальными критиками. Питер и Пол называют это «системой последних дней» — мир, в котором исчезают наличные деньги, информационная технология провоцирует невидимую и дьявольскую концентрацию власти и богатства, а капризы цифровой идентичности допускают и оправдывают агрессивные формы электронного социального контроля и коварное распространение приборов наблюдения.

Используя апокалиптическую образность для исследования инфраструктуры информационного века, братья Лалонды и им подобные не просто выражают бессилие, тревогу и страх, ощущаемые гражданами постмодернистского мира. Их пророческая паранойя вскрывает пресыщенную веру в то, что современная технологическая метаморфоза повседневной социальной реальности — это обычное дело. Их безумными глазами мы видим, с какой готовностью мы отдали наши незначительные свободы во имя безопасности, эффективности и комфорта — и насколько в действительности у нас мало выбора. С каждой электронной сделкой мы проектируем свою идентичность в виртуальный лабиринт взаимосвязанных баз данных, переполненных финансовой, медицинской, юридической и туристической информацией. Используя кредитные карты и карты идентификации личности, электронную продажу билетов и автоматическую оплату дорог, мы сегодня оставляем «хлебные крошки» битов на каждой тропинке, по которой проходим.

Даже если созданный братьями Лалондами образ Большого Брата с крыльями летучей мыши кажется смехотворным преувеличением, их озабоченность нашей бесчеловечной виртуальной экономикой таковым не является. С крахом Советской империи и демонтажем прежних тоталитарных государств капиталистический мир, с его глобальной торговлей, потребительскими медиа и международной финансовой системой, действительно готов господствовать над «всеми племенами, языками и народами». Идея, что смарт-карты — инструмент Антихриста или что бюрократы Европейского союза возрождают имперский Рим, — просто популярная аллегория этой капиталистической империи. Рчевидно, теории заговора, претендующие на описание некой тайной, невидимой и глубоко порочной группы заговорщиков, которая скрывается за риторикой Нового Мирового Порядка, по сути своей ошибочны. Но они часто представляют собой пророческие заблуждения, резюме снов исторического подсознания. «Тайные» свойства современного сдвига мировой власти имеют мало общего с иллюминациями, Трехсторонней Комиссией или тайными ритуалами, проводившимися в клубе Богемской рощи. С растворением национального государства и виртуализацией экономики власть сегодня выходит за пределы видимого пространства представительной демократии. Она исчезает среди бела дня, и этому исчезновению способствуют чары индустрии медиа, управляемой немногочисленными крупными корпорациями и посвящающей, сознательно или бессознательно, значительную часть своего времени тому, что Ноам Хомский называет «производством согласия».

Мрачная картина системы последних дней явно представляет глобализацию под иным мифическим углом, нежели теория разума Геи, и ее характерные черты стоит иметь в виду в условиях, когда механизмы капитализма проникают в каждую складку и щелку планеты — на дно глубокого моря, в коммунистическую крепость Китая, в гены растений и народов тропических лесов. Сегодня стало ясно, что прибыль, а не космическая эволюция является движущим духом планетаризации — ее главной метафорой, ее всемогущей и универсальной истиной. По мере того как технологика рынка все больше заражает все сферы человеческого существования, от политики до образования и семьи, и обретает беспрецедентную власть. Границы времени и пространства, которые когда-то сдерживали потребности рынка, растворяются в окружающем силиконовом море, информационная технология распространяет империю конкурентного труда во все уголки и щелочки нашей личной жизни. Идея идиллических рекламных роликов, показывающих людей, отдыхающих на тропических пляжах с ноутбуками и сотовыми телефонами, проста и деспотична: мы свободны и удовлетворены только тогда, когда мы остаемся в Сети, в расписании, на телефоне. Как считает философ Жиль Делёз,

дисциплинарный паноптикон Фуко уже был вытеснен более агрессивной и непрерывно изменяющейся формой принуждения: «Рыночная операция сейчас является инструментом социального контроля и формирует дерзкое племя наших господ. Контроль краткосрочен и имеет быстрые темпы оборота, но он также продолжителен и беспределен... Человек — это уже не человек в заключении, но человек в долгу».

Обогащая миллионы, всемирная экономическая поляризация, порождению которой способствовал электронный капитал, может оказаться пагубной для человечества в целом, особенно для той половины населения, которая никогда не снимала трубку телефона. Во всех обществах растущий разрыв между бедными и богатыми приобрел такую неофеодальную напряженность, что некоторые мрачные пророки окрестили наше будущее Новым Средневековьем. Социальные критики обращают наше внимание на мрачнейший пейзаж внутригородского упадка, социального распада и бандитского капитализма в России и других странах Восточной Европы. В развитых странах с трудом завоеванные условия труда и сеть социальной безопасности подрываются во имя эффективности и прибыли, в то время как развивающиеся страны сталкиваются с бурным ростом городских трущоб, настольно грязных, что гнетущая нищета деревенской жизни кажется почти средиземноморским отелем. Несмотря на то что многие крепкие предприниматели способны пробыть и «оседлать хаос», выгоду от глобализации получают главным образом электронные избранники, которых Артур Крокер называет «виртуальным классом»: транснациональная элита олигархов, так мало связанная с местной культурой, реальными работниками или конкретной экосистемой, что они могли бы с таким же успехом жить на орбите — или по крайней мере в огороженной, охраняемой частным образом и полностью опутанной проводами крепости. Не нужно быть научным фантастом или мрачным футурологом, чтобы представить, насколько пугающим может стать это непостоянное, недемократическое и глубоко неуравновешенное состояние.

Конечно, нетрудно быть сбитым с толку зловещим образом Нового Мирового Порядка, с его властителями умов и управляемыми киборгами, не говоря о уже стереотипном призраке глобальной мультинациональной корпорации. Многие прагматики утверждают, что глобальные торговые договоры, такие как Генеральное соглашение о торговле и тарифах, Североамериканская ассоциация свободной торговли и Маастрихтский договор, не предвещают ничего более ужасного, чем «МакМир», описанный Бенджамином Р. Барбером: пластиковое чистилище глобальных торговых сетей, фаст-фуда, кабельного телевидения, компакт-дисков, автострад, факсов, рекламных щитов, синих джинсов, сотовых телефонов и компьютерных мониторов. Учитывая ужасы геноцида, которыми был отмечен XX век, можно предположить, что есть худшие варианты планетарной судьбы, чем оказаться внутри глобального торгового центра лишенных корней космополитов, настроенных больше на потребление, нежели на конфликт. Более века назад, когда промышленный капитализм был близок к тому, чтобы торжествовать победу, а канонерки Запада сдерживали неугомонных туземцев, один из постоянных авторов журнала *Cosmopolitan* писал:

Сегодня жители этой планеты быстро приближаются к состоянию гомогенного народа, все социальные, политические и коммерческие интересы которого одинаковы. Благодаря неограниченным возможностям общения, они почти так же едины, как члены одной семьи; вы можете путешествовать по всему миру и не найти почти ничего в жизни, манерах и даже внешнем виде местных жителей, что напомнило бы вам, что вы далеко от того места, где родились.

Нет необходимости говорить, что эта торговая семья — белая, городская и западная по своей сути, и ее глобальное господство зависит от экстраординарной жестокости и расизма колониальных режимов. Однако ключевое слово здесь — «гомогенный», термин воистину пророческий, предвещающий выравнивающее действие, которое современный глобальный торговый центр оказывает на бесчисленные жизненные миры человечества. То, что возбуждало автора журнала — возможность путешествовать повсюду, никогда не покидая дом, — вселяет во

многих из нас ужас, поскольку это «повсюду» все больше ощущается как «нигде», как необъятный лабиринт торговых сетей, торговых центров и залов крупных аэропортов.

Способна ли сама планета справиться с глобализацией — это другой вопрос. Любой серьезный наблюдатель должен поставить под вопрос ее способность выдержать нашу добывающую, промышленную и сельскохозяйственную деятельность, наш уровень потребления и наши близорукие атаки на биосферу. Все лучшие товары в мире не могут компенсировать будущее, которое сулит вымирание растений и живых существ, разрушение пахотного слоя почвы и исчезновение тропических лесов, обилие напичканных пестицидами монокультур и разработанных в лаборатории пищевых монстров и климатическую нестабильность, вызванную глобальным потеплением. И хотя глобализация может привести некоторые социальные группы и регионы к относительному богатству, это процветание может оказаться экологической бомбой замедленного действия, если западная модель безудержного потребления будет просто воспроизведена в глобальном масштабе. Конечно, глобализация сопровождалась также растущим осознанием биофизических пределов, нарушение которых может вывести из строя космический корабль «Земля». Людям во всем мире открывается более широкая сфера жизни, которой человек не может избежать и которую он не может себе позволить игнорировать. К сожалению, международные экологические конференции, кажется, до сих пор не в состоянии выработать волю к самостоятельному управлению, даже когда всемирные регулирующие организации, такие как ВТО, отказываются от прогрессивных экологических стандартов многих западных стран во имя «ограничения торговли». Глобальная экономика создала еще более благоприятный климат для того, чтобы алчные мультинационалисты и коррумпированные местные чиновники наращивали темпы расхищения, как раз потому, что они действуют в международном масштабе, который почти невозможно регулировать. Хотя некоторые полагают, что передовые технологии ворвутся, подобно Супермену, чтобы спасти нашу эпоху, многие из уже существующих «мягких» технологических решений экологических проблем остаются неиспользованными из-за корпоративного сопротивления и политической инерции.

Один из парадоксов подъема экологической мысли состоит в том, что ее органические модели и холистические метафоры используются также для того, чтобы оправдать крайности ничем не ограниченного глобального рынка и его технологические инструменты. Многие технолибералы и сторонники «новой экономики» поддерживают своеобразный «рыночный анимизм», который приобретает очертания неodarвинизма. Используя язык теории систем и нелинейных свойств, рассмотренный выше, эти энтузиасты представляют себе самоорганизующуюся и бесконечно расширяющуюся экономику, построенную на петлях обратной связи, симбиотических технологиях, децентрализованном управлении, потоках органической информации и, конечно, на отсутствии «искусственного» вмешательства государств и регулятивных механизмов. Как убедительно сформулировал это Джон Перри Барлоу в письме на лист рассылки nettime:

Природа сама по себе — это система свободного рынка. Тропический лес — это неплановая экономика, как и коралловый риф. Различие между экономикой, классифицирующей информацию и энергию в фотонах, и экономикой, классифицирующей информацию и энергию в долларах, на мой взгляд, незначительно. Экономика — это экология.

Британский критик Ричард Барбрук называет этот род риторики «мистическим позитивизмом», потому что его обращение к космическим силам выражается в научных терминах. Барбрук указывает, что гимны экономике кораллового рифа не только затемняют манипулятивную власть финансовых элит, но и игнорируют чрезвычайно продуктивную роль, которую могут играть и действительно играют государства, регулирующие организации и другие рационализированные общественные институты. Природу нельзя винить в быстром и решительном

распространении неолиберальных рыночных экономик в мире после холодной войны, как если бы мировой капитал представлял собой джунгли, наконец упраздняющие архаические кровавые храмы национальных государств. Многие страны, перекошенная экономика которых предстает сегодня алчным глазам мировых инвесторов, пришли к такому состоянию вследствие совершенно искусственной долговой политики; один раз попав в рабство к таким международным организациям, как Всемирный банк и МВФ, правительства многих развивающихся стран, как правило, были вынуждены согласиться с неолиберальной рыночной политикой, которая во многих случаях набивает карманы международного банковского сообщества, вместо того чтобы заниматься социальными, политическими и экологическими потребностями той страны, о которой идет речь.

Но возможно, рыночные анимисты и правы. Возможно, глобальная экономика в каком-то смысле живая, и неоспоримая креативность и пластичность рынка и его способность приносить прибыль свидетельствуют о нелинейных свойствах необиологической эволюции. В конце концов, проценты всегда были своего рода искусственной жизнью. Даже Фома Аквинский, живший в эпоху, когда роскошничество считалось грехом, признавал, что «своего рода рождение имеет место, когда деньги вырастают из [других] денег». Конечно, Аквинат не принял бы динамическое неравновесие социально-экономических трансформаций современности, которые показались бы ему извращенными. Он считал, что способность денег к самоумножению «особенно противна Природе, потому что в согласии с природой деньги должны вырастать из естественных товаров, а не из самих денег».

Очевидно, мы не можем и не должны возвращаться к статичной космологии Средневековья, но мы все же могли бы спросить у самих себя, что за монстры вырастают в нашей среде. Взять, к примеру, непостоянные и все более виртуальные всемирные финансовые рынки, шумная нервная система которых состоит из дающих метастазы информационных сетей, чей объединенный трафик, возможно, затрудняет битовые потоки Интернета. Свыше миллиарда долларов проходит через рынки иностранной валюты ежедневно, и менее 5 % этой неистовой деятельности представлены реальными сделками за наличный расчет. Остальная часть проносится через абстрактное цифровое пространство неуловимых петель обратной связи, чья нестабильность и взаимозависимость делает их одновременно прибыльными и потенциально катастрофическими. Деньги стали гностическими, отделяясь от материального проводника — материальных товаров и производства, чтобы превратиться в метафизический хаос чистой информации. Это прекрасная новость, если вас увлекают странные идеи, но если экономики целых государств могут разрушиться за считанные дни, становится непонятно, как вся эта деятельность связана со строительством лучшего мира. Как нам напомнили бы древние анимисты, если окружающая среда — живая, это не означает, что она всегда принимает близко к сердцу наши интересы.

Или, как Жиль Делёз написал в начале 1990-х годов: «Нас [теперь] учат, что у корпораций есть душа, и это самая ужасающая на свете новость». Одна из особенно жутких сторон этого известия — постмодернистское возвращение социального дарвинизма, пагубной философии XIX века, использовавшей идею «выживания сильнейшего» для оправдания магнатов грабежа и ужасающие условия труда индустриальной революции. Сегодня к «эгоистичным генам» и к аморальному стремлению стать «сильнейшим» прибегают, чтобы оправдать социальную политику (или ее отсутствие) технокapиталистической эволюции. Некоторые борцы за свободу личности и рыночные анимисты полагают, что, однажды освободившись от прогрессивного благочестия и иллюзий социальной инженерии, сам рынок будет действовать как огромный механизм отбора, естественным образом отсеивающий людей-новаторов от тех, кто лишен амбиций, расторопных от ленивых, трансчеловеческое от неудачного и «слишком человеческого».

То, что такая мрачная доктрина смогла вернуться на окраины опутанного

проводами мира, только подтверждает, как отчаянно мы нуждаемся в возрождении социального воображения — возрождении, которое вполне может потребовать оживления некоторых базовых «религиозных» убеждений, касающихся цели жизни и ценности индивидуальной души. Когда Джулиан Хаксли более полувека тому назад утверждал, что механизм эволюции перешел в человеческое общество, он говорил так не потому, что думал, будто мы должны начать копировать медлительность, беспорядочность и излишества естественного отбора с его пьяным симбиозом и своенравной жестокостью. Вместо этого мы можем и должны попытаться искупить этот процесс:

Как только механизм эволюции перестает быть слепым и автоматическим и становится сознательным... становится возможным ввести в эволюцию веру, мужество, любовь к истине, добродетель — одним словом, моральные цели. Это становится возможным, но эта возможность часто остается нереализованной.

Тейяр де Шарден также рассматривал пробуждение человека к реальности эволюционных процессов как возможность глубокой социальной трансформации. Хотя он придерживался детерминистского взгляда на естественную эволюцию, настолько широкого, что он охватывал, наряду с многоклеточными организмами и телевизорами, и второе пришествие Иисуса Христа, Тейяр никогда не отказывался от этических оснований, без которых мистицизм легко превращается в космический жаргон. Как Тейяр написал в заключении книги «Феномен человека», «выход для мира, двери для будущего, вход в сверхчеловечество открываются вперед и не для нескольких привилегированных лиц, не для одного избранного народа! Они откроются лишь под напором всех вместе и в том направлении, в котором все вместе могут соединиться и завершить себя в духовном обновлении Земли».

Для мистика-палеонтолога безжалостная дарвинистская картина эволюции как эгоистичного, бесцельного и аморального процесса никогда не смогла бы объяснить все до конца — именно потому, что она упускала из виду внутренний дух людей и вещей, дыхание и широту разума и души, которые наполняют и осуществляют творение.

Путь — это сеть

Буддистская легенда гласит, что Будда Шакьямуни вскоре после того, как он достиг прозрения природы вещей, создал текст, известный как «Сутра о величии цветка». Будучи, несомненно, самым космическим и психоделическим из произведений, приписываемых Будде, «Сутра о величии цветка» рисует множество просвещенных существ с именами, как будто позаимствованными из научной фантастики — например, Сияющая Форма и Небесный Глаз — бесконечно разъясняющих дхарму в мириадах миров будд, украшенных драгоценными камнями и цветами, столь же неисчислимыми, как поры на безграничной коже Будды. Сутра разворачивает, вероятно, самый масштабный образ сети, какой только можно найти в религиозном тексте. Согласно философам китайской школы Хуаянь (VII–VIII вв.), умами которых владела эта сутра, грандиозное космологическое видение текста сводится к образу сети Индры. Вот описание Фрэнсиса Кука:

Далеко, в небесном жилище великого бога Индры, есть удивительная сеть, которая была подвешена каким-то искусным выдумщиком таким образом, что она простирается бесконечно во всех направлениях. В соответствии с экстравагантными вкусами божеств, этот выдумщик повесил по одной сверкающей жемчужине в каждой ячейке сети, и поскольку размеры самой сети бесконечны, жемчужины бесконечны по числу. Там есть жемчужины, сияющие, как звезды первой величины, — удивительное зрелище. Если мы теперь произвольно выберем одну из этих жемчужин и внимательно посмотрим на нее, мы обнаружим, что в ее гладкой поверхности отражаются все другие жемчужины в сети, бесконечные по числу. Не только эта, но каждая из жемчужин, отраженных в этой единичной жемчужине, также отражает все остальные жемчужины, так что имеет место процесс бесконечного отражения.

Для философов школы Хуаянь топографическая сеть Индры символизировала всеобщее взаимное тождество и взаимопроникновение явлений. Иначе говоря, с аспекте статики все во Вселенной сводится к чему-то еще; но в аспекте динамики Вселенная есть сеть взаимозависимых несубстанциальных сил, которые постоянно влияют на другие силы и испытывают их влияние. «Таким образом, каждый индивид одновременно является причиной целого и имеет своей причиной целое, и то, что называется существованием, есть огромное тело, состоящее из бесконечных индивидов, поддерживающих друг друга и определяющих друг друга». Сеть Индры поддерживает неустойчивую множественность реальности, в то же время признавая ее в конечном счете недуральную природу, всегда присутствующую за и между субъектом и объектом, «я» и другим.

Все это несколько ошеломляет, но современный вьетнамский монах и активист борьбы за мир Тик Нат Хань спускает сеть Индры на землю, или, точнее, на небольшой листок бумаги. Если вы посмотрите на бумагу глазами поэта, говорит Хань, вы поймете, что она содержит в себе все элементы, от которых зависит сама бумага. На ее белоснежной поверхности вы увидите облака, леса, солнце и лесорубов. «А если вы посмотрите глубже, глазами бодхисаттвы, глазами пробужденных, вы увидите в ней не только облака и солнце, но увидите, что здесь все: пшеница, которая стала хлебом, пищей для лесоруба, отца лесоруба — все в этом листе бумаги». Вселенная — это самоорганизующаяся сеть бесконечных отношений, симфония взаимозависимого становления — и все это может стать доступно через посредство гладкой жемчужины-экрана одного пробужденного разума.

Как мы предположили в предыдущей главе, в буддийском представлении о взаимозависимости немало кибернетики. Как утверждает Джоан Мейси, можно сказать, что и кибернетическая теория систем, и буддийская философия характеризуют мир как нелинейный танец взаимно модулирующих петель обратной связи. Этот «хаосмос» происходит не от первопричины или от божественного слова творца, но бесконечно изменяет комбинации форм и сил в вечном коллаже творения и разрушения. Сеть Индры суть образ тотальности,

однако, в отличие от тей-яровского представления о точке Омега, этот холизм не зависит от какого-то апокалиптического момента будущего синтеза. С точки зрения школы Хуаянь реальность уже есть полностью взаимозависимая матрица, и это единство не отменяет и не может отменить наших различий, цветущих множественностей, которые составляют каждое отдельное событие.

Как указывали и исследователь Азии Эдвард Конзе, и мастер дзэн Роберт Эткин, буддийское устремление к пробуждению, постижению сети Индры, может рассматриваться как путь гнозиса, спасительного познания своего «я». Но поскольку это «я» неотделимо от реальности в целом, оно может быть спасено, только став прозрачным для взгляда, подобно жемчужине, отполированной до полупрозрачности, или солнечным очкам, или разуму, который прорывается через сухие понятия, всегда стремящиеся упорядочить и классифицировать хаосмос. В этом смысле практика медитации, которая, конечно, представляет собой целый сад практик, которые различные азиатские созерцательные традиции оттачивали с несравненной изощренностью, — это предельно гностическая технология. Часто карикатурно изображаемый как нарциссическое созерцание собственного пупка или аскетическое удаление от мира, путь медитации, ведущий к сети Индры, в действительности завершается утверждением имманентных сетей материальных, социальных и ментальных сил, которые постоянно порождают наш взаимозависимый мир. Когда Будда открыл свой глаз дхармы, проникающий в глубины пространства, он не взбирался на вершины гор, чтобы устремлять свой взгляд в небеса; он прикоснулся к земле в тени дерева. Драма личного существования с его квазарами и оптоволоконными кабелями неотделима от трансцендентной реальности.

Нет необходимости отправляться на Восток, чтобы познакомиться с этими визионерскими слухами. В «Евангелии от Фомы», обнаруженном в тайном хранилище гностических мемов в Наг-Хаммади, ученики Иисуса спрашивают Его, когда настанет царствие мессии: «Оно не приходит, когда ожидают, — говорит Иисус. — Не скажут: „Смотрите, здесь!“ — или: „Смотрите, там!“ Но царствие Отца распространяется по земле, и люди не видят его». Как увидеть это царствие, одновременно потустороннее и имманентное? Это выше моего понимания, но многие буддисты говорят, что не худший путь — практика бдительности: этот термин охватывает ряд техник развития внимания. Внимательность — это технэ, не философия и не пассивный транс, а активная практика исследовательского и созерцательного опыта. Практика начинается, когда мы обостряем свое осознание потока мгновенных мыслей и ощущений, образующего основание тела и разума. Постепенно мы, может быть, увидим, до какой степени наша реальность может быть сведена к иллюзорным проекциям, культурному программированию или воспроизведению механических привычек классификации, эмоциональной фиксации и алчности. Мы начинаем мало-помалу избавляться от своей обусловленности, и начинает возникать другой мир, мир, который тем не менее является фундаментальным и знакомым: мир, который всегда в полете, самоорганизующаяся сеть потоков и событий, протягиваемая через ткацкий станок мимолетного настоящего. Давая нам возможность познакомиться с этой бесконечной тканью, внимательность развивает своего рода мобильный центр, который может гибко и творчески взаимодействовать с формообразующими требованиями всегда децентрированного мира.

Независимо от того, способна ли эта гностическая технология привести к недуальным берегам мира Будды, практика внимательности, так или иначе, имеет ряд быстро проявляющихся побочных эффектов. Как отмечают многие исследователи, валютой Интернета является внимание, и это наблюдение остается в силе также для расширяющейся империи знаков, данных и виртуальностей, частью и одновременно моделью которой является Интернет. Внимательность развивает и обостряет наши чувства, делая очевидным в значительной степени автоматические процессы того, как мы «выбираем» заметить, отреагировать, связать, пройти мимо. Чем более осознанным и отчетливым становится внимание, тем менее восприимчивы мы становимся к механическим привычкам и запрограммированным фантазмам, не говоря уже об опасных аттракторах, которые

скрываются, как всегда, в виртуальном пространстве, дожидаясь возможности затянуть наш разум в нисходящую спираль. Современный рост расстройств внимания, связанный, по-видимому, с вездесущими медиасетями, только подчеркивает, что мы должны рассматривать внимание как искусство, навык, который необходимо освоить. Однако в названии этого хронического синдрома также содержится ключ. Ведь как раз на беспорядок мы должны обратить внимание, потому что в этом хаосе заключено наше собственное будущее многообразие. Разум — это инструмент, на котором мы разучиваем гаммы, чтобы обрести способность импровизировать с непринужденной грацией.

Как можно было ожидать, западные буддисты, лелеющие цифровые дхармы, вряд ли могут избежать скачка от сети Индры к Интернету, другому искусному изобретению, чьи динамические сети разума и фотонов принимают форму нелинейной, гиперсвязанной, соединяющей многое с многим матрицы. Для некоторых формальное сходство между взглядами Хуаянь и нашей планетарной решеткой оптоволоконных кабелей, модемов, микроволн, экранов и серверов предполагает, что, по крайней мере в символическом смысле, мы сегодня, возможно, монтируем сеть соединений, которая отражает недуральную взаимозависимость всей реальности. В то же время, конечно, цифровой Сверхразум отражает также гнев, заблуждения и алчность, которые буддисты называют причиной бедствий человеческого существования. Гигантское цифровое устройство, населенное человеческими умами, не может магическим образом заставить эти умы выйти за пределы их замкнутых мировоззрений, облегчить их принуждение или смягчить их страх и ненависть. Если мы не обратимся к экранам наших собственных мониторов, не будем развивать критическую мудрость и культивировать сочувствие, Интернет может стать только новой разновидностью рабства.

Подлинная магия сети Индры проявляется в растворении привычных нам тенденций разделения мира на отдельные и автономные зоны: внутри и снаружи, «я» и другой, онлайн и оффлайн, машины и природа. Поэтому в следующий раз, когда вы заглянете в открытое окно браузера, вы можете спросить себя: где кончается сеть? Исчезает ли она с виртуальными словами, образами и умами киберпространства, или с силиконово-электронной матрицей компьютерных устройств, или с электрической сетью, которая снабжает это зрелище энергией, извлеченной из течения воды и токсичных атомов? Возможно, сеть простирается дальше — до ткацких станков Жаккарда и американской машины войны, высвободивших историческую динамику, которая в конце концов зашвырнула подсоединенный к сети ПК на ваш рабочий стол; до сети пакетной коммутации, состоящей из миллиардов человеческих нейронов, которая формирует информационное пространство и подчиняется ему; до потоков капитала, наполняющих жизнью ловкие руки юных филиппинцев, которые собирают полупроводники за несколько долларов в день. Когда вы созерцаете эти расширяющиеся сети, они могут изменять зернистость и пластичность того «я», которое их ощущает, меняя также эластичность и мягкость нитей, привязывающих это «я» к непостоянному краю материи и истории. Я подозреваю, что таким связям нет конца и что эта имманентная бесконечность с ее невозможным этическим призывом образует реальную всемирную сеть.

Консервативные читатели, возможно, найдут образ взаимозависимости мистического материализма несколько преувеличенным, но важно отметить, что нечто очень похожее на сеть Индры появляется также в метафизике Лейбница, одного из величайших философов рационализма Просвещения. Работы Лейбница по символической логике, вычислительным машинам и бинарным числам (изобретение которых он приписывал китайским мудрецам — создателям «И-цзин») помогли заложить фундамент современных цифровых компьютеров. Лейбниц мечтал также о том, чтобы арифметизировать все человеческое мышление целиком — мечта, в немалой степени окрашенная техноутопизмом. Он полагал, что изобретение набора общих символов, которые могли бы представлять работу разума, дало бы ему возможность в принципе вычислить решение всех проблем, преследовавших раздробленную Европу его дней, — моральных,

политических и метафизических.

Лейбниц настаивал на тесной связи между человеческими умами и логическими машинами и следовал Декарту в утверждении, что деятельность тела животного и тела человека в своей основе ничем не отличается от тиканья часового механизма. Но Лейбниц не был чистым механицистом. Как и философы школы Хуаянь, он полагал, что космос сводится к отношениям между различными узлами восприятия — то есть душами. В своей «Монадологии» Лейбниц описал Вселенную как огромную матрицу индивидуальных воспринимающих элементов, которые он назвал «монадами». В отличие от жемчужин в сети Индры, монады — предельно изолированные и постоянные сущности. В качестве душ они «не имеют окон». Но монады все же несут в себе образ целой Вселенной, образ, который опосредуется и координируется большой монадой Бога. Для Лейбница Бог гарантирует возможность коммуникации и истины, поскольку Он поддерживает то, что составляет огромный логический аппарат восприятия.

Благочестивый рационализм Лейбница был обречен на то, чтобы быть поднятым на двойные вилы постпросвещенческого скептицизма и позитивизма; но, по мнению философа киберпространства Майкла Гейма, монадология тем не менее предвещает бестелесную матрицу Интернета, точно так же как исследования Лейбницем символической логики и бинарной системы счисления предвосхищают цифровые микропроцессоры. Конечно, позиция онлайн-серфера может быть соотнесена с позицией монады: хотя мы и подключены к «универсальной» сети серверов, мы смотрим на экраны наших мониторов как единичные индивиды, надеясь, что логика сети гарантирует, что наши восприятия согласуются, а наши послания дойдут. Но монадология также напоминает нам о том, что хотя Интернет может быть описан как обобщающая логическая машина, усиливающая органические компьютеры внутри нашего черепа, наш феноменологический опыт обоих этих вычислительных устройств никогда не может быть до конца сведен к механическому объяснению. В своей «Монадологии» Лейбниц проводит мысленный эксперимент: «Если мы вообразим себе машину, устройство которой производит мысль, чувство и восприятие, то можно будет представить ее себе в увеличенном виде с сохранением тех же отношений, так что можно будет входить в нее, как в мельницу. Предположив это, мы при осмотре ее не найдем ничего внутри ее, кроме частей, толкающих одна другую, и никогда не найдем ничего такого, чем бы можно было объяснить восприятие». С точки зрения Лейбница, даже если рассматривать машину разума как виртуальную машину, которую мы можем разделить на биты, мы все же не раскроем механизм нашей собственной сознательности. Мы можем конструировать рабочие объяснения сознания, но мы никогда не сможем редуцировать оживленную игру разума в мире — игру, которая, как заявили бы и Лейбниц, и философы Хуаянь, разворачивается как коллективная сеть восприятия.

Когда архетип сети начинает просачиваться в современные концепции разума, экологии и технологии, в сфере виртуальной возможности возникают сети монад и жемчужин. Конечно, с такими монументальными метафизическими системами есть некоторые проблемы. Сеть Индры, например, представляет собой решительно холистическое воззрение, а в холизме всегда есть дыры [holes]. Экологи и архитекторы Сети первыми указали бы на то, что, если все в конечном счете соединено с чем-то еще, некоторые вещи определенно соединены больше, чем другие. Воззрения Хуаянь также по своей сути статичны. Хотя они допускают динамическое взаимодействие индивидуальных деятелей, они оставляют мало места для динамических противоречий и противоречий развития, которые в значительной степени характеризуют историю как естественную, так и человеческую. Образ Сети — скорее паутина, несущаяся в пространстве, нежели стрела бурного времени, скорее замкнутая голограмма, нежели необратимая и открытая цепь мутаций. Бесконечная решетка взаимозависимости не выражает сюрпризов, которые так щедро выдает наш расширяющийся космос — недостаток, который должен особенно заботить человеческих существ, удерживающих один из самых сложных и удивительных объектов во Вселенной на вершине своего позвоночного столба. Свидетельствуют ли такие сюрпризы эволюции о

космическом прогрессе или это просто прихотливые мутации? Сегодня очень трудно принять на веру великие сказки о телеологии и универсальных целях. Когда за нашим левым плечом стоят постмодернисты, а за правым — убежденные дарвинисты, эволюционный перфекционизм Тейяра де Шардена проглатывается легко, как вялая научная фантастика. Тем не менее наша глобальная цивилизация продолжает доверять революционному обещанию прогрессивных технологических перемен — современной, по существу, точке зрения, которая тем не менее черпает вдохновение, возможно, из более глубоких источников. По сути идея исторической эволюции — это рассказ о поиске. До того как Иоахим Флорский запустил миф о прогрессе в кровь христианского Запада, люди рассказывали сказки о герое, имеющем тысяча и одно лицо, неустанно ищущем спасительную цель: золотое руно, эликсир бессмертия, Святой Грааль. Герой, принимает ли он образ Гильгамеша, рыцаря Круглого стола или хитроумного Улисса, стремится только вперед, следуя вектору своего устремления, хотя его линейный путь часто приводит его в ловушки и тупики природы, которой он должен постоянно сопротивляться. Спасение не внутри, а впереди: краешек земли на горизонте моря, неземной серебряный свет, пронзающий густой лесной мрак.

Я подозреваю, что одна из причин того, что история о технологическом прогрессе продолжает сохранять такую силу, состоит в том, что она придает литературную форму мифу о поиске, который мы уже не можем воспринимать серьезно. Машины выражают и определяют себя на фоне хаоса органической природы, мира, законы и пределы которого они одновременно используют и преодолевают посредством контроля, управления и скорости. Как показал Дэвид Ноубл, западный образ технологического прогресса восходит к глубоко христианским идеям власти и миллениаристского перфекционизма. Странствующий рыцарь средневекового знания превратился в человека-машину, его Грааль теперь — Сингулярность, которая, как утверждают визионеры из числа инженеров, ожидает нас прямо за горизонтом, сияющая точка технологической конвергенции, которая в конце концов овладеет законами познанного.

Если неумолимый вектор технологического развития воплощает героический нарратив власти, господства и самоопределения, что означает тот факт, что этот в конечном счете фаллический поиск теперь оказывается в хаотических постмодернистских техноджунглях, характеризующихся масштабным и невероятно запутанным пересечением сетей? Сети, которые овладели технологическим, научным и культурным дискурсами и практиками, — коммуникационные сети, когнитивные нейронные сети, связанные между собой компьютеры, параллельные процессоры, сложные институциональные рамки, транснациональные цепи производства и торговли, — все это не линейные векторы или постоянные проявления контроля. Это сложные переплетения, пересечения сетей, сложные ткани из непредсказуемых и полуавтономных нитей. Сеть — это матрица, лоно, мать-материя, которая порождает всех нас, и эта матрица существовала всегда. Несмотря на его биологические корни, само это слово обозначает множество технологических инструментов и практик: форма или матрица для литья металла; связующая субстанция, например цемент или бетон, или основной металл в сплаве; пластина, используемая для отливки печатных форм; прямоугольная сетка математических величин, рассматриваемых как один алгебраический объект; и, конечно, плотная структура соединений, связывающих компьютерные системы. Матрица формирует контекст возникновения, она есть средство, материнская плата, через которую прорастают события, объекты и новые связи.

Очевидно, современные технологические матрицы не могут быть охарактеризованы просто как «женские» пространства или возрождение способа действия матери-природы. Такие системы вполне способны поддерживать линейные цели индивидуального возвышения, иерархического управления и патриархальной власти — не говоря уже о войне. Тем не менее, если мы позволим себе пару глотков ликера духа времени, вряд ли покажется случайным, что сеть становится преобладающим технологическим архетипом именно тогда, когда в обществе имеют место рост экологической активности, глубинная экология, гипотеза о Гее и религия Богини, не говоря о экстраординарном успехе

современного феминизма, который освободил женщин на рабочем месте и породил непрерывную критику деспотического социального устройства, которое так долго подкрепляло претензии Запада на прогресс просвещения.

В своей книге «Нули + единицы» Сади Планта раскрывает тайную историю женщин и машин, блестяще переписывая историю социальных технологий как киберфеминистскую историю: «не метафорическое и не буквальное, но всего лишь просто материальное собрание нитей, которые выются сквозь историю компьютеров, технологии, наук и искусств». Книга Планта, вдохновленная древним женским трудом на ткацком станке, представляет собой безумное одеяло истории и постмодернистской футурологии, которое движется взад-вперед от ведьм к телефонным операторам, от текстильного производства к онлайн-сексуальности. Планта уделяет особое внимание Аде Лавлейс, дочери поэта лорда Байрона. В середине XIX века Лавлейс стала первым в мире компьютерным программистом, когда проанализировала и описала вычислительные возможности так и не завершённой аналитической машины Чарльза Бэббиджа, приспособления, которое, как утверждала Лавлейс, «ткет алгебраические модели точно так же, как жаккардовский станок ткет цветы и листья». История технологий, кажется, выбрасывает нас на неожиданный берег: не в мир Одиссея с его многочисленными затеями, но в мир Пенелопы, ждущей у своего ткацкого станка, ткущей и распускающей бесконечную ткань, чтобы разрушить хитрости мужчин.

Хотя технология и инженерия исторически считались мужскими сферами деятельности, Планта утверждает, что цифровые сети и пересечение этих сетей с культурой, экономикой и ДНК подрывают патриархальную повестку дня, которую она отождествляет с контролем, идентичностью и индивидуальным действием. Сетевые технологии и вычислительные устройства возвращают множественности, а не устойчивые идентичности, хотя установленные структуры власти постоянно пытаются сдержать и эксплуатировать эту турбулентность. Работающие женщины всегда были вынуждены выполнять грязную работу сетей: телефонные коммутаторы, клавиши на клавиатуре, сборка микропроцессоров, протоалгоритмы ткацкого станка, даже мультизадачность домашнего труда. За десятилетия до того, как мужчины изобрели электронный мозг, женщин, которые выполняли вычисления, чтобы заработать на жизнь, называли «компьютерами» (computers). Сегодня, когда сложность технологий, предназначенных для увеличения человеческого контроля, напротив, порождает непредсказуемый хаос, цифровые женщины могут обнаружить, что они удивительно соответствуют новому окружению.

Красочную картину, нарисованную Планта, можно считать футуристическим ответом экофеминистам, которые часто принимают неиерархическое системное мышление во имя романтических образов женщин, природы и Богини. Планта — тоже своего рода язычница, но язычница технологическая — она признает, что мы не можем знать, что объединяет хтонические энергии Земли и чуждый разум, который, возможно, уже был сбздан машинами. Алхимия начинается как металлургическое искусство, и в конечном счете ее позднейшие мечты о мистическом спасении и трансурановых элементах формируются на основе архаических действий с одушевленной материей. Мы до сих пор делим древнее время на века меди, бронзы и железа, как если бы сама человеческая история была пеной, выделяющейся при разумной эволюции металлов — процесс, который сегодня выходит за пределы металлических элементов, поскольку мы переходим в эпоху, определяющуюся силиконом, биочипами, кристаллическими решетками и странными субстанциями, просачивающимися из науки о материалах. Тей-яр, возможно, был прав, когда рассматривал технологию как неотъемлемую часть эволюции Земли, как искусственную жизнь, стремящуюся к сложности и даже к разуму. Но он, возможно, сильно переоценил роль человечества в этом плане. Возможно, мы не более чем акушеры, «половые органы мира машин», как выразился Маклюэн.

Наша культурная и психическая жизнь все в большей степени отражает модели и знаки времени мира машин и его расширяющихся сетей. Хотя Брайан Ино был

прав, когда сетовал, что в компьютерах до сих пор недостаточно Африки, новейшие модели определенно обучаются выдавать эти полиритмы. Мейнфреймы мутируют в сетевые рабочие станции; роботы учатся исследовать мир через децентрализованные нейронные сети; коммуникация распадается на пакетную передачу данных; централизованная архитектура первых компьютеров фон Неймана начинает уступать дорогу множеству параллельных структур, которые распределяют контроль и умножают соединения. Наши умы стремятся приспособиться к этим новым множественностям. Только вслушайтесь в танцевальную музыку, которую выдают сегодня сэмплы и цифровые микропроцессоры: электронные ритмы, когда-то характеризовавшиеся точной «механической» монотонностью, расцвели хаотичными ритмическими вихрями драм-н-басс или экспериментального техно, в то время как ди-джеи нарезают и собирают акустических Франкенштейнов из бесчисленных нитей музыкального и слухового кода. Это металлическая машинная музыка для мира из жидкого силикона, обитатели которого учатся следовать ритмам множества разных барабанщиков одновременно.

Множественность царит также и в Интернете, с его растущим многообразием типов медиа, отсутствием управляющего центра и горизонтальными связями, которые он устанавливает между разными сетями, автономными программами и способами выражения. Хотя узость социального состава пользователей Интернета во всем мире ослабляет невероятный потенциал этой технологии, Интернет тем не менее образует культурную и психическую сцену для мультизадачного водоворота голосов и машин, сеть взаимообмена, которая подрывает в той или иной степени устойчивые понятия знания, власти и культурного производства. Исходные коды и условно бесплатные программы распространяются, как семена одуванчика; факты и мнения отправляются в свободное плавание, независимые от академий или четвертого сословия; в переживающей демографический взрыв популяции математических созданий, которые размножаются и состязаются друг с другом; журналы для фанатов гоночных игр и сады с дистанционным управлением отделены только нажатием клавиши от генеалогических баз данных или последних взрывов звездных туманностей. По крайней мере на первый взгляд это немного напоминает хаос.

Или, может быть, это похоже на нигилистическое свободное падение, которое называют постмодернистской ситуацией. В конце концов, постмодернисты говорят нам, что «властные нарративы», которые когда-то организовывали историю современных цивилизаций в устойчивых категориях знания и идентичности, теперь растратили свою силу, не достигнув своих целей. Язык — это уже не сфера истины и выражения, но сеть-лабиринт связанных неопределенностей, которые невозможно разрешить, и структурных кодов, которыми невозможно овладеть. Как таковые, западные каноны культурного авторитета и его «логоцентрические» дискурсы истины и знания — не что иное, как стратегии власти, условные и проблематичные, если фактически не деспотические. Постмодернисты, в свою очередь, предлагают децентрированный мир бесконечной фрагментации, сферу, где человеческая личность становится движущейся мишенью, а история растворяется в адской игре знаков и симулякров.

В 1980-х годах писатели и художники, испытавшие влияние постструктуралистской философии, начали бороться с электронными текстами, компьютерными сетями и цифровой культурой, и многие из них обнаружили, что эти «дискурсивные объекты», подобно губке, впитали новый чудовищный жаргон. Одержимые технологиями власти и страдающие сильной аллергией на гуманизм, постструктуралисты чувствовали себя как дома среди симбионтов и абстрактных машин; деконструкция, в частности, казалась подобной вирусу, специально разработанному, чтобы заразить борхесовскую библиотеку гипертекста. Возник особый жанр кибертеории с чрезвычайно влиятельным манифестом Донны Харавей, заявившей, что она предпочла бы быть киборгом, нежели богиней. Но один из самых мощных образов постструктурализма, прокладывающего себе путь в цифровую культуру, был взят из старой книги природы. Вместо дерева с его корнями и его вертикальным единством, которое долгое время было излюбленной

картой иерархической организации знания и патриархальной власти, киберкультура приняла образ ризомы. Как объясняет Сади Планта, «у травы, орхидей, лилий и бамбука — не корни, а ризомы — ползущие под землей стебли, которые тянутся в стороны, образуя распространяющиеся в разных направлениях горизонтальные сети набухших или тонких нитей, и порождают надземные побеги по всей их длине и поверхности, обеспечивая распространение растений. Они не поддаются категоризации в качестве индивидуальных сущностей». Так обстоит дело и с бесчисленными сетями, составляющими Интернет, этот дикий цифровой сорняк, само название которого подчеркивает те прерывности и перекрещивания, которые доставляют постмодернистам такое бесконечное удовольствие.

В конечном счете я предполагаю, что одним из наиболее ценных и продуктивных аспектов постмодернистской мысли, возможно, является его конфронтация с цифровой технологией, чье чуждое коварство постмодернизм помог выразить и раскрытию постчеловеческих возможностей которой он способствовал. Симбиотические отношения между французским дискурсом и новыми машинами, конечно, обоюдны: киберкультура также воплощает и декаданс серфинга по каналам, и лишённую глубины фрагментацию, и высокомерную одержимость кодами, отсылающими к самим себе, и жаргон — все, что характерно для постмодернистской культуры в ее худших проявлениях. Но постмодернизм — это этап, который должен быть пройден культурой и интеллектом, и не следует отказываться от него во имя покрытых ржавчиной убеждений и бессильных моральных сетований. Инфекционные мемы постмодернистской мысли уже утрачивают свою силу по мере того, как их пронзительные полуистины всасываются в поток крови культуры, которая адаптируется к ним, становясь при этом осторожнее и сильнее. Тот факт, что парижские интеллектуалы и новые машины, сами того не ведая, двигались в тандеме, само по себе является свидетельством более масштабной хореографии истории, которую отрицают эти теоретики.

Постмодернистская интерпретация Интернета как трансгендерной промежуточной зоны киборгов и разрывов, вглядывающаяся в туман перед собой, кажется не менее условной, чем половинчатая позиция, воплощаемая спортивным порталом ESPN, билетной службой Expedia и скучным классификатором Yahoo. Мы только начали исследовать творческие формы знания и опыта, которые порождаются перекрестно-опыляемыми структурами данных виртуальных мультимедиа, такими как Интернет. Эти всепоглощающие системы могут перевести почти любой мыслимый объект на общий язык битов: образы, текст, голос, архитектуру, передачу данных в реальном времени, видео, анимацию, звук, виртуальную реальность, искусственную жизнь, интерактивные карты, автономные алгоритмы и коды. По мере того как все больше измерений реального переводится на «булево эсперанто» двоичного кода, мы открываем возможность возникновения совершенно неожиданных форм синтеза, моделей соединения и интеграции, которые сейчас кажутся только воображаемыми. Но как мы можем знать их заранее? Если они появятся, то они возникнут из вибрирующей матрицы информации, образов и математических мутаций, чьи возможности обработки и универсальная шкала просто никогда прежде не существовали. Конечно, они возникнут как фантазия. Конечно, они примут форму неожиданности.

Пьер Леви называет одну из возможных репрезентативных матриц «космопедией» — динамическим и калейдоскопическим пространством знания, которое обеспечивает новые способы понимания мира и бытия в мире. В этой космической и кинематической энциклопедии коллективное знание мыслящего сообщества — эта категория должна включать также и машины — материализуется «в огромный многомерный электронный образ, непрестанно меняющий свою форму в суматошном ритме квазиживых изобретений и открытий». В отличие от фрагментарного гипертекста, который определяет то, что Леви называет «товарным пространством», космопедия обеспечит «новый род простоты», простоты, которая возникает из принципов организации, внутренне присущих пространству знания: складка, модель, резонирующий кристалл. Хаос может в конечном счете раскрыть космос. Герман Гессе дал своего рода литературное и

мистическое представление о космопедии Леви в «Игре в бисер», публикация которой в 1943 году помогла Гессе получить Нобелевскую премию. Роман Гессе, действие которого происходит в неопределенном будущем, свободном от обычных атрибутов научной фантастики, представлен как биография Йозефа Кнехта, магистра игры в бисер, возглавляющего Касталию, утопическую общину ученых монахов и аскетов-созерцателей. Но вероятно, самый интересный «персонаж» книги — это сама Игра, давшая название книге, духовные корни которой, как рассказывает автор, можно проследить до Древнего Китая, гностиков эпохи эллинизма и Золотого века исламо-мавританской культуры. Впервые возникнув как похожая на счеты рама с нанизанными на стержень бусинами, использовавшаяся студентами, изучавшими музыку, чтобы представлять и варьировать различные темы и структуры контрапункта, Игра в конце концов развилась в междисциплинарный инструмент, чей иероглифический язык «символов и формул» давал возможность ее поклонникам играть с элементами, взятыми из самой широкой сферы мысли и выражения.

Всем опытом, всеми высокими мыслями и произведениями искусства, рожденными человечеством в его творческие эпохи, всем, что последующие периоды ученого созерцания свели к понятиям и сделали интеллектуальным достоянием, всей этой огромной массой духовных ценностей умелец игры играет как органист на органе, и совершенство этого органа трудно себе представить — его клавиши и педали охватывают весь духовный космос, его регистры почти бесчисленны, теоретически игрой на этом инструменте можно воспроизвести все духовное содержание мира.

Нам говорят, что отдельно взятая игра может начаться с астрономической конфигурации, или с темы фуги Баха, или с тезиса Лейбница, или фрагмента «Упанишад». Затем игроки используют намеки, интуитивные скачки и формальные соответствия, чтобы развить выбранную ими тему через родственные понятия, одновременно сопоставляя темы с противоположными образами или уравнениями, чтобы сплести своеобразный когнитивный контрапункт. Можно представить себе, например, игровые связи между сетью Индры и монадологией, а затем ввести Борга в качестве иронического маневра.

Если позволить магии интуитивных скачков Игры заразить наши умы, нетрудно понять, почему вымышленный инструмент Гессе вдохновил многих компьютерных визионеров и сетевых мыслителей. Сегодня перед нами стоит масштабная задача — классифицировать, индексировать, исследовать, связывать и путешествовать через многомерные сферы данных, в которых перекрещивается множество различных формальных жанров: тексты, звуки, образы, алгоритмы. На самом деле творческий дизайн интерактивных баз данных гипермедиа стал одним из ключевых искусств эпохи. Это возникающее ремесло — нечто большее, чем предмет библиотечной науки; это работа, подразумевающая глубокие психологические, культурные и даже философские смыслы. Чарльз Кэмерон — один из множества разработчиков игр, которые создают сегодня такие версии Игры в бисер, в которые действительно можно играть, — утверждает, что «виртуальная музыка идей» Гессе добавляет к этой задаче отчетливо эстетическое измерение, предлагая незавершенную и изменчивую структуру для ассоциативной мысли и обучения. «Распознавание образов» всегда отчасти черпало свою силу из воображения и его прозрачного интерфейса между искусством и архетипом. Хотя рассуждение по аналогии было главным пугалом честных умов с тех пор, как началась западная наука, оно имеет смысл для охотников и собирателей, пытающихся выжить в постмодернистских лесах символов и данных. Мы должны научиться мыслить, как ди-джеи, сэмплируя ритмы и голоса из огромного рога изобилия записей и сохраняя при этом верность органическим требованиям танца.

Для Гессе этот танец был в конечном счете космическим танцем, джигой вечного творения и разрушения в исполнении Шивы. В его романе жители Касталии рассматривают созерцание отдельных игр в бисер как медитативную практику, которая в конечном счете ведет «внутрь тайны мира, где между качанием взад и вперед, между вдохом и выдохом, между небом и землей, между инь и ян вечно вершится святое дело». В этом смысле Игра в бисер может рассматриваться как

музыкальный контрапункт к герметическим мечтам, появлявшимся на протяжении всей книги: космический дворец памяти, ноосфера, Книга Откровения. Тот факт, что Игра настолько предвосхищает Всемирную паутину, только доказывает, насколько эти трансцендентные (и психоделические) устремления все еще завораживают киберп-пространство. Смешивая разум и технэ, образ и код, Интернет возникает как Великий Труд инженерии, вычислительная матрица, которая образует экспериментальные рамки для нового этапа культурной эволюции, алхимическую мензурку, в которой мы промываем все, что может быть сведено к двоичному коду. Поскольку оно состоит из идей и воображения в такой же степени, как из логических машин и электромагнитных ритмов, киберпространство уклоняется от пространства-времени Эйнштейна, порождая своеобразную цифровую метафизику — или, возможно, следует говорить — «сетефи-зику».

Те, кого притягивают не нанесенные на карту воды сетефизики, должны действовать как осторожные экспериментаторы — играючи и иронично, а не апокалиптически, и всегда помнить о мрачных драконах технополитики, скрывающихся под теми волнами, по которым они плывут. Никто не может претендовать на то, чтобы говорить от имени космической эволюции планетарного разума; мы можем только протягивать новые сети и судить о результатах как по эстетическим, так и по прагматическим критериям, которые сами неизбежно будут меняться. Информация больше напоминает джунгли, чем бесконечную библиотеку, и мы культивируем свою способность к путешествиям в стороне от взгляда божественного глаза. Мы возвращаемся к соглашениям, тайному знанию и направляющим интуициям. Своего рода безумие скрывается и здесь — избыток значения, который может забросить мысль в черную дыру. Сети — в конечном счете системы организации, и когда они начинают питать глубокие и аморфные силы человеческой души, нас ожидают паранойя и паралич. Даже Гессе видел темную сторону своей бесконечной игры, и в результате Йозеф Кнехт покидает созерцательную утопию Касталии, отказываясь от ее разреженного и развоплощенного поиска Разума ради оффлайновой жизни в грязном мире снаружи.

Сетефизики не могут ожидать чего-либо подобного спасению или окончательному знанию от своего энциклопедического Сверхразума, потому что ожидать этого — значит делать ту же самую визионерскую ошибку, которую мы прослеживали на протяжении всей книги: принять технологические возможности за социальные или духовные. Тем не менее, несмотря на всю свою несостоятельность и нелепость, техномистицизм возникает, потому что люди остаются, в некоем непостоянном смысле, духовными существами, и это любопытное свойство человеческой природы будет выражать себя везде, где только можно. В конечном счете «я» всегда было чем-то вроде инженерного проекта, виртуальной реальностью, сформированной бесчисленными условиями, составляющими ее становление. Некоторые из этих условий — не предусматривающие модификации генетические инструкции; другие — эхо прошлых решений и опыта; третьи принимают форму обширных социальных и культурных систем, которые культивируют, наносят на карту и дисциплинируют разум. Но «я» — также и вспышка, искрящаяся бытием, интуицией и мечтой, и активностью восприятия, которую нигде не мог найти Лейбниц, блуждая по редукционистской фабрике машин мысли. «Я» — алхимический сосуд, и оно формируется практиками, в которые вовлечен наш разум: искусство, диета, секс, танец, образование, спорт, созерцание, дружба, этика. Эти технологии «я» в основном автоматичны, но когда сами практики начинают пробуждаться и интегрироваться, они становятся духовными в самом широком смысле этого слова. Постмодернистские ипостаси фрагментарного единства в конце концов теряют нить: у «я» много возможностей и способностей, но эта множественность — сырье, дающее возможность возникновения творческих форм интеграции. Не изменение, но превращение.

Поскольку высокотехнологичная колесница Вишну движется к третьему тысячелетию, я полагаю, что мы, возможно, должны открыться таким возможным превращениям: зажечь огонь призмой воображения, подстроиться под языческий

ритм планетарной жизни, подключить внутреннюю алмазную матрицу. У многих обитателей Земли в этом отношении просто мало выбора: поворот уже на горизонте. Медленно, опытным путем, «сетевой путь» возникает посреди стремлений и хаоса — многогранный, но интегральный модус духа, который может гуманно и разумно передвигаться по технологическому дому зеркал, не выпадая из резонанса с древними путями или способностью преодолевать алчность, ненависть и заблуждение, которые навлекает на себя человеческая жизнь. Сталкиваясь с призраком нового и новейшего фундаментализма, люди как внутри мировых религиозных традиций, так и за их пределами пытаются нарезать и склеить поток учений, техник, образов и ритуалов в путь, достаточно обоснованный, чтобы по нему можно было идти. Кто знает, какие виртуальности возникнут на этом пути? Этот путь — матрица путей, причем в начале не дано никакой карты и никакой очевидной цели, кроме открытого столкновения со всем, что возникает. «Путь пролегает между двумя точками, — пишут Делёз и Гваттари, — но этот промежуток обладает как автономией, так и собственным направлением».

Сетевой путь не отклоняется от психологии, от естественной и человеческой истории, от когнитивной науки, антропологии или нанотехнологии. Наука и инженерия — не враги, да и как могли бы они быть врагами? Освобожденное от иллюзий исследование эмпирических и психологических феноменов, осторожное со-творение эволюционирующего мира, смерть Бога (или наших концепций Бога) — все это станции, или, вернее, узлы на пути. Сетевой путь развернется только тогда, когда мы признаем, что мы не выйдем за пределы подчас мучительной разобщенности между различными структурами нашей веры и практики. Мы не просто возьмем под свой полный контроль конфликты между верой и скептицизмом, камнями и историями, сиянием абсолюта и земным абсурдом нашей повседневной жизни, которые с каждой минутой становятся все более причудливыми и пугающими. Напротив, эта напряженность и эти конфликты становятся динамическими и творческими силами, призывающими нас обратиться к другому с открытостью, которая не стремится управлять или ассимилировать их к той точке зрения, которой нам довелось придерживаться. Заменяя потребность в общем основании принятием и даже прославлением нашей общей безосновности, сетевой путь может творчески интегрировать эти разрывы и лакуны, не пытаясь заполнять их. Вы больше не можете изгнать помехи из этой сети, точно так же как вы не можете изгнать пустоту из чашки. Да вы и не захотите этого делать. Вы просто следуете за хаосом до тех пор, пока не откроется что-то неожиданное: расширение разума, просветление сердца, дыхание, общее с другими существами, такое глубокое, что оно достигает сухожилий.

Как я могу говорить о таких вещах в нашу циничную эпоху, когда экономика стала богом, а огромный масштаб мировых бедствий кажется сопоставимым только с нашей неспособностью справиться с ними? Отчалив от берега народной традиции, хватаясь за фикции, увлекаясь новизной и всем тем, что навязывает нам гиперактивное общество, мы плывем по течению среди вздымающихся обломков кораблекрушения. Посреди всего этого отвлекающего шума и неистовства древние вопросы о положении человека — Кто я? Почему я здесь? Как мне встретиться с другими? Как я встречу смерть? — кажутся далекими и приглушенными, как непонятные головоломки, которые мы научились отодвигать в сторону ради более прагматичных и выгодных запросов. Трудно достичь пробуждения, если мы носимся, как лунатики на большой скорости. Я подозреваю, что, если мы не найдем просвет в наших маленьких уголках пространства-времени, такие вопросы никогда не возникнут со всем свойственным им неумолимым благоговейным ужасом. Ме-диамашины не создадут эти полные смысла пустоты, точно так же как покупка спортивного автомобиля не развернет одну из тех открытых дорог, которые они показывают по ящику для идиотов. Такие просветы вне дороги, вне сети, оффлайн. Они — по ту сторону инструментальности. Они — дыры в сети.

С другой стороны, тот факт, что технология уже катализировала столько духовных поисков, указывает на то, какую непредсказуемую и живую роль она играет в нашем с миром взаимном раскрытии. Как я заявил в начале, технология — это трикстер. Мы виним технологию за то, что возникает из наших социальных

структур и искаженных приоритетов; мы ожидаем от машин магического удовлетворения, которого они просто не могут нам дать; и нас продолжают постоянно вводить в заблуждение их непредсказуемые последствия. У технологий есть своя собственная и все более чуждая нам повестка дня, и человеческие интересы сохранятся и будут успешно развиваться, только когда мы научимся относиться к технологиям не как к рабам или простому продолжению нас самих, но как к неизвестным конструктам, с которыми мы вступаем в творческие союзы и заключаем осторожные соглашения. В частности, так обстоит дело с информационными машинами. На какое бы социальное, экологическое или духовное возрождение мы ни надеялись в новом веке, оно настанет в контексте коммуникационных технологий, которые уже покрывают Землю сетью разума и виртуального света. Прометей — в кабине пилота, но Гермес получил доступ к управлению, и матрица объята спутанными языками пламени.

Примечания автора

1. Bruno Latour, *We Have Never Been Modern*, trans. Catherine Porter (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993), 7.
2. *Ibid.*, 75.
3. Samuel C Florman, *The Existential Pleasures of Engineering* (New York: St. Martin's Press, 1976), 109.
4. Edith Hamilton, *Mythology* (New York: Mentor, 1969), 69.
5. Charles Boer, trans., *The Homeric Hymns* (Woodstock, Conn.: Spring Publications, 1970), 36.
6. Karl Kerényi, *Hermes: Guide of Souls*, trans. Murray Stein (Dallas: Spring Publications, 1976), 84.
7. Norman O. Brown, *Hermes the Thief* (GreatHarrington, Mass.: Lindisfarne, 1990), 39, 61.
8. L. Sprague de Camp, *The Ancient Engineers* (New York: Ballantine, 1974), 258.
9. Robert S. Brumbaugh, *Ancient Greek Gadgets and Machines* (New York: Thomas Y. Crowell, 1966), 94.
10. E. R. Dodds, *Pagan & Christian in an Age of Anxiety* (New York: W. W. Norton, 1970), 133.
11. Antoine Faivre, *The Eternal Hermes*, trans. Joscelyn Godwin (Grand Rapids, Mich.: Phanes Press, 1995), 88.
12. David Abram, *The Spell of the Sensuous* (New York: Pantheon, 1996), 131.
13. Walter J. Ong, *Orality and Literacy* (New York: Methuen, 1982), 78.
14. Abram, *The Spell of the Sensuous*, 112.
15. „Interview with Marshall McLuhan“, *Playboy*, March 1969, 59.
16. David Porush, „Hacking the Brainstem“, in *Virtual Realities and Their Discontents*, ed. Robert Markley (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996), 124.
17. B. T. Sotah, 20a.
18. Cited in Gershom Scholem, *Major Trends in Jewish Mysticism* (New York: Schocken Books, 1946), 76.
19. Harry Y. Gamble, *Books and Readers in the Early Church: A History of Early Christian Texts* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995), 141.
20. Cited in Antoine Faivre, *Access to Western Esotericism* (Albany, N. Y.: SUNY Press, 1994), 41.
21. Garth Fowden, *The Egyptian Hermes* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1986), 81.
22. Giovanni Pico della Mirandola, *Oration on the Dignity of Man*, trans. A. Robert Caponigri (Chicago: Gateway Editions, 1956), 7.
23. Frances A. Yates, *The Art of Memory* (Chicago: University of Chicago Press, 1966), 224.
24. Frances A. Yates, *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition* (Chicago: University

of Chicago Press, 1964), 156.

25. Ioan Couliano, *Eros and Magic in the Renaissance*, trans. Margaret Cook (Chicago: University of Chicago Press, 1987), 104.

26. Lama Anagarika Govinda, *The Way of the White Clouds* (Boston: Shambhala, 1970), 107.

27. Ibid.

28. Cited in Latour, *We Have Never Been Modern*, 93.

29. Dennis Stillings, introduction, Ernst Benz: *The Theology of Electricity*, trans. Wolfgang Taraba (Allison Park, Perm.: Pickwick Publications, 1989) XII.

30. Ernst Benz, *The Theology of Electricity*, trans. Wolfgang Taraba (Allison Park, Perm.: Pickwick Publications, 1989), 18.

31. Christopher Smart, „Jubilate Agno“, in *The Norton Anthology of Poetry*, 3rd edition (New York: W. W. Norton, 1983), 471.

32. Benz, *The Theology of Electricity*, 57.

33. Cited in Jonathan Cott, *Stockhausen* (New York: Simon & Schuster, 1973), 15.

34. James Wyckoff, *Franz Anton Mesmer: Between God and Devil* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1975), 37.

35. Robert Fuller, *Mesmerism and the American Cure of Souls* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1982), 11.

36. Ibid., 60.

37. Cited in Arthur Zajonc, *Catching the Light* (New York: Bantam, 1993), 145.

38. <http://hoohana.aloha.net/~htoday/June95txt.html>

39. William Irwin Thompson, *Passages About Earth: An Explanation of the New Planetary Culture* (New York: Harper & Row, 1973), 51.

40. William Irwin Thompson, *Coming into Being* (New York: St. Martin's Press, 1996), 223-224.

41. Steven Lubar, *Infoculture* (Boston: Houghton Mifflin, 1993), 76.

42. Ibid., 81.

43. Ibid., 86.

44. Marshall McLuhan, *Understanding Media* (reprint, Cambridge, Mass.: MIT, 1994), 247.

45. Ibid., 252.

46. Ruth Brandon, *The Spiritualists* (New York: Knopf, 1983), 13.

47. Joscelyn Godwin, *The Theosophical Enlightenment* (Albany, N. Y.: SUNY, 1994), 188.

48. Emma Hardinge, *Modern American Spiritualism* (1869; reprint, Hyde Park, N. Y.: University Books, 1970), 29.

49. R. Laurence Moore, *In Search of White Crows* (New York: Oxford University Press, 1977), 100.

50. Brandon, *The Spiritualists*, 43.

51. Roy Stemman, *Spirits and Spirit Worlds* (Garden City, N. Y.: Doubleday, 1976), 40.
52. Carolyn Marvin, *When Old Technologies Were New* (New York: Oxford University Press, 1988), 57.
53. Avital Ronell, *The Telephone Book* (Lincoln: University of Nebraska Press, 1989), 367.
54. *Ibid.*, 240.
55. *Ibid.*, 250.
56. *Ibid.*, 245.
57. Sadie Plant, *Zeros + Ones*. (New York: Doubleday, 1997), 114.
58. Margaret Cheney, *Nikola Tesla: Man Out of Time* (New York: Dell, 1981), 22.
59. Marvin, *When Old Technologies Were New*, 100.
60. *Ibid.*, 137.
61. F. David Peat, *//; Search of Nikola Tesla* (Bath, Great Britain: Ashgrove, 1983), 43.
62. <http://www.neuronet.pitt.edu/~bogdan/tesla>
63. Ronell, *The Telephone Book*, 259.
64. Peat, *In Search of Nikola Tesla*, 83.
65. Cited in „Electroacoustic Music in the 21st Century", <http://www.zynet.co.uk/steelwolf/ezine005/articles/electro.html>
66. June Singer, „The Evolution of the Soul", in *The Allure of Gnosticism*, ed. Robert Segal (Chicago: Open Court, 1995), 55.
67. „Gospel of the Egyptians", James M. Robinson, *The Nag Ham-madi Library*, trans. Members of the Coptic Gnostic Library Project of the Institute for Antiquity and Christianity (New York: Harper & Row, 1978), 205.
68. Albert Speer, *Inside the Third Reich*, trans. Richard and Clara Winston (New York: Avon, 1974), 653.
69. Theodore Roszak, *The Cult of Information* (New York: Pantheon, 1986), 14.
70. Norbert Wiener, *The Human Use of Human Beings* (New York: Doubleday Anchor Books, 1954), 17.
71. Dorothy Nelkin and M. Susan Lindee, *The DNA Mystique: The Gene as Cultural Icon* (New York: W. H. Freeman, 1995), 53.
72. Plotinus, *The Enneads*, trans. Stephen MacKenna (New York: Larson Publications, Burdett, 1992), 313-314 [IV.3.17].
73. Wiener, *Human Use of Human Beings*, 101-102.
74. *Ibid.*, 36.
75. *Ibid.*, 34.
76. *Ibid.*, 36.
77. Hans Jonas, *The Gnostic Religion* (Boston: Beacon, 1963), 45.
78. *Hennctica*, trans. Brian P. Copenhaver (Cambridge: Cambridge University Press,

1992), 41.

79. Harold Bloom, *The American Religion* (New York: Simon & Schuster, 1992), 30.

80. „The Hymn of the Pearl", in Willis Barnstone, ed., *The Other Bible* (New York: Harper & Row, 1984), 311-312.

81. Jonas, *Gnostic Religion*, 77.

82. *Ibid.*, 195.

83. Ioan Couliano, *The Tree of Gnosis* (New York: HarperCollins, 1992), 125.

84. Bloom, *The American Religion*, 31.

85. Stephan Hoeller, *Freedom: Alchemy for a Voluntary Society* (Wheaton, 111.: Quest, 1992), XV.

86. *Ibid.*, 173.

87. David Noble, *The Religion of Technology* (New York: Knopf, 1997), 82.

88. Catherine Albanese, *Nature Religion in America* (Chicago: University of Chicago Press, 1990), 65.

89. *Ibid.*, 8.

90. <http://www.eff.org/~barlow/library.html>

91. *Ibid.*

92. Hoeller, *Freedom*, 13.

93. *Ibid.*, 226.

94. *Ibid.*, 140.

95. *Encyclopaedia Britannica*, 15th ed., s.v. „Anarchism", vol. 1, p. 812.

96. Hoeller, *Freedom*, 230.

97. Cited in Benjamin Woolley, *Virtual Worlds* (London: Penguin, 1992), 212.

98. Hakim Bey, „The Information War", in *Mcdiamatic* 8, no. 4 (1996): 61.

99. *Ibid.*, 59.

100. Mark Dery, *Escape Velocity* (New York: Grove Press, 1996), 248.

101. <http://www.extropy.com/~exi>

102. *Ibid.*

103. Ed Regis, *Great Mambo Chicken and the Transhuman Condition* (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1990), 150.

104. *Ibid.*, 176.

105. „Synopsis of the Entire System According to Augustine", in Willis Barnstone, ed., *The Other Bible* (New York: Harper & Row, 1984), 41.

106. William Irwin Thompson, *The American Replacement of Nature* (New York: Doubleday, 1991), 123.

107. Roszak, *The Cult of Information*, 113.

108. Jay Bolter, *Turing's Man* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984), 74.
109. Regis, *Great Mambo Chicken*, 153.
110. Hoeller, *Freedom*, 165.
111. *Time*, Special Issue, 148, no. 14 (Fall 1996): 29.
112. Marshall McLuhan and Quentin Fiore, *War and Peace in the Global Village* (New York: Bantam, 1968), 18.
113. P. D. Ouspensky, *In Search of the Miraculous* {New York: Har-court, Brace EWorld, 1949), 47.
114. *Ibid.*, 59.
115. Stewart Lamont, *Religion Inc.: The Church of Scientology* {London: Harrap, 1986), 28.
116. *Ibid.*, 28.
117. Jon Attack, *A Piece of Blue Sky* (New York: Lyle Stuart, 1990), 157.
118. <http://www.demon.co.uk/castle/xenu/xenu.html>
119. Lowell D. Streiker, *Mind-Bending* (New York: Doubleday, 1984), 80.
120. The Lama Foundation, „Cookbook for a Sacred Life", in *Be Here Now* (San Cristobal, N. M.: Lama Foundation, Year of the Earth Monkey), 1.
121. Cited in Douglas Rushkoff, *Cybcria* (San Francisco: Harper-San Francisco, 1994), 67.
122. „What Does Being a Buddhist Mean to You?" *Tricycle* 6, no. 1 (Fall 1996): 41.
123. Timothy Leary, Ralph Metzner, and Richard Alpert, *The Psychedelic Experience* (reprint, New York: Citadel Underground, 1995), 61.
124. Jay Stevens, *Storming Heaven* (New York: Harper & Row, 1987), 248-249.
125. Dery, *Escape Velocity*, 29.
126. TonySchwartz, *WhatReally Matters* (New York: Bantam, 1996), 150.
127. *Ibid.*, 154-155.
128. Fuller, *Mesmerism and the American Cure of Souls*, 87.
129. Charles T. Tart, *Waking Up* (Boston: Shambhala, 1987), 23.
130. John C. Lilly, *The Center of the Cyclone* (New York: Bantam, 1972), XV.
131. *Ibid.*, 9.
132. Timothy Leary, *Exo-Psychology* (Los Angeles: Starseed/Peace Press, 1977), 104.
133. *Ibid.*, 114.
134. <http://www.factory.Org/nettime/archive/l140.html>
135. Dery, *Escape Velocity*, 22.
136. Robert Pirsig, *Zen and the Art of Motorcycle Maintenance* (New York: Bantam, 1974), 16.

137. Cited in Roszak, *The Cult of Information*, 148.
138. Dery, *Escape Velocity*, 33.
139. Kevin Kelly, *Out of Control* (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1994), 127.
140. McLuhan and Fiore, *War and Peace*, 83.
141. Jacques Ellul, *The Technological Society* (New York: Knopf, 1964), 423.
142. Cited in Florman, *The Existential Pleasures of Engineering*, 54.
143. McLuhan and Fiore, *War and Peace*, 25.
144. *Ibid.*, 72.
145. Cited in William A. Covino, *Magic, Rhetoric, and Literacy* (Albany, N.Y.: SUNY Press, 1994), 23.
146. William A. Covino, *Magic, Rhetoric, and Literacy* (Albany, N. Y.: SUNY Press, 1994), 8.
147. Michel de Certeau, *The Practice of Everyday Life*, trans. Steven Rendall (Berkeley: University of California Press, 1984), XXIV.
148. T. M. Luhrmann, *Persuasions of the Witch's Craft* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989), 106.
149. Margot Adler, *Drawing Down the Moon* (Boston: Beacon, 1986), 397.
150. Cited in Robert Anton Wilson, *Cosmic Trigger* (Phoenix: Falcon Press, 1977), 18.
151. Ronald Grimes, *Beginnings in Ritual Studies* (Washington, DC: University Press of America, 1982), 54.
152. Interview with author, September 1996.
153. Interview with author, October 1994.
154. Philip K. Dick, *The Shifting Realities of Philip K. Dick*, ed. Lawrence Sutin (New York: Pantheon, 1995), 183.
155. William Gibson, *Ncuromancr* (New York: Ace Books, 1984), 51.
156. Margaret Wertheim, „The Medieval Return of Cyberspace“, in *The Virtual Dimension*, ed. John Beckmann (New York: Princeton Architectural Press, forthcoming).
157. William Gibson, *Mona Lisa Overdrive* (New York: Bantam, 1988), 13.
158. James Burke and Robert Ornstein, *The Axemaker's Gift* (New York: Grosset/Putnam, 1995), 281.
159. *Ibid.*, 308.
160. Cited in Dery, *Escape Velocity*, 55.
161. Wertheim, „The Medieval Return of Cyberspace“.
162. William Gibson, *Count Zero* (New York: Ace, 1986), 119.
163. Interview with author, May 1989.
164. Ed Morales, „Circle of Fire“, *Village Voice*, March 19, 1996, 37.
165. Yates, *The Art of Memory*, 47.

166. http://www.pathfinder.com/time/magazine/1997/dom/970519/tech.the_man_who-i.html
167. Yates, *The Art of Memory*, 17.
168. *Ibid.*, 2.
169. Hermetka, 41.
170. Peter J. French, *John Dee* (London: Routledge & Kegan Paul, 1972), 71.
171. Jay David Bolter, *Writing Space* (Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 1991), 60.
172. Bolter, *Turing's Man*, 164.
173. <http://marlowe.wimsey.com/~rshand/streams/gnosis/cyber.html>
174. Umberto Eco, *Travels in Hyperreality*, trans. William Weaver (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1986), 82.
175. J. R. R. Tolkien, „On Fairy Stories“, in *The Tolkien Reader* (New York: Ballantine, 1966), 37.
176. *Ibid.*, 10.
177. Gary Gygax et al., *Advanced Dungeons & Dragons Player's Handbook*, 2nd ed. (Lake Geneva, Wis.: TSR, 1995), 10.
178. Steven Levy, *Hackers* (New York: Dell, 1984), 141.
179. Julian Dibbell, *My Tiny life* (New York: Owl Books, forthcoming).
180. <http://www.csd.uwo.ca/~pete/Infocom/Articles/lebling.html>
181. Dante, *Inferno*, trans. Allen Mandelbaum (New York: Quality Paperback Book Club, 1980), canto 1, line 1.
182. Yates, *The Art of Memory*, 95.
183. <http://www.ilt.columbia.edu/projects/dante/>
184. Levy, *Hackers*, 141.
185. Sherry Turkic, *The Second Self* (New York: Simon & Schuster, 1984), 80.
186. Angus Fletcher, *Allegory* (Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1964), 3.
187. Theodor Holm Nelson, „The Right Way to Think About Software Design“, in *The Art of Human-Computer Interface*, ed. Brenda Laurel (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1990), 241.
188. Alan Kay, „User Interface: A Personal View“, in *The Art of Human-Computer Interface Design*, ed. Brenda Laurel (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1990), 199.
189. Thompson, *The American Replacement of Nature*, 41.
190. Vernor Vinge, *TrueNames... and Other Dangers* (New York: Baen Books, 1987), 81.
191. *Ibid.*, 60.
192. Bolter, *Turing's Man*, 168.
193. Julian Dibbell, „A Rape in Cyberspace“, *Village Voice*, December 12, 1993, 42.
194. Sherry Turkle, *Life on the Screen* (New York: Simon & Schuster, 1995), 177.

195. Carl Jung, *Flying Saucers*, trans. R. F. C Hull (New York: Signet, 1969), 50.
196. Keith Thompson, *Angels and Aliens* (Reading, Mass: Addison-Wesley, 1991), 93.
197. Whitley Strieber, *Communion* (New York: Avon, 1987), 229.
198. Philip K. Dick, *Valis* (New York: Bantam, 1981), 212.
199. Michael Heim, *Virtual Realism* (New York: Oxford University Press, 1997), 144.
200. Joseph Weizenbaum, *Computer Power and Human Reason* (San Francisco: W. H. Freeman, 1976), 213.
201. Andrew Ross, *Strange Weather* (New York: Verso, 1991), 37.
202. Ken Carey, *The Starseed Transmissions* (New York: HarperCollins, 1982), 1.
203. Ibid., 35.
204. Ibid., 75.
205. Jonas, *The Gnostic Religion*, 76.
206. Ibid., 50.
207. http://www.pathfinder.com/time/magazine/1997/dom/970519/tech.the_man_who-i.html
208. „Secrets of the Cult“, *Newsweek*, April 14, 1997, 30.
209. Kelly, *Out of Control*, 233.
210. Peter Fitting, „Reality as Ideological Construct“, in R. D. Mullen et al., eds., *On Philip K. Dick* (Terre Haute, Ind.: SF-TH Inc., 1992), 101.
211. Bolter, *Turing's Man*, 187-188.
212. „Interview with Marshall McLuhan“, 72.
213. Matie Molinaro, Corinne McLuhan, and William Teye, eds., *Letters of Marshall McLuhan* (New York: Oxford University Press, 1987), 370.
214. Norman Cohn, *The Pursuit of the Millennium* (New York: Oxford University Press, 1961), 109.
215. Lubar, *Infoculture*, 81.
216. Marvin, *When Old Technologies Were New*, 201.
217. Ibid., 65.
218. Ibid., 192.
219. Michael Benedikt, „Introduction“, *Cyberspace: First Steps* (Cambridge, Mass.: MIT, 1992), 3.
220. Porush, „Hacking the Brainstem“, 122.
221. <http://www.hotwired.com/wired/3.08/departments/cyberrights.html>
222. John Dewey, *Experience and Nature*, 2nd ed. (LaSalle, Ill.: Open Court, 1929), 138.
223. <http://www.logos.com>

224. „Interview with Marshall McLuhan", 72.
225. Richard Dawkins, *The Selfish Gene* (New York: Oxford University Press, 1976), 192.
226. Gamble, *Books and Readers in the Early Church*, 104.
227. Edward Rothstein, „Is Destiny Just a Divine Word Game?" *New York Times*, August 12, 1997, C1.
228. Цит. по: Дайте А. Божественная комедия / Перевод М. Лозинского. Пермь, 1994. С. 477.
229. http://www.ctheory.com/a-cyberwar_god.html
230. Lawrence Sutin, *Divine Invasions: A Life of Philip K. Dick* (New York: Harmony Books, 1989), 210.
231. Dick, *Valis*, 219.
232. *Ibid.*, 63.
233. Philip K. Dick, *A Maze of Death* (New York: Daw, 1970), 101.
234. Philip K. Dick, „How to Build a Universe That Doesn't Fall Apart Two Days Later", in *Hope I Shall Arrive Soon*, ed. Mark Hurst and Paul Williams (New York: St. Martin's Press, 1985), 4.
235. Ian Watson, „The False Reality as Mediator", in *On Philip K. Dick: 40 Articles from Science-Fiction Studies* (Greencastle, Ind.: SF-TH Inc., 1992), 67.
236. Dick, „How to Build a Universe That Doesn't Fall Apart Two Days Later", 5.
237. *Encyclopaedia Britannica*, 12th ed., s.v. „nature, philosophy of", 873.
238. Pierre Teilhard de Chardin, *The Future of Man*, trans. Norman Denny (New York: Harper Torchbooks, 1964), 82.
239. „Researchers on Complexity Ponder What It's All About", *New York Times*, May 6, 1997, B9.
240. Turkic, *Life on the Screen*, 150.
241. *Ibid.*, 160.
242. Jennifer Cobb Kreisberg, „A Globe, Clothing Itself with a Brain", *Wired*, June, 1995, 108.
243. *Ibid.*
244. http://www.nctizen.com/cgi-bin/interact/vicw_stitch?msg.25901
245. <http://www.hyperreal.com/~mpesce>
246. http://www.netizen.com/cgi-bin/interact/view_stitch?msg.25901
247. Pierre Levy, *Collective Intelligence*, trans. Robert Bononno (New York: Plenum, 1997), 105.
248. *Ibid.*, XXV.
249. *Ibid.*, 104.
250. Marshall McLuhan, *The Gutenberg Galaxy* (Toronto: University of Toronto Press, 1962), 32.

251. <http://www.czech.cz/infosrc/hrad/havel/speeches/eng/95/0806ang.htm>
252. Ibid.
253. Fredric Jameson, *Postmodernism: The Cultural Logic of Late Capitalism* (Durham, N. C: Duke University Press, 1991), 37–38.
254. Michael Zimmerman, *Contesting Earth's Future* (Berkeley: University of California Press, 1994), 75.
255. Ibid., 76.
256. Teilhard de Chardin, *The Future of Man*, 54.
257. Ibid., 56.
258. ftp://etext.archive.umich.edu/pub/Politics/Spunk/anarchy_texts/misc/Spunk962.txt
259. Marvin, *When Old Technologies Were New*, 202.
260. Cited in Dante, *The Divine Comedy*, trans. and ed. Charles Singleton (Princeton: Princeton University Press, 1970), pt. 2, 182.
261. ftp://etext.archive.umich.edu/pub/Politics/Spunk/anarchy_texts/misc/Spunk962.txt
262. Encyclopaedia Britannica, 12th ed., s.v. „nature, philosophy of, 873.
263. Цит. по: Тспяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 194.
264. Francis Cook, *Hua-yen Buddhism* (University Park, Penn.: Pennsylvania State University Press, 1977), 2.
265. Ibid., 3.
266. Thich Nhat Hanh, „Engaged Buddhism”, in *Entering the Stream*, ed. Samuel Bercholz and Sherab Chodzin Kohn (Boston: Shambhala, 1993), 248.
267. Цит. по: Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979. С. 170.
268. Цит. по: Лейбниц Г. Монадология // Лейбниц Г. Соч.: В 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 450.
269. Sadie Plant, *Zeros + Ones* (New York: Doubleday, 1997), 12.
270. Raymond Kurzweil, *The Age of Intelligent Machines* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990), 165.
271. Plant, *Zeros + Ones*, 124.
272. Pierre Levy, *Collective Intelligence*, 217.
273. Цит. по: Гессе Г. Игра в бисер. М., 1984. С. 80.
274. Цит. по: Гессе Г. Игра в бисер. М., 1984. С. 154.
275. Cited in Plant, *Zeros + Ones*, 123.

Примечания

1

Йиппи (yippies от YIP, Youth International Party, по звучанию с hip-pics) [яппи?] — представители Международной партии молодежи. — Здесь и далее постраничные сноски принадлежит переводчику и редактору; отмеченные цифрами примечания автора — в конце книги.

2

Самоназвание эскимосов.

3

В сказке о Маленьком Цыплёнке герой идет по лесу и на него падает желудь. Цыплёнок решает, что это падает небо, и бежит предупреждать короля. Мотивы этой сказки звучат в песне группы Aerosmith «Living on the Edge».

4

«Ризой оделся и, толстым жезлом подпирался, в двери / Вышел хромая;
прислужницы, под руки взинши владыку, / Шли золотые, живым подобные девам
прекрасным, / Кои исполнены разума, силу имеют и голос...» (перевод Н. И.
Гнедича).

«Бежит дорога вес вперед... / Какой готовит поворот...» Не лишним будет вспомнить, что Бильбо Бэггинс воплощал архетип плута и вора.

6

Речь идет, конечно, о языке раннехристианских текстов, а не о языке, на котором разговаривал Иисус, то есть арамейском.

Душа мира (лат.).

Взыскуемый (лат.).

Жизненная сила, жизненный порыв (фр.), центральное понятие философии жизни Анри Бергсона.

10

Букв.: «сцепка». Термин психоанализа и психотерапии, описывающий понимание, устанавливающееся между аналитиком (терапевтом) и пациентом, способствующее лечению.

Эффект Кирлиана назван в честь Семена Давидовича Кирлиана, обнаружившего в 1939 году слабую электролюминесценцию живых тканей.

То есть духовного возрождения. Автор, по всей видимости, имеет и виду общий смысл этого понятия. Религиозное же движение духовного возрождения в США имеет более давнюю историю. Оно зародилось в 1730—1740-х годах как реакция на жесткость пуританства и дало толчок развитию целого ряда лютеранских течений. Вторая волна (конец XVIII — первая половина XIX века) ревайвализма была связана с распространением евангелизма протестанскими проповедниками среди фермеров западного фронта.

Шутливый перифраз знаменитого выражения Маршалла Маклюэна: «Media is the message» («средство передачи — само по себе сообщение»).

Глория — оптическое явление, представляющее собой цветные кольца вокруг тени наблюдателя или наблюдаемого предмета, когда тень от него падает на слой тумана, и объясняющееся дифракцией света.

15

Камень (лат.).

Имеется в виду пронизанный конспирологическими теориями роман Томаса Пинчона «V».

Святой Пахомий Великий (ок. 290–346) — основатель первого общежительного монастыря (Тавенна, 318 г.).

Сеть закусочных быстрого обслуживания, специализирующаяся на мексиканской кухне.

Букв.: «сброс» (dump, англ.). Здесь — блок или фрагмент данных, прошедший через устройство вывода.

В школярской среде в этой связи бытует анекдот: какова вероятность встретить на улице мамонта? Ответ — 50 на 50: вы либо встретите его, либо нет. Иными словами, если мыслить фактологически, понятие вероятности теряет всякий смысл: когда событие свершается (или не свершается), вопрос о его вероятности становится вопросом о месте теории, намеренно созданной для работы вне фактологического контекста, в корпусе научной методологии.

См. русский перевод: Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Изд-во иностр. лит., 1958 (1-е изд. на русском языке).

Автор имеет в виду книгу Ричарда Докинза «Эгоистичный ген», одна из парадоксальных идей которой состоит в том, что живые тела — своего рода механизмы, используемые генами для своего размножения.

Состояние просветления в дзен-буддизме.

Мандеи — немногочисленная гностическая секта, до последнего времени существовавшая и в Ираке. Неизвестно, пережила ли она обрушившиеся на страну пустынные бури.

Что касается Зова, то как не вспомнить Морфеуса и прочих персонажей киотрилогии братьев Вачовски. В «Матрице» метафора дверей реализована наглядно-буквально, гностический же Зов в фильме оборачивается привычным телефонным звонком, а Слушающие оказываются диспетчерами, контролирующими точки перехода из Матрицы демиурга (Архитектора) в Реальный мир. См. в связи с этим: Прими красную таблетку / сост. Г. Йеффет. М.: Ультра. Культура, 2004; «Матрица» и философия. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.

букв.: «оформления». — Примеч. пер.

Рой Роджерс (1911-1998) — популярный актер, исполнитель ролей ковбоев в голливудских вестернах.

Известные современные американские консерваторы христианско-фундаменталистского толка: первый был министром образования и руководителем управления по борьбы с наркотиками, имя второго стало едва ли не нарицательным для любого телепроповедника.

Более святым, по-видимому, для них все же является право частной собственности.

Более чем критично: «ниже телевидения стоит только инфрамедийный мир вне времени и пространства, мгновенность и экстаз Комтека, чистая скорость, загрузка сознания в машину, в программу— иными словами, ад» (Хаким Бей, «Маленькие радиопроповеди. Воображение»). Бей — радикальный антигностик, хотя и не антитехниclist.

Книга Марка Дери готовится к публикации на русском языке.

Имеется в виду техническая процедура из телесериала «Звездный путь».

Том Микс (1880-1940) — знаменитый голливудский актер эпохи немого кино.

Неправда, на этом месте мы обязательно дернем рубильник. — Примечание злобного переводчика.

В оригинале edutainment, получившееся от слияния education и entertainment.

Докетизм (от греч. *dokeo* — казаться) — раннехристианская ересь, предполагавшая, что Христос только казался человеком.

Оплодотворяющее слово (греч.).

Жалкие конечные двоичные компьютеры никогда не смогут детально моделировать избыточную фрактальную стереометрическую структуру плотного вещества, потому что она в известном смысле бесконечна. Что же такое тогда это «совершенство»? — Примечание злобного переводчика. Другое дело, что с репрезентацией, во всяком случае, когда речь идет об образах, эти «жалкие двоичные машины» начинают справляться уже вполне удачно, уходя значительно дальше способностей человеческого чувственного восприятия.

А Гагарина зря обидели... — Примечание злобного переводчика.

Руби Люциус Голдбсрг (ум. 1970) — режиссер и художник, автор проектов юмористических установок и механизмов, предназначенных, например, для мытья стекол, пробуждения уснувшего пьяницы и т. д. Интересно, что некоторые его «проекты» были реализованы в виде реальных устройств и игрушек.

«Синоптики», или «Метеорологи» («Weathermen»), — подпольная организация, сформированная в 1969 году членами левой организации «Студенты за демократическое общество» и выступавшая за применение насилия против власти, ушла в подполье и занялась террористической деятельностью. Название организации — из песни Боба Дилана «Не нужен синоптик, чтобы определить, в какую сторону дует ветер».

Трепет перед тайной {лат.}).

EST — сокр. от «тренинговые семинары Эрхарда», групповой тренинг, основанный в 1971 году Вернером Эрхардом.

«Каталог всея Земли». — В вольном переводе злобного переводчика.

45

Ресурс № 1 (англ.).

Память общины.

«Электронная сеть вся Земля» соответственно. Впрочем, это была не столько сеть, сколько нацеленная на активную коллективную коммуникацию электронная доска объявлений. Существует и поныне по адресу well.com.

Digcrati — слово, образованное от лат. *literati* (образованные люди, эрудиты) и англ. *digital* (цифровой): «люди, образованные в соответствии с эпохой цифровых технологий».

В оригинале — ставший уже культурологическим штампом new edge, созвучный с нью-эйдж.

Имеется в виду индекс Доу-Джонса.

«Золотые арки» — McDonald's; «трамповские башни» — офисные здания, принадлежащие миллиардеру Дональду Трампу; «небоскребы Готама» — то есть Нью-Йорка; «пирамиды Лас-Вегаса» — построенные в виде пирамид отели-казино Лас-Вегаса.

Персонаж, отец главного героя фильма «Проделки Бивера» (1977, реж. Энди Кэдифф).

Первая — мать великолепного семейства (в фильме Барри Зонненфельда ее исполняла Анжелика Хьюстон); второй — злодей, персонаж комиксов о Флеше Гордоне.

С вирусами, надо полагать, знакомы, к сожалению, многие. Трояны не столько наносят ущерб нашему компьютеру, сколько используют его для определенных их авторами целей. Пауки (спайдеры, или роботы) автоматически собирают из Сети и сортируют определенную информацию. Черви — редкая в наше время разновидность вирусов, распространяющаяся без участия человека (заметим, что первый вирус был именно червем). Агенты — программы, и течение рабочего сеанса постоянно присутствующие в оперативной памяти и выполняющие определенные действия в корреляции с поступающими через Сеть новыми данными, например, они уведомляют о появлении нужного вам товара по необходимой вам цене на интернет-аукционе. Боты — программы, имитирующие человеческое общение.

Полигоны — многоугольники, геометрические примитивы, из которых состоят объекты в компьютерной графике.

Подпольная имплантация микросхем, подсоединенных к нервной системе, и их «перепрошивка».

Оставим, пожалуй, пока это словосочетание на языке оригинала, хотя товарную рекламу в кинематографе не замечать становится все сложнее и уже хочется как-то ее назвать...

Генезис и суть чрезвычайно широкого, многочисленного и разнообразного неформального «ролевого движения» (РД) в России и бывших республиках СССР во многом схожи с американским «Обществом творческого анахронизма» (ОТА). Схожи и некоторые следствия из пятнадцатилетней истории его существования. Однако постсоветское РД отличается от ОТА масштабностью, тотальностью, а главное, некоммерческим подходом. К 2003 году «ролевое движение» стало субстратом для всех постсоветских суб- и киберкультур и сформировало в своих глубинах анклав настоящего синтетического андеграунда, гомологичного интернациональной криптоанар-хии, а на поверхности — коммерческие проекты, общественные организации и тот самый «характер инсайдерских шуток, жаргона и даже психологию многих компьютерных хакеров и маховых интернет- и медиабоссов».

Автор не совсем прав: в русле Xanadu активно развивается и в последние годы активно внедряется в практику концепция «семантической паутины», продвигаемая отцом гипертекста Тимом Бернерсом-Ли.

В переводе приведены жаргонизмы, понятные любому российскому хакеру 90-х годов. У нас они зародились на радиотехнических факультетах и в учебных лабораториях вузов.

Агентство национальной безопасности, крупнейшая разведывательная служба США, занимающаяся всеми видами электронной разведки.

Фильм режиссера Роберта Уайза (1951) о контакте с инопланетянами, предупреждающими человечество о ядерной катастрофе.

Имеется в виду холм, со стороны которого были произведены выстрелы во время покушения на Джона Кеннеди.

ZOG (Zionist Occupied Government) — Сионистское оккупационное правительство.

Да, вот такая беда: в XIX веке фамилию Nuxley было принято передавать на русском языке как Гексли, а в XX веке — уже как Хаксли.

Марио Куомо — демократ, бывший губернатор штата Нью-Йорк и мэр Нью-Йорка;
Альберт Гор — бывший вице-президент США.

И такой день уже даино наступил: практически каждый пользователь ПК теперь может приобщиться к аналогичному зрелищу дома перед собственным монитором, воспользовавшись программой Google Earth.

Система глобального позиционирования, поддерживаемая министерством обороны США.

Англ. disorder используется и для описания болезни (расстройство) и в качестве синонима хаоса (беспорядок).